ЮЛИАН СЕМЕНОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
19

irtschaftsmini

1687/43

dieses Geschäftszeichen und den weiteren Schreiben anzugeben

Eilt!

Geheim!

Reichsminister für Rüstung
riegsproduktion - Rüstungsamt -
von Herrn Kapitän z.S. v. Henrici
- oVIA -

...матографа
помнят роли, сыгранные ими:
"Подруги" Зои Федоровой и
"Двое" Виктории вошли в анна-
лы искусства навсегда — как до-
кументы эпохи.

— Мама была у меня в гостях
несколько раз,— рассказала Вик-
тория. — Однако, когда я пригла-
сила ее в восьмидесятом, вскоре
после того как здесь выпустили
мою книгу "Дочь адмирала" —
отец умер в звании адмирала
флота США, — маме отказывали
в выдаче паспорта. Я обратилась
за помощью к тому сенатору, за
которого голосовала. — Брэдли.
После совещания в его штабе
мне ответили: "Если бы мама
просилась в эмиграцию, сюда, к
вам, для воссоединения семьи,
мы бы могли оказать какую-то
помощь. В ином случае бреж-
невская администрация нам от-
кажет: "Давать или не давать
выездной паспорт для поездки
в гости — наше внутреннее
дело..."

...жизни, двенадцать
...земпляров; ныне тираж
...од жизни - это и мало
...ысячи писем, поступ...
...могают нам вы...
...ы наше...
1. В
...ажни
...едоум
2. Бы
..., дел
...ское С
3. ...
...вы!
4. ...
...упники,
...е место
5. ...
...и сможет ...ть все наши эко...
...истративной Системы!"
6. ...Продолжать борьбу
...ции и взяточничества.
7. Выступать против той с е к
...ну и его банде создать камеры
...нки, Катыни, а его ученикам - п
...
...так, "Совершенно Секретно" - эт...
...а этом мы стояли и будем стоять.

...ривет свтвия от Библейского Общест
...ктеров, художников, режиссеров, ...

...ернуть "журнальный вариант"!

...откуда курсив?

...Ernsprecher: Ortsdienst Nr. 16 43 51
Ferndienst Nr. 16 41 21

...schaftsminister

...7/43

...s Geschäftszeichen und den
...eren Schreiben anzugeben

Eilt!

Geheim!

...ister für Rüstung
... Rüstungsamt -
...S. v. Henrici

...дивенчества:
...в квартиру, накор...
...и пьяница, приходящий
...юги, так и вполне прис-
...ния пропагандистской ше-
... Поэтому следует отве-
...перед самим собою, ...
...б"ективно.
...арант. Оно обязано ...
...амовыявление,- это
...розить рост заработной
...ляции (при том,
...ны на рынке - рыноч-
...ому, сколько труда
...елем в продукт) буд...
...сы,- ... могут
...ктом.
...положения?
...ос трудно ответить,
..., которые облегча...
...нивающей") стра-

Данон Селенов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Thomas

Семенов

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ОТЧЕТЫ ПО КОМАНДИРОВКАМ

Москва
ЭГСИ
1997

ББК 84. ЗР7
С 30

Художники
М. ШЕСТОПАЛ
В. ПОМОЧИЛИН, В. БЕЛЯКОВ

© Ю. Семенов, 1976
© Составление, подготовка текста–Фирма ЭГСИ, 1997

Франция — Испания — Андорра

Вторая командировка во Францию, Испанию и Андорру закончилась в начале семьдесят третьего года.

Андорра. Семенов. Редакция "Литературной газеты"(передано по телефону):

"Все те двадцать дней, что я прожил в Испании, мои друзья пытались выяснить: нужна ли "красному" виза для посещения Андорры и если "да", то где и как ее можно получить? Это были серьезные попытки серьезных людей, которые в высшей мере серьезно относятся к тому самому серьезному, что есть в мире, — ко времени. Друзья ничего не смогли мне ответить: никто в Мадриде не мог дать такого рода справки.

— Знаешь что, — предложил один приятель, — говори только по-английски, и пограничники даже не попросят

твой паспорт, а победителя, в конце концов, не судят, — во всяком случае, так ты наверняка попадешь в Андорру.

Я ответил, что предложение, бесспорно, крайне заманчивое, но поинтересовался при этом, кто будет носить для меня передачи в полицейский участок. Приятель пообещал попросить у моего давнего друга матадора Луиса Мигеля Домингина пару старых быков с подпиленными рогами из Андалусии: «Тебе этого мяса хватит надолго». Поразмыслив, я от лестного предложения отказался и решил ехать в Сео-де-Урхель, и показывать пограничникам свой красный паспорт, и вернуться в Барселону, если не пустят в Андорру, а оттуда до Москвы рукой подать, если иметь в виду, что обратный билет из Марселя был куплен мною в Москве, на площади Свердлова.

Из Мадрида я выехал вечером, люди на перроне плакали так, будто уезжают не за пятьсот километров, а по меньшей мере за пять тысяч: видимо, относительно малые расстояния Испании компенсируются огромным темпераментом ее жителей.

В Сарагосу поезд пришел ночью; началась пора декабрьских ветров, и тяжелый туман промозгло висел над Эбро, и над узкими средневековыми улочками, и над замкнутым квадратом Пласа Майор, и город поэтому казался тронутым сединой.

Автобус в Лериду отправляется рано утром; там пересадка. Другой автобус довозит вас до пограничного Сео-де-Урхель.

В том, как идут автобусы, тоже сказывается отношение к местным расстояниям: после каждых ста километров — остановка возле маленького кафе, ибо сто километров — это много для здешних, укутанных в тяжелые деревенские пледы пассажиров. «Адский холод, три градуса тепла, можно превратиться в сосульку», — сказал мой сосед, зябко дуя на побелевшие пальцы.

И природа здесь меняется куда как быстрее, чем у нас. В Андалусии цветут апельсины — желто-красные мазки на фоне жирной зелени, растворяющейся в знойном мареве не-

ба. А здесь, в Каталонии, всего в пятистах километрах к северу, земля голая, поросшая бурым ползучим кустарником, серые валуны и низкое небо; сложенные из огромных камней дома с узкими, длинными бойницами окон, и трубы, выведенные из форточек, заставляют вспомнить «буржуйки» студеных дней нашего сорок первого года.

А потом произошло чудо: чем выше забирался автобус по серпантину, уходящему в Пиренеи, тем заметнее менялась погода и картины природы окрест. Хребты и кряжи обрели характерный для гор Испании цвет — красный; небо стало синим, и солнце отразилось тысячами острых бликов в воде громадного озера, цветом похожего на лагуны Руидейры возле Эль-Тобосо, родины прекрасной Дульсинеи, — тяжелая, но в то же время прозрачная зелень, словно глаза астуриек в ранних сумерках, когда солнце уже ушло, но малиновый отсвет его остался.

...Испанский пограничник повертел мой паспорт в руках.

— Ты кто? — спросил он.

— Я советский.

Пограничник крикнул офицера. Тот вертел паспорт мучительно долго, смотрел на свет и, рассматривая мое фото, многозначительно улыбался. А граница — вот она, в десяти шагах. Странная граница: ни столба, ни поста — просто белая табличка на обочине и большие буквы на ней: «АНДОРРА».

— А на таможне вы были? — спросил офицер.

Шофер, который подвозил меня из пограничного Сео-де-Урхель, таможню проскочил, потому что чиновник, спросив, кого он везет, поцокал языком, пожелал мне хорошего отдыха и попросил шофера привезти из-за границы блок сигарет — в Андорре все цены на десять, а то и на двадцать процентов ниже, чем в Испании, — «страна без наценок», как утверждают туристские проспекты в Барселоне.

— Он ведь едет туда, — сказал шофер, — зачем же его смотреть?

— Ты что, против института таможенного контроля? — рассеянно поинтересовался офицер, по-прежнему не отрывая глаз от моего паспорта.

— Я — за таможенный досмотр, — вздохнул шофер.

— Тогда я спрашиваю еще раз: его проверили на таможне?

— Сеньор русо проверен на таможне, — солгал шофер, — у него нет наркотиков и оружия.

— Столица Советов — Москва? — спросил меня офицер. — Не так ли?

— Именно так.

Офицер еще более многозначительно посмотрел на пограничника. Тот на всякий случай одернул китель. Офицер медленно перевел взгляд на меня и сказал:

— Зимой в Москве бывают морозы. Разве нет?

— Бывают.

— Вот именно, — сказал офицер пограничнику и, поставив на моем паспорте штамп, попросил шофера: — Привези мне бутылку виски, деньги получишь после.

И вот мы миновали пост испанской пограничной охраны и оказались в Андорре, видимо единственной, кроме Монте-Карло, стране, не имеющей своих пограничников и армии. На всю державу только шестнадцать полицейских. Они следят за соблюдением правил уличного движения. Впрочем, более всего здешние блюстители порядка любят поговорить с приезжими издалека. Испанцев и французов здесь иностранцами не считают, поскольку статут «Принсипата Андорры» таков, что правят страной два принца: испанский «Епископальный», радетель интересов религии, и французский, представляющий Андорру за рубежом.

Пост «Епископального принца» недавно занял вместо старца Рамона-Иглесиаса-и-Наварры — по светским и церковным понятиям — молодой Хоан-Марти-и-Аланис; французским же по традиции является президент Франции (впрочем, Наполеон III был сначала президентом, а потом императором, но принцем Андорры он оставался в обоих

своих качествах). С 1278 года в Андорре было сорок семь французских принцев и пятьдесят три испанских епископа; последние, как правило, являются одновременно духовными пастырями пограничного Сео-де-Урхель.

Проехав третий по величине город Принсипата — Сан-Хулиан-де-Лория (сорок-пятьдесят домов вдоль шоссе, из которых по меньшей мере двадцать пять заняты под отели, бары и рестораны, а нижние этажи всех остальных под магазины), мы поднялись еще выше. Потом дорога сделала крюк, и я оказался в столице — Андорре, словно выросшей на скалах и окруженной снежными пиками Пиренеев. Белый город разбросан на первый взгляд хаотично: он словно бы смотрится в двух измерениях — вдоль по ущелью и сверху вниз по склону горы. Дома на вершине скалы кажутся игрушечными — так высоко они забрались. Таким же игрушечным видится громадное футбольное поле внизу, на берегу узенькой и бурной Гран Валира; каким-то чудом между двумя этими полукилометровыми разностями на скалах выросли дома, образующие главные улицы — Мэриджель и Карлемани.

Само название «Андорра» происходит из двух иберийских слов: «андо» — «высший» и «оре» — «железо» (существует иная версия, базирующаяся на изначалии кельтского языка: «ай» — «дуть» и «дор» — «дверь», то есть «ворота, через которые дуют ветры»). И в кельтской и в иберийской версиях есть свои резоны, ибо Андорра действительно продувается ветрами с Атлантики и со Средиземноморья, и между востоком и западом в климате заметна разница (при общей протяженности страны в тридцать километров с севера на юг). Когда в столице льет дождь, в Пас де ля Каса, на французской границе, шелестит крупчатый, сухой снег. С другой стороны, нельзя с ходу отвергать и «иберийскую» версию, ибо единственная отрасль индустрии Андорры в прошлом — это добыча железной руды, в андоррских, естественно, масштабах. Как бы то ни было, в этом продуваемом ветрами городе, несмотря на возвышающееся над все-

ми домами здание радиостанции «Андорра», чем-то похожее на ресторан «Ахун» в Сочи, вас не оставляет ощущение, что попали вы в далекое средневековье; невольно вспоминаются слова поэтессы Изабеллы Санди, сказавшей: «...путешествие по Андорре — это путешествие во времени, а не в пространстве».

Ощущение это, однако, исчезло, как только я увидел на главной улице, у въезда в город, в маленьком книжном магазине, единственном на всю страну, — громадное фото Ленина. Я попросил шофера остановить машину. В магазине, который является одновременно библиотекой, на самом видном месте стояли книги Маркса, Ленина, Горького, Островского, Макаренко, мемуары Жукова, материалы очередного съезда КПСС, учебники по марксистской философии — и все это в десяти километрах от испанской границы, по ту сторону которой даже хранение такого рода литературы преследуется... Только тут я понял истинный смысл слов шофера, который говорил испанскому пограничному офицеру, пропускавшему меня в Андорру, что досматривать «красного» нет смысла, «ибо он едет туда, а не оттуда». Только в книжном магазине я понял, почему таможенники на границе останавливают все машины, идущие из Андорры, и тщательно потрошат багаж: контрабанда контрабандой, а идеология идеологией.

...Самой могущественной организацией Андорры — по словам хозяина отеля «Консул», который, записывая данные моего паспорта, одновременно давал советы, где провести вечер, — является «Синдикат д'инисиатива».

— А что ж это такое? — поинтересовался я.

— Это бюро андоррского туризма. Его президента сеньора Казимиро Араджаля Дуро знают у нас все: он андоррец по национальности, во-первых, говорит на нашем государственном языке, а это каталанский язык, а не какой-нибудь там баскский или французский, во-вторых, и, наконец, потому, что его секретарь Роса Джордана побывала в Англии, куда надо летать самолетом.

Последний довод окончательно убедил меня в том, что «Синдикат д'инисиатива» воистину могущественная организация, ибо в Андорре коренные жители до сих пор не видели ни самолета, ни паровоза — только автомобилем можно добраться сюда (или верхом, по горным тропам, но это по карману только очень богатым).

Даже Синдик Женераль (так здесь именуют премьер-министра) сеньор Франсиско Фереро не пользуется такой популярностью в Андорре, как президент «Синдиката д'инисиатива», ибо Андорра, все 21452 ее жителя, живет исключительно за счет туризма и беспошлинной торговли. (Любопытен национальный состав населения страны. Собственно андоррцев, то есть людей, говорящих на каталанском языке, в стране 6462 человека, испанцев — 13 035, французов — 1302; живут в Андорре и занесенные невесть какими ветрами 13 сальвадорцев, 32 индуса, 1 сенегалец, 5 австралийцев, 2 гвинейца...)

В «Синдикат д'инисиатива» я успел за десять минут до закрытия. Сеньориты Росы Джорданы, «которая побывала в Англии», там не оказалось, но зато сеньорита Милар Монтане подробно рассказала мне о том, что здесь сообщают каждому иностранцу: где сделать выгодные покупки, как пройти в ночной клуб, сколько стоит почасовая оплата горнолыжного тренера, как приобрести лицензию на отстрел зайцев и коз, а равно и медведей (хотя здесь только один-единственный раз, лет двадцать назад, видели медведя в районе пика Менерс, но с тех пор медвежья охота пропагандируется в Андорре так, словно это любимое времяпрепровождение местных жителей) и каким образом добраться до семи наиболее известных исторических памятников.

Успех всякого путешествия, будь оно даже заранее подготовленным, зависит от везения, от случайного везения: в этом меня никто не переубедит.

Я шел по рано засыпающей Андорре, и небо было близким, а звезды казались нарисованными и ненастоящими — так велики были они, и шумела студеная рио Гран Валира,

а от воды пахло свежепостиранным в Енисее бельем, и хрустел стеклянно ледок под ногами, а в маленьком баре «Фиделъ» было жарко и шумно, и говорили посетители о ценах на фотоаппараты, об отсутствии туристов в связи с плохой зимой — нет снега; о пошлине на табак (это второй вид «индустрии» Андорры, который, кстати, только еще развивается, потому что лишь в начале нынешнего века Франция и Испания отменили запрет на выращивание табака). В углу, возле запотевшего окна, сидел бородатый, седой старик в альпийской куртке, и медленно тянул перно, чуть-чуть разбавленное водой и распространявшее сильный анисовый запах, и писал пальцем на стекле одно и то же слово: «революция»; каждый раз после «революции» он ставил вопросительный знак, усмехался чему-то, и лицо его становилось презрительным и скорбным.

Джордж Колвин, пятидесяти шести лет, новозеландец, ботаник (имеет двух взрослых детей, оба доктора медицины, каждый год меняют машины; Толстого и Диккенса читали в серии «Экономная литература» — «Война и мир» пересказана на 83 страницах), уехал из Веллингтона год назад.

— Я устал от всеобщей усталости, — сказал он, когда мы вышли из «Фиделя». — Я устал от безвременья, которое особенно страшно в век сверхскоростей, пожирающих время и тут же созидающих его; нужно быть филистерами и лжецами, чтобы в баре, носящем имя революционера, говорить только о деньгах... Я приехал сюда, потому что нашел в Лондоне книжку Рикардо Файтера (он произнес испанское имя на английский манер), которая называется «Легенды Андорры». Там мне запомнилась история о «Белой сеньоре из Авиньи». Она боролась против завоевателя из Сео-де-Урхеля. Когда ее попросили спасти жизнь Синдика Андорры, она ответила: «Это невозможно. Я не могу спасти жизнь Синдика, ибо слишком могуч епископ из Урхеля. Но я спасу ваши права и ваше достоинство». Я приехал сюда, потому что всю жизнь мечтал о такой земле, где превыше всего ценится достоинство. В 1978 году Андорра отметит семисотлетие своей

государственности, но чего она сейчас стоит? Цена, цены, цена, транзистор, туристы, цена, цены, отель, бар...

...Откровенно говоря, я не очень-то люблю «бродячих революционеров», которые, устав у себя дома, отправляются по миру, оплачивая расходы по поездке с текущего счета в швейцарском банке. Усталая озлобленность, как правило, в подоплеке своей имеет зависть или тоску по ушедшим годам, по несостоявшейся любви, по ненаписанной книге или по тому главному, что задумывалось в юности, но так и осталось задумкой, — а это всегда рана.

Но следующим утром, — солнечным, раскаленно-белым из-за того, что воздух здесь, как и вода, целебен и прозрачен, — когда я зашел к директору правительственного официоза «Газет де Андорра» и «Андорра Мэгэзин» Пьеру Фурнье де ля Мартину и пробыл у него целый день, я убедился в том, что горький пессимизм Колвина в чем-то оправдан.

— У нас в Принсипате один выходной день в году, — говорил мне де ля Мартин, — восьмое сентября, день святой Мэриджель, покровительницы Андорры. Люди работают весь год без отдыха — ради тех трех недель, когда можно будет уехать в Барселону, и, жариться на пляже, и потом жить этой поездкой весь следующий год, рассказывая соседям о том, как и во что были одеты увиденные на пляжах Барселонетты приезжающие знаменитости... По совместительству, — он усмехнулся и закурил новую сигарету, — я владелец здешней Пласа де торос на пять тысяч мест. Я приглашал из Франции и Испании лучших певцов; рекламу обеспечивал и в моих газетах, и через радио — директор мой друг, слава богу. Билеты были довольно дешевыми: это вам не Испания, где ложа стоит три тысячи песет, почти половину месячного заработка рабочего. Знаете, сколько народу пришло послушать Адама? Шестьсот человек. Он пел на полупустой Пласа де торос. Торговля, деньги, бизнес — все это убивает в людях духовное. Причем сплошь и рядом люди живут даже не бизнесом, а лишь его иллюзией. Мы тоже хотим быть страной «неограниченных возможностей». Вот человек и торгу-

ет сигаретами и туристскими проспектами, мечтает скопить побольше денег и купить кораблестроительный завод в Валенсии или Гавре... И не решается оторвать от своих мизерных сбережений даже песету на билет в концерт или на книгу.

В «Галерее искусств» — маленьком деревянном шале, которое тоже принадлежит Фурнье, я долго беседовал с известным андоррским художником Хаиме Пуихом. Живопись его солнечна; в чем-то она примитивна, и потому бесконечно искренна.

— Я андоррец, мой язык каталанский, и кисть моя тоже каталанская. Я очень люблю солнце, и горы, и снег на вершинах, особенно весной, когда он становится синим, таким, как небо, но туристы хотят, чтобы я рисовал их поясные портреты в модных лыжных куртках. Им очень хочется быть красивыми и молодыми, и я вынужден рисовать их такими, а натуру я пишу зимой, в декабре, когда еще нет снега. Но чтобы писать натуру, я должен продавать минералы, делать витражи в магазинах и писать копии с Сезанна для баров; почему-то владельцы очень любят, чтобы у них в барах висел Сезанн.

...Второй известный андоррский живописец, Сергио Мас, уехал куда-то, и я не смог повидаться с ним. Он работает с деревом, вырезает интереснейшие композиции — это вообще в традиции андоррцев, резьба по дереву, очень строгая, реалистичная, но это реализм горцев, где натура определяет далеко не все, а лишь дает повод быть точным, если ты любишь свою страну, и своих людей, и женщин, которые набирают воду в кувшины, склонившись к пенной жути студеной воды...

Андорра, пожалуй, самый чистый и аккуратный город из всех, какие я видел. Здесь господствует подлинная мания чистоты: ранним утром в витрины сотен магазинов забираются девушки с замшевыми тряпками и драят стекло так, что солнце разбивается вдрызг на тысячи зеркальных лучиков, которые слепят глаза.

Колвин пошутил:

— Это специально для того, чтобы продавать как можно больше дымчатых очков, — наверное, девушкам приплачивают продавцы оптики.

Аккуратность здесь во всем, даже в том, как вас знакомят с Андоррой. Сначала вам рассказывают о Принсипате, потом о двух принцах; затем о двух синдикатах; после о трех реках — Гран Валира, Валира дю норд и Валира д'ориент; потом о четырех мостах — Сан-Антонио, Эскалалес-Ингорданьи, ла Маргинеда, Эскалес; потом о пяти церквах — Санта-Колома, Сан-Хуан Казеллес, Сан-Михель Инголастер, Мэриджель и Сан-Стефан; затем о шести «паришах» — административных районах Принсипата — Канильо, Инкамм, Ордино, Ля Массана, Андорра и Сан-Хулиа, а уже под конец знакомят с семью наиболее занятными фактами из истории и экономики маленького пиренейского государства, причем особо выделяется тот факт, что республиканская Франция в 1789 году отказалась признать феодальный закон Андорры, но Бонапарт в 1806 году вновь признал этот закон.

В свое время Виктор Гюго сказал: «Пиренеи — это страна контрабандистов и поэтов». Контрабанда — табак. Курят в Андорре все, даже пятнадцатилетние школьницы двух — испанской и французской — местных школ; поэт в Андорре один — Хоан Путч-и-Саларик, который верен своему языку, обычаям страны, ее истории, ее народу. Однако в Андорре нет ни издательства, ни театра, ни концертного зала. Библиотека крайне бедная. Здесь нет ни одного высшего или среднего специального учебного заведения, в то время как тяга к знанию огромна. Молодежь хочет учиться, но родители не имеют возможности отправлять детей за границу в университеты, и вот вечерами стайки юношей и девушек толкутся в фойе трех столичных кинотеатров, где крутят одни лишь ковбойские фильмы, и голос единственного андоррского поэта остается гласом вопиющего в пустыне.

Большая проблема маленькой страны — культурное и духовное обнищание, постоянное ощущение изолированности.

Я уезжал во Францию через Пас де ля Каса. Лежал снег, и бронзоволицые лыжники носились с гор стремительно и шумно — скрип стальных ободьев на лыжах слышен в здешнем прозрачном воздухе издалека. Спустившись в городок, лыжники отправлялись в бары или в магазины — шумная рождественская ярмарка зазывала в десятки магазинищ, магазинов, магазинчиков и лавчонок. День угасал, и сумерки были красивы, как и все здесь красиво, и туристы разбредались по местам трафаретного веселья — дансингам или ночным клубам, а местные жители продолжали готовить еду, торговать фотоаппаратами без пошлины и сувенирами. Они продолжали мыть витрины, чтобы наутро солнце разбилось о стеклянную хрупкую чистоту и чтобы владельцы оптических магазинов продали как можно больше дымчатых очков. Они продолжали мечтать о том, что случится чудо и их маленькие сбережения позволят им заняться большим бизнесом, а художник Хаиме Пуих, забравшись на скалу, продолжал писать картину «Закат солнца» и смотрел на огоньки, которые загорались на склонах гор, и мечталось ему о том времени, когда в этой сказочной, красивой стране красивых и добрых людей вспомнят, «что не хлебом единым жив человек». Смысл этой старой библейской истины наполнен сегодня содержанием отнюдь не мистическим, а классовым».

Рыжий австралиец с седыми, ришельевскими усами ворвался в полицейский участок, побелев от ярости.

— Поезд из Хоспиталитэ отходит в восемь пятнадцать! — крикнул он мне. — Если у вас проблема с паспортом, заберите багаж из автобуса и позвольте нам ехать дальше!

Французский жандарм посмотрел на часы.

— Вы успеете, — сказал он, лениво передвинув сигарету из правого угла рта в левый, — от Андорры до Хоспиталитэ всего полтора часа, а сейчас половина шестого...

— Я привык всюду быть загодя! Может полететь колесо! Или сделается дурно кому-либо из пассажиров. Все может случиться в дороге!

— Помолчите, — так же лениво сказал жандарм, — вы мне мешаете...

— В автобусе нервничают дамы!

— Дамы всегда нервничают, на то они и женщины... Выйдите отсюда, мосье, я не могу работать, когда шумят...

Австралиец, бормоча ругательства, вышел, а жандарм, закурив новую сигарету, продолжал меня допрашивать — когда и как я перешел франко-испанскую границу в Порт Бу, и почему в моем паспорте есть штамп испанской полиции, но штампа французской нет. Он долго составлял протокол, звонил в Тулузу, а потом, когда я все-таки нашел штамп французской полиции на одной из страниц паспорта и показал этот злополучный штамп, из-за которого в автобусе так нервничали австралийские женщины, возвращавшиеся из Андорры в Париж, жандарм так же обстоятельно рвал протокол, составлял новый, по поводу уничтожения первого, расспрашивал, какая погода в Мадриде, и лишь когда рыжий австралиец снова ворвался в полицейский участок, а шофер автобуса начал давать частые гудки, жандарм пожелал мне хорошей дороги и интересных впечатлений.

Женщины в автобусе, самой младшей из которых было лет семьдесят, смотрели на меня с легким испугом: не каждый день увидишь, как на границе Андорры и Франции «красного» задерживает полиция.

Невольно я оказался для них неким незапланированным в программе «туристским объектом».

Господи, сколько же я видел на аэродромах, вокзалах, в гостиницах и на шоссе мира этих фарфоровозубых, с синими или рыжими волосами, в мини-юбках старух — путешественниц, туристок первого класса! Им бы внуков нянчить, а вот поди ж ты, шландают бабки по миру, наверстывают упущенное, торопятся истратить накопленное, а внуки их, оборванные, грязные, голодные «добровольно отверженные» хиппи-внуки, бросив вызов чванливой и хвастливой сытости, заполнили улицы западных столиц, сделав тротуар — постелью, походный рюкзак — подушкой, небо, изорванное в клочья звездами, — одеялом...

— Они обыскивали вас? — спросила меня соседка самая юная, семидесятилетняя путешественница.

— Нет, они меня не обыскивали.

— Но они вас задержали, не так ли? — спросила самая старшая из путешественниц, восмидесятитрехлетняя дама из Сиднея, поджарая, в обтягивающих брюках и тяжелых горнолыжных ботинках.

— Нет, они лишь выполнили обязательную формальность — смотрели наличие французской визы.

— Значит, вам все-таки нужна французская виза, — хохотнул рыжий, с седыми усами, — а я думал, что красным во Франции теперь виза не требуется.

— Он консерватор, — шепнула моя соседка, — он против нашего нового лейбористского правительства.

— Не говорите глупостей, — услыхав шепот моей соседки, сказал рыжий. — Я всегда выступаю за правительство. За любое правительство. Но наша демократия гарантирует мне право высказываться против доктрины лидеров, практику которых я тем не менее поддерживаю.

«Я сказал это не в интересах правды, а в целях истины», - снова вспомнились мне Ильф и Петров. Они писатели интернациональной темы, в Австралии тоже есть свои Берлаги.

Автобус ввинтился в серпантин, и снега Андорры сменились бурыми склонами выгоревших во время летнего зноя Пиренеев, и солнце ушло, и стали синими сумерки, и только малиновый отсвет уставшего светила был окрест, и этот малиновый тревожный отсвет был точно таким же, как в Красной Поляне, и нужно было настроиться именно на этот краснополянский, малиновый, существующий только в горах, отсвет ушедшего солнца, и тогда тебе не будет так одиноко и пусто в маленьком андоррском автобусе, набитом фарфоровозубыми старухами, и ты сможешь услышать голоса друзей, с которыми ты ехал тогда на открытом "газике" в туристскую базу, и ты улыбнешься песням Митьки, шуткам Никиты и ворчанью нашего извечного завхоза Мишани Великовского и будешь спокойно, без глухой злобы, слу-

шать рыжего, который все время делает своим спутницам замечания приторным голосом, сохраняя при этом заданную улыбку скорби на сильном полицейском лице.

Мы приехали в Хоспиталитэ за полчаса до того, как подошел поезд на Тулузу. Посреди горной лощины стояла станция, и не было вокруг домов, и уныло раскачивался фонарь на ветру, словно декорация в кинокартине, посвященной первым годам революции.

Рыжий перетаскал чемоданы старух в зал ожидания, раздал пилюли тем туристкам, которых укачало на серпантине, опечалился, когда заметил отсутствие буфета, и, хлопнув в ладоши, собрал своих спутниц в кружок вокруг себя, словно добрая воспитательница в детском саду, которая организовывает «каравай» для своих подопечных. Он детально обсудил с бабушками дальнейший маршрут, дал ряд ценных советов, а потом первым направился к окошечку кассы и спросил себе место «кушетт» в первом классе.

— Только подальше от сортира и умывальни, — сказал он. — Ваши люди слишком часто моются, это мешает спать.

— Мосье, — ответил кассир, — по-моему, значительно хуже, когда люди предпочитают спать грязными.

— Кого вы имеете в виду?

— Я имею в виду не наших людей, мосье.

— Вы говорите обо мне, молодой человек?!

— «Кушетт» в первом классе стоит восемьдесят франков, мосье.

— Но вы не ответили мне, молодой человек! А я настаиваю на ответе: вы имели в виду меня?!

— Нет, мосье, — чуть помедлив, ответил кассир, — я имел в виду грязных людей, которые не любят бывать в туалетах.

Кто-то из старух засмеялся. Рыжий, окаменев лицом, полез в карман за деньгами. Он неотрывно смотрел на кассира, и движение его руки было медленным. Он пошарил в одном кармане и — теперь движения его убыстрились — начал шарить в другом кармане. Потом он судорожно начал рыться во всех много-

численных карманах своей меховой куртки, отталкивая локтями старух, и я заметил, как побледнело его лицо, особенно толстые мочки ушей. Он вдруг опустился на корточки и крикнул:

— Да отойдите же! Я потерял деньги!

Старухи сделали два шага в сторону, словно солдаты на учении. Денег на полу не было. Рыжий рванулся на улицу, но автобус уже уехал в Андорру.

— Я потерял деньги в автобусе! — крикнул он. — Дайте мне позвонить в Андорру — пусть шофера обыщут на границе, я потерял тридцать долларов, они выпали у меня из кармана в автобусе!

— У нас нет связи с Андоррой, мосье, — ответил кассир, — ближайшая телефонная станция, имеющая связь с Андоррой, находится в Тараскон сюр Ариеж...

— Это безобразие! У вас должен быть телефонный кабель с Андоррой! Где ваш начальник?!

Кассир вдруг победно улыбнулся и ответил:

— Мой начальник — мосье Шебак.

— Просите его сюда!

— Он перед вами, мосье. И попрошу вас не мешать мне. Мадам, до прихода поезда мало времени, покупайте билеты, пожалуйста.

Старухи начали покупать свои «кушетт», а рыжий достал из нагрудного кармана пиджака толстенную пачку долларов и трясущимися руками отсчитал три купюры. Перед тем как подойти к кассе, он снова опустился на корточки и долго осматривал маленький зал: нет ли где на полу злополучных тридцати долларов?

На подоконнике сидели трое ребят и тихонько играли на гитарах испанскую песню — она была грустная, словно недавно ушедший малиновый отсвет краснополянского солнца.

— Тише, пожалуйста, — сказал им рыжий, — можно тише, а?! У дам голова разваливается от вашей музыки.

Ребята, переглянувшись, перестали играть, а потом и вовсе вышли из зала на перрон, продуваемый студеным пиренейским ветром.

Рыжий поднялся с колен и протянул кассиру деньги:

— «Кушетт» первого класса.

— «Кушетт» первого класса кончились, мосье.

Рыжий впился глазами в лицо кассира. Глаза мосье Шебак были злыми и смешливыми, он не смог простить иностранцу его фразу: «Ваши люди слишком часто моются, и это мешает спать». Я бы тоже на его месте обиделся. Важно ведь не «что» сказано, важно «как» сказано.

Моя соседка шепнула мне одними губами, чтобы ее не услышал рыжий.

— Он был миссионером в Папуа... Он поэтому так всех и поучает... Молодые миссионеры прогнали его, и он теперь зол на весь мир.

Рыжий тем не менее услышал шепот моей соседки и, медленно обернувшись, посмотрел на нее с брезгливым недоумением.

— Это порой так важно — ездить в вагонах второго класса, — сказал кассир, по-прежнему зло и улыбчиво глядя в переносье рыжего миссионера.

— Извольте продать мне целое купе второго класса, — сказал рыжий очень тихо.

— Целое купе у меня есть только возле умывальни, мосье.

Старшая из старух сказала:

— Ричард, поезжайте на моем «кушетт», меня интересует экзотика, я проеду до Тулузы во втором классе.

Рыжий отсчитал деньги и, молча протянув их старухе, вышел на перрон. Ребята, игравшие на гитаре, сразу же вернулись в зал, сели на подоконник и, приладившись к струнам, заиграли хоту, подхватывая мелодию друг у друга, и стало вдруг тихо-тихо кругом, потому что хота была словно девушка, идущая по горной тропе ранним утром, — босая, в черном платье и с капельками пота на лице.

...Все вагоны первого класса были забиты пассажирами, а во втором классе народу почти не было, только солдаты, ехавшие на рождественские каникулы, студенты и крестья-

не. Солдаты сидели в одном купе, крестьяне — во втором, студенты стояли в проходе и курили, открыв окна, а в купе, куда вошел я, был полусумрак, и на кушетке лежала веснушчатая девушка с рыжими волосами. Она была одета так же, как и все хиппи или подражающие им, — в зеленую спортивную куртку, прожженную во многих местах сигаретами, и в залатанные джинсы. Только, в отличие от истинных хиппи, девушка была умыта и волосы ее были рассыпчатыми и сухими, как свежее июньское сено, и такими же душистыми. В остальном же моя соседка была типичным хиппи, которых сейчас так много в том мире, где мораль должна быть выражена внешне: белая сорочка, черный костюм и положение в оффисе. Одни говорят о хиппи с брезгливостью («Эти сорванцы!»), другие — с тяжелой ненавистью («Эти проклятые левые!»), третьи — с нездоровым интересом («Они исповедуют свободную любовь...»), четвертые — с тревогой («Это ведь наши дети, они должны принять из наших рук плоды трудов наших...»), пятые — с состраданием («Больные дети...»). А может быть, «больное общество»? Нет?

Девушка заняла всю кушетку, хотя во втором классе положено занимать лишь одно место из трех.

— Опустите табличку «окьюпайд», — посоветовала она, — и занимайте вторую кушетку. Французы не входят, если опущена табличка.

— Американцы обращаются ко всем людям во всех странах на своем языке, — сказал я, — словно все должны знать ваш язык.

— Я англичанка. Как раз американцы стараются учить иностранные языки. Мы, имперские островитяне, считаем это ненужным. «Правь, Британия» — это ж мы придумали.

Я опустил табличку «занято», положил под голову свой рюкзак и лег на кушетку, хрустко, с усталости, потянувшись.

Девушка усмехнулась.

— Так тянется мой отчим, когда возвращается из суда. Весь хрустит, как валежник. Вы-то хоть не адвокат?

— Нет. А почему «хоть»?

— Ненавижу адвокатов. Мой отчим всегда смеялся, когда рассказывал о своих подзащитных. Как они нервничают, как боятся сказать до конца всю правду, как хотят ему верить и не могут, как неумело лгут, как подло выгораживают себя перед своею же совестью.

— Может быть, отчим прав?

— Может быть. Только зачем тогда защищать? Тогда судить надо, так честней.

— Верно.

Девушка вдруг рассмеялась. Она смеялась зло, и красивое лицо ее было злым, и по глазам ее было видно, что она мне не верит. А мне неинтересно разговаривать со злыми или трусливыми людьми, а еще пуще с теми, кто не верит мне. Поэтому я повернулся на бок, уткнулся носом в старый, полосатый, стертый плюш и сразу же задремал. Сколько я проспал, понять было трудно, потому что проснулся я толчком — сразу; поезд резко тормозил, приближаясь к тоннелю. Я проснулся и, не поворачивая еще головы, почувствовал на затылке тяжелый взгляд и услышал всхлипывание. Я обернулся. Рыжая девушка сидела, поджав под себя ноги, и плакала, и лицо ее сейчас не было злым, а жалким, с распухшим носом, словно у обиженного ребенка, и я понял, что она и вправду совсем еще ребенок, и поэтому я спросил ее:

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто я еще не научилась ненавидеть. Меня научили всему: и как любить, не любя, и как не верить, веруя, и как курить марихуану, и как брать деньги, — только вот меня никто не научил, как надо всех вас ненавидеть. Я чувствую, как я ненавижу, но я не знаю, как это сделать, чтоб вы поняли мою ненависть! Я все ждала, когда же вы захрапите, как мой отчим...

...Встречаясь с хиппи, я убедился, что, помимо своих главных доктрин — неприятие буржуазной, фарисейской морали и наивного, но чистого призыва: «Люби, а не воюй!» — они исповедуют также некий «возрастной расизм». Если тебе за тридцать, то, следовательно, ты обязательно ре-

троград и буржуа. Я мог понять этих ребят, ибо нет ничего страшнее буржуа, весь «мир» которых сводится к тому, чтобы верно подобрать цвет книг к тону обоев. Людям моего поколения, знавшим окопы Сталинграда и Братскую ГЭС, дух буржуа ненавистен ничуть не меньше, чем хиппи. Но хиппи бегут от проблем в самих себя, в марихуану, в Непал или на Кюрасао; люди моего поколения считают, что проблему надо решать классово, иначе будет дезертирство, за которое и в дни мира надо карать, как в годину войны.

А как карать ее, эту маленькую, рыжеволосую, с глазами, полными слез? В чем ее вина? И вправе ли мы винить детей, не выверив поначалу самих себя — своим внутренним трибуналом отцовства?

— Хочешь бутерброд? — спросил я.

— Конечно, хочу.

Она стала жевать бутерброд с сыром, — по-прежнему шмыгая носом.

— Воды у вас нет? — спросила она.

— Воды нет. У меня есть на донышке кальвадос.

— Я и без кальвадоса могу раздеться, если только вы рискнете, — двери-то в этих купе не запираются.

— Знаешь, на кого ты похожа?

— На кого? — спросила она, отхлебнув кальвадоса.

— Ты похожа на боксера в весе пера, который прет на Джо Луиса.

Девушка вдруг улыбнулась:

— Сразу видно, что вы старый. Мы знаем Мохамеда Али, а вы — Джо Луиса. У вас больше нет бутербродов?

— Нет.

Девушка с сожалением посмотрела на оставшуюся половину и протянула ее мне.

— Ешь. Я только что обедал, — сказал я.

— Зачем врете? В Хоспиталитэ нет ресторана, а ехать туда из Андорры два часа. Какое же «только что»? Почему вы все врете, а? Дóбро, зло, — а все равно врете. Только один человек на свете не врет — это мой отец, а его-то я и не видела

ни разу в жизни. Профессора врут: «Изучайте медицину, это наука будущего!» Какого черта ее изучать, если все равно мы обречены на смерть? Писатели врут — и когда придумывают хорошие концы, и когда сочиняют плохие. Ромео и Джульетте надо было остаться живыми, а их почему-то убили. И Лиру надо было победить своих сучонок, а он умер. Политики врут — говорят: «Мы боремся за мир», а бомбят беззащитных... Вот поезд не врет — он едет. А мы все в поезде — лжецы.

— А ты куда едешь-то?

— Не знаю. Наверное, к отцу.

— Где он живет?

— В Австралии... Вернее-то не в Австралии, а в Папуа...

«Господи, — ужаснулся я, — как она похожа на того рыжего миссионера из Папуа!»

— Откуда у тебя деньги на такую дальнюю дорогу?

— У меня нет денег.

— А как же ты едешь?

— Зайцем.

— А если придет контроль?

— Меня задержат. А я дам адрес отчима, и он вышлет денег.

— А что ты будешь есть, пока он вышлет деньги?

Я стóю сто франков: молодая, во-первых, иностранка, во-вторых.

— Дура ты, — сказал я, — маленькая вздорная дура.

— Вот-вот, — ответила она. — Это всегда говорил мой отчим.

— Это он говорил верно.

— А еще он цитировал священное писание. Прекрасная литература. Только если б он при этом не гладил меня по заднице. А мама не спала с мальчиком, который делает по пятницам уборку в доме. А сосед не подсматривал в бинокль в нашу ванну, когда я там моюсь. А дедушка, у которого сто тысяч, не врал бы мне, что он нищий старик и не может выручить меня в настоящее время пятьюдесятью фунтами.

А священник, у которого я исповедовалась, не пришел бы после исповеди к моей маме. А подруга бы не отбила моего парня. А парень бы этот не рассказывал всем про то, какая я.

Она снова легла на кушетку и, закурив, закончила:

— А в Португалии бы не сажали в тюрьмы. И не стреляли б в Ольстере. А в Японии б не умирали от рака крови после Хиросимы. Хватит, может, а? Вы ведь наверняка уже придумали монолог взрослого. Вы в этом деле доки. «Мы были другими в ваши годы» — и прочие истории про детишек и аистов.

— Ты писала отцу, что едешь к нему?

— Да.

— Почему он не прислал тебе денег?

— У него нет денег. Он честно делает свое дело, поэтому у него нет денег.

Я вспомнил, как самая старая из старух обратилась к рыжему, когда он бесился из-за «кушетт» первого класса. Она назвала его Ричардом. По-моему, именно так она назвала его.

— Твоего отца зовут Ричард?

Девушка взметнулась с кушетки, и лицо ее сделалось совсем детским, и она ответила:

— Да. Вы знаете папу?

— Откуда же мне знать твоего папу? — соврал я, трусливо соврал я, подло соврал. — Я не знаю твоего папу. Просто мне показалось, что твоего папу обязательно должны звать Ричардом и он должен быть действительно славным человеком.

— Зачем вы говорите неправду? — спросила девушка. — Отчего же вы всегда говорите неправду?

Действительно, зачем мне было врать ей? Зачем? Я должен был сказать ей, что такой же рыжий, как и она, усатый старый миссионер с Папуа, которого зовут Ричард и который, по-моему, сильная, жадная и надменная сволочь, едет в вагоне первого класса на «кушетт», а его дочь, которая стоит сто франков, сидит напротив меня и говорит мне то, что лучше бы ей сказать ему, этому рыжему Ричарду.

— Пойдем, — сказал я.

— В буфет?

— Пойдем. У меня, знаешь ли, с деньгами вроде как у тебя, так что на буфет не надейся. Пошли.

Я взял ее за руку, и мы пошли через полупустые вагоны второго класса в ярко освещенное чопорное царство первоклассных «кушетт». Пассажиры чинно сидели и лежали в красном плюше. Рыжий уже спал. Занавеска в его купе не была задернута, и я сразу увидел его лицо и отодвинулся.

— Кто это? — спросил я девушку. — Ты знаешь его?

— Первый раз вижу.

У меня словно камень с плеч свалился, и мы все-таки пошли в буфет, съели по бутерброду и выпили по банке пива.

— Вы решили, что это мой па, — веселилась девушка, — неужели я такая же уродина?! Ну рыжий, ну из Австралии, ну Ричард! Господи, неужели я действительно такая уродина?

Мы вернулись в купе, девушка сбросила свой рюкзак на пол, долго копалась в карманах и карманчиках, достала наконец портмоне и вытащила оттуда маленькую фотографию.

— Вот мой па, — сказала она. — Вот он.

На меня смотрел безусый Ричард — тот самый, я теперь не мог ошибиться, только совсем еще молодой, ведь она ни разу в жизни его не видела, а ей восемнадцать, а это очень много — восемнадцать лет, особенно если отсчет начинать с тридцати пяти или с сорока, — люди за эти годы особенно меняются, а может, наоборот, закостеневают в своей сути, но в письмах люди всегда актерствуют — больше, чем в жизни, а ведь он писал ей письма, а она верила его письмам, так верила его письмам...

Девушка осторожно взяла у меня из рук фотографию, и в глазах у нее я увидел испуг, и я понял, что, видимо, не уследил за лицом, а мы ведь надменно думаем, что дети ничего не понимают, тогда как они многое понимают лучше нас...

— У вас есть дети? — спросила она.

— Да.

— Слава богу, хоть сейчас не врете...

...Она легла ко мне на колени, и я начал гладить ее по щеке, как свою Дунечку, и она уснула, — наверное, прошлую ночь не спала, мерзла на какой-нибудь станции.

В Тулузе я сошел с поезда, потому что дальше путь мой лежал в Марсель, и я стоял на перроне, пока состав не ушел, и долго смотрел на два злых красных фонаря на хвостовом вагоне и думал о том, что лишь зло может породить зло, и еще я думал о том, что если дети когда-нибудь проклянут отцов, то далеко не всех детей надо обвинять в «черной неблагодарности».

Музыка началась откуда-то издалека, как только я вышел из метрополитена на станции «Отель де Виль» и пошел через мост к Монпарнасу, и она была парижской: аккордеон и гитара. Она была и в тяжелой воде Сены, и в синей дымке, которая поднималась над холмом Святой Женевьевы, и в чугунной решетке моста Де ля Турнель, и в горьком запахе каштанов, поджаренных на чугунной жаровне мадам Карнэ, которая обычно торгует на пересечении Рю Сент-Андрэ д'арт и Рю Аугустин, но по случаю воскресенья — возле Птичьего рынка, который слышишь издали, и останавливаешься, и закрываешь глаза, и переносишься в детство, когда мечталось о птицах в больших, просторных клетках, а песенка становилась такой одинокой, принадлежащей тебе, и тому, что было с тобой, и тому, что никогда с тобой не случится, что лучше уж поскорее перейти реку и быстро подняться по улице кардинала Лемуана, пересечь площадь Монк, подняться еще выше по «кардиналу» и остановиться возле дома 74, возле единственного подъезда, и постоять здесь, и оглядеться, и увидеть тот самый дансинг, куда Старик приходил танцевать с Хэдли, и войти в старый подъезд, и объяснить консьержке, которая отталкивает толстой коленкой яростно лающую собачонку, что я ищу ту квартиру, где жил Хемингуэй, «да, да, американец». «Газетчик?» — «В общем-то и газет-

чик». — «Тот, который много пил?» — «Пожалуй что, больше всего он писал, и дрался с фашизмом, и очень любил Париж.»

— Мосье Хемингуэй жил на третьем этаже. Там сейчас живут месье и мадам Хабибу.

Лестница была скрипучей, узенькой и крутой. Так же, как и пятьдесят лет назад, клозет общий для трех квартир, выходящих на маленькую площадку, был холодным, с двумя цементными возвышениями, и холодный ветер продувал его насквозь, потому что одна из квартир была открыта и трое рабочих красили пол в странной, пятиугольной, вытянутой комнате и переклеивали обои, напевая мою песенку.

— Хемингуэй жил именно в этой комнате, — сказала мадам, хозяйка комнаты, — и я купила ее потому, что Хемингуэй здесь жил.

— Ничего подобного, — открыв дверь, сказал сосед. — Американец жил в комнате, которую занимаем мы.

Я попросил разрешения войти в комнату. Окно выходило на узкую и темную Рю Ролли.

— Вы все не правы, — сказал мужчина, спускавшийся по лестнице, — Хемингуэй жил в другом подъезде, со стороны Рю Декарт, там сейчас тоже продают квартиру, именно ту, где жил бородатый питатель, и окна его выходили на Контрэскарп.

— Но этого не может быть, — сказала красивая, высокая мадам, — меня заверили, что я покупаю комнату Хемингуэя.

— Считайте, что вас обманули, — усмехнулся сосед, — я живу в его квартире, и смешно с этим спорить.

«Из-за дождя мы держали окна закрытыми, холодный ветер срывал листья с деревьев на площади Контрэскарп. Листья лежали размоченные дождем, и ветер швырял дождь в большой зеленый автобус на конечной остановке, а кафе «Для любителей» было переполнено, и окна запотели изнутри от тепла и табачного дыма».

А на площади Контрэскарп ветер срывал листья с платанов, и начался дождь, «который портил только погоду, а не

жизнь», и в кафе было полным-полно народу, и на улице Муфтар, «этой чудесной многолюдной улице», заставленной мокрыми лотками с устрицами, обложенными льдом, толкались сотни парижан под прозрачными, словно бы стеклянными зонтиками, а в кафе «Для любителей» обитатели Муфтар по-прежнему много пили, правда, в отличие от хемингуэевских времен, на стене уже не было объявления «о мерах наказания, предусмотренных за пьянство в общественных местах».

В воскресные дни парижские улицы, по которым Старик ходил писать в свое кафе на Сен-Мишель, именно те, которые ведут от площади Контрэскарп к Сорбонне, пустынны, и шаги твои гулко ударяются о стены домов, и кажется, будто ты делаешь документальную картину и, заботливые ассистенты режиссера развесили где-то за углом тяжелые канаты и выставили таблички: «Проход запрещен, идет съемка». Но иллюзия одиночества и твоей сопринадлежности Парижу кончается, как только пройдешь мимо лицея Генриха Четвертого, мимо старинной церкви Сент-Этьен дю Мон, как только пересечешь «открытую всем ветрам площадь Пантеона», и окажешься на Сен-Мишель, и услышишь английскую, шведскую, русскую, гвинейскую речь, и увидишь бритых наголо, с косичками молодых американцев из новобуддистской секты, которые зябко продают свои листовки и грустно, хором поют странные речитативы, и волосатых, с кудрями, ниспадающими на острые плечи, студентов и картинно грязных клошаров (говорят, муниципалитет дает им субсидию — Париж без клошаров, которые спят под мостами, немыслим, они сделались обязательной принадлежностью города, забитого туристами).

В «славном кафе на площади Сен-Мишель», где Старик работал, когда жил на улице Лемуана, было пусто. В двенадцать сюда не войти, — время обеда для французов словно месса для фанатиков веры. «С двенадцати до двух во Франции можно сменить правительство, и этого никто не заметит»,— сказал мне один из газетчиков. Но сейчас было утро, и в кафе было пусто, всего два-три посетителя. И я сел на

стеклянной веранде и заказал кофе, и, когда официант поставил на стол маленькую тяжелую чашку с горячим, дымным кофе с молоком, я спросил его, что он знает о Хемингуэе, и он ответил, что мосье с таким именем в кафе не приходит и что он очень сожалеет, поскольку ничем не может мне помочь.

— Почему вы спросили о Хэме? — поинтересовался парень, сидевший в глубине зала.

Я ответил, что повторяю сегодня маршрут Старика, тот самый маршрут, который описан им в «Празднике, который всегда с тобой».

— Зачем вам это нужно? Хемингуэй — прочитанный писатель, он теперь не в моде.

— «Писатель» и «мода» — понятия взаимоисключающие друг друга.

— Вы идеалист? — усмехнулся парень.

— Самый яростный материалист.

— Что ж вы тогда не смотрите правде в глаза? На литературу мода распространяется в такой же мере, как на брюки, машины и на галстуки. Хэм писал просто и ясно, а это сейчас никому не нужно. Сейчас в моде литература «сложного». Вот когда пройдет столетие, тогда он снова станет модным.

Парень спросил меня, не буду ли я возражать, если он пересядет за мой столик и поболтает со мной, но я сказал, что хочу посидеть один, потому что мне стало неинтересно говорить с ним: он относился к тому типу людей, которые любят слушать себя, и говорят они для себя, и не верят никому, кроме самих себя. Мне хотелось посидеть одному и посмотреть на детей и внуков тех парижан, которых так любил Старик, когда он жил на Лемуана и когда пастух по утрам выгонял коз на улицу Декарта и гнал их по булыжной мостовой вниз, к Сене, а Хэм шел в ателье Гертруды Стайн, на улицу Флерюс, 27, мимо Люксембургского сада по улице Вожирар, где не было и сейчас нет кафе и ресторанов и запах еды не доводил его до голодной тошноты.

Я нашел улицу Флерюс легко, потому что там, совсем неподалеку от ателье Гертруды Стайн, находится кинофабрика «Коммуна» и один из руководителей ее — Паскаль Обье — известен советскому кинозрителю как автор великолепного фильма «Вальпараисо, Вальпараисо...».

Громаднорослый, голубоглазый, с усами, опущенными вниз, как у легендарного Верцингеторикса, белокурый и смешливый, Паскаль становится серьезным, когда речь заходит о Старике. Ему нужен Старик, и он не устарел для него, и его простота нужна Паскалю и его сложным героям.

— Это ерунда про моду, — говорил он мне. — Моду делают коммерсанты. Когда они начали затовариваться с материалами, они привили вкус к клешам; кончится текстильный бум — они заставят нас носить короткие брюки. Но нельзя заставить человека считать гением прохвоста от литературы, какого-нибудь «коммерсанта слова». И не злись ты на того парня: «свобода болтовни» опасна, лишь когда болтуны получают власть. Те люди, от которых зависит судьба моего фильма, молчаливы. Я четыре года пробивал «Вальпараисо» на парижский экран, и те, от которых зависела моя судьба, вообще ни черта не смыслят в искусстве — они умеют лишь одно: зарабатывать деньги. На чем угодно — на горе, исповеди, порнографии, счастье, — только б заработать. Помнишь, как Хэм злился на Скотта Фицджеральда, когда тот соглашался на изменения, купюры и переделки в своих рассказах — только бы напечатать? Я голодал четыре года, но я поступал так, как поступал Старик, — стоял насмерть.

...Старая, полуслепая консьержка провела меня через стерильно чистый, больничный подъезд дома 27 по улице Флерюс и показала маленький двухэтажный домик, построенный углом, с большими окнами, занавешенными толстыми портьерами.

— Здесь жила мадемуазель Стайн, мосье. К сожалению, хозяева не оставили мне ключей, и я не могу показать вам ту квартиру... Нет, мосье, я не помню Хемингуэя, я вообще плохо запоминаю лица иностранцев. Я помню только месье Пи-

кассо, он любил ходить к мадемуазель Стайн, он часто приносил ей свою живопись, и он всегда очень громко говорил, когда шел через этот подъезд, и я всегда боялась, что другие жильцы будут сердиться, — у нас не любят, когда громко говорят в подъездах...

А потом я отправился на улицу Одеон, 12,— искать книжный магазин «Шекспир и компания», где Хемингуэй брал книги у Сильвии Бич, но в доме, где раньше был «Шекспир», сейчас находится магазин («бутик»), и продавщица в хитоне, с гримом непорочной девы и в голубом парике посмотрела на меня, интересовавшегося книгами Сильвии Бич, как на сумасшедшего.

— Простите, мосье, но мадам Бич никогда не работала в нашем магазине. Очень сожалею. Какие книги? Мы продаем «бутик», мосье, это книга для женщин, прекрасная книга, мосье, и не очень дорогая, в отличие от магазинов на Елисейских полях...

Но я нашел «Шекспира с компанией». Я нашел эту книжную лавку случайно, когда вышел на набережную Сены, чтобы посмотреть на внуков тех «людей Сены», о которых писал Старик. Но было ветрено, и моросил дождь, и рыбаков на берегах Сены не было, как не было и продавцов книг, которые, впрочем, теперь переместились к центру города: возле ресторана «Серебряная башня» лотков букинистов, обитых цинком, словно прилавки мясных магазинов, уже не было, как не было и «Винного рынка», снесенного не так давно по решению муниципалитета.

Я шел по набережной и напротив острова Сен-Луи, в старом, XVI века, доме на улице де ля Бушери, 37, увидал старую вывеску: «Шекспир и компания». Я толкнул дверь, и дренькнул колокольчик, и маленький седой старик с острой бородкой и д'Артаньяновскими (по киноверсии «Трех мушкетеров») усами вышел из-за перегородки, и это был Джордж, нынешний директор «Шекспира», и он показал мне те книжные полки, где стояли тома Толстого, Тургенева и Достоевского, которые открыли Старику мир, «другой, чудесный

мир, который... дарили русские писатели. Сначала русские, а потом и все остальные. Но долгое время только русские...».

А потом мы поднялись в гостевую комнату по скрипучей лесенке, мимо газовой плиты, на которой он потом сварил картошку на ужин и кусок мяса (он оставил на тарелке несколько картофелин и кусок хлеба внучке Хемингуэя, которая приехала к нему погостить), и Джордж показал мне фото Сильвии Бич, женщины, которая отдала себя служению книге. Ее «Шекспир» был закрыт нацистами, которые запретили ей выдавать «вредные» книги — русских авторов в первую очередь. Я сидел с Джорджем за колченогим столом и слушал его рассказ о женщине, которая помогла многим американцам стать писателями и которая так высоко понимала русскую литературу, и жалел, что в Париже до сих пор нет книжного магазина «Толстой и компания»...

Вечер пришел в Париж внезапно, и в мокром асфальте отразилось буйное разноцветье реклам, и стало вдруг шумно, и та музыка, которая была со мной весь этот день, исчезла, потому что я зашел в «Куполь», где Старик встречался с замечательным художником Пасхиным, который шутя жил, шутя пил, шутя любил, шутя голодал, шутя повесился, — только работал он всегда серьезно. Музыка, та незамысловатая песенка, которая, казалось, принадлежала весь этот день одному мне, исчезла, потому что ее убил дух «Куполя», ибо все там было показным: и красные фонарики, вмонтированные в черные, чаплинские «бабочки» юных пижонов, и стада шумных американских туристов, глазевших по сторонам с детским удивлением, и томные гомосексуалисты в порнографических джинсах, и нечесаные, грязные, в драных брюках дети миллиардеров, и клерки в архимодных костюмах, пришедшие поглазеть на знаменитостей, которые давно уже перестали приходить сюда...

А в «Клозери де Лила», в том кафе, где Старик написал свои лучшие рассказы, было тихо, и дождик сделал особенно жалкой бронзовую фигуру маршала Нея, принца Московского, и народу в зале почти не было, и на стойке бара была прикреплена бронзовая табличка — «Хемингуэй», и официант

уверял меня, что именно на этом месте обычно сидел Старик и пил пиво или виски, а я-то знал, что он работал (работал, а не пил) за тем столиком, что стоит возле окна.

А потом я, по парижскому выражению, «взял» метро, и поехал на площадь Этуаль — Шарль де Голль, н нашел улицу Тильзита, 14, дом, где жил Скотт Фицджеральд, но никто в подъезде не знал, где жил американец, а вечер уже кончился и началась ночь, и мне надо было успеть на последний поезд метро, и на станции «Георга Пятого» я снова услышал мою песенку, и пел ее высокий, до голубизны прозрачный парень, аккомпанируя себе на гитаре, а в мятой черной шляпе, стоявшей возле его ног, лежало несколько двадцатисантимовых монет, а люди шли мимо него, и их было все меньше и меньше, потому что метро закрывалось, и люди не задерживались возле парня, который пел о синем городе, в котором всегда и во всем ожидание — и в стужу, когда с Сены дуют промозглые ветры, и в летний влажный зной, и когда любимая ушла от тебя, и когда ты встретил друга и расстался с ним — легко и счастливо, как расстаются с настоящими друзьями, ведь мир состоит из потерь и находок, находок и потерь...

Роберт Гортон — так звали певца из метро — поехал ко мне ночевать, благо хозяйка моей квартиры жила в эти дни за городом и в комнате был свободный диван, и мы приготовили себе яичницу, разорвали длинную булку пополам, а потом заварили настоящего грузинского чая, и Роберт взял гитару и шепотом, чтобы не разбудить соседей в этом старом, маленьком доме, тихонько запел, прижавшись щекой к гитаре, как к руке любимой:

Ты спрашиваешь, за что я люблю Старика?
Наверное, за то же, что и ты и они и все...
Мы любим его, потому что он дал
каждому из нас праздник.
Единственный праздник, который
всегда с тобой, с нами, со всеми...

Ведь это праздник — любить Хэдли,
твою первую женщину,
И слушать, как спит мистер Бамби
в своей кроватке, и его охраняет мистер
Кис с зелеными глазами, сиамец, по крови
и друг по призванью,
И это праздник — чувствовать боль
Старика, который один в океане,
А вокруг — острова, одни острова в океане,
И это праздник — сидеть у костра с Пилар,
и быть солдатом Республики,
И это счастье и праздник — уметь
давать праздник людям.
И нам с тобой наплевать
на модных болтунов, которые треплются,
что Старик стал старым.
Он всегда молод, как Париж,
как этот синий, дождливый, прекрасный
Париж, в котором
так много людей забыли
про молодого парижанина Хемингуэя...

Он кончил петь песню, которую он и не сочинял вовсе, которая рождалась сама по себе, и я достал из чемодана «НЗ» — бутылку «Столичной», и мы сделали по глотку из горлышка, и легли спать, потому что Роберту надо в восемь утра быть в Сорбонне, и идти ему туда надо дорогой молодого Старика — по улицам, где нет ресторанов и кафе, чтобы вкусный запах пищи не мешал ему думать о главном — о творчестве.

1973

Испания
ИЮЛЬ 1974 — ФЕВРАЛЬ
1976

Первый раз я пересек испанскую границу в 1970 году. Это были трудные времена: франкизм, то есть испанская разновидность фашизма, вел открытую повседневную террористическую борьбу против трудящихся. Часть репортажей мне приходилось передавать из Парижа — испанская цензура их не пропустила бы.

Потом я ездил в Испанию каждый год, иногда по два раза — спасибо за это испанским друзьям. Я видел, как от месяца к месяцу, из года в год, рушился франкизм, несмотря на то, что Франко был еще жив.

Эти записки, которые я предлагаю вниманию читателя, — об Испании на изломе. Именно тогда (я имею в виду лето 1974 года) некоторые издательства и журналы, несмотря на улюлюканье фалангистской прессы, начали всерьез обращаться к истории гражданской войны, к первой схватке с фашизмом. Тогда из-за препон, чинимых властями, трудно было говорить в п р я м у ю — обращались к памяти Хемингуэя, который связал свою жизнь с антифашистской борьбой испанского народа.

И я задумал эту мою поездку, как «мемориал Хемингуэя».

От Сан-Себастьяна до Памплоны — два часа хорошей езды по ввинченной в горы дороге, но мы ехали вот уже четвертый час, то и дело скрипуче утыкаясь носом «Волги» (первой здесь за Пиренеями) в роскошные бамперы «доджей», «шевроле» и «пежо» — казалось, вся Европа отправилась на фиесту.

Мы приехали наконец в город, полный тревожно-радостного ожидания, расцвеченный гроздьями незажженной еще иллюминации, запруженный толпами туристов; прошли сквозь тысячи кричащих и пьющих; у лотков с сувенирами купили себе красные береты, красные пояса и красные платочки на шею, — такова обязательная униформа фиесты, — сели за столик бара «Чокко», и Дуня сказала тихо:

— Как будто ничего раньше и не было.

— Ну, все-таки кое-что было, — возразил я. — Были бре-

менские музыканты, и стертые деревянные ступени лондонского порта, и Латинский квартал, и был Бальзак в Парижском музее Родена, и критский кабачок на Рю Муфтары, и дорога на Биарриц была, и, конечно же, был Сан-Себастьян.

— Сан-Себастьян был, — согласилась Дуня, — особенно белые мачты в порту, красные шхуны и толстая официантка, которая принесла нам тинто и жаренные креветки, изумляясь тому, что мы — советские, и открыто радуясь этому, а в музее Родена все же была Женщина, а не Бальзак.

— Бальзак тоже был. Только Роден смог понять гений Бальзака. Вспомни эту скульптуру: надменность — если смотреть в фас, скорбная усмешка — полуфас и маска, снятая с покойника, — профиль: такое дается только один раз, когда человеческие ипостаси соединяются воедино.

— Нет, — сказала Дунечка, — Бальзак мне не понравился. Мне зато очень понравилась роденовская Женщина.

Я вспомнил эту работу; многообразие округлостей рождало ощущение обреченной нежности, беззащитности и предтечи горя.

— Чем тебе понравилась Женщина? — спросил я.

Дуня пожала плечами:

— Зачем объяснять очевидное?

— А чем тебе не понравился Бальзак?

— Не знаю...

Поколение шестнадцатилетних — категорично, и за это нельзя их осуждать, ибо постыдно осуждать открытость. Надо гордиться тем, что наши дети таковы, — жестокость, заложенная порой в категоричности, пройдет, когда у наших детей родятся наши внуки, — открытость должна остаться. То, что мы не можем принять в детях, кажется нам слишком прямой, а потому жестокой линией, но ведь на самом-то деле прямых линий нет, они суть отрезка громадной окружности, начатой нашими далекими праотцами; поколения последующие должны закольцевать категоричность прямых в законченность, которой только и может считаться мягкая замкнутость круга, «ибо род приходит и род уходит, а земля

пребывает вовеки».

— Не понравился, так не понравился, — сказал я, хотя сказать хотел другое, но я видел круглые Дунечкины глаза, в которых отражались беленькие человечки в красных беретах, с красными платочками на шеях, подпоясанные красными поясами, с громадными понизями чеснока, которые свешивались на грудь, словно королевские украшения, а потом все эти человечки в белых костюмах исчезли, и в глазах Дунечки вспыхнули сине-зелено-красные огни фейерверка, грохнули барабаны, высоко и счастливо заныли дудки и загрохотала стотысячная толпа на Пласа дель Кастильо — в Памплоне началась фиеста, праздник Сан-Фермина, тот, который знаменует восход солнца — откровение от Хемингуэя...

«Изменение» — слово занятное, и смысл его обнимает громадное количество оттенков, порой кардинально разностных. Меняется мода, меняется человек, меняется репертуар на Плас Пигаль, меняется климат, меняется сиделка у постели умирающего, меняется скатерть, меняется филателист, меняется страна, меняется Испания. Изменилась, например, одежда в Испании; если раньше каждый хотел быть грандом, то ныне миллионеры носят джинсы и кеды. Пришло это, правда, из Америки: молодые заокеанские туристы, словно ощущая некий комплекс вины за то богатство, которое хлынуло в штаты после войны против нацизма и в дни боев под Гуэ и Пномпенем, обычно ходят в рванье, потные, со спальными мешками за спиной — ни дать ни взять герои Джека Лондона, первопроходцы, исповедующие не культ насилия, но культ доброй силы, которая обычно сопутствует узнаванию нового. И к этим американцам в Испании изменилось отношение, к ним сейчас относятся хорошо, совсем не так, как к тем, кто носит военную форму US ARMY, а их здесь много — и в Роте, под Кадисом, и в Торрехоне возле Мадрида...

Изменение в одежде — одна из многих граней «изменения» вообще.

Конкретный символ изменений в Испании — памятник

Хемингуэю у входа на Пласа де Торос в Памплоне, сделанный моим другом Сангино. Изменения порой угадываются не в декретах, газетных перепалках, болтовне в кулуарах министерств, в репрессиях или амнистиях — они могут быть замечены в том, что не имеет, казалось бы, прямого отношения к политике. Искусство — с момента его возникновения — всегда было связано с политикой, ибо охота на мамонта нашла свое живописное отражение на стенах пещер, поскольку атака во имя пищи и тепла и есть вопрос политики в очищенном — от всего наносного — виде.

Поставить памятник человеку, написавшему «По ком звонит колокол» и «Пятую колонну», писателю, отдавшему сердце республиканской «Земле Испании», интернациональным бригадам и батальону Линкольна, где большинство бойцов были американскими коммунистами, — симптом, и симптом приметный. Те, которые сейчас имеют право запрещать, — разрешили, руководствуясь желанием «спустить пары» из бушующего котла, но ведь те, кто хотел поставить памятник, и кто поставил его, и кто кладет к подножью гранитного республиканского писателя цветы, — руководствовались другим, разве нет?

Город гудел изнутри, как вулкан, который готов взорваться. И он взорвался, когда с Пласа дель Кастильо тысячи людей растеклись по улицам, сотрясая древние стены Памплоны песнями и грохочущими оркестрами.

— Ты читала «Фиесту»? — спросил я.

— Нет. Это плохо?

— Наоборот. Хорошо.

— Почему?

— Потому, что ты можешь сравнить Чудо со Словом.

— А разве Слово — не Чудо?

— Слово тоже Чудо, только Слово Хемингуэя было рождено Чудом Сан-Фермина.

— А я не разлюблю Хемингуэя, если после настоящей фиесты прочту его «Фиесту»?

— Нет, — ответил я и сразу же подумал о том, что кате-

горичности детей нельзя противопоставлять нашу категоричность: оружие взрослых — доказательность. Впрочем, в понятии «взрослость» заложена снисходительность, отпущенная тем чувством ответственности, которое рождает отцовство. Мы дали детям возможность максимально быстрого приобщения к знаниям; термин «акселерация» — мудреный термин, но если изложить его просто и понятно: «раннее умнение, параллельное раннему созреванию», тогда станет ясно, что мы живем сейчас в новой эпохе, которая отнюдь не есть механическое повторение эпохи «отцов и детей». Нетерпение, которое породило конфликт поколений в прошлом веке, сейчас присуще в равной мере и старцам, ибо Нильс Бор и Сергей Королев продолжали быть яростными нетерпеливцами до последнего дня своего, а ведь нетерпение — это главное, что определяет возрастную границу. Век электроники, космоса и пересадки сердца захватили в яростную круговерть «темпа знания» детей и отцов; порой отцов более, чем детей, ибо отец входит первым в зону опасного эксперимента: «отец» в данном случае понятие типическое.

— Я не знаю, как это все можно нарисовать, — сказала Дуня, — не могу себе представить, как это можно передать на холсте.

Я был настроен продолжать осторожные отцовские сентенции, но пришли друзья, подхватили нас, закружили в танце, и мы влились в толпу, а она как лес (так, кажется, говорил Мигель Унамуно), она все ставит на свои места: мы перестали быть зрителями фиесты, а стали ее участниками, и не было в ту ночь ни одного человека в Памплоне, который бы просто глазел на процессии, сменявшие одна другую, на великанов, вышагивавших на ходулях, на транспаранты со смешными рисунками, на певцов — а им был каждый.

Переводить их песенки нельзя, — скорее не надо — потому что детская незамысловатость слов, соединенная с музыкой, тоже незамысловатой, вкупе рождает постоянное

ощущение праздника. Разъединение души (которой, конечно же, нет) с телом (которое — очевидная данность) символизирует смерть — тоже относимо к песенкам фиесты, и если даже я приведу ноты этих песенок, все равно ничего не получится, потому что надо воочию увидеть, чтобы понять истинный смысл народного праздника.

— Нас как по реке несет, — сказала Дунечка, — словно на быстрину попали.

И точно, нас несло по узкой горловине улицы, освещенной яркими огнями иллюминации, несло так, что каждый мог ощутить невозможность, но сейчас в этой н е в о з м о ж н о с т и вырваться из потной, устремленной в никуда, песенной и танцующей толпы не было страха, который обычно сопутствует тому моменту, когда ты ощутил, что не м о ж е ш ь.

Наверное, в Кетчуме, в ночь, когда Старик собрал свое ружье и вытер большой сухой ладонью те два патрона, которые подвели черту, он думал о разностях н е в о з м о ж н о г о: когда в Памплоне нельзя прервать праздник, выйти из него, спрятаться, отделить себя от сотен тысяч людей в белых костюмах, закапанных красным вином, и когда нет сил п р о д о л ж а т ь праздник, если ты наедине со столом и перед тобой чистый лист бумаги, а ты не можешь писать или чувствуешь, что делаешь не то и не так, — это ощущение невозможного рождает трагедию, дописать которую могут люди большого мужества, как Хемингуэй. Остальные ц е п л я ю т с я за настоящее или насилуют бумагу и теряют свое прошлое, а нет ничего страшнее потери прошлого — это как предательство, а ведь предают целые поколения, которые воспитывались на тех образах и идеях, которые создал художник в пору своего расцвета.

Ночью мы пришли в кабачок «Лас Пачолас». Старик заглядывал сюда со своими друзьями отведать «кочинильо» — молодых поросят и выпить «росадо» из Наварры. Рядом с ним всегда был Ордоньес, герой «Кровавого лета», сын Ниньо де ля Пальма, лучшего матадора в пору юности Хе-

мингуэя, который известен всему миру под именем Педро Ромеро — девятнадцатилетний мальчик, который нежно любил Брет Эшли, метавшуюся в жизни оттого, что тот, кого она любила по-настоящему, не мог быть с ней — близко, рядом, совсем, так, чтобы была тишина и безлюдье, и чтобы исчезло все окрест, и чтобы два дыхания стали одним. Мы пришли поздней ночью, а может быть, ранним утром и за столом сидели мои друзья. Когда было сказано много тостов — баски и грузины до сих пор дискутируют, кто от кого произошел: баски от батумцев или наоборот, но тосты они сочиняют одинаково хорошо, — Хуан попросил Дунечку сказать «спич».

Дуня фыркнула — она не любит говорить на людях, — но все-таки поднялась, и на мгновенье лицо ее замерло, и я видел, как она взволновалась, а потом она сказала, откашлявшись:

— Когда мой отец возвращался из командировок, он ни об одной стране не говорил так много, как об Испании. Он повторял слова Хемингуэя, что после нашего народа больше всего он любит испанцев. Поверить можно, только когда увидишь и почувствуешь. Я почувствовала и увидала. И поверила — отныне и навсегда.

(Эй, взрослые! Вы создали новые миры! Астроном, открывший звезду, относится к ней с почтением и до конца дней своих не перестает изумляться н о в о м у! Бойтесь п р и в ы к н у т ь к своим детям! Бойтесь страшного и безответственного чувства превосходства оттого лишь только, что они ваши дети и не успели пройти п у т ь. Пройдут еще, пройдут!)

...Ту первую ночь и все другие ночи Сан-Фермина я старался найти те места, где бывал Старик. Я это делал в Париже, и здесь, в Памплоне, я делал это же, оттого что Хэмингуэй, открывший нам новые миры, сыграл в жизни моего поколения такую же роль, как в его жизни сыграли Тургенев, Толстой и Достоевский.

Мы пришли с Дунечкой и со скульптором Сангино

в «Каса Марсельяно», что возле крытого «Меркадо», совсем неподалеку от корраля, где «торо» затаились перед завтрашней корридой, и оказались в такой густой, кричащей, поющей и пьющей толчее, что нам пришлось взяться за руки, чтобы не потерять друг друга. Старик всегда приходил сюда и ел жаркое из бычьих хвостов, совсем не похожее на аккуратный немецкий суп — сытное, до краев, испанское, а потому — очень похожее на русское, хотя такого блюда у нас нет, но и у нас и у них — всегда до краев, а то и через край — от всего сердца, даже если это «до краев» — последнее, что есть в твоем доме...

«Каса Марсельяно» — маленький, двухэтажный ресторанчик. Он пустует все двенадцать месяцев, как, впрочем, и Памплона (я был там осенью 1973 года — глухая, тихая, безлюдная провинция, неужели это — столица Сан-Фермина?!), но в дни фиесты — это храм Братства, церковь Искренности, клуб Товарищества.

В углу, возле камина, сидел Луис Гандика, «ганадеро» из Венесуэлы, с матадором Тино. Гандика подписывает с Тино контракт: профессия «ганадеро» подобна импрессарио, только в отличие от тех, обычных, он подписывает контракт на смерть и пьет при этом красное вино, и аппетитно ест мясо, и аккуратно снижает цену за выступление, хотя его Плаза де Торос — вторая в мире по величине после мексиканской: сорок тысяч зрителей. Гандика жаловался на рост дороговизны — и в Испании и во всем мире, сетовал на ТВ, которое убивает корриду, бранил власти — в аккуратной и тактичной манере миллионера, которому позволено непозволенное, а Тино сидел отрешенно, словно бы присматриваясь к своему одиночеству среди этой веселой и пьяной, жестокой и нежной толпы сан-ферминцев. Крестьянское лицо Тино малоподвижно, живут только круглые глаза. Все движение собрано, завязано в жгут фигуры: широкие, словно крылья селезня, плечи, балеринья талия, сильные, хотя и очень тонкие, ноги.

Мы вышли из «Каса Марсельяно» и двинулись по калье

Эстафета, где завтра, нет, не завтра, а сегодня (ведь уже четыре часа утра), ровно в восемь, когда грохнет пушка, побегут люди (их называют «афисионадо») по деревянному коралю, ограждающему витрины, а следом за ними – быки, и люди будут падать и закрывать голову руками, а наготове будут стоять санитарные машины, и зрители — на балконах, на протяжении всех 823 метров улицы Эстафеты, по которой быки будут гнать любителей корриды во время этой полутораминутной «энсьерро» — станут напряженно и тихо смотреть, как погибают или чудом спасаются эти сумасшедшие «афисионадо».

На Пласа дель Кастильо по-прежнему бушевала толпа: все семь дней Сан-Фермина люди не спят — лишь только утром после «энсьерро» выпьют вина, съедят сэндвич и лягут на улице или в сквере, несмотря на категорический запрет полиции. (Впрочем, несмотря на многие категорические запреты, испанцы все более и более открыто игнорируют официальные «табу». В «Каса Марсельяно», где сидели за соседним столиком французы, молодые студенты из Мадрида кричали: «Да здравствует блок всех левых сил!» Это было невозможным год назад, как невозможной была открытая продажа книг Ленина, – сейчас они появились на книжных витринах.)

Мы проталкивались сквозь толпу, к бару «Чокко», где Старик всегда пил кофе рано утром после «энсьерро», и я смотрел на Тино, которого многие узнавали, и дивился той маске трагизма, которая была на его лице. Наверное, каждый тореро постоянно ощущает состояние трагедии, и не только в госпитале после ранения, но и сейчас, ночью, глядя на толпу, которая знает его, приветствует и любит, но до тех лишь пор, пока он — Тино и пока не погиб, или не испугался, или не заболел; тогда его предадут презрительному забвению. (Впрочем, подумал я, только ли к одним тореро приложимо это? Литератор, переставший писать, состарившаяся балерина — разве все это не составляет одну цепь — тяжелые вериги искусства?)

...А ранним утром, когда по улице Эстафеты с олимпий-

ской скоростью — километр за полторы минуты — быки пронеслись и ранили шестерых «афисионадо», мы сидели на Пласа де Торос. Только-только с арены ушел оркестр — поскольку люди здесь собираются загодя, на рассвете, часов в шесть, чтобы занять места получше, памплонцы два часа радуют гостей прекрасными песнями Наварры, танцами Астурии, страны басков, и на Пласа де Торос выскакивают зрители, ибо они не в силах сдержать себя, им надо двигаться, все время двигаться — до тех пор, пока на арену не вбегут люди, а следом за ними, поднимая их на рога и топча копытами, не ворвутся «торос», окруженные волами с колокольчиками на потных шеях. Вот барьер перепрыгнула длинноногая девушка, жеманно пошла, виляя бедрами, задрала юбку, а ведь это не девушка, это парень дурачится: хохот, свист, веселье... Сразу же появляется полиция, «нравственность — превыше всего, что это за французские штучки», сейчас схватят парня... Но — нет... Изменилась Испания. Полицейских освистали так, что казалось, воздух порвется, словно загрунтованный холст.

— Фуэрра! Вон! Фуэрра! Пошли прочь!

И ведь пошли прочь.

Веселье народного праздника продолжалось на арене до тех пор, пока служащие арены — их называют «работяги корриды» — не затолкали всех на трибуны — пришло время «энсьерро».

И вот прогремела пушка, и мы услышали шум, и он катился, как лавина прибоя, а потом этот единый шум распался на голоса, но и голоса, в свою очередь, разделились на вопль, тонкий крик, хриплый «а-а-а-ах», а потом на арену вбежали первые «афисионадо», а следом за ними, словно пульсирующая кровь из порванной артерии, втолкнулись следующие, а за этой второй партией, закрыв затылки руками, сталкивая друг друга с ног, ворвались третьи, последние, потому что их преследовали быки, и вся Пласа де Торос повскакивала со своих мест, заохала, закричала, а особенно кричали на трибунах «соль», которые подешевле, и там, в от-

личие от трибун «сомбра», все были в бело-красных костюмах, и все с бурдюками вина, и все поили друг друга, запрокинув головы, ловя ртом быструю, черную струю тинто, и не проливали ни капли на рубашку, а если и проливали, то что из того? — все равно красный цвет угоден Сан-Фермину и нужен для того, чтобы загодя злить «торос», которые сейчас метались по арене, поддевая рогами тех, кто стоял к ним ближе, а остальные перевалились через деревянную изгородь, и что там прыжки Брумеля и Тер-Ованесяна — сигали с места, без разбега, подгоняемые зримым ощущением гибели — отточенным, холодным и гладким рогом быка, который входит в тело, словно в тесто.

Быков, разъяренных, р а с с м о т р е н н ы х зрителями, великолепных быков с финки Миура, что в Андалузии — там отменные травы и мало воды, поэтому они похожи на символы скоростной спортивной мощи, вроде спортивных «ягуаров», — загнали наконец в ворота, откуда их выпустят в шесть часов пополудни, когда начинается коррида, и на арену снова высыпали сотни молодых и пожилых «афисионадо», и даже две толстенные американки выскочили на поле (это не переодетые, это — экзальтированные), но их освистали, и полиция прогнала их обратно, и зрители поддержали полицию в этом, и началась игра «афисионадо» с бычками-двухлетками: их выпускали через те же ворота, куда только что скрылись быки-борцы четырехлетки. Но и эти яростные двухлетки, которых выпустили на поле, начали разметывать толпу, и от них убегали, но не могли убежать, и падали, и закрывали голову руками, и сжимались в комочек, маленький человеческий комочек — словно во чреве матери, и бык-двухлеток бил этот комочек рогами и мял копытами, но «афисионадо», рискуя, дергали быка за хвост и принимали удар на себя, чтобы другие подняли раненого с желтого песка и унесли на трибуны, и на трибунах стоял замирающий, протяжный, тихий, громкий, ликующий, негодующий, непереводимый:

— О-о-о-о-о-о-о-л-ле!

А потом выпускали трехлеток с одним рогом, завязанным тряпками, и трехлетки тоже били «афисионадо» и разгоняли их, но не могли разогнать, потому что каждый испанец — Дон Кихот (когда он, безоружный, идет на быка, дразнит его газетой, играя ею, словно мулеткой) и Санчо Пансо (когда он сворачивается в комочек, чтобы тугая собранность тела самортизировала удар копытом или рогом), и поэтому нельзя, чтобы тебя, «афисионадо», освистали трибуны, если ты убежишь и струсишь; надо прыгать, манить быка на себя любым способом — все допустимо, одно лишь запретно: пугаться или — как будет точнее — показывать свой испуг зрителю...

Когда это опасное и прекрасное веселье кончилось, я спросил Дунечку:

— Почему Старик назвал роман о фиесте «И восходит солнце»?

— Не знаю, — ответила она. — Наверное, из-за Экклезиаста.

— Нет, — сказал я уверенно, не страшась категоричности на этот раз, — совсем не поэтому.

— А почему же? — спросила Дунечка.

— Вон, — сказал я, — посмотри налево.

Она обернулась, и в глазах у нее зажглось огромное красное солнце Испании, оно появляется на Пласа де Торос именно в тот миг, когда кончается «энсьерро», и начинается первое утро фиесты Сан-Фермина, и «сан» не очень-то приложимо к Фермину, потому что он прост, добр и открыт, как истый испанец.

Писать о корриде невозможно после Старика, лучше попробовать написать о нем самом в Памплоне: в этом мне помогли скульптор Сангино и талантливый журналист Хосе Луис Кастильо Пуче.

Я составил распорядок дня, по которому Старик там жил: до «энсьерро» — рюмка «перно», потом улица Эстафета и маленький балкончик, один из сотен, забитых людьми

с шести утра: лица сонные, смешные, усталые, счастливые, особенно у памплонцев, которые будут помнить этот праздник и жить им весь год — все эти нудные «первые января, вторые февраля, третьи марта, четвертые апреля, пятые мая, шестые июня — о-о-о-о-о-ле! — седьмое июля Сан-Фермин!», самый главный день года. Из окон маленьких ресторанчиков поднимается наверх, по узкому коридору старинной улицы, терпкий запах жареной капусты, вареных креветок, перегорелого оливкового масла — повара готовятся загодя встретить гостей после «энсьерро», когда тысячи ввалятся в ресторанчики и станут много есть, а еще больше пить, но даже то, что эти обыденные запахи кухни поднимаются наверх, и дышать трудно, и нет наваррского воздуха, который спускается с гор, храня в себе запахи близкого Бискайского залива, даже это не мешает ощущению постоянного праздника, который навсегда останется в тебе.

Старик наблюдал за тем, как бежали по улице «афисионадо», истинные патриоты Сан-Фермина, люди, умеющие перебороть страх и еще раз анализировал быков: первый раз их можно наблюдать во время вечернего перегона из коралля, куда «торос» привозят на машинах с полей в тот загон, где они будут спать, ожидая «энсьерро», но вечерняя пробежка отличается от утренней тем, что уже темно и нет солнца, а истинная коррида невозможна без солнца. Воображение Сервантеса, Унамуно, Барохи и Бласко Ибаньеса — это воображение, взращенное солнцем, оно билось в них, а когда их лишали солнца, как это сделали с Сервантесом, а позже с Унамуно, оно продолжало биться в их памяти, реализуясь в книге — нет, какое там в книге! — в новые жизни, судьбы, в новые миры, прекрасные миры, где все говорят и думают по-испански, а это значит, открыто, мужественно и добро, ибо таков уж этот народ, право слово...

Когда «энсьерро» кончилось и Эстафета снова делалась улицей, а не загоном для быков, заставленным деревянными щитами, предохранявшими окна и витрины от рогов и локтей, Старик шел на Пласа дель Кастильо, и садился на откры-

той веранде бара «Чокко», и просил официанта принести ему кофе с молоком и свежих, теплых еще, только что испеченных «чуррос» — длинных мягких пряников. Он завтракал как истый испанец, макая теплые, масляные «чуррос» в стакан «кафэ кон лече», и комментировал «энсьерро», словно истинный знаток корриды, быков, людей и подписывал протянутые ему сотнями рук открытки и книги, и каждую букву выводил тщательно, отдельно одну от другой, и почерк его был очень похож на почерк Горького, я много раз рассматривал его дарственную надпись на книге «Зеленые холмы Африки», которую мне привез Генрих Боровик. (Старик тогда спросил Серго Микояна и Генриха: «А почему Юлиан? Это слишком официально, словно на банкете у американского посла. Как вы называете его?» Ребята ответили: «Мы называем его Юлик». И Старик вывел своим каллиграфическим почерком, чуть заваленным влево: «Юлику Семенову, лучшие пожелания счастья — всегда — от его друга Эрнеста Хемингуэя».) Он подписывал открытки, книги, платки очень заботливо и внимательно и фамилию свою выводил по буквочкам, а не ставил какую-нибудь закорючку, как это делают молодые гении, алчущие паблисити, он был уважителен к людям, потому что наивно верил в то, что все они читали его книги. Но когда толпа становилась угрожающе огромной, он говорил:

— Все. На сейчас хватит. Остальные я подпишу попозже или завтра, — добавлял: — В это же время.

И уходил на Пласа де Торос, чтобы снова смотреть быков и говорить с «ганадерос» о том, какой бык особенно силен, что надо ждать от него, каковы рога — не слишком ли коротки, и как сильны мышцы ног, и хорошо ли зрение «торо». Он обсуждал все это не спеша, и «ганадерос» отвечали ему, обдумывая каждое слово, ибо они знали, что этот «инглез» не похож на других, он знает толк в корриде и быках, и это он написал что-то про фиесту, а потом про гражданскую войну, но не так, как о ней писали в Испании, но все равно ему дали Нобелевскую премию, и потом он говорит по-испански как настоящий «мадриленьо» и такие сочные матерные сло-

вечки вставляет, какие знает только тот, кто рожден под здешним небом.

Тут, на Пласа де Торос, возле загона, где быки жаждали боя, он проводил каждый день два часа — как истинный писатель, он был человеком режима, даже если пил свое любимое розовое «Лас Кампанас», лучшее вино Наварры. И будучи человеком режима (пятьсот слов в день — хоть умри), в час дня, когда полуденное солнце делалось злым и маленьким, а на улицах снова начинали грохотать барабаны, завывать пронзительные, но мелодичные дудки (и такая разность возможна в Памплоне) и площади заполнялись группами «пеньяс и компарсас» — молодыми ребятами и девушками, которые поют и танцуют, увлекая за собой весь город, превращая при этом дырявое ведро в великолепный барабан, а старые медные кастрюли — в мелодичные «тарелки», звук которых долог и звенящ, — Старик отправлялся к своему другу Марсельяно, который кормил его тридцать лет назад, или же заходил на базар и придирчиво выбирал лучший крестьянский сыр «кампесино», и «тьерно» — сочную кровавую свиную колбасу, и немного «морсия», и очень много «пан» — теплого еще хлеба; брал все это в машину и просил своего шофера Адамо отвезти его за город — на озеро, к Ирати, и там на берегу устраивал пиршество, наслаждаясь каждым глотком «Лас Кампанас» и соленым вкусом «кампесино», который отдает запахом овина, крестьянки, детства, Испании, и каждым куском сочной «тьерно», и подолгу порой рассматривал лицо шофера Адамо, который был итальянцем и во время войны был на стороне тех, кто воевал против Старика.

Кастильо Пуче как-то сказал:

— Папа был всегда одинаковый и при этом абсолютно разный.

Он очень хорошо сказал нам об этом с Дунечкой, и мы переглянулись тогда, и я долго размышлял над его словами, а когда узнал про судьбу Адамо, слова эти показались мне особенно значительными.

Я не знаю, отчего я подумал о м е с т и Старика тем, кто

был против него, против нас, против республиканцев, тогда, в тридцать седьмом. Не знаю, отчего я подумал об этом. Но, отгоняя от себя эту мысль, я возвращался к ней все чаще и чаще, ибо месть мести рознь. Мерзавец мстит из-за угла, он пишет донос, скрепляя его чужой подписью, или нанимает тех, кто будет бить человека, которого он хочет уничтожить, или похищает детей своего врага — мало ли способов подлости?! Но существует иная, особая месть, и она не противоречит законам рыцарства. Писатель лишен права на месть Словом — он тогда не писатель, а Фаддей Булгарин или еще кто иной — посовременнее. Месть в мыслях — это совершенно иное, тут сокрыто качество особого рода. Помноженная на дисциплину и благородство, такая месть может отлиться в «По ком звонит колокол», а это ведь и не месть, но возмездие, это — от Шекспира и Толстого, который, впрочем, Гамлета не принимал...

Особая месть Старика, нанявшего в шоферы бывшего итальянского фашиста, чтобы тот возил по дорогам его, — Старика, — Испании, была местью, про которую знал он один, а может быть, он — так же, как я сейчас, — отгонял от себя эту мысль и старался найти иное определение своему чувству — кто знает?

Человек дисциплины, Старик никогда не говорил в Испании про гражданскую войну — он не боялся за себя, он боялся за того, кому он скажет о своей позиции, которая не изменилась с тридцать седьмого года — она может измениться у тех лишь, кто любит Испанию показно, парадно, а не изнутри, как только и можно любить эту замечательную страну. Но если ему навязывали разговор, он резал, бил в лоб, как на ринге, чтобы сразу же повалить противника в нокаут: «Да, м ы тогда п р о и г р а л и». Он выделял два слова — «мы» и «проиграли». Как истинный художник, который сформулировал теорию «айсберга», он не педалировал на слове «т о г д а» — десять процентов должно быть написано, остальное сокрыто, ибо декларация губит искусство, талантливость всегда недосказанна и поэтому понятна тем, кто хочет

понять. (Я напишу о том, что происходит в политике и экономике Испании, но сделаю это особым образом — привлеку моих французских и американских коллег, которые работают в буржуазной прессе, — сие, надеюсь, оградит меня от визовых трудностей. Впрочем, я свою позицию никогда не скрывал и считаю унизительным скрывать ее, и я очень гордился, когда в Испании меня называли «рохо» — «красный». Это, кстати, тоже симптомы — дружить, открыто дружить с «рохо» из Москвы: года два-три назад такое каралось.)

...Старик мог подолгу, задумчиво рассматривать лицо Адамо, и он, верно, жалел шофера, ибо понимал, что мстит. И тогда он переводил взгляд на Мэри, и лицо его смягчилось, и расходились морщинки вокруг глаз. Я понимаю, отчего такое случилось с ним, хотя провел с Мэри всего один день в Нью-Йорке, неделю в Москве и два дня на охоте, на Волге, куда я ночью отвез ее прямо с читательской конференции в Библиотеке иностранной литературы.

Кто-то из великих испанцев утверждал, что, познав одну женщину, ты познаешь их всех — причем в это вкладывается отнюдь не плотский смысл, не тот, который так импонирует животным мужского рода, пылкокровным и тупым кретинам, не скрывающим своего снисходительного превосходства над женщиной только потому, что ему дано заниматься дзю-до; отнюдь нет. Унамуно считал, что женщины похожы одна на другую значительно больше, чем мужчины, — все они мечтают об одном и том же: семья, дети и любовь — обязательно до старости. В мужчинах значительно в большей мере заключено начало «личностного», тогда как природа распределила между женщинами мира одну-единственную душу — с небольшими коррективами за счет уровня развития государства, климатических условий, национальных обрядов и привычек. (Тезис невозможен без антитезиса, разность рождает истину — возражая и Унамуно и себе самому, я вспоминаю Гризодубову, Терешкову и Плисецкую... Одна душа? Впрочем, можно выносить определенное суждение обо всем — это неприложимо лишь к женщи-

не. Такая антитеза, думаю, не вызовет гнева представительниц прекрасного пола.)

Всякое познание — бесконечно, и коррективы в этот необратимый процесс вносит не догма — жизнь. Этим утверждением я не пытаюсь опровергнуть мудрость великих испанцев. Оспаривать их — трудное дело, и «коллективная душа» женщин — трезвое, хоть и горькое соображение, но, видимо, из каждого правила следует делать исключение. К таким исключениям должна быть отнесена Мэри. Я не могу писать о том, что она мне рассказывала о Старике — это слишком личное, что знали только два человека, но то, о чем говорит Кастильо Пуче, знали в Памплоне многие: это история, когда Старик «похитил» двух молодых американок, а потом одну «ирландскую девушку», и как над ним подшучивали, разбирая вопрос, отчего это у Папы такие синяки под глазами, и Мэри тоже подшучивала над ним, продолжая быть ему д р у г о м. Жене художника отпущена великая мера трудных испытаний; выдержать их дано не каждой. В чеховском определении «жена есть жена» заложен библейский смысл, но без того пафоса, который порой присущ великой литературе древности: в высшей истине всегда необходим допуск юмора. Жена — в распространенном понимании — это женщина, которой з а к о н о м дано п р а в о отвести ото рта мужа рюмку, устроить скандал, если он увлечен другой, подать на развод, когда «глава семьи» проводит долгие недели на охоте или на рыбной ловле или молчит, угрюмо молчит, не произнося ни слова целые дни напролет. Мы подчас лжем самим себе, когда говорим о жене как о друге, потому что никогда мы не рассказываем ей того, что рассказываем Санечке, Хажисмелу, Семену, Толе, Феликсасу — у костра, в лесу, ожидая начала глухариного тока, когда смех наш приглушен лапами тяжелых елей, в низине бормочет ручей, и все мы ждем того часа, когда первый глухарь «щелкнет», возвестив миру начало его «песни песен». Хемингуэй рассказывал Мэри в с е — не подбирая слов, не страшась открыть себя, и он никогда не боялся потерять ее, приобщив к своей муж-

ской правде: если только мужчина хоть один раз испугается — он перестанет быть мужчиной.

В Памплоне Мэри была рядом с Папой, только если это было ему нужно. Он не говорил, когда это было нужно, — она это умела чувствовать, потому что любила его, преклонялась перед ним и обладала редкостным даром высокого уважения к своей м и с с и и — быть женой художника.

Только филистер или старый ханжа может упрекнуть меня за то, что мне видится именно идеал такой жены: впрочем, идеал однозначен, но мера приближения к нему – разностна...

В половине шестого, закончив обед на Ирати, Старик возвращался в Памплону, или уходил из «Каса Марсельяно», или прощался с Хуанито Кинтана, которого он вывел в «Фиесте» под именем «сеньор Мантойа» и который тогда еще, в начале двадцатых, свел молодого Хэма с миром матадоров и остался другом Старика, когда тот вернулся спустя тридцать лет всемирно известным писателем и в их отношениях ничто не изменилось: только выскочки от искусства забывают тех, с кем они начинали и кто помогал им на старте.

Он приходил на Пласа де Торос загодя и любовался тем, как на трибунах «соль» веселые и шумные группы «риау-риау» в белых, зеленых, красных и оранжевых рубашках — разноцветье, складывающееся в ощущение праздника, — пели свои песни: одна кончится, сразу начинается следующая, и кажется даже, что она еще не кончилась, это вроде волны, которая догоняет другую и бьет ее внахлест, и целый час перед началом корриды Пласа раскачивается, веселится, пьет, танцует на месте, но танцует так, что импульс чужого движения передается тебе, и ты тоже хочешь подняться, вроде этих «риау-риау», и защелкать пальцами, подняв над головой руки, и выделывать ногами сложные выверты, и быть в одном ритме с тысячами людей, которые не смотрят друг на друга, но д е л а ю т одинаково — это как Панчо Вилья, когда не ждут приказа, но каждый знает свою боль и надежду, и поэтому рождается всеобщая слаженность, один цвет, единая устремленность.

В рассказе «Удар рога» Хемингуэй, описывая пансионат в Мадриде, где он жил в первые свои приезды в Испанию, выводит образ тореро, который и с п у г а л с я. (Это лейтмотив его творчества: «человек и преодоление страха», ибо Человек — лишь тот, который смог преодолеть страх.)

Мы с Дунечкой спросили портье в нашем отеле, оставлены ли нам билеты на сегодняшнюю корриду, на выступление «звезды» Пако Камино, брата которого в прошлом году убил бык на корриде в Барселоне, а самого его сильно ранил, и на Пакирри, который женился на дочери Ордоньеса, внучке Ниньо де ля Пальма, и на Диего Пуэрта, который славится умением быть мудрым, ибо он, как и большинство матадоров, пришел на корриду с крестьянского поля.

— О, сеньор Семеноф, — ответил портье, тяжко вздохнув, — на сегодняшнюю корриду можно попасть, лишь обратившись к услугам черного рынка.

— Где он находится?

— На Пласа дель Кастильо, — шепотом ответил портье, ибо он как все испанцы, обожает игру в опасность: я потом убедился, что в Памплоне каждый полицейский покажет вам путь на черный рынок Пласа де Торос, не понижая при этом голоса и не оглядываясь по сторонам.

— А лично вы не можете помочь мне?

Портье легким взмахом холеной руки взял листок бумаги и написал на нем цифру: «1500 песет», что в переводе на проклятую «свободно конвертируемую валюту» означает 30 долларов. (Четвертая часть месячного заработка рабочего средней квалификации.)

— Спасибо, — сказал я, переглянувшись с Дунечкой, — мы с дочерью обдумаем это предложение.

И мы пошли на черный рынок и выяснили, что портье был честным человеком: действительно, билет на сегодняшнюю корриду стоил 1300 песет. Что касается 200 лишних, то здесь вступает в силу закон риска, оплата посредника — портье положит в свой карман не более 150 песет от двух билетов, а это по правилам — здешним, естественно, правилам.

Словом, без помощи нашего доброго друга скульптора Сангино мы бы на корриду не попали, но он — самый популярный ваятель Испании, друг всех матадоров, а Испания чтит популярных людей.

И вот здесь, на Пласа де Торос, когда началась коррида, и когда после грома оваций Пако Камино начал первый бой, и бык у него был красным и не очень большим, всего 458 килограммов, я увидел воочию, что такое страх..

(Я испытал страх за день перед этим, когда повел Дунечку на первую корриду: многие северяне уходят после начала боя; правда, и каталонцы с презрением отзываются о корриде, считая ее изобретением «ленивых и кровожадных андалузцев». Однако когда Пуэрта славно поработал с быком перед тем, как выехал пикадор — этот, увы, необходимый «бюрократ корриды», и потом провел прекрасное, рискованное ките, отвлекая на себя разъяренного быка после того, как пикадор «пустил ему первую кровь», я взглянул на дочь и понял, что страхи мои были пустыми: лицо ее казалось замершим, собранным, отрешенным — точно таким, когда она стоит у мольберта и пишет свою картину.)

Пако Камино пропустил мимо себя быка, взмахивая капотэ осторожно, придерживая его возле колен, чтобы рога быка шли низко — он словно бы хотел заставить «торо» бодать желтый песок арены, укрытый на какое-то мгновение розовым капотэ. Это сразу же не понравилось зрителям, ибо «два условия требуются для того, чтобы страна увлекалась боем быков: во-первых, быки должны быть выращены в этой стране, и, во-вторых, народ ее должен интересоваться смертью. Англичане и французы живут для жизни».

Лучше, чем Старик, не скажешь — незачем и пытаться.

Пако Камино держал быка в десяти сантиметрах от себя, а то и больше, и движения его отличались скованной суетливостью, и на трибунах стали кричать и свистеть, а когда бык поддел рогом капотэ, вырвал его из рук Пако Камино и погнал матадора по арене, Пако вознесся над барьером и перевалился через него, как настоящий «афисионадо», который

хочет быть матадором, боится им стать и все-таки прет на рожон, расплачиваясь за это ранением или жизнью, и если «афисионадо» за такой прыжок аплодируют, то Камино освистали дружно и с такой яростью, что казалось, на Пласа де Торос запустили двигатели три реактивных истребителя.

Камино плохо вел себя на арене, и мне было больно смотреть на Дунечку, которая только-только познакомилась с ним в баре отеля «Джолди», где Старик обычно кончал вечер, разговаривая с матадорами перед тем, как уйти на ужин в «Лас Пачолас». (Беседовать в «Джолди» надо уметь: бар — комната сорока метров — от силы, а народа там не менее двухсот человек, и все при этом кричат, жестикулируют, и поэтому бесперерывно толкают тебя локтями. Если не жестикулировать, как все, собирающиеся здесь, тебе набьют синяки, но стоит начать жестикулировать так, как это делают испанцы, сразу же наступит некая гармония, и локти соседей будут проходить мимо твоих локтей, и никто не станет пересчитывать тебе ребра — лишнее подтверждение тому, что в чужой монастырь нет смысла соваться со своим уставом.)

В «Джолди» Пако Камино был очень красив и значителен, но в отличие от Тино он прятал под маской веселости ощущение постоянного страха, и он хорошо обманул всех нас, но это уже от политика, а матадор должен быть как художник: он имеет право не скрывать свое состояние накануне акта великого таинства творчества, а тавромахия — это творчество, с этим нелепо спорить.

А сейчас, на арене, Пако Камино был бледен и м е л о к. Он плохо убил быка, и, когда он уходил, в него с трибун «комбра» летели подушечки, на которых сидели синьоры и синьориты, а с трибун «соль», где подушек не берут из-за экономии, на него обрушились куски хлеба, пустые бутылки из-под пива и гнилые помидоры.

Но после него было чудо: выступил «человек Ордоньеса — Ниньо де ля Пальма» — Пакирри. На арену выскочил юный, маленький Вахтанг Чабукиани. Он позволил пикадору только один раз пустить быку кровь, а потом взял быка на

себя и, разъярив его, остановил в центре арены, и стал перед ним на колени, и взмахнул мулетой, пропустив его в сантиметре от себя, не поднимаясь с колен, а лишь поворачиваясь стремительно, и я ощутил его боль, и почувствовал, как песок рвет кожу под желтыми чулками, и снова вспомнил испано-грузинское родство, и танцоров из Тбилиси, которые шли по улицам Хельсинки и танцевали, падая на колени, не страшась асфальта, а вокруг гремели аплодисменты друзей и свист врагов, а Пакирри снова пропустил быка мимо себя, а потом попросил своих бандерильеро[1] уйти с поля и сам поставил бандерильи, а после ударил быка и, остановившись перед ним, поднял руку, и бык, послушный его властному жесту, пал, и Пласа де Торос стала белой, оттого что все замахали платками, требуя от президента корриды награды, «трофэо», как говорят здесь, и президент выбросил белый платок, и все закричали: «фуэрра, долой, фуэрра!», и президент выбросил второй платок, и Пакирри вручили два уха, и он снисходительно зашвырнул их на трибуны — одну на «соль», вторую — на «сомбра», и его унесли на руках, как несли на руках и Диего Пуэрта, ибо тот продолжал бой после того, как бык рассек ему руку и пропорол ногу, но он получил только одно ухо, и зрители согласились с этим, потому что в его искусстве не было того открытого и пренебрежительного отношения к смерти, что проносится в сантиметре мимо тебя, и еще потому, что он слишком хотел победить, и это было заметно, в то время как Пакирри не думал о победе — он просто сражался, любя своего противника.

Мы кончили вечер с Дунечкой в «Джолди», и мы пожелали счастья Пакирри и Диего Пуэрта, как это положено в Испании: «Пусть бог распределит удачу», но Пуэрта ответил не так, как здесь было принято раньше, — он ответил: «На арене удачу распределяю я».

А Пако Камино, красивый до невероятия и такой же гордый, прошел к своему «роллс-ройсу» мимо маленького парнишки со свежим шрамом на носу, и женщины пробивались

1 - Бандерильерос — помощники матадора.

к Пако, работая локтями, как марафоны, а мужчины хлопали его по плечам — все-таки знаменитость, — а парнишка со шрамом стоял рядом с нами и что-то надписывал на фотографии Дунечке, и никто не рвался к нему, а это был Ниньо де ля Копеа, который назавтра получил высшую награду Испании: два уха и хвост, и в газетах напишут, что он — надежда страны и что он работает так, как работали Манолете и Ордоньес в свои самые лучшие дни — не годы.

...Люди, пожалуйста, смотрите вокруг себя внимательно: всегда подле вас есть Моцарт, Шукшин и Ниньо де ля Капеа — девятнадцати лет от роду, скромный и сильный, каким был Педро Ромеро, когда Хемингуэй списывал его с Ниньо де ля Пальма.

...А после того как у меня завершились все встречи, мы поняли, что совершенно свободны и что, хотя памплонская фиеста кончилась, Испания продолжается и будет продолжаться вечно в каждом, кто смог понять этот замечательный народ, а Испания все-таки начинается с Мадрида — для меня, во всяком случае.

— Нет, — сказала Дунечка, — для меня все кончилось в Памплоне.

— Тебе не нравится Мадрид?

— Он — официальный.

Я хотел сказать, что нельзя вот так, с маху, о б и ж а т ь — неважно, кого или что — человека или город. Рассеянная невнимательность, даже если это врожденная черта характера, все равно обидна для окружающих: не вешать же себе на шею табличку — «заранее приношу прощение за мою невнимательность, рассеянность и категоричность — в принципе я добрый человек, не желающий никому зла».

Но я решил отложить эту сенсацию «на потом», а сейчас спросил:

— Ты что — уже обошла все улицы Мадрида? Видала его ранним утром у Сибелес, вечером на Гран Виа? Ночью возле средневековой Алкала? Днем у Карабанчели?

— Все равно, здесь очень длинные авениды и слишком много полиции.

— В Памплоне тоже была полиция.

— В Памплоне ее освистывали и прогоняли, когда она мешала фиесте.

Последний довод был справедливым, и я принял компромиссное решение.

— Знаешь что, — сказал я, — давай позвоним Кастильо Пуче и пройдем вместе с ним по тому Мадриду, который так любил Хемингуэй.

— А потом пойдем на корриду?

— А потом обязательно пойдем на корриду.

...В глазах у нее по-прежнему были маленькие белые человечки в красных беретах, повязанные красными кушаками, с низками чеснока на груди — она продолжала жить буйством Памплоны, и это на всю жизнь, и это прекрасно, и в будущем, думается мне, многие наши люди станут приезжать на фиесту, как — убежден — многие испанцы станут приезжать к нам на Родину — ей-богу, у нас есть свои великолепные праздники, которые стоит посмотреть: это тоже будет на всю жизнь у тех испанцев, которые приедут...

— Значит, так, — прогрохотал в трубку Кастильо Пуче, шершавя мембрану жесткой бородой,— и ты должен через полчаса приехать в кафе-мороженое «Оливетти». Как, ты не знаешь, где «Оливетти»? Но это же за стадионом «Реаль Мадрид», и все «мадриленьёс» знают, где находится «Оливетти»!

Он полчаса объяснял мне, как туда надо проехать, а потом трубку взяла его дочь Таня и объяснила все за две минуты, и мы поехали, и нас задержал полицейский, потому что мы нарушили правила, а поди их не нарушь в сутолоке мадридских машин, их за год, что я здесь не был, прибавилось еще, по крайней мере, тысяч сто, и Дуня, побледнев, шепнула:

— Это «гвардия севиль»? (Она уже знала, что такое «гвардия севиль» — испанцы не очень-то скрывают своего

отношения к этой полицейской организации.)

— Нет, — ответил я, — это обычный дорожный надзор, не волнуйся.

Полицейский потребовал мои права с каменным лицом и алчным блеском в глазах, не предвещавшим ничего хорошего. Он повертел мои права, потом посмотрел марку машины и спросил:

— Откуда вы и что это за «оппель»?

— Это не «оппель», а «Волга», мы из Советского Союза и пытаемся найти кафе-мороженое «Оливетти», которое в Мадриде знает каждый.

— Вы русские?!

— Да. Советские, — сказала Дуня, побледнев еще больше.

— Вы русские, — повторил полицейский, возвращая мне права, — которые ездят на «Волге», не в силах найти «Оливетти»? — алчный блеск в его глазах потух, и зажегся иной блеск — удивления, недоверия и интереса. — Это ж просто: обогните клумбу, возвращайтесь назад, поверните направо возле пятого светофора, потом круто налево, потом два раза направо, потом снова налево, пересеките авениду: вот вам и «Оливетти».

Он поднял палку, остановил поток машин и позволил мне нарушить все правила, какие только существуют на свете.

— Ну и ну, — сказала Дуня, а я ничего не сказал, потому что напряженно считал светофоры.

Кастильо Пуче ждал нас со своей старшей дочерью Таней. Мы выпили кофе и отправились по Мадриду, по хемингуэевским местам.

Жара была градусов под сорок. Дуня страдала, я наслаждался, Кастильо Пуче и Танюша не обращали на жару внимания, ибо, как настоящие мадриленьёс, они обожают в своем городе все — даже жару.

«Небо над Мадридом высокое, безоблачное, подлинно испанское небо, — по сравнению с ним итальянское кажется

приторным, — а воздух такой, что дышать им просто наслаждение», — писал Старик, но жизнь, увы, внесла свои коррективы: над Мадридом сейчас висит смог из-за того, что понастроили множество заводов, а улицы запружены машинами, и только ночью, если полнолуние, и на Пласа Майор горят синие, под старину, фонари, можно увидеть звезды и черный провал небосвода и понять, что Старик — сорок лет назад всегда мог видеть такое высокое, прекрасное небо не только ночью, но и днем, когда он работал в том отеле, который в «Фиесте» назвал «Монтана» и где он поселил свою Брет с Педро Ромеро, а на самом деле никакого отеля «Монтана» не было, а был маленький пансион на углу улиц Алкала и Сан Эронимо. Здесь, в этом маленьком пансионе, где жили вышедшие из моды матадоры, священники и студенты, молодой Старик снимал маленькую комнату и писал в баре, что был на первом этаже, потому что в его каморке стояло лишь колченогое трюмо — стола не было, и в течение трех месяцев терпел обиды от постояльцев, которые издевались — но не очень злобно — над чудовищным испанским этого длинного «инглез», а потом, по прошествии трех месяцев, во время которых молодой Хэм каждый день прочитывал все мадридские газеты, говорил с людьми на улицах, слушал речь матадоров, — он стукнул кулаком по столу, когда шутить по его адресу стали особенно солоно, и на хорошем мадридском пульнул такой отборной бранью, которую употребляют «чуллос» — самые яростные матерщинники Мадрида, что все посетители сначала смолкли, а потом расхохотались и стали поить Хэма вином, и признали его своим, и никогда больше не смели потешаться над «инглез», потому что только испанец может говорить так, как сказал сейчас этот молодой репортер, только испанец, а никакой там не «инглез»...

Ныне в том доме, где была гостиница «Монтана», которую Старик отдал Брэт Эшли и тореро Педро Ромеро (чертовски красиво звучат три эти слова, поставленные рядом!), находится отель «Мадрид». Друзьям — а твои герои не могут не быть твоими друзьями, все без исключения, даже самые

противные, потому что они словно больные дети, уродцы, но твои ведь — отдают то, что знают по-настоящему, где не наврешь и не запутаешься, а Старик очень хорошо знал те места, где он жил, и те страны, в которых он писал, а в Испании он писал свои лучшие вещи.

— Он говорил по-испански очень медленно, — заметил Кастильо Пуче, когда мы остановились напротив дома 32 на улице Сан Эронимо, где он жил в первые приезды, — и не совсем правильно, но в этой неправильности «кастильяно» была своя особая прелесть, потому что он говорил на очень сочном языке народа, который обычно не в ладах с грамматикой, но зато всегда в ладах со здравым смыслом и юмором. И еще он здорово чувствовал новое, он впитывал наше н о в о е с языком.

...Не ради красного словца, а воистину — говорливый интеллектуал от литературоведения, даже самый утонченный, подобен базарному жулику, ибо новое — это хорошо забытое старое, а настоящее новое ныне появляется лишь в науке и технике, а в литературе это новое редкостно и тогда лишь является воистину н о в ы м, когда писатель выворачивает себя наизнанку, и не стыдится этого и отдает всего себя читателю: ведь Александр Фадеев был и Левинсоном, и Метелицей, и Мечиком одновременно, как Шолохов — Мелиховым и Нагульным, Твардовский — Теркиным, Пастернак — лейтенантом Шмидтом, а Хемингуэй — Педро Ромеро, Роберто Джорданом и Пилар, и только поэтому свершалось чудо, а не унылое описательство, именовавшееся ранее беллетристикой, а сейчас — прозой. Но вывернуть себя дано не каждому, и это выворачивание обязано быть подтверждено з н а н и е м предмета, а предмет литературы — человек, но вне конкретики, вне правды окружающего, правды узнаваемой, доступной каждому, человек оказывается схемой, и не спасает ни порнография, ни былинный эпос, ни головоломный сюжет.

Во всех романах Старика, связанных с Испанией, торжествует поразительное знание этого замечательного народа,

его городов, праздников, обычаев, литературы.

Это, однако, не помешало неким «вещателям» от критики напечатать в газетах в день его похорон: «Дон Эрнесто никогда по-настоящему не понимал Испании. Он слышал колокола, которые звонят, но не понял, где они звонят и по ком». Или — в другой газете: «По ком звонит колокол» построен на любви к красной Испании. Несколько образов националистов написано неточно, и в то же время он позволял себе оправдывать и прославлять тех испанцев, на стороне которых он был... Если он и понимал нас, то лишь наполовину...»

— Может быть, он понимал нас вполовину, — заметил Кастильо Пуче, — но во всяком случае он понимал нас лучше, чем мы его, и уж несравнимо лучше, чем мы — себя.

Старик вновь приехал в Испанию лишь в 1953 году, когда было выполнено его условие: «Я никогда не посещу Мадрид до тех пор, пока из тюрем и концлагерей не освободят моих товарищей-республиканцев, всех тех, кого я знал и любил и с кем вместе сражался». Последний его друг был выпущен в пятьдесят третьем году, весной, просидев в концлагере четырнадцать лет. Тем же летом Старик пересек границу и прибыл на фиесту и снова начал изучать Испанию, испанцев, корриду, матадоров, молодых писателей, музей Прадо и Эскориал, Наварру, лов форели на Ирати, мужество Ордоньеса и достоинство Домингина.

В Мадриде он останавливался в отеле «Швеция» на калье Маркиз де Кубас. Он занимал на четвертом этаже три номера: для себя, где он работал, когда писал «Опасное лето», для Мэри и для Хотчера. Журналисты знали, что он останавливается в этом трехзвездочном отеле («мог и в пятизвездочном, с его-то деньгами» — вопрос престижа для испанцев вопрос особый, а все отели разделены на пять категорий: от одной звезды до пяти звезд, и все знаменитости обязательно живут в роскошных пяти «эстреллас», а Папа позволяет себе и в этом оригинальничать. Старик не любил говорить о своих денежных делах, но однажды объяснил Ка-

стильо Пуче, что из 150000 долларов, которые ему уплатили за право экранизации «По ком звонит колокол», он получил третью часть — все остальное взяло себе управление по налогам.) Журналисты, американские туристы и молодые испанцы подолгу ждали Старика в холле, а он выходил через тайную дверь на калье де лос Мадрасос и шел прямехонько в Прадо: когда ему не работалось, он ходил туда два раза в день, а когда пятьсот слов ложились на машинку и он облегченно вздыхал, выполнив свою дневную норму, а выполнять ее становилось все труднее и труднее, он ходил в Прадо только один раз — вместо зарядки рано утром. Вообще-то мне бы следовало написать не «вместо зарядки», а «для зарядки», потому что больше всех художников мира он ценил испанских, а из всех испанских — Гойю, ибо тот, по его словам, брался писать то, что никто до него не решался — не костюм, сюжет или портрет — он брался писать человеческие состояния.

Разность возрастов не есть с о с т о я н и е, это всего лишь приближение к состоянию, а в наше время эта возрастная разность все больше и больше стирается. Я наблюдал за тем, как Дунечка шла вдоль полотен Гойи, Веласкеса, Тициана и Рафаэля. Сдержанность нового поколения — предмет мало изученный социологами, и мне сдается, что молодые копают главный смысл и держат себя — в себе, и это далеко не нигилизм, это нечто новое, ибо мир за последние десять лет решительным образом изменился, его распирает от «заряда информации», мир приблизился к крайним рубежам знания, он, мир наш, похож сейчас на бегуна, вышедшего на финишную прямую. Когда я впервые смотрел Гойю, Эль Греко и Веласкеса, я испытывал особое состояние, я волновался, как волнуются, когда договариваются по телефону о встрече с очень мудрым человеком, про которого много слыхал, но не разу не видел. А Дуня шла, сосредоточенно рассматривая р а б о т у великих так, как она рассматривает работы своих коллег по училищу живописи. И только когда Хуан Гарригес привел нас в зал Иеронима Босха, я увидел

в глазах дочери изумление и открытый, нескрываемый восторг. Босх написал триптих: мир — от его создания до Апокалипсиса. Если прошлое в шестнадцатом веке можно было писать гениально, то писать будущее, угадывая подводные лодки, атомные взрывы, межконтинентальные катаклизмы, — это удел провидца от искусства, это дар — в определенном роде — апостольский. Информация, заложенная в поразительной живописи Босха, настолько современна в своей манере, настолько молода, что можно только диву даваться, откуда т а к о е пришло к великому гению.

— А как тебе Гойя? — спросил я Дуню.

— Гойя это Гойя, — ответила она, не отрывая глаз от Босха. — Им все восторгаются, и так много о нем написано...

— А Босх?

— Для меня — это больше, чем Гойя.

— Почему?

— Потому, что раньше я не знала, что это возможно.

(Не в этом ли ответ на то, отчего молодежь стремится поступать в институты, связанные с тем, «что раньше было невозможно» — электроника, атом, революционная — в новом своем состоянии — математика? Я убежден, что форма преподавания гуманитарных дисциплин сейчас сугубо устарела, ибо преподаватели не стремятся по-новому н а й т и в поразительных по своему интересу предметах истории, экономики, географии то, что «раньше было невозможно».)

...А потом мы пошли на уютную, тихую Санту-Анну и сели за столик пивной «Алемания».

— Здесь определен распорядок дня раз и навсегда, — продолжал Кастильо Пуче, — в десять часов пьют пиво журналисты, которые пишут о корриде, — их Папа не очень-то слушал, они слишком традиционны и не ищут н е в о з м о ж н о г о. В час дня сюда приходят «ганадерос», а к ним Папа прислушивался, потому что они знали истинный толк в быках.

...Он сидел у окна, много пил и очень быстро писал свои отчеты для «Лайфа», которые потом стали «Опасным ле-

том». Вечером, часов в десять, когда сюда приходят после корриды все, и матадоры в том числе, — он не любил здесь бывать, потому что шум становился другим, в нем появлялось иное качество, в нем было много лишнего, того, чего не было в дневном шуме, который, наоборот, помогал Старику работать, ибо то был шум не показной, наигранный, вечерний, когда много туристов, а шум, сопутствующий делу: такое бывает на съемочной прощадке перед началом работы, и это не мешает актеру заново перепроверять образ, который ему предстоит играть, но зато ему очень мешает стайка любопытных, которых водят по студии громкоголосые гиды.

— Пойдем в «Кальехон», — сказал Кастильо Пуче, — там Старик любил обедать.

И мы пошли в «Кальехон», и это было похоже чем-то на памплонскую «Каса Марсельяно» — такое же маленькое, укромное, с в о е место, где нет высоких потолков, вощеных паркетов и громадных колонн. Когда вы войдете в укромный, тихий «Кальехон», на вас с осторожным прищуром сразу же глянет Хемингуэй: его портрет укреплен на деревянной стене, прямо напротив двери. Все стены здесь (как и во многих других ресторанчиках Испании) увешаны портретами матадоров с дарственными надписями. Когда мы поднимались на второй этаж, я обратил внимание на свежую огромную фотографию: это был Ниньо де ля Капеа, самый молодой и — отныне самый известный матадор Испании.

— Возмем себе то, что обычно брал Папа, — сказал Кастильо Пуче.

Нам принесли «гаспачо андалус» — холодный томатный суп в глиняных блюдцах. Сюда, в эту холодную, такую вкусную во время жары похлебку, надо положить мелко нарезанные огурцы и поджаренный хлеб и перемешать все это, и получится некое подобие нашей окрошки или болгарского «таратора», несмотря на то, что наша окрошка рождена квасом, а «таратор» — кефиром. Потом Старик заказывал «гуадис колорадос» — крестьянскую еду, мясо с бобами, в остром, чуть не грузинском соусе, а после «арочелес» — рис с курицей.

Доктор Мединаветтиа, старый друг Старика, который наблюдал его в Испании, запретил ему острую пищу и сказал, что можно выпивать только один стакан виски с лимонным соком и не более двух стаканов вина, и Старик очень огорчился и долго молчал, когда пришел сюда, и выпил пять виски, а потом взял вино «вальдепеньяс» из Ла Манчи и заказал много еды, так много, что вокруг него столпились официанты: было им жутко смотреть, как Папа работает ложкой, ножом и вилкой — «неистовый инглез этот Папа»...

— Отсюда мы пошли к Дону Пио, — продолжал Кастильо Пуче, — к великому писателю Барохе, который умирал, и кровать его была окружена родственниками, приживалками, журналистами, фотографами; Папа купил бутылку виски, а Мэри передала свитер — «это настоящий мохер», добавила она, и это был бы очень хороший подарок, потому что Пио Бароха боялся холода, но подарок Мэри не пригодился, потому что через два дня Бароха умер. Старик надписал ему свою книгу и поставил на столик возле кровати бутылку виски и сказал Барохе, как он н у ж е н ему, как много он получил от Дона Пио, от его великих и скорбных книг, а Бароха рассеянно слушал его, осторожно глотая ртом воздух...

После, когда Старик вышел от Барохи, он задумчиво сказал:

— Я никому не доставлю такой радости: умирать, как на сцене, когда вокруг тебя полно статистов, и все на тебя смотрят, дожидаясь последнего акта...

Именно в тот день, когда он был у Барохи, Старик зашел в те два бара на Гран Виа, куда обычно он не любил заходить: в «Эль Абра» и «Чикоте». Он не любил заходить туда потому, что именно в этих барах он проводил многие часы с Кольцовым, Сыроежкиным, Мамсуровым, Карменом, Цесарцем, Малиновским, Серовым, когда он писал «Пятую колонну» и «Землю Испании», когда вынашивался «По ком звонит колокол», когда он был молод, и не посещал доктора Мединаветтиа, и безбоязненно приникал губами к фляжке с русской водкой, не думая о том, что завтра будет болеть голова,

и будет тяжесть в затылке, и будет ощущение страха перед листом чистой бумаги, а нет ничего ужаснее, чем такой страх для писателя...

Когда мы назавтра возвращались на Толедо, погода внезапно сломалась, небо затянуло низкими лохматыми тучами, а потом поднялся ветер, а после посыпало белым, крупным, русским градом, и это было диковинно в июльской Испании, и я вцепился в руль, оттого что шоссе стало скользким и ехать было опасно, а Дунечка безучастно смотрела в окно, но это только казалось, что она безучастно смотрит, потому что она вдруг сказала:

— Остановись, пожалуйста.

Я остановился, и Дунечка достала из багажника этюдник и сделала углем набросок, а в номере отеля достала краски, и запахло работой — скипидаром и холстом, и она долго работала, а потом я увидел картину — огромное, синее дерево, согнувшееся от урагана, и черное небо, в котором угадывалось солнце, и бесконечная, красно-желтая земля Испании.

Символ только тогда делается символом, если в нем сокрыта правда, понятная тебе. Для меня эта картина сразу же обрела название: «Старик в Испании, 1960».

В шестьдесят первом году он прислал телеграмму в Памплону с просьбой забронировать его обычное место на корриду. За день перед вылетом он застрелился. Его отпевали в то утро, когда начался Сан-Фермин, фиеста, вечный его праздник.

Он не решался прилететь в Испанию сломленным, он решил уйти, чтобы сохранить себя навечно. Здесь, за Пиренеями, надо обязательно быть сильным, бесстрашным и уверенным в том, что скоро взойдет солнце...

Одна из главных метаморфоз современной Испании яснее всего просматривается не столько в шумном экономическом буме, не в степени его риска — неуправляемость подъ-

ема чревата внезапной катастрофой спада, не в размахе оппозиционности разных слоев населения (об этом доказательно пишет не только коммунистическая пресса, но и буржуазная, «иносказательно»), но в позиции церкви, которая прошла за последние годы поразительную — с точки зрения скоростей эпохи — эволюцию.

Помимо причин объективных, сегодняшних, социальных, я то и дело в рассуждениях своих обращаюсь к прошлому, к истории. Не стану повторять древних, которые утверждали, что «там, где процветают пороки, грешным оказывается праведник» — к современной испанской ситуации это может быть приложимо в прямом смысле. Скорее всего нынешнюю позицию испанской церкви следует объяснить как некое раскаяние, которым сплошь и рядом является поздно приходящее осознание. Нужно признать, что слова Гейне о том, что «с тех пор, как религия стала домогаться помощи философии, гибель ее неотвратима», перестали быть абсолютом: второй Вселенский собор, проведенный Ватиканом, проходил под знаком сращивания теологии и современной философии. Мне пришлось слышать в Риме энциклику папы: он говорил о нормах эстетики в период научно-технических революций — это показатель, и показатель серьезный — религия не хочет «отстать от поезда». Позиция Ватикана в период войны во Вьетнаме, во время израильской агрессии, в дни кипрских событий свидетельствует о том, что церковь все более поворачивается к социальной, а не догматической философии, и не только, видимо, потому, что кардиналы перечитывают Марка Твена, который писал: «Все, что церковь проклинает, — живет; все, чему она противится, — расцветает». Резон поворота к более гибким формам общения со светским миром значительно глубже: средства массовой информации заставляют служителей Христовых искать компромисса со знанием и политической реальностью, сложившейся ныне в мире.

В Италии, где гарантированы буржуазно-демократические свободы, это проще; в Испании — значительно труднее.

...Без анализа инквизиции, расцветшей на Пиренеях, понять нынешнюю ситуацию «в мятежных епископатах» Мадрида, Гранады и Барселоны попросту невозможно.

...Комплекс вины социальной, общественной, классовой — если оный все же существует — складывается из комплекса, присущего личности, вырвавшейся к праву познания. Таким можно, в частности, назвать преподобного отца Алегрия (брата бывшего начальника генштаба Испании), который восстал против режима и ныне практически лишен сана и своего епископата.

Комплекс передается генами, ибо тот или иной комплекс является одним из свойств человеческого характера. Я бы начал отсчитывать накопление генов вины у испанского духовенства с двенадцатого века, когда народы Европы осознали со всей трагической и безысходной ясностью, что святые отцы никак не способствуют их счастью. Озабоченный этим всеобщим брожением, Ватикан считал, что отсутствие «дисциплины духа» на Западе и провал крестовых походов на Востоке пошатнули власть церкви и ввергли ее в состояние глубочайшего кризиса. Надо было искать выход из тупика: слово «священник» сделалось ругательным, служители культа опасались показываться на улицах в своих одеяниях, предпочитая парчовой сутане — потрепанный камзол ремесленника.

Двенадцатый век мог бы стать Возрождением, если бы папа Иннокентий III не отправил на юг Франции к мятежным и дерзким альбигойцам своих эмиссаров с чрезвычайными полномочиями: уничтожить ересь, наказать виновных, подавить очаги неверия, вернуть слугам церкви их прежнее положение — всемогущих пастырей духовных, которые отвечают и за мысли прихожан и за их деяния.

Европейцы были готовы воспрять; неизвестные миру Леонардо и Галилей были близки к торжеству; свобода, которая есть проявление независимости духа, рвалась наружу. Но именно тогда в Экс-де-Прованс, Арль и Нарбонну явились эмиссары «Особой комиссии» папы — Пьер де Кас-

тельно и монах Руис, и началась травля свободы. Тирания рождает протест: Пьер де Кастельно был убит, народ вышел на улицы, ощущая освобождение из-под гнета фарисейства и лжи. Раймонд, граф Тулузский, вождь альбигойцев, веселился вместе с плебсом — он наивно полагал, что тиранию столетий можно одолеть за день. Он был уверен в поддержке народа, он не был стратегом, который обязан учитывать возможности всякого рода и не торопиться в открытом проявлении торжества, — это особенно бесит тиранов.

Папа Иннокентий объявил крестовый поход против еретиков; к членам «Особой комиссии» примкнул деспотичный Доминик с отрядом испанских фанатиков веры. Они лишь искали ересь; командующий армией Симон де Монфор предавал выявленных пыткам, а потом — казням: устрашение способствует наведению порядка. Запахло жареным мясом — костры пылали в Провансе, и смрадный запах человечины был донесен европейскими ветрами до Пиренеев. Поначалу народ Испании восстал против инквизиции даже более рьяно, чем французские свободолюбцы. В Лериде, что возле Андорры, был учрежден первый трибунал инквизиции. Каталония и Арагон были охвачены борьбой за право мыслить и жить так, как им того хотелось. Борьба была жестокой, трон переметнулся к религии; свобода была растоптана, и шесть сот лет на земле Пиренеев царствовала инквизиция, именуемая «Сант-Официо».

Сначала инквизиция уничтожила крамольный дух — тело всегда вторично. Одним из наказаний было «сан бенито» — одежда позора, помеченная желтыми крестами на спине и на груди.

Вот подлинный документ Доминика: «Мы примирили с церковью Понтия Росе, который милостью божьей отказался от секты еретиков, и приказали ему добровольно, в сопровождении священника, три воскресения подряд пройти в оголенном виде от городских ворот до дверей храма, под избиением плетьми. Мы также повелеваем ему не есть ни мяса, ни яиц, ни творогу и никаких других продук-

тов животного царства, и это в течение всей его жизни... Поститься три раза в году, не употребляя рыбы; поститься три раза в неделю — и так до конца всей его жизни. Носить духовную одежду с нашитыми на спине и грудью крестами. Читать «Отче наш» семь раз днем, десять раз вечером и двадцать раз ночью, а если вышеупомянутый Понтий от чего-нибудь отступит, мы повелеваем считать его клятвопреступником и еретиком». Последний пункт означал сожжение: этим занимался королевский двор.

Сжигали каждого, на кого доносили «добровольные друзья» инквизиции; нация раскололась на сжигаемых и сжигателей. Горе было тому, кто имел своим личным врагом «друга» Сант-Официо: дом его будет разграблен, дети брошены в тюрьмы, сам он — уничтожен.

Генерал-инквизитор Томас де Торквемада довел террор Сант-Официо до размеров небывалых. По его приказу все испанцы, начиная с двенадцати лет, обязаны были доносить «трибуналам веры» обо всех тех, чьи речи были подозрительными, поступки — странными, манера поведения — отличной от стандарта, утвержденного инквизицией. За недоносительство — сожжение, за колебания — тюрьма, за позднее раскаяние — лишение всех прав.

Торквемада лично утвердил свод пыток, наблюдая за муками невиновных в жутких казематах тюрем, которых стало столько же, сколько было храмов.

Первая пытка, наиболее, впрочем, мягкая, называлась «птичка». Жертве связывали руки за спиной толстой веревкой, пропущенной через блок, приделанный к потолку. Человека подтягивали под потолок, и хрустели суставы, и крик его был страшен, и он извивался на трехметровой высоте, освещенный зловещим светом факелов, а потом веревку отпускали, и несчастный падал на каменные плиты: человек захлебывался кровью и его поднимали снова, и снова бросали, до тех пор, пока врач инквизиции не прекращал «поиски истины», опасаясь смерти «пациента», который был еще нужен «святому следствию».

Вторая пытка называлась «водичка». Жертву клали в желоб, повторявший форму человеческой фигуры, задирали ноги, привязывали намертво, так, чтобы человек не мог двигаться, затыкали рот и нос мокрой тряпкой и начинали осторожно лить воду на эту влажную тряпку: литр в час. Человек пытался захватить воздух и поэтому все время глотал эти страшные капли, и напряжение было таково, что, когда тряпку вынимали изо рта, она оказывалась пропитанной кровью: от страстного желания вдохнуть воздух в горле пытаемого лопались сосуды.

Если после этого еретик не открывал правды, начиналась пытка огнем: жертве мазали ноги маслом или салом и клали их на жаровню, и человек, находясь в предсмертном крике, видел над собой слезливые глаза Торквемады — борца за чистоту веры.

Инквизиция предала огню и пыткам всех арабов и евреев, живших за Пиренеями после того, как несчастные отдали Сант-Официо свои сбережения, надеясь откупиться от гибели и ужаса. Тем несчастным, которые приняли христианство, было запрещено врачевать — неверные могут травить «друзей» инквизиции; им было запрещено посещать зрелища, университеты, библиотеки — знание не для «недочеловеков»; им было запрещено заниматься ремеслами, виноделием, землепашеством: вере не нужны иноверцы — даже бывшие.

Безумие инквизиции сделалось самопожирающим: если на человека доносили, что он знает арабский язык, ему была уготована пытка, костер, глумление над его семьей, тюрьма — для всех знакомых. Уничтожался цвет нации, гибли лучшие умы, начиналось царство безумной тьмы, вакханалия, безнадежность, аутодафе мысли.

Лицемерие, трусость, доносительство сделались высшей добродетелью. Достоинство, смелость и честность карались как зло. Людей доводили до состояния невероятного: испанский вельможа, дочерей которого обвинили в ереси, исхлопотал за огромные деньги святую милость: ему

позволили во дворе своего замка воздвигнуть эшафот, приготовить дрова и самому подпалить костер, чтобы предать огню детей своих.

Даже Ватикан, встревоженный разгулом неуправляемой жестокости в Испании, пытался влиять на одержимого Торквемаду, обуреваемого видениями постоянного ужаса, окруженного охранниками и шпионами. Великий инквизитор был непоколебим: он восстал против папы, претендуя на то, чтобы самому стать над Ватиканом — там воевали словом, Торквемада — костром.

Он повелел сжечь на площадях все древние библии, ибо они были заражены чужим духом.

Он присвоил инквизиции исключительное право на цензуру: ни один фолиант не выходил без санкции на то отцов Сант-Официо.

Университеты, созданные гением арабских ученых, были преданы огню.

Библиотеки иудеев — частью разграблены, частью укрыты в специальных хранилищах монастырей: знание развращает.

Террор инквизиции привел Испанию на грань экономического краха: неумение вести хозяйство поставило монастыри перед дилеммой: или хоть на какое-то время прекратить процессы против ереси, или вырвать светскую власть из рук монархии и подчинить себе всю страну, без остатка — не только ее душу, но и тело. Однако последнее мнение могло повредить престижу святого дела — до этой поры казни проводили палачи короля, монахи лишь санкционировали очищение убийством.

Два епископа, Арий Давила из Сеговии и Педро де Арреда из Гвадалахары, настаивали на осторожной, точно дозируемой либерализации.

Торквемада обвинил их в сокрытом иудействе, нашел в их родословной неких бабок гнусных кровей и повелел заточить епископов в тюрьму. Папа Иннокентий воспротивился: епископ подчинен Ватикану, а не великому инквизи-

тору. Торквемада казнил обоих накануне того дня, когда нарочный привез папскую буллу об освобождении несчастных. Высокие Пиренеи надежно хранили Торквемаду от гнева наместника Христова, он не претендовал на мир, ему хватало Испании.

Казнив отступников, он принял закон, по которому еретики обязаны были гнуть спину и терять зрение в темных и сырых камерах, зарабатывая себе на пропитание: отныне инквизиция не намерена была тратить ни единого грана серебра на узников. Слабые и больные были обречены на гибель. Никакой либерализации; виноват тот, кто признан виновным, пусть он и погибнет. Нельзя нарушить начатое. Протокол обязан быть соблюденным, форма не имеет права быть поколебленной: донос — арест — пытка — суд (если адвокат слишком рьяно доказывает невиновность еретика, — значит, он сам еретик и подлежит сожжению) — обвинение — казнь — ликование толпы: язычники были правы лишь в одном — зрелища и хлеб правят миром.

...Инквизиция в Испании царствовала до 1820 года; она пережила римскую на триста лет.

Народ по каплям выживал из своего сознания ужас веков. Гром европейских революций помог испанцам увидеть солнце, и землю, и воды воочию, такими, какими они были, есть и будут.

Ныне многие испанские пастыри, ощущая свою историческую вину не только за инквизицию, но и за многолетнюю поддержку Франко, приведшего Испанию к катастрофе, изоляции, дают приют в своих храмах коммунистам, людям из «рабочих комиссий», социалистам, социал-демократам.

История развивается циклами: там, где раньше еретиков предавали торжествующей анафеме, ныне прячут от полиции.

Инквизиция исчезла в Испании сразу, в один день, будто ее раньше и не было вовсе.

Я боюсь пророков — в них есть нечто от кликуш.

Я верю истории, я верю испанцам, и — поэтому — я верю в будущее — в Испании настанет, не может не настать новое время.

Машина забиралась все выше и выше в горы, а это уже была Каталония, пограничная с Францией, и великолепное побережье Коста Браво кончилось, и море становилось все более далеким, а потому — спокойным, ведь издали даже смерч кажется нестрашным, а уж волна в два балла и вовсе исчезает с высоты — остается одно лишь ощущение литого могущества, и в этом воистине литом могущественном море, цвет которого подобен стали, остывшей после разлива, торчали крохотные, круглые, черные головки, и казалось, что это — поплавки на воде, а на самом-то деле испанчики прыгали возле берега (как и все нации, окруженные водой теплого моря, они отменно плохо плавают — редко кто умеет), а по радио передавали песни Серрата «Адьос, амигос», что значит «Прощайте, друзья», и мы с Дунечкой переглянулись, и Дуня сказала:

— Как по заказу.

И вздохнула, и еще пристальней круглые глаза ее стали вбирать лица испанцев, дома Испании, горы и небо, море и острова вдали, и еще пронзительней и безысходнее пел Серрат, он сейчас пел словно для нас одних.

— Сколько же мы с тобой проехали Испаний? — спросил я.

— Одну, — ответила Дунечка. — Хотя в чем-то ты прав: для меня главная Испания — это Памплона.

— А страна басков?

— Маленькие улочки Сан-Себастьяна, по которым ходят рыбаки в синих робах, с тяжелыми руками, обросшие щетиной, как пираты.

— Не только. Вспомни запах сыра, вина, дымков в маленьких тихих деревеньках, прилепившихся к склонам гор. А разве Ла Манча, дорога Дон Кихота, не есть третья Испания?

— Да, — сказала Дунечка. — Там поразительный белый цвет, это какой-то особенный белый цвет, он словно бы насквозь продут полынным ветром.

— Вот видишь, — я пробормотал два идиотских слова, чтобы как-то пережить восторг — очень уж точно сказала дочь.

(У нас в Институте востоковедения преподавал профессор Яковлев. Грузный, огромный старик, чуть по-волжски «окающий», блестящий лингвист, он однажды предложил нам заменить все слова-паразиты, типа «вот видишь», «так сказать», «знаете ли» — словесами более определенного качества, которые в свое время были исключены из «Толкового словаря» Владимира Даля. Этим своим предложением он покорил студентов сразу же и навсегда.)

Дунечке, верно, понравилась игра в «разные» Испании, и она спросила:

— А потом?

— Суп с котом, — ответил я.

— Нет, а правда... Какая потом была Испания?

— Был Мадрид.

— Это столица Хемингуэя.

— Если бы Мадрид не был столицей Сервантеса, Босха, Веласкеса, Лопе де Вега, Гойи, Барохи, Унамуно, Манолете, он бы не стал столицей Старика. Музей Прадо в Мадриде, не забывай об этом.

— Только уж загнем еще один палец: Толедо тоже совершенно особая Испания, такая же особая, как Сеговия, хотя расстояние между ними можно покрыть за час.

— Будем считать, что Мадрид, Толедо и Сеговия были нашей следующей Испанией. Возражений нет?

— Возражений нет. А потом?

— А потом была Севилья.

— Севилья — пятая Испания, — согласилась дочь, — а ее старинный центр Санта-Крус — шестая. А Ла Манчу мы назовем аванпостом Андалузии, номер ей давать как-то очень уж неудобно.

— Ладно. Давай назовем Ла Манчу так, как ты предлагаешь. Продутая полынным ветром Ла Манча, аванпост Андалузии... А что тебе больше всего понравилось в Севилье?

— Когда Маноло посадил нас в свою пролетку и повез мимо табачной фабрики имени Кармен-Мериме по городу.

— Цок-цок, перецок? — спросил я.

— Да... Запах коней во время жары совершенно особый.

— А ты заметила особенность Севильи? То, как Испания — при всей откровенности испанцев — умеет скрывать себя?

— Маленькая калитка, а за ней начинается чудо — изразцовый двор, диковинные деревья и кусты, маленький бассейн — ты об этом?

— Об этом.

— Я это заметила еще в Наварре.

— Где?

— А помнишь, рядом с нашим отелем строился дом? Он был укрыт бамбуковыми сетками — нельзя увидеть, что они там строят до тех пор, пока не закончат. Они любят чудеса, эти испанцы. Чтобы сначала бамбуковые сетки, все время бамбуковые сетки, безликие, омерзительные, пропыленные, а потом — раз! — и вот вам прекрасный дом!

...Ассоциативность мышления — штука довольно занятная. Это как хороший бильярд, когда удар «своим» по пирамиде рождает новое качество стратегии на шершавой зелени сукна. Дунечка сказала о желании удивить чудом, и я сначала вспомнил Японию и Китай — там точно так же скрывают з а д у м к у зодчих (у нас-то все нараспашку — новый дом словно бы выпирает из тоненьких палочек «лесов»; открытость характера проявляется в этом), а потом я вспомнил тот дом в Наварре, что был напротив нашего отеля в Памплоне, а после я увидел фиесту, и людей на улицах города, и память сфотографировала несколько лиц; я был волен распоряжаться ныне этими случайно увиденными лицами, потому что они отныне принадлежат мне, и сразу выстроился сюжет: о н а, прослышав, что на Сан-Фермин

приезжает много богатых грандов, экономила весь год, чтобы набрать деньги на наряды; о н, прочитав, где-то, что среди гостей Сан-Фермина бывают коронованные и некоронованные миллионерши, весь год отказывал себе в еде, набирая денег на отель и на аренду машины. И о н и встретились. И провели весь день, вечер, ночь. А утром все поняли друг про друга. Что их ждет? Разочарование? Счастье? Слезы? Не знаю. Если сюжет ясен, писать неинтересно. Тогда лишь интересно писать, когда идешь по лабиринту и не знаешь, что тебя ждет за углом и какой сюрприз приготовят тебе герои на следующей странице. Если ты легко управляешь своими п е р с о н а ж а м и — грош цена такой литературе. Нет, ты должен быть у п р а в л я е м ими, только тогда ты сможешь считаться с ними, а с ч и т а т ь с я — это одна из форм почтительного уважения, настроенного на капельке страха. Капелька страха — это не так уж дурно, плохо лишь, когда его много...

— А седьмая Испания была? — спросила Дунечка.

— Как ты думаешь?

— Наверное, все же была. Немецкая Испания...

— От Кадиса до Сеуты, да?

— Да. На всем побережье одни немецкие отели.

Это верно. Мы проехали от Кадиса до Сеуты, мимо грозной махины Гибралтара: почти все отели — маленькие, т и х и е, принадлежат иностранцам, чаще всего — немцам, с т а р ы м немцам. Молодежи здесь нет, люди приезжают с о л и д н ы е, лет шестидесяти. Они очень любят чистоту, порядок и тишину. А еще они любят веселиться, организованно веселиться. Веселье начинается — для Андалузии — смехотворно рано: в восемь часов вечера. В это время андалузцы еще только-только просыпаются: время сна после обеда — святое время. Они еще только-только готовятся к настоящему отдыху, который начнется часов в одиннадцать и закончится к четырем утра. Младенцев до трех лет уложат, конечно, пораньше — часа в два, нечего детей баловать!

В каждом немецком отеле роль затейника выполняет хо-

зяин. Дикий хохот стоял, когда к ноге с о л и д н о г о клиента привязали воздушный шарик и ему нужно было протанцевать со своей дамой старомодный фокстрот, не раздавив каблуком этот розовый, столь любимый детьми всего мира, беззащитный, летающий, нежный воздушный шарик...

(Время - с моей точки зрения — суть величайшее проявление пространства, но, в отличие от пространства, оно ограничено и быстротечно; память — одна из форм времени. Я ничего не мог поделать с собой — наблюдая этот старомодный фокстрот с воздушным шариком, который в конце концов был раздавлен каблуком с о л и д н о г о, я памятью возвращался к тому прошлому, которое стало прошлым ценою двадцати миллионов жизней моих соотечественников на фронте борьбы с фашизмом.)

...Веселье носит строго регламентированный характер: полчаса на фокстрот, час на анекдоты и аттракционы, час — на бутылку шампанского, оно здесь довольно дешево, час — на любование испанскими танцами: это андалузцы приходят в одиннадцать, и шали сеньорит повторяют движения мулеты в руках матадоров, и взгляды обжигают — стремительные, п р и к а с а ю щ и е с я, и движения округлы — при всей их кажущейся резкости, и таинственность, тишина тихого темного дворика, испанская особая закрытость угадывается в яростной открытости танца...

— А теперь, майне дамен унд херрен, гуте нахт, пора спать! — возглашает хозяин-затейник ровно в одиннадцать тридцать и все с о л и д н ы е, как по команде, отправляются по номерам отеля «Фламенго», где мы провели два дня, а испанцы уходят в свои таверны — там собираются п р и л и ч н ы е люди, которые умеют веселиться и танцевать без организации, а по собственному побуждению, только так и никак иначе.

Мой приятель, испанский бизнесмен, когда я спросил его о причинах столь легкого п р а в а продавать испанскую землю иностранцам, ответил:

— Если мы когда-нибудь поругаемся с той или иной страной, ее граждане — собственники нашей земли — уедут; их гостиницы и заводы на нашей земле останутся. (Французы, впрочем, на этот счет придерживаются другой точки зрения, как и британцы, не говоря уже о немцах...)

— А восьмая Испания? — спросила Дуня. — Торремолинос возле Малаги, да?

— Нет. Пожалуй, что восьмая Испания — это Кадис.

...Я привез дочку в Кадис в два часа ночи — мы поздно распрощались с Севильей, с нашим пансионом «Флорида», потому что днем ездили на «финку» к Миура, лучшему поставщику быков для корриды. Это его бык убил Манолете в Линаресе, и то, что именно миуровский бык лишил жизни самого красивого матадора Испании, принесло Миуру высшую славу: парадокс Испании, где «смерть после полудня» на Пласа де Торос является предметом изучения направленных разностей двух сил — матадора и быка.

Миура — жилистый, быстрый, никогда не выезжающий из Андалузии, показал нам свою маленькую, без трибун Пласа де Торос, где весной после Севильской ярмарки собираются Ордоньес, Домингин, Кордобес, Пуэрта и работают с коровами в полной тишине, и зрителей — кроме Миура — всего человек пять, потому что сейчас совершается великое таинство: по характеру возможной матери торо определяют нрав будущего грозного противника матадора. Если мать агрессивна, быстра и умна, ее выдают замуж за самого лучшего быка, и рождается маленький, нежный, тихий, тонконогий теленок, и пасется на жарких полях Андалузии, и приникает мягкими, теплыми губами к редким голубым ручейкам — поздней осенью или ранней весной, и становится — по прошествии четырех лет — яростным и грозным, и подходить к нему нельзя: только на «додже» или на коне — «кабальо», да и то осторожно, и рога у него, как скальпели, и он будет сражаться против матадора с желанием одним лишь — убить этого маленького человечка, и будет сам убит, но на полях Андалузии уже пасутся его сыновья — с малень-

кими, теплыми губами, еще не перешагнувшие тот рубеж, который отделяет податливую доверчивость дитя от яростного неприятия зверя.

Так вот, мы задержались у Миура, который подарил Дунечке рог быка с его, миуровским, тавром, и это был очень ценный подарок для «афисионадо» корриды, а Дуня подарила Миуру «хохлому», и он пригласил нас весной на церемонию о т б о р а матерей, и мы поехали в Кадис, а там я завел дочь в портовый кабачок, известный мне уже лет пять — с тех пор как я начал ездить в Испанию — и Дунечка смотрела на оборванных нищих, просивших подаяния у пьяных матросов, она с ужасом глядела на пьяных проституток, сутенеров при бабочках и в канотье, на гангстеров с белыми от наркотиков лицами, и я не боялся показывать ей это дно, потому что формирование идеологии не складывается из посещений одних лишь музеев: жизнь — сложная штука, и надо видеть все ее р а з н о с т и, чтобы понять одно, г л а в н о е.

Я несколько раз видел наши туристские группы в Париже и Мадриде. У подъезда отеля стоял автобус, три раза в день был накрыт стол в ресторане, заботливые гиды вручали каждому билетики в театры и музеи. Взрослых людей опекали, словно малых детишек, а я вспомнил, как в Канберре, а потом в Сиднее, когда прошлое, консервативное австралийское правительство отказало во въезде «красному» в Новую Гвинею, а журналисты помогали мне, и писатели тоже помогали, и ученые помогали сражаться с бывшим министром подопечных территорий Барнсом, мне приходилось по два-три дня ограничиваться завтраком, который входил в стоимость номера в мотеле, чтобы сэкономить командировочные, выданные редакцией и устроить «коктейль» для новых друзей...

(О том, как в Испании учатся выкачивать деньги из людей, свидетельствует занятный штрих: сейчас телефонный разговор учитывается не м и н у т о й, а с е к у н д о й. Официальная пропаганда трубит, что это введено «для пользы нации». А что получается на самом деле? Раньше вы говори-

ли две минуты и двадцать пять секунд, но это было д в е минуты все-таки! Испанцы — да при их-то любви к разговорам — жалуются: «Сейчас слово не произносишь, а высчитываешь. Никаких лишних «ля-ля» — сразу о деле. Раньше фраза звучала, например, так: «Доктор, у моего мужа шалит сердце... Что? Не знаю... Перебои, ему кажется. Какой пульс? Педро, посчитай пульс, одну минуточку доктор...» Теперь все иначе: «Сердце!» — кричишь в трубку. Доктор отвечает: «Тысяча!» Это стоимость визита. В зависимости от того, есть ли у вас такие деньги, вы отвечаете «да» или «нет» и с ужасом бросаете трубку на рычаг — сколько там уже накапало?!)

Наши туристы на Западе не знают, что такое истинная стоимость номера в отеле; не знают, во что, отольется им приступ аппендикса; не знают той г л у б и н к и, через призму которой можно увидеть р а з н о с т и, а по этим разностям поставить для себя диагноз общественной болезни. Не пьянство страшно — само по себе, но отношение к нему: наплевательское пренебрежение, н е з а м е ч а н и е проблемы свидетельствует об общественном равнодушии. («Он ведь нализался, мне-то какое дело?!»), о разобщенности людей — а что есть страшнее человеческой р а з о б щ е н н о с т и?!

Может быть, иные моралисты упрекают меня за то, что я показал шестнадцатилетней дочери дно того мира, но ведь понимание истины приходит не только с помощью слова (хотя смешно отвергать пользу проповеди), настоящее понимание приходит и с помощью зрения, ибо «имеющий глаза — да увидит».

Философия капитализма просматривается в п р а к т и к е портовых кабаков Кадиса страшней и ярче, чем в десятке разоблачительных статей, ибо это — в о о ч и ю.

— Да, — сказала Дунечка, — восьмая Испания такая же страшная, как и седьмая... — Она вдруг усмехнулась. Лучше бы мы ее посчитали пятой — Пятая колонна... А девятая?

Ей понравилась эта игра — она даже не так страдала от жары, нестерпимой, видимой, сорокапятиградусной (спаси-

бо, родной наш Горьковский автозавод — «Волга» переносила эту жару отменно и обгоняла всякие там «шевроле» и «пежо», и я был очень горд этим!).

— А вот девятая — это Торремолинос. Нет?

— Точно, — согласилась Дуня.— Сумасшествие, а не город. Двадцать первый век.

Туристский бум Испании — явление, которое стоит внимательно изучить: тридцать четыре миллиона туристов в год на тридцать пять миллионов испанцев — это что-то значит! Пятнадцать лет назад Торремолинос, крупнейшего туристского комплекса Средиземноморья, не было. Несколько домишек, обрыв, песок, галька, море. И все.

С привлечением иностранного капитала здесь вырос первоклассный комплекс. Сейчас Торремолинос — самый известный курорт на Западе, сюда прилетают не только скандинавы и немцы, но и американцы. Город кажется надземно-подземным: супермаркеты расположены в подвалах, залитых искусственным неоново-солнечным светом, кабаки подняты на пятнадцатые этажи, рулетки затемнены где-то посредине.

Бизнес учитывает психологию клерка, инженера, дантиста — в первую очередь (смешно говорить об учете интересов рабочего или крестьянина, Торремолинос не для т р у д я г такого уровня).

Умные социологи Запада, работающие на бизнес, объясняли мне:

Надо учитывать психологию середины. Клерк или инженер каждый вечер смотрит ТВ фильмы, где ему показывают сладкую жизнь, голоспинных томных красавиц, шулеров в трескучих смокингах, миллионеров, словом, тот набор штампов «светской хроники», который так манит н е с в е д у щ и х. Следовательно, мы должны — если хотим получить прибыль — так построить курортный центр, чтобы там, в одном месте, выкачать из м е ч т а т е л я все деньги, которые он копил целый год, лишь бы пожить п о-н а с т о я щ е м у, как живут сильные мира сего. Мы не имеем права — если хотим

получить прибыль — выпускать человека за пределы нашего комплекса: если люди станут ездить из Торремолинос в Малагу, чтобы там играть в бридж, или смотреть концерты фламенко, или покупать в тамошнем супермаркете ботинки, или кататься на водных лыжах, или есть японскую или французскую еду — мы прогорим. Мы обязаны предоставить всякому, приехавшему на Торремолинос, возможность и с т р а т и т ь накопленное. Поэтому бары обязаны работать круглосуточно; поэтому должны быть все кухни — полинезийская в том числе; сауны; комнаты игр (это, правда, для студентов, но все равно, как говорится, и с них «детишкам на молочишко», с каждого аттракциона — песета кап-кап); супермаркеты; дорогие магазины французской парфюмерии; станции по аренде машин; круглосуточно работающие обменные конторы банков; телефон и телеграф; бассейны, теннисные корты, лучшие парикмахерские, салоны красоты и массажа...

(Практика социализма, отбросив изначалия этого размышления — об «индустриальном» выкачивании денег, — позволяет нам серьезно подумать над принципом к о м п л е к с а о т д ы х а. Я не убежден, что это так уж разумно, когда наши курорты о б я з а н ы засыпать в двенадцать, и негде перекусить в полночь, и потанцевать нельзя. А если рабочие юноши и девушки, студенты на о т д ы х е захотят танцевать в час ночи? Тогда как? Забиваться в квартиру, где нет п р е д к о в? А если фронтовые друзья встретились в два часа ночи на вокзале? Идти к таксисту за бутылкой? Или целесообразней открыть маленький ночной ресторанчик, где приятнее выпить р ю м к у с закуской, чем «из горла»?)

— А десятая? — спросила Дуня. — Была такая Испания?

— Наверное, это Малага, — ответил я, — и бой быков, который там проводят для американских туристов, — оперетта, а не коррида. Помнишь, как улюлюкали испанцы своим матадорам?

— Но там ранили Хосе Руиса. И это не была оперетта: он сделался серым, когда упал, а когда его выносили с арены — помнишь — у него нос заострился и стал синим, как

у покойника...

— Вот поэтому я и говорю про девятую Испанию в Малаге. И еще вот почему: тот гараж, куда мы ставили машину, назывался «у кафедрала». Для туристов удобно — ориентир хороший, но это в общем-то симптом: коммерческому предприятию давать имя старинной церкви — раньше такое было невозможно ни в одной из Испаний...

— Одиннадцатая Испания — это Гранада, — убежденно сказала Дуня. — Альгамбра.

— Ох, уж эти испанские гласные, — сказал я. — Наверняка бюро правки в наших редакциях будут терзать меня по поводу точности правописания. Напечатано в проспектах — «Альгамбра», а если спросить в Гранаде, «где находится Альгамбра», тебя не поймут, потому что надо спросить «Альамру», а не какую-то «Альгамбру», такой и нет вовсе!

(Занятно, немцы никогда не говорят про французские машины «пежо» так, как это принято во французской грамматике. Они произносят все буквы: «пегеоут», и никто в латинскоговорящем мире понять их не может: немецкий, как и русский — языки аналитические; латинские — синтетические, особенно испанский — солнца много, темперамента еще больше, торопятся, кровь кипит, слова глотают, не то что какие-то там гласные!)

— Севильская Мавритания менее интересна, чем гранадская, — продолжала Дуня, — потому что более страшна. Помнишь, в замечательные арабские залы вмонтированы, как плохие декорации, комнаты французского стиля? А в Гранаде все же сохранили арабские дворцы Альгамбра, хотя и построили среди парка чудовищный дом христианина Карла Пятого — он как урод среди сельфид...

Действительно, севильская «конвергенция» христианства и мусульманства носит характер чудовищный: глумление над замечательным искусством арабов было демонстративным: в поразительные по своей красоте росписи стен забивали гвозди, чтобы повесить тяжелые, безвкусные гардины и приляпать подсвечники, вывезенные из Парижа.

Вообще-то Испания растворяет в себе иные культуры очень быстро: неподалеку от Эскориала есть маленький Версаль, построенный одним из французских — по крови — королей Пиренеев. Король этот, однако, очень быстро забыл свое парижское изначалие, пошел войной на прежнюю родину, а в «испанский Версаль» даже и не наведывался — предпочитал Эскориал — там стены надежные и больше выходов: около двух тысяч дверей и окон...

(Мусульманская культура, попавшая в жернова инквизиции, не имела права на такого рода ассимиляцию и растворение — она была обречена на уничтожение.)

— А двенадцатая Испания — это Барселона, нет? — спросил я.

— О, да, — улыбнулась дочь, — это уж наверняка совсем не похоже на все другие Испании.

...Мы миновали Валенсию поздно вечером, и было там еще шумно и весело, но не так уже, как в Андалузии, и приехали в Каталонию в полдень, не страшась остаться без ночлега, потому что привыкли останавливаться в маленьких городках Ла Манчи далеко за полночь и видеть людей на улицах и в скверах, а здесь все уже спали, и ни души не было на улицах, и мы с трудом нашли двух старух в черном, похожих на ночных бабочек, которые бегали по узеньким переулочкам Кастиль де Пель, показывая нам путь к пансиону, «где хозяин ложится спать очень поздно — не в десять, а в полночь, наверное, он водится с духами или занимается алхимией, но все равно он человек хороший».

Действительно, Каталония отличается от Андалузии и Наварры резко. Но что странно — маленькое суденышко Колумба, навечно пришвартованное к масленому пирсу порта, принесло в Латинскую Америку дух Кастилии и Андалузии, а не Каталонии: в Перу, Эквадоре и Панаме торжествует андалузский дух — и в манере общения, и в том, что спать ложатся далеко за полночь, и в том, как любят корриду (в Каталонии ее не понимают), и в песнях, и в том даже, как двигаются шали на плечах у сеньорит во время хоты —

точно мулеты матадоров на Пласа де Торос.

...Нигде так много не говорят сейчас о национальном вопросе, как в стране басков и Каталонии.

— Если все время повторяют слова о том, что «мы — единая нация», — заметил мой приятель-журналист, — то, значит, не совсем мы единая нация, ибо очевидное не нуждается в каждодневном напоминании.

Национализм — явление слишком сложное, чтобы разбирать его приложимо к одной лишь Испании. Каталония ближе к Франции, и бередит ее дух мятежных альбигойцев, первыми восставших против инквизиции. Скорее всего национализм Каталонии рожден близостью к иной — в чем-то — социальной структуре (впрочем, структура одна, качество ее о ф о р м л е н и я разное). Когда народ пользуется свободой — рождается патриотизм, когда царствует угнетение — пышным цветом расцветает злое семя национализма. Причем, естественно, здешний национализм носит ярко выраженный буржуазный характер. Когда служащие говорят тебе о «проклятых кастильцах, которые правят нашими заводами и портами», приходится только диву даваться и лишний раз сокрушаться по поводу человеческой слепоты: ну, ладно, ну, «проклятые кастильцы», но ведь заводы принадлежат не им, не «мадриленьёс», а «своим», здешним каталонским капиталистам, и это они, свои, здешние, гонят рабочих в трущобы, лишают их детей школ и больниц, поднимают цены на мясо и хлеб... Увы, искать, причины зла «вовне», вместо того, чтобы понять его «внутри», — типично для людей, лишенных общественной идеи...

...«Адьос, амигос», — пел Серрат, всячески подчеркивая свой каталонский акцент. «До свидания, друзья», — пел он, и мы подъезжали к Порт-Бу, границе Испании, и в сердце у нас была грусть, оттого что расставание с замечательным народом Испании — это как прощание с полосой жизни, это как прощание с другом, и утешали мы себя только тем, что «адьос» не несет в себе безысходного «прощай», все-таки это, — если отвлечься от скрупулезно-точного перевода «бог с тобой», — чаще всего ощущаешь как «до свидания».

До свидания, испанцы! Адьос, амигос! До встречи, друзья...

Через день после смерти Франко, в ноябре 1975 года, я снова запросил испанскую визу. Две недели министерство иностранных дел Испании не давало ответа. Визу я получил только после вмешательства влиятельных мадридских друзей, ныне открыто заявивших себя «реформаторами», и сразу же вылетел в Париж — тогда еще не было прямых рейсов «Аэрофлот» — «Иберия».

В махине нового аэропорта «Шарль де Голль» я встретился со стародавним знакомым, одним из тех профессоров Мадридского университета, которые никогда не скрывали своей оппозиционности режиму.

— Едешь присутствовать на заключительном акте представления? — спросил он.

— А что будут показывать? Фарс или драму?

— Мы все свыклись с мыслью, что исход возможен лишь один — трагический.

— Трагедия рождена для ее преодоления. Если человек п р и в ы к к трагедии, начал считать ее некоей постоянно существующей константой, он неверно понимает самую сущность трагического.

— То есть? — приятель удивленно взглянул на меня.

— Трагедия — это нарушение точек равновесия, неустойчивость, которая всегда — временна. Всякое развитие предполагает надежность точек опоры, которые станут ориентирами движения: от кризиса, трагедийного кризиса, к оптимальному решению в схватке добра и зла.

— Ты оптимист?

— Стараюсь.

— А я считаю оптимизм прерогативой незнания.

— Значит, ты не ждешь ничего хорошего?

— Нет. Или случится чудо.

Ласковый, даже, сказал бы я, приторный голос диктора (они все в аэропортах актерствуют) развел нас к разным дверям: приятель летел в Бонн, я — в Мадрид.

П е р в ы й с о с е д: Интересно, сколько они продержатся?

В т о р о й: Падение нового кабинета — вопрос дней.

Т р е т и й: Кабальеро, не надо оббегать события: армия, полиция, «гвардия сивиль» служат тем, кому небезразлично будущее нации.

В т о р о й: Вы не правы — забастовки сотрясают Испанию. Такого раньше не было. Термин «неуправляемости» знаете? Ну так вот: положение в стране неконтролируемо, первое — после франкистского — монархическое правительство, не успев толком «начаться», фактически отсутствует.

П е р в ы й: Скажите об этом полицейскому, когда приземлимся в Мадриде. Хотел бы полюбопытствовать, кто вам принесет передачу в камеру тюрьмы Карабанчель.

Т р е т и й: Кабальеро, вы, верно, давно из Испании. Вас там не было месяц, со времен Франко? Я прав? Вот видите. Сейчас в Испании можно говорить все, что угодно, — вас, к сожалению, не посадят. А ведь нашей горячей, склонной к словесам нации, надобен кнут; неконтролируемая демократия чревата для нас хаосом.

В т о р о й: Знакомые слова! «Старый борец»? Принадлежите к «фаланге»?

Т р е т и й: Принадлежу Испании. В отличие от красных, которые продались Москве.

...Спор между моими соседями, начавшийся в «Боинге», когда мы пересекали Пиренеи, грозил перейти в рукопашную. Однако зажегшееся табло (самолет шел на посадку) все поставило на свои места: НТР — она везде НТР; «привяжите ремни» — непререкаемо.

...Утренний декабрьский Мадрид (как, впрочем, и январьский) двуцветен: тяжелая синева уходящей ввысь холодной (бр-р-р, градус ниже нуля) ночи, и легкая, высвечивающая самое себя изнутри, постепенная, акварельная ро-

зовость, которая часами к двенадцати исчезнет, как исчезнет и ночная синева, и сделается пронзительно-желто-солнечно, а потом воздух станет теплым, и до сумерек будет хранить в себе постоянную константу красного — таков цвет здешней земли.

Первое, что бросится в глаза каждому, кто бывал в Испании раньше, — это отсутствие портретов Франко. Второе: почти полное отсутствие эмблем фаланги — их заменили на королевские стяги. Третье: обложки журналов пестрят злыми карикатурами на министров — такое раньше было немыслимо здесь; свобода слова в Испанию пришла без декрета, но пришла, сие — данность. Четвертое: терпимость полиции — не поигрывают дубиночкой, не буравят каждого тупым, подозревающим жандармским взором, а силятся быть учтивыми — от новой власти полученно указание, что теперь нельзя грубо, за это бранят, надо, чтоб все было «культурно и в рамках». (В демонстрантов можно стрелять, но лишь резиновыми пулями.)

Бросится в глаза еще большее количество машин — здесь ныне производят уже более миллиона автомобилей в год (развитие автоиндустрии властно диктует свою волю: ранее вдоль всех дорог стояли страшные плакаты — разбитая машина на обочине и крик ребенка — «Папа, езди на поезде!» Теперь нет, сняли). Бросится в глаза еще более ускорившийся ритм жизни; множество иностранцев, толпящихся в международном аэропорту Барраxас; бросится в глаза, что в Мадриде нет баррикад, что люди — как и раньше — деловито спешат на работу, а ведь всего три часа назад вы читали во французских и английских газетах, что столицу Испании сотрясают забастовки, что полиция разгоняет манифестации с требованием амнистии и демократических реформ. Что ж, нет всего этого?

Если согласиться с тем, что архитектура — зеркало национального характера, тогда особость Испании станет понятной, когда вы заглянете в старом районе в махонькую, тяжелую, кованую дверь крошечного, белого (словно у нас на Ук-

раине) домика. Вы поразитесь громадному двору и диковинному саду... А ведь сначала этот крошечный домик казался таким неинтересным и однозначным. Испания — страна неожиданностей, и судить о ней с фасада — недальновидно. (Писательская недальновидность чревата презрением читателя, недальновидность пахаря грозит голодом; опаснее всего в наш век недальновидность политика, ибо такого рода недальновидность у п у с к а е т в о з м о ж н о с т и.) Да, идут забастовки, да, страну сотрясают манифестации рабочих, студентов, домохозяек, юристов, писателей, священников, которые требуют амнистии и демократии, да, народ требует положить конец стремительному росту цен, инфляции, экономическому хаосу, но при этом на площади Колон вырос новый небоскреб, дымят заводские трубы, светятся диковинно-дымчато-розовые блоки стеклянных кубов — новые банки, компании, оффисы хотят выглядеть эффектно, ультрасовременно; в кафе и ресторанчиках — не протолкнуться; на улицах — смех и шутки, и одеты люди красиво, и лица их кажутся беззаботными, и витрины магазинов забиты товарами.

...Для того чтобы поставить сруб, надо понять высший смысл «золотой середины». Так же, видимо, следует относиться и к многоэтажному дому, к городу, стране — исходя из основополагающей препозиции правды, а правда — это не то, когда выдаешь желаемое за действительное, это не то, когда, наоборот, закрываешь глаза на то, что не нравится; правда — по старой русской плотницкой присказке — это «пять к семи», то есть срез от конька к фундаменту, с точным обозначением всех «за» и «против», ибо только в этом случае можно вывести более менее объективную перспективу и оценить вероятие тех или иных возможностей.

Воистину пресса — зеркало страны! Утром, отоспавшись после перелета, вышел из «Сентра Колон», где я обычно останавливаюсь, и купил все газеты и журналы, какие только были у киоскера. Бумагу здесь не экономят: какая-нибудь

спортивная газетка выходит на шестнадцати полосах. Я называл издания, киоскер хмуро подбирал мне огромную пачку. Но, услышав, что я прошу и «Фуэрса нуэва», не смог (или не захотел) скрыть усмешки: «Фуэрса нуэва» — фашистское издание депутата кортесов Бласа Пиньяра.

Дома начал неторопливо, со словарем, просматривать номер за номером. Выписал основные темы, которым посвящены наиболее броские материалы:

1. Министр иностранных дел Ареильса (я встречался с ним, когда еще он был известен как граф Мотрико, лидер умеренной оппозиции) заявил во время своего визита в Париж, что коммунисты, живущие в эмиграции, имеют право на испанский паспорт, как и все другие испанцы. «Вопрос их идеологии — это уже другое дело».

2. Блас Пиньяр сказал, что любого коммуниста, которого «впустят в страну безответственные элементы (кто? Ареильса? Ничего себе времена пошли, ежели эдак-то о королевском министре!), встретят пулеметные очереди тех, кто верен заветам великого каудильо».

3. На первой полосе «Информасьонес»: «Вилли Брандт принял нелегального лидера Социалистической рабочей партии Испании Филипе Гонсалеса» и имел с ним дружескую двухчасовую беседу. (В Испании, да чтоб о нелегальном на первой полосе столичной газеты?! Мыслимое ли это раньше дело?!)

4. В газете «Йа» — одной из крупнейших в стране — дана карикатура на Ареильсу: тот, словно портной, прикалывает этикетку к платьицу, которое еле-еле прикрывает срам девицы весьма фривольного вида: «Новая модель Испании».

5. «Арриба», газета фаланги, сообщает о мессе, которую отслужили по Франко, дает портреты короля Хуана Карлоса

и его министров, нанесших визит вдове генералиссимуса.

6. «Фуэрса нуэва» печатает громадный фоторепортаж: «Франко будет жить вечно!» Огромная толпа фашистов на митинге, руки вытянуты в гитлеровском приветствии. Показательна обложка журнала: фотографии министров нового кабинета перечеркнуты лозунгом: «Боже, спаси короля!» (не заслуживают доверия?).

7. Журнал «Гуадиана» дает интересный материал: «Хаос урбанизма». Разбираются, причем зло, бескомпромиссно — проблемы жилищного строительства, дают фотографии унылых домов-коробок. Рост урбанизации страны — если пустить это на самотек — через десять-пятнадцать лет может изуродовать, непоправимо изуродовать страну. (Когда летишь над Японией, невозможно увидеть зеленое п р о с т р а н с т в о: всюду дома, дороги, люди. Конформизм начинается с сутолоки — помимо социальных причин, естественно).

8. Журнал «Мундо». На всю обложку — портрет коммуниста Марселино Камачо. Такое — это надо отметить — ранее было совершенно невозможно в Испании.

9. «АБС», самая влиятельная испанская газета, сообщает о забастовочном движении в стране. Это — тоже в новинку мне. Раньше о забастовкам не писали, а ежели и приходилось (шум был слишком уж большой), находили какие-то о с о б ы е слова, которые изобретены для того, чтобы ничего не сказать. Диктатура Франко учила прессу змейству и витиеватости; называть вещи своими именами считалось плохим тоном, «неверным пониманием комплекса национальных проблем», «неумением мыслить конструктивно». Режим личной власти построен на неверии в народ, а поскольку Слово — отправной символ веры, к нему было соответствующе настороженное отношение.

10. «Пуэбло» сообщает о работе «Института Испании». Вообще заметно, что ныне испанскоговорящему миру уделяется большое внимание всеми газетами.

Порой, рассуждая об Испании с позиций политического репортерства, исследуя (а чаще не исследуя, а лишь передавая) новости, журналисты забывают о том, что именно с Иберрийского полуострова отплывали в неведомые дотоле миры Колумб, Магеллан, Америго Веспуччи, Васко да Гама. Именно отсюда, из «Пенинсулы», как говорят об Иберии сами испанцы, их культура распространилась на Аргентину и Чили, Перу и Панаму, Филиппины и Эквадор. Это не может и поныне не накладывать отпечатка на народ. Ощущение собственного величия только у индивида приводит к психическим аномалиям. Величие народа — категория совершенно иная, мало, причем, изученная. В условиях испанской инквизиции, награбленного золота, застоя политической и духовной жизни величие выродилось в «прекрасное ничегонеделание» — кажется, так писал кто-то из умных путешественников о людях, живших за Пиренеями. (Ныне, однако, ритм жизни в городах это «ничегонеделание» крепко поломал. Стоит зайти в маленький бар, где собираются люди на обеденный перерыв, и вас поразит ритм работы тех, кто служит сервису, — прямо-таки атакующая деловитость. Видимо, это пришло в сервис от конвейера, от ритмики машинной индустрии. Выматывает? Видимо. Но стоит еще подумать, что больше выматывает — когда тебе суют одну тарелку за другой или когда приходится ждать супа в течение получаса.) Обращение к величию испанской культуры — одна из форм подачи себя дяде Сэму в новом качестве. Мол, только мы, испанцы, можем удержать Латинскую Америку от резкого сдвига влево, мы же ее открыли, мы дали ей свой язык и свою культуру — кому, как не нам, с нею работать? С другой стороны — это обращение к достоинству и престижу своей нации. А то, что к нации приходится обращаться, свидетельствуют материалы во всех газетах: «угроза сепаратизма» столь же актуальна для Испании, как и забастовочная борьба, как и движение за ам-

нистию и реформы. В газетах ныне звучит открытая тревога по поводу того, что происходит в Каталонии, с ее мятежной Барселоной, и в Бильбао, индустриальной столице басков.

Так что же там происходит?

Сразу же после смерти каудильо в Каталонии вспыхнуло открытое движение за автономию. Французы, внимательно наблюдающие за развитием событий за Пиренеями, тут же отметили в «Монд»: «Руководители Социалистической партии национального освобождения Каталонии (ПСАН) уже составили карту, на которой «каталонские районы» охватывают Валенсию, Балеарские острова, часть Арагонской провинции и «Северную Каталонию», простираясь по ту сторону Пиренеев». Для создания «каталонского социалистического государства» ПСАН предлагает удалить «оккупационные силы испанской олигархии».

В социальной и политической области, в экономике Каталония всегда намного опережала другие районы Испании. «В дискуссии о демократии, развернувшейся после смерти Франко, Каталония решительно идет впереди. Коммунисты и консерваторы выдвигают одинаковые требования». Многолетний запрет на каталонский язык, гонения на Слово, музыку, обычаи родили встречную тенденцию — взрыв национализма. Каталонский язык остался жив: на нем говорят более половины населения — дома, на службе, на заводе. «Авуи» («Сегодня») — первая газета на каталонском языке, которая начала выходить после гражданской войны. Лозунг новой газеты: «Нужно слушать народ, а не королей».

Способствовало ли этому принятое в декабре правительством Хуана Карлоса решение признать каталонский, баскский и галисийский языки «официальными языками»? В Барселоне предпочитают считать эту меру «последним поражением Франко». В одном из документов Каталонской ассамблеи говорится: «Никто, кроме народа, не может даровать право на «п р и м е н е н и е» языка».

Пропасть между Мадридом и каталонской периферией,

видимо, не уничтожена. Каталония утверждает, что она дает 25 процентов испанского национального дохода, а получает из бюджета только 8. Поэтому в Барселоне отнеслись очень скептически к сообщению о создании комиссии, которой поручено изучить вопрос об особом административном статусе для четырех каталонских провинций.

В Барселоне начали создаваться квартальные объединения каталонских жителей. По словам руководителей, эти объединения охватывают 50000 человек и в состоянии немедленно мобилизовать десятки тысяч людей. Эти организации ведут решительную борьбу со спекуляцией, бесхозяйственностью и бюрократией. Рассказывают, что они направили послание Хуану Карлосу, требуя «амнистии, свободы и статуса 1932 года для Каталонии».

Хорди Пухоль, который считает себя «мелким буржуа», провел четыре года в тюремном заключении за антифранкизм. Этот «мелкий буржуа» — яростный каталонец, основатель Каталонского банка (восьмой по значению в испанской финансовой группе) и член Совета политических сил Каталонии, действующего совместно с коммунистами. Хорди Пухоль говорит: «Мы жили 30 лет в изоляции. Смерть Франко все меняет. Режим встал на путь, с которого нет возврата. Хотя правила игры еще не уточнены, двери, которые открыли, больше не закроются».

Стремление к политической ясности привело к созданию Совета политических сил, объединяющего одиннадцать правых и левых организаций. По мнению барселонской печати, создание этого совета — «самый важный акт после гражданской войны».

«До гражданской войны, — заявляет Хорди Пухоль, — Коммунистическая партия, рабочая социалистическая партия и христианско-демократическая партия не имела своих организаций в Каталонии. Но сейчас уже наблюдаются тенденции к политическому противоборству, появляется соперничество, возникают личные конфликты. Крайне левые революционеры и социал-демократы стремятся отмежеваться

от Коммунистической партии, с которой они сотрудничали без всяких «проблем» во времена «сопротивления», но теперь это кажется им «опасным». Левые и правые социалисты обмениваются первыми ударами. Все признают необходимость перегруппировки, но избирательные перспективы требуют точного выбора».

Левые умеренные партии, эти подлинные представители мелкой и средней буржуазии, признательны Объединенной социалистической партии Каталонии за то, что она способствовала объединению пролетариата андалузского происхождения и «каталонизировала» его. Они считают, что «традиционные» социалисты никогда не понимали Каталонию. За исключением Коммунистической партии, которая сохраняет свое каталонское лицо, другие «испанские» политические организации, начиная с Социалистической рабочей партии Испании (ПСОЭ) Филипе Гонсалеса, пока еще занимают слабые позиции. Но все они против «вассализации» и «зависимости» от Мадрида.

Определила свою позицию также и церковь.

«В Мадриде я чувствую себя как бы в другом мире», — заявил прессе Хубани, который никогда не скрывал своей привязанности к Каталонии. Архиепископ Барселоны Хубани стоит во главе каталонской церкви, занявшей либеральные позиции.

Со свойственным ему спокойствием и упорством подвижник церкви Луис Мария Ксиринакс возрождает традицию тех сельских священников, которые еще в прошлом веке поддерживали стремления народа. Начиная с декабря 1975 года он ежедневно расхаживает с 9 часов утра до 9 часов вечера перед тюрьмой Модело, требуя освобождения политических заключенных. Вот прошлое этого глашатая отказа от насильственных действий: восемь голодовок — в общей сложности 147 дней, два года заключения в тюрьмах Барселоны и Мадрида (Карабанчель). Полиция пыталась отговорить его от этой новой формы протеста. Каждый вечер наряд вооруженных полицейских отвозил его из Барселоны

и оставлял на пустынной дороге. «Но они поняли, что это бесполезно. Я останавливаю какую-нибудь автомашину и завтра я уже на своем посту, перед ними»...

Рабочие руководители более не озабочены тем, где они будут проводить свои «провонциальные» или «национальные» собрания. Двери церквей, монастырей, приходских помещений широко открыты. «Раньше, — говорят они, — нам приходилось собираться под соснами».

Теперь о басках.

Хосе Антонио де Агирре сформировал первое правительство Страны Басков в составе социал-христиан, социалистов, либералов и коммунистов в Гернике, 7 октября 1936 года, когда Республика сражалась с фашистами.

Правительство Агирре выпускало свои деньги, ввело свой флаг, выдавало паспорта, организовало демократическую власть. Его народная армия в течение года мужественно сражалась на фронте от Сан-Себастьяна до Сантандера. Существование первого правительства Страны Басков прекратилось через год. Баски-республиканцы потеряли более пятидесяти тысяч человек, четверть миллиона басков эмигрировали.

«Французское сопротивление нацистской оккупации длилось четыре года, — говорит бывший министр внутренних дел Баскского правительства Телесфоро де Монсон. — Наше сопротивление продолжается сорок лет. Мы боролись на территории нашей родины и за границей — во французских партизанских отрядах или в рядах французской армии. Мы продолжаем бороться против режима, который пришел на смену режиму Франко. Я, как христианин и демократ, веду борьбу в сфере идей. Однако многие наши молодые соотечественники, не знавшие войны, примкнули к баскской военной социал-революционной организации национального освобождения — «Эускади Та Аскатасуна» («Страна Басков и свобода»), иначе говоря, ЭТА».

В 1963 году во Франции рождается «Эмбата» («Ветер, предвещающий бурю»). Это начало исторического процес-

са, вскоре дополненного присоединением к баскскому движению карликов, сторонников принца Бурбона Пармского, которые отмежевались от франкизма.

Как умеренные республиканцы из Баскской националистической партии», так и карлисты ныне считают себя «ирландцами» Иберийского полуострова. Они считают, что Страна Басков может быть только свободной республикой, подобно Эйре, и что три другие «французские» провинции ни в коем случае не должны стать «Ольстером» баскской нации.

Согласно документам «Эмбата» (запрещенная, но менее подпольная, чем «испанская» ЭТА, «французская» автономистская организация) Страна Басков является целым экономическим районом, население ее — почти три миллиона, и она может встать в один ряд с 30 суверенными государствами, менее населенными, чем она, и с 10 суверенными, территория каждой из которых меньше ее территории.

Баскская нация сосредоточена в пяти городах: Сан-Себастьяне, Памплоне, Баракальдо, Витории и Бильбао. Основными экономическими ресурсами являются железные рудники, металлургическая, электронная и химическая промышленность Бискайи, сельское хозяйство провинций севера и юга (пшеница, вино, молоко и мясо) и рыболовство — на двухкилометровом, богатейшем побережье Бискайского залива вылавливается половина всего европейского улова тунца. Значительный источник доходов — туризм в районе Биаррица и Сан-Себастьяна.

Все усилия «испанских» басков со времен гражданской войны направлены на изменение формы мадридского авторитарного правления, чтобы добиться средств для достижения независимости.

Федерализм, которого требует наше национально-освободительное движение, — говорят баски, — представляет собой форму современной, прямой, глобальной демократии, которая зиждется на интернационализме и самоуправлении. Сейчас мы лишены права учить детей родному языку,

петь свои песни, иметь свою литературу и поднимать свой флаг.

Определенная часть ЭТА ныне отвергает методы политической борьбы и прибегает к террору, что усложняет ситуацию. ЭТА лишила себя многих сторонников, когда ее члены убили пожилого бизнесмена Берасади, похищенного ими, чтобы получить выкуп в двести миллионов песет. Берасади был найден мертвым у обочины шоссе неподалеку от Сан-Себастьяна спустя три недели после того, как был похищен. Правительство запретило его семье уплатить за него выкуп или вступать в какие-либо контакты с похитителями.

Группировка молодых активистов, которые борются за баскскую автономию, оказалась в центре внимания всего мира, когда в 1973 году ее члены убили в Мадриде премьер-министра Луиса Карреро Бланко. Баски отнеслись к этой дерзкой операции ЭТА, сорвавшей тщательно вынашиваемые генералом Франко планы обеспечения структуры власти после своей смерти, с восхищением. Но убийство Берасади, владельца фабрики швейных машин, вызвало возмущение, говоря мягко.

Даже «Баскская националистическая партия», сочувствующая ЭТА, осудила это убийство. Она опубликовала заявление, в котором указала, что до сих пор она никогда не осуждала насильственных действий баскских активистов, потому что считала, что они спровоцированы репрессиями режима Франко. Но даже война имеет свою этику, и убийство Берасади не может быть оправдано.

Галисийские националисты пока молчат. Впрочем, не зря в Испании считают, что среди галисийцев много людей, «которые слышат, как растет трава»: тишина в Испании сплошь и рядом обманчива.

Национализм в Каталонии и Стране Басков оказался неким детонатором тотального взрыва националистических тенденций в стране.

— Поразительно, как эта болезнь заразна, — говорил мне испанский приятель, трезво думающий финансист, тя-

готеющий к «центру», к стабильной «демократии западногерманского образца». — Я недавно был в Андалузии. И там сейчас появились организации, в которых говорят о необходимости предоставления автономии Андалузии. Я спросил собеседников: «Автономию от кого? От самих себя?» — «Нет, — ответили мне, — от урбанистического, американизированного Мадрида, который легко отдал всю тяжелую индустрию баскам, а издательства, кораблестроение, точную механику безумным каталонцам. Мы хотим сохранить свою духовную независимость. Севилья, как столица, может спасти нас. Мадрид — никогда!»

Главным борцом против «сепаратизма» испанские газеты в один голос называют министра внутренних дел и заместителя премьера Фрагу Ирибарне. Ему пятьдесят три года. «Галисиец, — шутят в Испании, — он маскирует свой сепаратизм мадридским патриотизмом».

В отличие от спокойных и медлительных галисийцев, Фрага вспыльчив и стремителен. Его политическая карьера началась давно, в период экономического и туристского бума Испании. Совсем молодым человеком, — ему тогда не было и тридцати, — юрист и исследователь международных проблем, Фрага стал заведующим кафедрой Мадридского университета; потом рывок в государственную деятельность — секретарь комиссии по иностранным делам в кортесах. Затем — директор «Института испанской культуры», того, который сейчас ведет столь широкую пропагандистскую работу, напоминая всем о великой мировой культуре, носителями которой являются испанцы. (Уроки Фраги?!) Получив три политических крещения (университет, кортесы, «Институт Испании»), Фрага был назначен руководителем «Института политических наук». А уже с этого поста, сорокалетним человеком, он сел в кресло министра информации и туризма. Это министерство является ключевым в Испании, и не только потому, что страну посещает ежегодно тридцать пять миллионов туристов (считайте выгоду!), но и потому, что именно это министерство осуществляет

цензуру, направляет кинематограф, книгоиздательства, прессу, радио и телевидение. Наплыву туристов (среди которых наверняка многие настроены антифашистски) надо было противопоставить гибкую, но в то же время непререкаемую контрпропаганду: Франко боялся разлагающего влияния «вольнодумцев», но понимал при этом, что туризм — это такая статья национального дохода, пренебрегать которой — безумие.

После четырех лет пребывания на министерском посту, Фрага провел свою первую реформу — отменил предварительную цензуру. Это заставило испанцев «центристского толка» заговорить о «перспективной политике». Неважно, что отмена цензуры оказалась чисто формальным актом: закон Франко имеет такое количество толкований, что в любом черном можно найти белое, и доказать, что желтое — на самом деле фиолетовое. Несмотря на все это, Фрага Ирибарне стал одной из наиболее популярных фигур в правительстве: «Он умеет проводить свое и поступает самостоятельно, а не как марионетка». Однако в то же время восходила звезда фаворита Франко, воспитанника технократической религиозной группы «Опус деи», министра иностранных дел Лопеса Браво. Время, с о х р а н е н н о е в архивах, расскажет — рано или поздно — о подлинных перипетиях борьбы между «Опус деи» и его проповедниками Браво и Родо, министром экономики, с атакующим испанским националистом Фрагой. В конце 1968 года в Мадриде поползли слухи о невероятных финансовых аферах акционерного общества МАТЕСА, которое контролировал «Опус деи». Говорили, что МАТЕСА создает в Европе фиктивные компании, которые якобы покупают изделия испанской тяжелой промышленности. Правительство поощряло, естественно, те фирмы, которые вывозили промышленные товары и ввозили золото. Однако в ы в о з и л и бумаги, договоры, контракты; золота не в в о з и л и. А вот получить у правительства золото на «расширение рентабельных отраслей промышленности» — получили. Размеры ссуды на «расширение» были гигантски-

ми, исчислялись они миллиардами песет. И деньги эти шли в карманы людей МАТЕСА. В отличие от других министров каудильо, Фрага Ирибарне был неподкупен. Он делал большую ставку: не на деньги — на лидерство. Он выступал против кредитов МАТЕСА, считая, что этим нанесет такой удар Лопесу Браво, от которого ставленник «Опуса» не оправится. Рассказывают, что когда в 1969 году дело МАТЕСА стало раскручиваться, к Франко пришел генеральный прокурор со списком тех, кого следовало привлечь к ответственности. Первым в этом списке был Лопес Браво. Франко негодовал, читая список, и благодарил прокурора за «государственную зоркость и непреклонность». Когда он вернул подписанный им листок бумаги, прокурор увидел «всего лишь» одну коррективу — фамилия Браво была вычеркнута. Лопес Браво пошел вверх. Фрага Ирибарне был подвергнут остракизму: он посмел разгласить «скандал в доме». Заседание совета министров было трудным. Фрага не стерпел: он крикнул Франко — «Да замолчите вы, генерал!» Воцарилась растерянная тишина. Фрага Ирибарне поднялся, поправил галстук и вышел из зала. И — естественно — из правительства.

В соответствии с обычной тактикой Франко — держать скандалистов подальше от дома — Фрага был отправлен послом в Лондон. Там он постепенно превратился в «центристского» оппозиционера, «автора политической программы будущего».

Во время одного из посещений Испании он утвердил и зарегистрировал в министерстве внутренних дел акционерное общество ФЕДИСА. Почему «акционерное общество?» Дело заключается в том, что всякого рода политические ассоциации — не говоря уж о партиях — были категорически запрещены в Испании. Собрание более двадцати человек могло состояться только с санкции полиции. Нарушение каралось заключением в тюрьму. В то же время акционерное общество, то есть «автономную единицу капиталистической системы», запретить нельзя. Этим пользовались и пользуются поныне. Политические единомышленники создают фик-

тивное акционерное общество с минимальным капиталом и получают право на собрания.

Итак, зарегистрировав свое общество, куда вошел граф де Мотрико, ставший ныне министром иностранных дел Ареильсой, Кальво-Сотело, нынешний министр торговли, Мартин-Гамеро, нынешний министр информации и туризма, ведущие политики и экономисты Кабанильяс, Ореха, Ордоньес, посол в Лондоне попросил аудиенцию у Ариаса Наварра, ставшего премьером после убийства боевой группой ЭТА адмирала Кареро Бланко. Беседа длилась долго. Фрага Ирибарне попросил премьера выслушать его программу: он цитировал по памяти десятки страниц, вплоть до сносок на первоисточники. Фрага предложил премьеру Наварра провести реформы, которые бы разрешали легализацию партий, кроме, конечно же, социалистических и коммунистической; гарантировали проведение выборов и давали право рабочим создать профсоюзы, взамен синдикатов, организованных фалангой и каудильо.

Ариас Наварра обещал изучить предложения экс-министра и попросил составить ему краткую справку. С этой краткой справкой он немедленно отправился в летнюю резиденцию каудильо. Тот прочитал документ своего посла в Лондоне и сказал:

— Реформы хороши, слов нет, но в какой стране их намерены осуществлять?

...Когда король поручил человеку Франко — Ариасу Наварра сформировать первое монархическое правительство, тот понял, что без Фраги режим н е у д е р ж а т ь. Видимо, он рассчитывал сделать Фрагу некоего рода тормозом реформ, взвалил на него бремя государственной ломки — буде новый министр решился на это. Ведь одно дело призывать к реформе, находясь в оппозиции, а совсем другое дело, когда их приходится проводить в жизнь, став государственным деятелем.

Фрага — тем не менее — провозгласил: «Реформы будут проведены в течение ближайших двух лет. Сепаратизм и терроризм — особенно в эти трудные годы — я считаю самым

злейшим преступлением против Испании».

Я просчитал: более всего в газетах сейчас пишут о Фраге — премьер упоминается довольно редко, портреты его даются внизу полосы, маленького формата.

«Сильная личность — Фрага?» Что ж, посмотрим. Меру силы определяет не слово, но дело.

...Несколько дней ушли на встречи с наиболее известными лидерами умеренно-буржуазной оппозиции, с которыми я беседовал, которых читал и слушал, начиная с конца шестидесятых годов. Они пока еще не до конца открыто высказывают свое политическое кредо; понять их можно — страх перед франкизмом еще очень силен; в «весну либерализма» боятся верить, ибо нет ничего страшнее потерянной надежды. Тем не менее небезынтересно, думаю, будет послушать мнения наиболее известных людей страны — писателей, артистов, режиссеров, юристов, тореро.

Предпослать их высказываниям мне хочется несколько выдержек из пресс-конференции Марселино Камачо, которую он дал после того, как вышел из тюрьмы. Небольшого роста, поседевший в карцерах, лучистоглазый, сразу же располагающий к себе какой-то доверчивой детской открытостью, он — без всякой претензии на внешний эффект — рассказывает:

— В заключении я провел четырнадцать лет. Сестра моя умерла, когда я был в тюрьме, юношей еще — в сорок первом. Отец умер в шестьдесят восьмом — я снова был в тюрьме. Дети без меня женились — сидел в концлагере. Внук родился, когда я был за решеткой... Поэтому-то нам и надо сейчас создавать будущее — памятуя о прошлом, о том, как жили наши дети и с чем пришли в этот мир внуки...

Формулировки рабочего Камачо — литы и точны: университет марксизма он проходил во франкистских застенках.

— Любое решение, которое будет принято в стране, без учетов интересов рабочего класса или — что еще хуже — против его интересов, лишено будущего, это — аксиома.

Впрочем, — добавляет товарищ Камачо, — новая историческая эпоха Испании есть результат давления снизу, а не изменения сверху. Чтобы развитие шло по пути демократии, чтобы страна избегала новой гражданской войны, чтобы раз и навсегда было покончено с двумя Испаниями, — нужна амнистия, демократия, свобода.

— Что такое свобода, товарищ Камачо?

Он задумывается, потом негромко отвечает:

— Свобода — это, в частности, гарантии самовыражения.

Именно исходя из этого последнего утверждения Марселино Камачо я и приведу разного рода мнения.

Хосе Мария Хиль Роблес, 1898 года рождения, профессор и адвокат:

— Я — демократ христианского толка, чьи идеи, похоже, не находят своего выражения при авторитарном режиме — даже для того, чтобы заявить о своих расхождениях с ним. По-моему, политическая деятельность — это стремление работать на благо нации. Но сейчас я считаю, занятие политикой есть обязанность. Если мне не дают возможности эту обязанность выполнять — я за это не отвечаю; я не испытываю горечи точно так же, как никогда не искал в политике какой-либо выгоды и никогда не буду ее искать.

Лоренсо Вильялонга, 1897 года рождения, писатель и врач:

— Чувствую себя монархистом. Королям следует любить подданных, ибо только сумасшедшие рубят сук, на котором сидят.

Хулиан Кортес-Кабанильяс, 1909 года рождения, писатель:

— Если исходить из того факта, что мы переживаем момент полного политического хаоса, то не удивительно, что очень трудно определить свое политическое кредо в столь

трудный для Испании час. Обращаясь к самому себе, я нахожу, что мои идеи весьма эклектичны. Я — приверженец любой правительственной программы, которая гарантирует тщательное выполнение законов и осуществление справедливости — даже при монархии как форме государственного правления, юридически закрепленной в современной и эффективной конституции.

Хоакин Руис-Хименес, 1913 года рождения, бывший министр, профессор и адвокат, один из лидеров левохристианской оппозиции:

— В настоящий момент у нас на родине трудно определить свои политические взгляды. В любом случае я разделяю взгляды демократов, вдохновляемых христианством, так как они направлены на то, чтобы мирным путем добиться радикальных изменений политических, культурных и социально-экономических структур Испании. В Испании никогда не будет социального примирения, пока не наступит время политической свободы, экономического и культурного равенства, моральной солидарности, втройне необходимой для христианского самосоздания.

Антонио Буэро Вальехо, 1916 года рождения, писатель, член Испанской королевской академии:

— Капитализм и национальная рознь родили тяжелые проблемы во всемирном масштабе. Не похоже, чтобы их было возможно разрешить. По моему мнению, только мирная социалистическая федерация сможет все поставить на свои места. Испания может присоединиться к демократическим государствам только после демократического изменения ее политических структур.

Луис Гарсия Берланга, 1921 года рождения, режиссер (фильмы «Палач», «Добро пожаловать, мистер Маршалл!»):

— Я анархист-индивидуалист. (Тем не менее, этот

«анархист-индивидуалист» во время нашей встречи смело выступил за создание «Ассоциации культурных связей Испания — СССР».)

Мигель Буньюэль, 1925 года рождения, писатель и режиссер:

— Противоречия политики слиты воедино: преследователь — преследуемый, палач — жертва, эксплуатирующий — эксплуатируемый. Культура против незнания. Поэтизм против глупости. Логичные размышления вместо конфликтов, голода, отравления. Словом, гуманный человек — это единственное решение политики.

Хосе Агустин Гойтисоло, 1928 года рождения, писатель:

— За прошедшие сорок лет жизни в буржуазном обществе я привык, что меня многие и по-всякому определяли, и теперь мне трудно, хотя бы с минимальной серьезностью и объективностью, не отделяя моих политических взглядов от литературной деятельности, говорить о себе. Я до сих пор сохранил ненависть к несправедливости. Можно сказать, что у меня голова социалиста, а сердце анархиста, но все это в материалистическом понимании.

Луис Мигель Домингин, 1925 года рождения, тореро:

— Все любят командовать. Командуют умные. Люблю умных. (Глаза у Луиса Мигеля смеются, мудрые у него глаза; как-то он сказал мне: «Жить невозможно, если лишен чувства юмора».)

Антонио Гарригес Уолкер, 1934 года рождения, адвокат:

— Я — демократ по убеждению; так как современная страна не может отставать в своем развитии из-за того, что она окрашена в какой-либо один политический цвет. Либе-

рал, потому что без свободы невозможны ни реформы, ни демократия. Но я либерал двусторонний: государство — частное предпринимательство, хозяин — рабочий, правые — левые. Свобода для всех без исключения. (Антонио — брат Хоакина Гарригеса Уолкера, создавшего «нелегальную» пока еще Демократическую партию. Они — дети нынешнего министра юстиции. Третий сын, Хуан, был одним из первых испанских бизнесменов, начавших серьезный экономический обмен с СССР. «За вашей страной — огромное будущее, — сказал мне Хуан Гарригес. — Закрывать на это глаза — глупо и неразумно».)

Рауль Мородо, 1935 года рождения, адвокат, профессор университета:

— Я — социалист-демократ. Меня считают одним из руководителей подпольной Народной социалистической партии. Эта партия выступает за «плюралистские демократические изменения», то есть признание политических партий, за амнистию, демократические выборы и — главное — за действенность всех политических свобод. Хотя я республиканец, однако признаю монархию, если она поддерживается народом и выступает за федеративное деление Испании. Политическая безопасность в будущем, сосуществование и примирение всех испанцев, социально-экономическое развитие требуют того, чтобы испанские государственные институты были аналогичны западноевропейским. С другой стороны, для того чтобы прийти к бесклассовому обществу, подлинно демократическому, нужно осуществлять поэтапную национализацию и социализацию государством основных секторов экономики, находящихся в частных руках, развивая при этом самоуправление.

Мануэль Бенитес «Кордовес», 1936 года рождения, тореро:

— Я не знаю с чем политику едят. Моя единственная по-

литика — делать все лучше других. Об остальном я не имею ни малейшего понятия.

Эдуардо Аспар Саинс, 1943 года рождения, экономист:

— Два термина приходят мне на ум, когда мне нужно определить свои политические воззрения: демократия и социализм. Демократия потому, что каждый человек должен иметь право принимать участие в создании и развитии общества, к которому он принадлежит, и, следовательно, свободно выявлять свое мнение по этому поводу. Что же касается социализма, то я считаю, что даже в демократическом обществе средства, находящиеся в руках властьпредержащих, во много раз превышают те, что находятся у большинства. Следовательно, только при некоторой степени социализации может быть гарантировано точное выполнение политических прав, наиболее рациональное управление и более справедливое распределение экономических ресурсов на благо всего общества.

Я привел лишь небольшую часть высказываний, свидетельствующих об огромном диапазоне разностей: Испания ищет себя, мнения — взаимоисключающи, порой не до конца логичны, но они свидетельствуют о том, что прежнее рухнуло, никто из мало-мальских здравомыслящих людей не связывает свои рассуждения о будущем с франкизмом, с его идеологией. Естественно, я говорю об оппозиции центра. О фашистах — ниже.

(Занятно, когда я беседовал с родственниками правящего монарха Хуана Карлоса, один из них, лениво ковыряя вилкой дешевую итальянскую пиццу — надо быть демократичным, это модно, это от Рокфеллеров, — говорил мне, что будущее мира принадлежит, конечно же, социализму, но при этом, добавил он, надо найти способ для организации некоего нового сплава: «социализм, монархия, американское предпринимательство» (Каково!?)

В декабре, когда я только приехал в Мадрид, партии были запрещены; когда улетал в конце января — партии не то чтобы разрешили, им, говоря точно, не мешали существовать, собирать пресс-конференции, приглашать гостей из Западной Европы, делать заявления журналистам. После сорока лет террора это, естественно, не может не нравиться либеральной интеллигенции. Однако профессор Мадридского университета, экономист, член нелегального Демократического Совета Рамон Тамамес, не скрывающий своей принадлежности к коммунистам, считает, что сейчас правительство может найти поддержку лишь среди пятидесяти одного процента населения, причем единой линии не будет, будет разобщенность и сумятица. Тамамес отдает себе отчет в том, что без тех, кто в подполье, в тюрьмах, в нелегальных рабочих комиссиях боролся против франкистской партии — то есть без коммунистов-подпольщиков, которых и поныне лишают права на легализацию, — устойчивого будущего в Испании не создашь.

«Сомнения в демократичности коммунистов — неправомерны, — утверждает Тамамес, — участие компартии Испании в процессе демократизации обеспечило бы государству стопроцентную поддержку населения. Против коммунистов могут выступать правые силы, которые не хотят перемен в стране».

Недавно Рамон Тамамес опубликовал свой «Проект демократического устройства Испании». О нем говорят как о проекте, конкурирующем с идеями Фраги. Вот основные положения Тамамеса:

Выборы.

Всеобщие выборы в политике являются аналогом коперниковой революции в астрономии. Необходимо наличие легальных политических партий, чтобы на первых этапах перераспределения власти они могли уравновесить влияние небольших доминирующих групп, в руках которых в этот момент будет все еще сконцентрирована наибольшая власть

и наибольшие богатства. Нельзя нарушать принцип разделения власти на законодательную, юридическую и исполнительную. Глава государства должен избираться народом, ибо в этом случае он облекается полномочиями всего народа. Выборы должны быть тайными и представительными: то есть, должна быть обеспечена безопасность и свобода волеизъявления. Принимать в них участие должны и бедняки, и женщины, и цыгане.

Парламент обязан быть двухпалатным, парламентарии должны избираться по принципу «каждый депутат от определенного количества избирателей, а никак не по «сословному принципу». Лишь это может покончить с имеющей место в Испании аномалией, при которой члены национального совета (высшего органа единственной партии — франкистского «движения»), являющегося как бы второй палатой кортесов, в то же самое время могут быть и членами самих кортесов. Это служит не укреплению суверенитета народа, а упрочению существующего олигархического режима.

Гражданские свободы.

Всем жителям Испании должна быть предоставлена:

а) Свобода вероисповеданий. Это подразумевает полное отделение церкви от государства, в то время как в настоящий момент в Испании католическая церковь не отделена полностью от государства.

б) Свобода собраний. В Испании она ограничена. Вполне естественно, что это вызывает рост нелегальных или полулегальных собраний.

в) Свобода организаций. Это особенно важно для политической жизни страны. Не правы те политические деятели, которые считают, что при восстановлении политических партий нельзя будет разрешить легализацию компартий в силу ее «антиконституционности». Вопрос о конституционности любой партии должен решать только специальный «трибунал конституционных гарантий».

В отношении создания профсоюзных организаций необ-

ходимо проводить в жизнь принципы МОТ, согласно которым профсоюзы должны быть свободны от государства. В Испании же существуют не «горизонтальные», а «вертикальные» профсоюзы...

г) Свобода слова. Она также ограничена в Испании. Пресса находится в руках предпринимателей. То же самое относится к радио. Кроме того, существуют принадлежащие церкви средства массовой информации, контролируемые государством. Особое место занимает телевидение, являющееся целиком государственным. Естественно, что официальной позиции придерживаются все газеты, журналы и радиостанции франкистского «движения».

Развитая демократия.

Путь к демократии сложен — это видно на примере Франции, Англии, США.

Первым этапом нашего пути должна стать буржуазная демократия, не дающая полных демократических свобод. Это этап временный, но необходимый.

Второй этап — неокапиталистический. В ходе этого этапа достигаются социальные права — право на труд, социальное обеспечение, образование, на создание профсоюзов.

Для того чтобы прийти к развитой демократии, нужно использовать не методы вооруженной борьбы, а воспитательную роль самого процесса демократизации. Очевидно, что любое революционное восстание типа астурийского восстания 1934 года, вызовет новую гражданскую войну. Социализм, к которому сейчас стремятся многие, должен быть достигнут через демократический мирный путь. Это подразумевает наличие точек соприкосновения различных групп, единство их интересов.

Для Испании такой общей программой социально-экономических целей могло бы стать осуществление аграрной реформы в интересах крестьянства, обобществление некоторых основных секретов экономики, тесно связанных с государственным секретом, введение обязательного начального и среднего образования, осуществление администра-

тивной реформы, новая политика налогообразования, связанная с системой социального обеспечения всего населения страны, усиление роли государства в кредитно-финансовой области, более широкое развитие науки и техники. (Не слишком ли все утопично, а?)

Таким образом, необходимо отметить, что только после осуществления всех задач, которые необходимо разрешить на всех трех этапах развития демократии, можно будет приступить к созданию истинно социалистической демократии.

Конец колониализма.

Испания должна стать не просто еще одной средиземноморской страной, но государством истинно европейским. Для этого ей необходимо избрать правильную форму политической организации государства. Монархия менее всего подходит для этой цели, так как она является порождением старого режима. Однако вопрос «монархия или республика?» должен быть решен только в ходе народного референдума. Другим существенным моментом должна стать децентрализация власти. Здесь должны быть учтены и регионально-национальные аспекты, то есть наличие Галисии, страны Басков и Наварры, Каталонии, Валенсии и Балеарских островов. В том же, что касается наличия в Испании отдельных национальностей, то они, безусловно, есть. Вместе с тем, они существуют, входя составными частями в испанскую супернацию.

Национальная и классовая борьба тесно связаны между собой. Без борьбы против олигархии и победы в этой борьбе не могут быть решены национальные проблемы. Важно отметить, что чрезмерное развитие национализма приводит не к демократии, а к ее противоположности. То есть — необходимо признать политическую значимость каталонской, баскской и галисийской национальностей, но только в рамках испанского государства. Это положит конец «внутреннему колониализму».

Профессор Рамон Тамамес работал над своим проектом

несколько лет. Смерть Франко была лишь внешним побудителем для открытой публикации этого документа. Внутренние причины, вызвавшие к жизни проект Тамамеса, в ы з р е л и уже несколько лет назад. Тогда, однако, нельзя было говорить вслух. Сейчас — необходимо, ибо молчание думающего большинства может ввергнуть страну в катастрофу, поскольку подавляющая часть населения страны отдает себе отчет в том, что «так, как было, продолжаться не может».

Весь день провел во встречах со старыми, добрыми знакомыми. Главная тема разговоров — американская политика в Испании. Мои собеседники считают, что стратегия США в Европе в значительной мере определит будущее Иберрийской пенинсулы.

В Испании стал известен (газетчики работают смело, хотя правительство пытается сдерживать) документ Пентагона. Документ этот действительно в высшей мере интересен, ибо речь идет о директиве «ФМ-30-31» штаба американской армии, посвященной созданию в «дружественных странах политической стабилизации». Этот документ узаконивает право Пентагона и ЦРУ засылать свою агентуру — особенно в те «дружественные» страны, где режим качается из-за того, что оказался в изоляции и не поддерживается большинством народа. Американская разведка пользует самые разные приемы для «удерживания» своих партнеров. Если же «дружественная страна» на какое-то время была «потеряна», то есть, если народ избрал угодную ему реформу правления, тогда в ход пускаются иные рычаги: партизанская война, создание ура-революционных, но легальных «марксистско-ленинских партий», которые вносят элемент дестабилизации, вызывая забастовки, саботаж, «горлопанство». Классической операцией по «дестабилизации» неугодного режима с целью возврата режима угодного, «стабильного», была всеобщая забастовка водителей грузовиков в Чили, организованная ЦРУ. Было избрано наиболее уязвимое звено: страна, где подвоз продуктов осуществляется только по шоссейным

дорогам, была парализована. Более того, директива «ФМ-30-31» дает санкцию разведслужбам на активное проникновение агентуры в рядах партизан, повстанцев, ультралевых партий, ибо ничто так не действует на мелкобуржуазных радикалов, определенную часть студенчества, как «ура-революционная» фразеология, требования немедленного «обобществления», «коллективизации кур и жен», «проведения пролетарского террора».

Однако армия Соединенных Штатов не обязана безоговорочно и при всех обстоятельствах поддерживать правительство в «дружественной стране». Обязательства оказывать поддержку теряют силу по различным причинам, например:

а) правительство, пользующееся поддержкой Соединенных Штатов, может оказаться ослабленным в ходе войны против коммунистов или против революции из-за отсутствия у него реальной власти или вследствие готовности отказаться от него;

б) чувство недовольства и неуверенности может поставить под угрозу важные, с национальной точки зрения, интересы;

в) в свою очередь может проявиться чрезмерный национализм, последствия которого враждебны интересам Соединенных Штатов или несовместимы с этими интересами.

В силу всего этого, говорится далее в документе, некоторые факты могут породить ситуации, когда интересы Соединенных Штатов потребуют смены правительства в «дружественной» стране с целью извлечения максимальных выгод из помощи со стороны США и практикуемого ими контроля.

Среди условий, необходимых для ограждения интересов Соединенных Штатов, в частности, есть следующее:

а) не допускать проникновения в воинские части дружественной страны элементов, сочувствующих революции, или, во всяком случае, элементов, враждебных США;

б) пресекать возможные контакты военного персонала дружественной страны с революционерами;

в) уменьшить коррупцию и халатность в вооруженных си-

лах дружественной страны до уровня, допустимого с точки зрения интересов Соединенных Штатов;

г) внушать офицерам дружественной страны, повышаемым в звании, чувство лояльности по отношению к Соединенным Штатам;

д) заботиться о безопасности всех разведывательных ведомств дружественной страны, облегчая проведение операций в сотрудничестве с разведывательной службой Пентагона.

В одном из разделов директивы даются следующие указания по вербовке агентов — предпочтение следует отдавать:

а) офицерам из зажиточных и культурных семей, имеющих давние связи с Соединенными Штатами;

б) офицерам, о которых известно, что у них сложилось благоприятное впечатление об американских концепциях конфронтации, особенно тем, кто проходил обучение в США;

в) офицерам, работающим в разведке дружественной страны. Эти люди заслуживают особое внимания.

...Генезис американо-испанских отношений поучителен: в годы войны против гитлеризма и Лондон и Вашингтон называли Франко гитлеровским союзником. После войны, на Потсдамской конференции, было подписано современное решение не принимать Испанию в ООН и прервать с нею дипломатические отношения. Однако логика холодной войны привела к тому, что вскоре Вашингтон начал переговоры с человеком Гитлера и Муссолини — «великим каудильо испанской нации, вождем крестового похода против коммунистов, гениальным стратегом и генералиссимусом Франсиско Франко». Эти переговоры кончились тем, что генерал Эйзенхауэр, главком союзных войск во время войны против Гитлера, решил договориться с Франко о строительстве на испанской территории морских и авиационных баз, направленных против своего бывшего союзника по коалиции — против Москвы. Он понимал, что этот шаг не вызовет «большой радости» в США: Франко он и есть Франко — трудно объяснять договор о «взаимопомощи» с фашизмом.

Поэтому переговоры велись в обстановке абсолютной секретности; газета публиковала время от времени разносные статьи против кровавого диктатора, комментаторы «Голоса Америки» и «Эн Би Эс» раскладывали на все лопатки террор франкистских «гристаповцев» («грильос» — так называют полицейских — «серые»; отсюда — «гристапо»; испанцы остры на язык, было у кого учиться — Сервантес).

Бум протеста в американской прессе начался после того, как Эйзенхауэр объявил о строительстве военных баз на основании уже подписанного соглашения. Консультировал он это соглашение лишь с несколькими особо доверенными членами конгресса и сената. Государственный департамент успокаивал общественность: «Это — всего лишь техническое соглашение». Ничего подобного. «Техническое соглашение» стало агрессивным военным союзом, более тридцати тысяч американцев передислоцировалось за Пиренеи, около столичного аэропорта Баррахас началось строительство крупнейшего аэродрома для «фантомов», а огромный район возле Роты, что около Кадиса, стал недоступным для испанцев — там базировался подводный флот США. Так сбылась заветная мечта Франко — он снова стал участником «антикоммунистического» блока, но теперь уже с другими союзниками — со своими прежними врагами, которые отныне взяли на себя заботу гарантировать стабильность его режима.

Французские политические обозреватели, весьма внимательно следящие за американской стратегией в Средиземноморье, считают, что:

«интересы Америки не могут измеряться лишь военным мерилом. Испанские базы могут играть другую и, возможно, более значительную роль с точки зрения глобальной стратегии, исходя из которой Соединенные Штаты определяют свои внешнеполитические интересы. Эти базы наглядно свидетельствуют о решимости США сохранить свои стратегические позиции в Средиземном море. Всякий признак слабости в этой области представляется опасным. В этих условиях не может быть и речи о принятии каких-либо реше-

ний о базах в Испании, не взвесив их последствия для американской глобальной стратегии. За последние два года Соединенные Штаты были вынуждены закрыть в Турции некоторые базы, служившие для сбора сведений. Эта мера была принята по требованию Анкары. В Италии, где за последние пять лет были созданы новые базы, успехи коммунистов на выборах, если они будут продолжаться, могут очень скоро привести к их участию в правительстве, и эта новая возможность ставит в отдаленной перспективе вопрос о безопасности американских баз. Наконец, в Португалии также возникла опасность того, что левое правительство потребует ухода американцев с баз на Азорских островах.

И в этой тревожной для американцев обстановке американские базы в Испании неожиданно стали надежным, внушающим доверие орудием, которое должно служить самым важным стратегическим интересам, определяющим внешнюю политику США.

Ставка в этой игре очень велика — больше, чем в Португалии, Чили или Анголе. Возможно, что на карту поставлено нечто большее, чем во Вьетнаме. И безразличие, проявляемое американцами к изменениям в Испании, не следует принимать за политику невмешательства. Совсем наоборот. Именно потому, что соображения безопасности, определяющие американскую стратегию в отношении Испании, считаются жизненно важными для существования Соединенных Штатов, Вашингтон, не колеблясь, вмешается, применив, если понадобится, военную силу».

За несколько дней до встречи с людьми, близкими к правительству, я говорил с представителями оппозиции. Это было неким продолжением тех бесед, которые я слышал в самолете, когда летел над Пиренеями: в некоторых кругах царствует убежденность, что падение режима — это вопрос дней; на смену вот-вот придет левое правительство.

— На чем базируется ваша убежденность? — спросил я собеседника, когда мы вышли из бара на шумную, по летнему теплую, январскую, солнечную авениду Хенералиссимо.

— На том, что растет забастовочное движение, во-первых, на том, что все открыто говорят о необходимости реформ, во-вторых, на том, наконец, что даже среди полиции появились недовольные — я уж не говорю об армии, — в-третьих.

— Но погодите, год назад забастовки так же сотрясали Испанию — только об этом не писали в газетах. Год назад Фрага уже пробовал предложить реформы — только без оповещения в печати. Год назад был убран начальник генштаба Диас Аллегрия — «довольных» с такого поста не убирают. Не выдаете ли вы желаемое за действительное?

Собеседник остановился, поглядел на меня с сожалением:

— Простите, но в вас говорит оппортунизм.

— Это голословно. Так же, как и вы, я хочу демократии для Испании. Но ведь следует исходить из реальности, а не из теоретических схем и догматических умозаключений. Вопрос заключается в том, какими путями надо добиваться демократии в Испании? Вопрос в том, какова должна быть стратегия битвы за социальный прогресс. Не сбрасывайте со счетов вашего атлантического контрагента.

— Все будем решать мы, испанцы! Америка теперь ничего уже не сможет сделать.

(Смогла. Вскоре нашего разговора в Мадрид прилетел Киссинджер и подписал новое военное соглашение. Деньги, которые Белый Дом даст Мадриду, могут быть обращены бесконтрольным правительством на любые цели. Борьба за стратегические интересы США в Европе заставила Белый Дом пойти на открытую демонстрацию поддержки монархического кабинета Хуана Карлоса. Я обратил внимание, что испанцы — люди горячие, увлекающиеся — склонны вычленять проблему своей страны из стратегического баланса мира. С одной стороны, в этом сказывается «груз» былого величия, престижность мировой державы, с другой — как это ни странно — оторванность от серьезных политических знаний — в стране ведь нет даже начального обязательного обучения!)

...Неделю живу в Мадриде, встречаюсь с разными людьми, читаю газеты — «скоро начнем реформы, скоро решим вопрос с амнистией, нельзя торопиться...»

Видимо, следует — под этим углом зрения — проанализировать «тактику последовательности», которую проводил Франко. Постепенность определяла все его поступки в политике. Стоит пролистать подшивку испанских газет, чтобы убедиться в этом. У меня создается впечатление, что нынешнее правительство следует именно этой «постепенности».

Итак, 1940 год.

13 июня немцы заняли Париж. Испанские газеты заполнили первые страницы восторженными фотографиями полков Гитлера. В шапки вынесены сообщения об аресте немцами многих испанских республиканцев, живших в эмиграции. Некоторые видные политики были выданы Испании, этапированы в Мадрид, судимы, приговорены к смерти и расстреляны.

На следующий день после падения Парижа испанские войска оккупировали международную зону Танжер: это было воспринято как начало новых испанских завоеваний. «Институт политических исследований» (тот, который впоследствии возглавил нынешний министр внутренних дел Фрага Ирибарне), издал книгу «Притязания Испании», проникнутую империалистическими устремлениями.

В октябре 1940 года Гиммлер посетил Мадрид и был встречен, как «дорогой гость, сподвижник по борьбе».

На испано-французской границе состоялась встреча Гитлера и Франко. Их сопровождали министры иностранных дел — Риббентроп и Серрано Суньер. Речь шла о прямом участии Испании в войне на стороне Германии. Франко осторожничал, обещал, но ссылался на экономические трудности. Паек тогда составлял четверть литра масла и горсть риса в неделю. Расцвела спекуляция и контрабанда.

1941 год.

Нападение Германии на СССР вызвало в Испании взрыв национализма.

Министр иностранных дел Серрано Суньер (критикующий ныне правительство за «бездействие») выступил с речью перед фалангистами: «Сейчас не время для слов. Но пробил час, когда фаланга должна огласить свой обвинительный приговор: Россия виновна! Виновна в нашей гражданской войне! Уничтожение России — это требование Истории и будущей Европы!»

Была создана «Голубая дивизия». Первый эшелон отправился на фронт 13 июля. Первый бой, в котором приняли участие фалангисты, состоялся 26 октября. Первый погибший — сын алькальда Мадрида.

Через несколько месяцев первый командир дивизии Муньос Грандес отозван в Мадрид. За «выдающиеся заслуги в борьбе с коммунизмом» он был награжден Гитлером «Железным крестом». (Через несколько лет его наградит Эйзенхауэр.)

1942-1943 гг.

10 октября 1942 года американцы высадились во Французском Марокко. Армия и флот Испании находились в состоянии боевой готовности. Франко заключил пакт с Салазаром; поскольку Португалия, несмотря на фашистский образ правления, была союзником Англии, этот факт говорил о начале осторожного поворота в политике Мадрида.

(Каждый день, кроме воскресенья, на шесть часов по всей Испании отключалось электричество. В домах использовали бензиновые и спиртовые коптилки, «петромакс». Во время отключения электричества трамваи не работали, и это было тяжелой проблемой для рабочих. Во многих городах были ограничения с водой, у колодцев стояли очереди. Из-за ухудшения санитарного состояния началась эпидемия, в частности, затянулась эпидемия тифа, который называли «зеленая вошь». Все это помнят в Испании, поэтому так боятся нестабильности.)

Пропагандисты Франко должны были отвлечь народ и от экономических трудностей и от политики — всякий крутой поворот, в условиях фашизма, страшит владык. Для того чтобы не было неожиданностей, необходимо «завернуть гайки». И вот в Испании началась национальная кампания за поддержание «морали». На пляжах было запрещено раздеваться. Появились специальные кремы, которые придавали коже смуглый оттенок без необходимости загорать. Верхом караемой по закону фривольности считалось появление женщины на пляже без чулок. Пляжи патрулировались «полицией нравов» с дубинками. Провинившихся штрафовали безжалостно. Играя в футбол, мальчишки снимали куртки и брюки, но выставляли наблюдателей, которые предупреждали о приближении «морали», — то есть полицейского. В церкви нельзя было заходить в платье с короткими рукавами, и в жару женщины носили в сумочке «приставные» рукава.

В газетах портреты Черчилля понемногу стали теснить фотографии Гитлера. В своей речи в Аликанте Франко заявил: «Это две разные вещи — борьба против большевиков и спор на Западе между цивилизованными нациями». Через несколько дней Черчилль похвалил Испанию в палате общин: «Употребляя здесь сегодня благоприятные для Испании выражения, я хотел бы добавить, что, надеюсь, Мадрид окажет большое влияние в деле поддержания мира в Средиземноморье после войны. Внутренние политические проблемы Испании — дело самих испанцев. Нам не следует вмешиваться в эти дела».

Генеральное управление по делам печати направило в редакцию газет секретный циркуляр: «Следует в различном тоне освещать события на двух фронтах — на восточном и западном, приглушая резонанс от наступлений русских коммунистов и, напротив, в полной мере подчеркивая наступательные операции англичан и янки. Следует различать то, что есть Россия и «русское», от того, что есть международный коммунизм. Следует подчеркнуть, что союзницей Англии и Соеди-

ненных Штатов является «Россия», а не «коммунизм».

1944-1945 гг.

В эти годы строгость цензуры была невероятной. Любой человек — гражданский чиновник, военный или священник, — наделенный минимумом власти, брал на себя функции средневекового цензора. Приспособиться к их критериям было невозможно. Например, никто в Испании не мог понять, почему в течение нескольких лет было строжайше запрещено использовать слово «карнавал».

По-прежнему шла кампания за «чистоту морали». Епископ города Лас Пальмас обратился в совет министров с требованием убрать или «одеть» установленную на стадионе статую, копию «Дискобола». Заявление епископа было передано на рассмотрение правительства министром просвещения Руис Хименесом (нынешним руководителем демохристианской оппозиции). На фотографии актрисы Аны Марискаль на обложке журнала «Триунфо» цензоры велели ножницами отстричь часть бюста — он им показался слишком большим. Примерно то же самое сделали в Севилье с украшающей портал театра фигурой грации «Империя» — архитекторам было приказано «убавить грудь». В журналах ретушеры пририсовывали майки на фотографиях пловцов и боксеров. Боксерам это было особенно обидно, поскольку в Испании лишь боксеры-любители выступают в майках.

За несколько недель до высадки в Нормандии было объявлено о ликвидации «Голубой дивизии».

26 августа освобожден Париж. В передовом отряде в Париж вошел испанец, эмигрант Амадо Гранель, боец французского Сопротивления.

(Присутствие в войсках союзников многих тысяч испанцев, бывших бойцов республиканской армии, создало напряженную обстановку на границе. Ночью 3 октября 1944 года пять тысяч человек, вооруженных винтовками, пулеметами и ручными гранатами, проникли через долины Рон-

сваль и Ронкаль и, подавив сопротивление небольших гарнизонов, заняли долину Аран. На помощь «гристаповцам» Франко послал войска. «Маки» были официально объявлены партизанами, что ставило их вне закона и лишало прав военнослужащих, которые предусмотрены международными конвенциями. К 30 октября «маки» отошли во Францию. Однако после первой неудачной попытки они перегруппировались на юге Франции (при благоприятном отношении де Голля) и начали предпринимать новые действия. Последующие операции «маки» носили форму классических партизанских действий. Проникали небольшие группы, которые иногда продвигались далеко в глубь страны. В начале 1945 года «Партизанское соединение Леванте и Арагона» сумело дислоцировать свои отряды в провинциях Теруэль, Куэнка, Валенсия, Кастельо, Таррагона и Гвадалахара. Некоторые отряды достигли даже Андалузии. Они беспокоили населенные пункты, терроризировали полицию и устраивали диверсии. В 1946 году «маки» предприняли 1085 операций, а в 1947 — 1317. Некоторые отряды продержались до 1950 года, а маленькие группы — и того дольше. 26 апреля 1957 года было сообщено о гибели партизанского командира Хуанина, а лишь в 1960 — в Хероне (Каталония) погиб Франсиско Сабатер (по кличке «Эль Трипас»). В те времена цензура полностью замалчивала действия «маки»).

19 марта 1945 года дон Хуан де Бурбон — отец нынешнего короля — выпустил манифест, который много лет не был в полном виде известен Испании. В нем, в частности, говорилось, что режим Франко, «столь противоречащий характеру и традициям нашего народа, коренным образом несовместим с условиями, которые создала в мире нынешняя война». После рассмотрения некоторых вопросов испанской политики, автор манифеста обратился к Франко с предложением «признать провал его тоталитарной концепции государства и сложить с себя полномочия».

1 апреля 1945 года Франко принимает парад войск верхом (единственный раз за 35 лет) по поводу годовщины по-

беды в гражданской войне. Был дождь, и кони следующих за Франко генералов поскальзывались на мокром асфальте. Конь Франко — нет. Это произвело впечатление на публику. (Впоследствии выяснилось, что Франко приказал подбить своему коню резинки на подковы).

О смерти Гитлера: газета «Информасьонес» вещала — «Грудью встретив большевистского врага на «посту чести», Адольф Гитлер погиб, защищая канцелярию. Громовое «Здесь!» (то есть отзыв солдата на перекличке) прокатилось по Европе, ибо Адольф Гитлер, сын католической церкви, отдал жизнь делу защиты христианства. (Хм-хм! А сожженые священники?) Гитлер родился Вчера, но для вечной жизни в Истории. Над смертными останками фюрера вздымается его победоносная духовная фигура. Рукой мученика Бог вручает Гитлеру лавровый венок победы. Глубокая и всеобъемлющая мистика, которую породила в Европе его смерть, в конце концов овладевает всем человечеством. Секретное оружие Германии, колоссальная бомба, которая должна была принести победу его идеологии, помещалась в сердце Адольфа Гитлера. Она взорвалась. Война против большевизма вступает в победную стадию. Бог — с паладинами. На небесах — праздник».

(Никаких комментариев в западной прессе по поводу этого славословия Гитлеру не было.)

В Англии победили лейбористы, премьер-министром назначен Эттли, который симпатизировал республиканцам и посещал Испанию во время гражданской войны. 2 августа 1945 года в Потсдаме была принята декларация, обвиняющая правительство Франко в пособничестве Гитлеру, и принято решение, что союзники не поддержат просьбу Испании о принятии ее в ООН.

Франко предпринял ответный шаг: декретом от 11 сентября началась игра в «демократию» — отменялся декрет 24 апреля 1937 года, в котором было предписано считать фашистское приветствие официальным национальным приветственным жестом. В декрете писалось, что салютовать подня-

тием руки — это древний иберийский обычай, «который был принят в городах и деревнях Испании; это салют, который с незапамятных времен национальной истории означал символ мира и дружбы между людьми. Обстоятельства, порожденные войной, привели к тому, что этот знак дружбы и сердечности интерпретируется неправильно и поэтому «в интересах нации» рекомендуется «оставить эту форму приветствия». Этот жест перестали делать на официальных церемониях, перед началом футбольных состязаний, корриды и бокса.

Через неделю испанские войска были выведены из Танжера.

1946 год.

27 февраля Франция закрыла границу с Испанией после расстрела Кристино Гарсия и его девяти товарищей «маки». Де Голль посмертно наградил Кристино Гарсия за его героизм в борьбе Сопротивления.

Черчилль в Майами выступил в поддержку Франко.

Мадридские газеты тут же среагировали: бабахнули о «жестокости» Нюрнбергского процесса. В ООН ставится вопрос о том, чтобы квалифицировать правительство Франко как фашистское. В Мадриде собирают демонстрацию (самую большую за время правления Франко) в поддержку каудильо. В ООН предложение полного разрыва отношений с Испанией не получило большинства: 20 — «за» и 20 — «против». Прошло предложение об отзыве послов. В Испании осталось лишь два посла — Ватикана и Португалии.

1947 год.

Главное событие года — гибель прославленного тореро Мануэля Родригеса (Манолете). Он был убит быком 28 августа на корриде в Линаресе. В течение нескольких месяцев его смерть была основной темой разговоров Испании.

Это был «Год Республики Аргентина», так как Перон помог Испании продовольствием и оказал моральную под-

держку — по его словам, организовал «маленький «план Маршалла» по-креольски».

1948 год.

Открылась граница с Францией. В Испании стали отменять старые порядки: в ответ на телефонный звонок в учреждениях не отвечали, как раньше, «Арриба, Испания! Я вас слушаю». Отменили обязательные эпиграфы и концовки писем: «Салют Франко, арриба Испания!» и «За Бога, Испанию и ее национал-синдикалистскую революцию!».

В Испанию вернулся Сальвадор Дали, которого встретили с энтузиазмом (в 1939 году его называли «декадентом и языческим материалистом»).

25 августа на борту яхты встретились Франко и дон Хуан де Бурбон — известие об этом не публиковалось. Договорились, что пятнадцатилетний сын экс-монарха — Хуан Карлос де Бурбон приедет в Испанию учиться. Хуан Карлос, нынешний король, приехал 9 ноября и поселился на уединенной вилле «Лас Харильяс» около Мадрида. Его воспитателями стали дон Хосе Гарридо и священник, философ, архитектор Игнасио Сулуэта. Принц любил литературу и спорт. Пресса написала о приезде очень кратко. Публика этому факту вообще не придала значения.

1949 год.

Поток антисоветских статей. Восторженные комментарии о «твердости» курса США в борьбе против коммунизма.

Издана книга о Федерико Гарсии Лорке, имя которого до этого было подвержено табу. Пресса тем не менее никак на это не откликнулась — боялась, чтобы не посчитали «розовой».

В театре «Мария Герреро» в Мадриде поставлена «фантастико-религиозная драма» Соррильи «Дерзкий поклонник» с декорациями и оформлением Сальвадора Дали. Имела большой успех.

1950 год.

10 апреля состоялось бракосочетание дочери Франко, Кармен Франко Поло с Кристобалем Мартинесем Бордью, маркизом Вильяверде. Церемония происходила в церкви дворца «Пардо», благословил кардинал-примат Пла-и-Дениель. Франко был в парадной форме. Пресса осветила это событие с чувством, но — до странного — умеренно. О быках писали больше.

(Коррида — такое событие в Испании, которое уравнивается с актом рождения и смерти. Поэтому огромный, воистину общенациональный скандал разразился в связи с разоблачениями, сделанными в газете «Хорнада» в Валенсии. Был помещен снабженный фотографиями репортаж о том, как перед корридой быкам спиливают кончик рога до пульпы. Затем закрашивают и затачивают, придавая рогу нормальный вид. Но кончик становится чувствительным, и бык начинает бояться бить матадора рогом).

1951 год.

Как невероятный факт, описывают первые после войны забастовки — они начались в Барселоне. Приводят слова Франко: «Забастовка — это преступление».

(На конкурсе сценариев первую премию получило произведение Хосе Луиса Колины и Луиса Г.Берланги «Временная семья». Берланга и Хосе Антонио Бардем поставили фильм «Эта счастливая пара», который имел большой успех и был важным шагом в развитии испанского кино.)

Все газеты со скорбью пишут о «постыдном процессе над героем Вердена — маршалом Петэном».

Новый посол США обещает экономическую помощь и заявляет, что ни одна страна, включая Испанию, не является более антикоммунистической, чем США.

1952 год.

Хосе Мария де Ареильса, граф Мотрико, написал в фалангистской «Аррибе» статью «Хосе Антонио или постоян-

ство» в защиту фаланги как носителя и защитника национального духа. (Сейчас, впрочем, его позиция изменилась кардинально.)

Великий испанский виолончелист Казальс отказался сотрудничать с ЮНЕСКО в знак протеста против приема Испании в ее члены.

1953 год.

В Каннах с большим успехом показан фильм Бардема и Берланги «Добро пожаловать, мистер Маршалл!».

26 сентября подписаны соглашения с США об экономической помощи, обороне против «опасности, которая угрожает запасному миру», и о сотрудничестве в военной области.

...Так, медленно, постепенно, шаг за шагом, Франко поворачивал Испанию от Гитлера, от классического национал-социализма к устойчивому, постоянному антикоммунизму, припудренному смешными уступками: отменено гитлеровское «хайль» — какая демократизация! На коньке демократического» антикоммунизма Франко «въехал» в западный мир; был прощен его фашизм, ибо он смог явно продемонстрировать зоологический бескомпромиссный антикоммунизм как «альфу и омегу» своей политики.

Я убежден, что выводить прогнозы в политике — довольно рискованное занятие. А уж если при этом игнорируется прошлое — тогда всякая попытка предугадать будущее окажется гаданьем на кофейной гуще.

Именно поэтому и была необходима эта ретроспектива.

«Мадрид. Семенов: Литгазета.
Приняла по телефону Рыбалова.

...Три дня сотни тысяч испанцев шли прощаться с телом Франко — это правда. Когда я прилетел в Мадрид, еще не кончился «траурный месяц» — почтальоны и шоферы, продавцы и чиновники носили на рукавах черный креп; множе-

ство женщин были в черном (что, впрочем, не мешало им из этого траурно-черного сделать платья в высшей мере завлекательные — испанки и есть испанки). Я видел, как в Долину Павших, к могиле Франко каждое воскресенье приезжали тысячи людей с венками — были среди посетителей и молодые люди, их было не мало: франкизм возник не на пустом месте. Если бы Франко, как Гитлер и Муссолини, не представлял интересы определенных слоев общества, он бы не смог потопить в крови Республику, несмотря даже на поддержку международного фашизма. Гражданская война началась, когда над Испанией «чистого неба не было» — шла ломка феодализма, страна переходила на рельсы капиталистического развития. Франко — в соответствии с лозунгами гитлеровского национал-социализма — рекламировал себя, как «фермент порядка» в период острейшей политической борьбы, в период идеологических схваток между коммунистами, монархистами, социалистами. Именно как «фермент нового порядка» он уничтожил республику, растоптал демократию, создал авторитарное фашистское государство.

На кого Франко опирался в своей борьбе? На феодалов и феодальчиков; на националистическую буржуазию, связанную с феодализмом деревни, на армию. Кто был «инструментом» борьбы? Армия? Армия в Испании была многочисленной; малыми силами «не удержишь». Армия была «двухслойной». Следует объяснить, что представляют эти слои. Первый рожден во время «африканских войн» 1909-1927 годов (именно тогда выдвинулся Франко). Амбиции феодального Мадрида нашли свое выражение в кровопролитии, принесшем былой монархии богатые колонии. Пропаганда трубила: «армия восстановила былой престиж нации». Первый «слой» оказал сильнейшее влияние на подрастающее поколение армии, на «второй слой»: они-то, двадцатилетние офицеры, и стали ударной силой Франко под Гвадарамой и Эбро в трагичные дни испанской республики. Армия после разгрома демократии поддерживала «новый порядок»

Франко; сотни тысяч обмундированных, вооруженных и накормленных испанцев были гарантами режима. Миллионы детей националистов, получив «лавры победителей», составили «третий слой» — костяк государственного аппарата, сросшегося с частным предпринимательством и главарями так называемых «профсоюзов». По приблизительным подсчетам, такого рода люди и члены их семей составили ныне десять процентов населения, то есть примерно три миллиона. Реакция этих людей на то, что хотя новый кабинет был представлен королю прежним франкистским премьером Карлосом Ариасом Наваррой, но состоял на три четверти из министров новых, в определенной мере тенденциозных (министра иностранных дел Ареильса франкисты даже лишали паспорта) — была затаенной, выжидающей. Они, эти «три миллиона каудильо», хотели, чтобы «все было по-старому». Они надеялись на Ариаса Наварру, который безутешно плакал на похоронах Франко.

Реакция испанцев открыто левых убеждений, — а их не менее пятидесяти процентов, — так же была выжидающей.

Когда первое монархическое правительство освободило из тюрьмы Марселино Камачо, вождя «рабочих комиссий», одного из лидеров трудовой Испании, мастодонты «первого слоя» стареющие генералы «второго слоя», «ребята с челюстями» из слоя третьего заулюлюкали. Именно они добились повторного, провокационного ареста Камачо, именно они, после вторичного освобождения «компаньеро Марселино», продолжая открыто улюлюкать, начали проводить тайные собрания, чтобы выработать конкретную, действенную линию по отношению к правительству.

Что же представляет из себя новый кабинет? Некоторые испанские газеты иронизируют: «кабинет послов». Действительно, три ключевых поста в правительстве принадлежат дипломатам: министр иностранных дел Х.Ареильса — бывший посол в США, министр внутренних дел Фрага Ирибарне — бывший посол в Лондоне и министр Юстиции Антонио Гарригес — бывший посол в США и Ватикане. Именно

он, Гарригес, выступил год назад в прессе с обращением к Франко, предлагая генералиссимусу отказаться от «абсолютной власти во имя блага испанцев». (Первый раз я встретился с А.Гарригесом четыре года назад в Мадриде — он был одним из немногих, выступавших за развитие экономических отношений между СССР и Испанией. Встречался я с ним два года назад, когда он выступал со статьей в испанской прессе о том, что Советский Союз хочет мира, что Москве чужды какие-либо «агрессивные устремления», встречался и во время нынешней поездки.)

Придя к власти, новое правительство публично пообещало определенные либеральные реформы: «Мы пойдем к демократии шаг за шагом. Через год мы разрешим легализацию четырех-пяти партий, кроме, естественно, коммунистической. Через год-полтора мы разрешим полную свободу слова, манифестаций, узаконим право на забастовки; через какое-то время мы проведем прямые, тайные, равные выборы. Мы постепенно превратимся в настоящее западноевропейское государство. Но мы не будем предпринимать необдуманных шагов. Мы будем жить по закону».

И сразу же возник вопрос: по какому закону? По новому? Где он? По закону Франко? Это немыслимо. В посулах нового кабинета человек, мало-мальски подготовленный политически, увидит «перепихивание», то есть: Фрага обещает демократию, но постепенную; Ареильса сулит «вхождение» в Западную Европу, то есть в «общий рынок», но жмет при этом на Фрагу — «давай реформы, без них не примут». Действительно, Лондон и Рим, отказываясь принять Испанию в «общий рынок», играют на «демократической неподготовленности Мадрида», хотя всем понятно, что Париж и Рим в первую очередь беспокоят конкурентные цены на испанское вино, а никак не «демократизация» страны; при этом новые министры подчеркивают, что реформы должны быть конституционными, то есть проведенными через «Королевский совет» и кортесы.

Через несколько недель после сформирования первого

монархического кабинета агентство «Франс Пресс» привело слова представителя «Демократического союза Испании» (находящегося в Париже, куда входят самые разные политические деятели — от монархистов до коммунистов) известного адвоката Алехандро Рохаса Маркоса, однозначно определившего правительство Ариаса Наварры:

— Те же собаки в тех же ошейниках.

Оппоненты, однако, немедленно отметили, что из девятнадцати членов кабинета шестнадцать — новые люди, не входившие ранее в «упряжку» диктатора. Вообще, другие члены «Демократического союза Испании» были значительно более сдержаны в оценке кабинета; его называли слишком «разнородным», но добавили при этом, что будущая либерализация, если новое правительство хочет ее на деле, а не в декларациях, зависит тем не менее от «группировок, являющихся составной частью режима».

Такого рода заявления оппозиции сразу же вызвали реакцию фашистов. Блас Пиньяр разразился яростным выступлением:

— Не успел еще остыть Франко, а всякая сволочь, всякие социалистические группки уже стали собираться открыто! Камачо выступает перед народом! Министр Фрага Ирибарне позволяет себе дружеские беседы с социалистическими оппозиционерами! Министр, отвечающий за внешнюю политику, берет на себя смелость говорить, что коммунисты являются такими же испанцами, как и все мы! Все это свидетельствует, что враги христианской цивилизации пытаются разрушить то, что сорок лет создавал наш незабвенный каудильо. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы объединяться и действовать! Фрага Ирибарне утверждает, что «у нас не будет иных врагов», кроме врагов государства. Но врагами государства, как общественного института, являются лишь анархисты. Значит, Фрага считает нашими врагами одних анархистов? А как же быть с марксистами и прочими либералами, которые выступают против великих идей Франко?! Фрага предлагает нам научиться отличать врагов

от оппозиционно мыслящих людей, он считает, что оппозиция несет в себе позитивный заряд, нужный для демократического развития страны. Мы не собираемся делить врагов и оппозицию. Для нас это синонимы. Если правительство поднимет руку на «Движение», созданное Франко 18 июля 1936 года, когда мы начали наш очистительный крестовый поход против коммунизма, мы организуем свою партию, и мы станем на защиту наших основополагающих идей. Мы не остановимся ни перед чем, ради того, чтобы отстоять идеи Франко. Нынешнее правительство, в состав которого входит лишь один представитель фаланги, не может считаться общенациональным. Фрага представляет кучку либералов, а не нацию, поклявшуюся «Движению» и Франко.

«Посибле», журнал центра, привел слова Фраги, когда его назначили на пост министра внутренних дел:

— Я сказал королю, что смогу занять пост лишь в том случае, если мне разрешат проведение моих демократических реформ. Для этого мне нужно привести с собой полдюжину верных людей.

Испанцы ждали, что Фрага немедленно объявит о сроках и датах реформ. Он медлил — обещая.

Испанцы ждали амнистии. Министр юстиции Антонио Гарригес обещал провести амнистию, однако после того, как будут внесены конституционные изменения в «Основной закон».

Испанцы ждали вхождения в общий рынок, однако министр Ареильса — после первых своих визитов в Париж и Бонн — ничего, кроме посул «привести Испанию в семью европейских народов», не сделал.

А три политические единицы Испании по-прежнему хранили молчание: король, армия, «Опус деи».

В Париже, когда ожидание затянулось, было проведено широкое совещание демократической оппозиции, в котором приняли участие Игнасио Камуньяс Солис и Хоакин Сатрустеги — от либеральных монархистов, представитель испанской компартии, Руис Хименес и де Миранда — от де-

мохристиан, генеральный секретарь Социалистической рабочей партии Филипе Гонсалес, социал-демократ Мануэль Диас Аллегрия — сын бывшего начальника генштаба (и такое возможно в нынешней Испании), социалист Рауль Мородо.

По оценкам европейской прессы, совещание это было «историческим», ибо все его участники вернулись затем в Мадрид и разъехались по домам: раньше бы их встретили на аэродроме Баррахас полицейские машины.

На совещании выступил Руис Хименес — он был защитником Марселино Камачо, его адвокатская контора приняла на себя защиту Луиса Корвалана (если, впрочем, можно надеяться на защиту коммуниста в условиях пиночетовского фашизма).

Руис Хименес наметил план действий оппозиции: продолжать борьбу за демократизацию, организовывать манифестации в стране, используя прессу, проводя широкую разъяснительную работу.

— Надо дать возможность правительству, — закончил Руис Хименес, — выполнить обещания, которые были им выдвинуты в программе кабинета.

Однако либеральный монархист Сатрустеги оппонировал Руису Хименесу:

— Положение в Испании не изменилось. Существовало единовластие Франко, и поныне проводятся в жизнь его законы; король не может назначить президента кортесов более либерального, чем тот, который был при Франко; председателем совета министров остался тот, который был во время дикратуры.

Профессор Хосе Видаль Бенейто, представляющий Социалистический союз, заключил:

— Демократические преобразования должны быть проведены немедленно — условия для этого созрели. Мы взываем к чувству патриотизма тех, кто работает в государственных учреждениях... Испанская армия занимает позицию нейтралитета и стоит в стороне от политических процессов...

...Вечером приятель увел меня в «Чокко», где собираются журналисты со всего мира (традиция времен гражданской войны — здесь, на Гран Виа, обычно встречались Хемингуэй, Кольцов, Мальро). Здесь было все, как и год назад: шумели, бражничали; разница заключалась, впрочем, в одном лишь: раньше Франко ругали втихомолку, а сейчас «поливали» в открытую; раньше прощались, вскидывая правую руку — приветствие фаланги идентично гитлеровскому, ныне наряду с «хайлем» демонстративно поднимали кулаки: «но пассаран!» — «они не пройдут!».

Не пройдут ли? Собственно, это и была та проблема, которую мы обсуждали в тот вечер, да и во все другие дни и вечера прошлого декабря и нынешнего января. Естественно, те, кто стоит на левых позициях или на позициях демохристианского центра, утверждали по-испански страстно:

— Возврата к франкизму быть не может, фашизм не пройдет. В церквях, которые ранее были оплотом франкизма, заседают нелегальные рабочие комиссии! Из университетов изгоняют правых профессоров! Вся интеллигенция стоит на левых позициях.

Через несколько дней я встретился с Эусебио-и-Агирре, одним из тех, кто придерживается противной точки зрения. Отказавшись от рюмки джина («это непатриотично, джин — продукт янки, истинные испанцы пьют «тинто», красное вино Андалузии»), Эусебио очень убежденно — но не очень спокойно — изложил мне свою точку зрения:

— Почему Франция ныне изменила свое отношение к Испании? Почему Париж, укрывающий баскских террористов, ныне высказывает доброжелательство? Почитайте труды, издающиеся левыми в Париже, почитайте. Там намечают три фазы: первая — замена режима, созданного гением каудильо, какой-то аморфной либеральной монархией. Вторая — свержение монархии и установление республики. Третья — после тайного договора (?!) между нашим «другом», то есть США, и врагом — то есть Кремлем, Испания становится разменной картой в игре двух сверхдержав; русские (!)

высаживаются со стороны Средиземного моря, испанская нация, как великая нация мира, перестает существовать. Секретная работа по подготовке к этому разделу идет вовсю: наши продажные журналисты и газеты при попустительстве правительства требуют разрешить развод в Испании, позволить женщинам делать аборты и отменить цензуру. Это — звенья одного плана, утвержденного сверхдержавами (!) Что нас спасет? Лишь одно — армия!

Как вы думаете, читатель, кто это говорит? Маоист? Ультралевый? Нет. Мой собеседник — фашист, фалангист (что, впрочем, одно и то же), один из сотрудников лидера испанских ультраправых Бласа Пиньяра.

В отличие от социалиста Хосе Видаля Бенейто, банкир, прокурадор кортесов и редактор фашистского журнала «Фуэрса нуэва», Блас Пиньяр не считает армию нейтральной. Пиньяр считает армию «позвоночником нации» — в этом ее историческая миссия; каждый испанец обязан любить свою высокотехническую, высококультурную (а ни один «культурный человек не может быть марксистом») армию, которая отвечает за будущее нации.

Так фашисты говорят в современной Испании. А как действуют? Вот лишь один пример: несколько общественных организаций города Сабадель в январе 1976 года направили в муниципалитет петицию об амнистии. Люди просили мэра Хосе Бурролье зачитать членам муниципалитета их петицию. Мэр отказал. Представители общественности — рабочие, священник, инженер, врачи — начали скандировать: «В отставку!» Ворвалась полиция. Никого не били — что правда, то правда. Просили, чуть подталкивая плечами, разойтись «подобру-поздорову». Родригес, работник местного синдиката, не мог спокойно видеть н е п о в и н о в е н и е. Он набросился на пятнадцатилетнюю школьницу Изабель Гарсиа Порсель и зверски избил ее. («Черная сотня» или «штурмовики» — разве не похоже?) Отец пытался заступиться за дочь — Родригес вытащил пистолет: «Я пристрелю тебя, красная собака!» Пистолет — это нехорошо, это— опас-

но: полиция отбила девушку, перенесла ее в вестибюль, положила возле мэра, на диван. Девушка, утерев с лица кровь, увидела рядом с мэром Родригеса и закричала в ужасе. Корреспондент журнала «Мундо» Дионисио Хименес обратился к Родригесу:

— Кто дал вам право так вести себя?

Родригес поиграл пистолетиком:

— Хочешь, чтобы я тебя прикончил?

Журналиста Хименеса немедленно окружили молодчики — и так же, как и Изабель — избили, по надежным гитлеровско-франкистским рецептам. Когда Хименес поднимался с пола, заместитель мэра по внутренним делам не преминул упредить:

— Советую тщательно подумать о том, что ты собираешься написать в свой журнал!

К Хименесу бросился на помощь его коллега — журналист Ксавьер Бинадер. Его тоже избили. Тот же помощник мэра, наблюдая избиение, сказал, закуривая:

— Допрыгался. Пришло и твое время.

Хименес вместе с адвокатом обратился в комиссариат полиции. Когда они выходили, адвоката Рамона Вальдеса окружила толпа фашистов. Его били железными цепями. По голове. До тех пор, пока служитель закона не упал на асфальт».

* * *

Душа в облаках,
А тело, как плач –
Плачет народ — плачет маэстро...
Священник деревни из «прежних»,
Для него маэстро — атеист,
А для мэра — он, конечно, коммунист,
А для «гвардиа сивиль» — анархист,
А для тех кто во дворцах, — сепаратист...
В деревенском казино, где каждый вечер
Собирается «бо мон» — два офицера и фельдшер,

Ему не дают стула.
Это верные и хорошие люди
Написали, куда надо,
Что мысли маэстро им непонятны,
Сложны, неприятны.
Они написали, куда надо,
Что маэстро читает детям Мачадо,
Того самого Мачадо, который
шлялся по этим равнинам,
Прежде чем умные люди изгнали его из страны.
Он губит детей, этот маэстро!
Он не бьет их,
И не ставит на колени в углу класса –
И не таскает за уши...
Хорош себе маэстро!
Ведь давно известно, что лишь кнут
Хорошо учит: и детей и взрослых,
Слова — развращают.
Они написали,
Что этот любитель Мачадо
Ни разу не побыл — как надо! -
На празднике нового сада,
Который разбили около полицейского участка
Дамы-патронессы.
К письмам хороших людей прислушались.
Умные письма попадают к умным людям.
Маэстро прогнали из школы.
И сейчас «верные и хорошие люди»
Спокойно играют в карты в своем казино,
Потому что их детей учат так, как положено:
И побьют, и потаскают за уши,
и поставят на колени.
Хорошая смена растет — знает, что такое кнут.
Кнут теперь снова чтут.

Это — баллада баска Патчи Андриона. Патчи поет свои стихи, он бард. Этого славного парня называют «некоронованным королем Страны Басков».

— Теперь меня перестали запрещать, — усмехается Патчи, — теперь мне разрешают выступать без предварительного просмотра текста песен. Что-то даже не верится, наверное, скоро посадят.

Он берет свою гитару, склоняет сильное лицо к деке, замирает на мгновение, а потом требовательно и резко трогает струны — «Сонет 1937-1975».

Я плаваю в тишине,
Плаваю.
Воспоминания — как нога в гипсе,
Как крик роженицы,
Словно шепот вопиющего в пустыне.
Эта страшная тишина рождает желание,
Чтобы ветер вырвался из моих сухих ладоней,
Чтобы сердце остановилось,
Но сердце мне не подвластно,
Мне подвластен голос, и я рожаю песни
Как гвозди.
А в моих песнях
Я хочу схватить тишину солнечного утра за волосы,
Я хочу выжать небо, как жирный апельсин,
И чтобы зубы свело оскоминой,
И чтобы это разбудило жажду прокричать
Мою песню.
Петь для себя — непозволительная роскошь,
Мыльный пузырь из шепота,
Шаги в пустоте,
Дыра в ничто...
Поющий тихо — поет для себя;
Нельзя петь по карточной системе, когда голоса
отпускают на день
Триста граммов. Или пол-литра.

Тогда умирает слово. Оно становится жалобой.
А разве поэзия — жалоба?
Поэзия — это ненормированное требование.
Нельзя регулировать поэзию, как магнитофон.
Нельзя петь без ненависти.
Я — во всяком случае — не могу:
Для этого у меня нет времени.

Такие настроения — типичны для испанских бардов. Здешние барды — это с е р ь е з н о, каждый выходит на сцену со своей политической платформой. Эстетическая — у всех общая: испанская музыка, испанское слово, прекрасная испанская открытость. Раньше правительство остро реагировало на такие песни-призывы; певцов лишали права выступлений, вынуждали эмигрировать. Нынешний режим повел себя умнее: пой себе на здоровье, что угодно — рядом с залом, где ты поешь, стоят два джипа с «грильос», которые вооружены автоматами, стреляющими не только резиновыми пулями.

Несмотря на трескучие — особенно во внешнеполитическом аспекте — п а с с ы нового правительства, в Мадриде вовсю работает НРУ (национальное разведывательное управление) Пиночета. Друзья рассказали, что посольство Чили содержит здесь одиннадцать «военных атташе» — чуть не вдвое больше, чем позволяют себе американцы. Эти «нрувцы» заняты подготовкой террористических актов против ведущих чилийских эмигрантов. Причем, поскольку коммунисты и социалисты не могут быть выявлены — они находятся в подполье, — удар обращен против левых демохристиан. Пиночет объявил, что ни о какой многопартийности, ни о какой демократии в Чили до конца XX века не может быть речи, следовательно, необходимо устранить всех возможных претендентов на власть, даже представляющих интересы национальной буржуазии.

Первой жертвой НРУ оказался генерал Карлос Пратс, занимавший ключевые посты в министерстве обороны Чили — и во времена Фрея и в годы Народного Единства. В его

машину была подложена мина. Генерал и его жена были убиты. Это случилось в Аргентине. Следом за тем агенты НРУ переместились в Европу, выбрав местом для координирующей штаб-квартиры Мадрид. При Франко им здесь помогали не только советами. Отсюда, из Мадрида, НРУ начало охоту за бывшим министром внутренних дел, одним из основателей христианско-демократической партии Бернардо Лейтоном, бывшим министром иностранных дел Габриэлем Вальдесом, ныне являющимся помощником Генерального секретаря ООН, и за Радомиро Томичем, выдвигавшемся на пост президента Чили от ХДП в 1970 году.

Не испанская полиция, а чилийская оппозиция в Мадриде предупредила Бернардо Лейтона в 1975 году (еще при жизни Франко), что НРУ готовит на него покушение. Однако он не смог нанять себе охрану. Люди НРУ напали на него ночью. Его повалили выстрелом в голову. Жену начали бить, а потом выстрелили ей в шею. Чудом оба остались живы — вовремя приехала «скорая помощь».

Исполнителями замыслов НРУ являются Андрес, Патрисио и Хорхе Мельгоса. Они известны «Интерполу», как профессиональные бандиты, члены международной мафии. После победы Сальвадоро Альенде, братья Мельгоса нелегально перевозили оружие в Чили, чтобы организовать фашистские банды и не дать президенту Народного Единства занять дворец Ла Монеда. Когда этот план потерпел провал, они совершили убийство генерала Шнейдера — это была продуманная провокация: фашисты были уверены, что армия выйдет на улицы — отомстить за убитого начальника генштаба. Армия на улицы не вышла, Хорхе попал в тюрьму. Два старших брата успели бежать в Испанию. Здесь они проходили тренировку под руководством как «гристаповцев», так и гитлеровцев — их за Пиренеями много. Шефом мадридского центра стал один из лидеров чилийского фашизма Хуан Луис Бульнес.

После переворота они вернулись в Сантяго и сразу же стали руководить ведущими отделами НРУ. Именно они,

Патрисио и Андрес, прибыли в США с дипломатическими паспортами, которые гарантировали их неприкосновенность. Они вошли в контакт с кубинскими контрреволюционерами, итальянскими мафиозо и пуэрториканскими гангстерами. ФБР получило данные, что они готовят убийство помощника Генерального секретаря ООН Вальдеса. Такого рода убийство вызвало бы международный скандал. Вальдхайм, извещенный о замыслах НРУ, вызвал чилийского представителя при ООН и сказал, что не кто-нибудь, а правительство Чили отныне ответственно за все, что может произойти с чилийцами, работниками ООН.

Братьев Мельгоса пришлось срочно увезти на первом же самолете в Сантьяго.

Однако мадридский центр НРУ продолжал активизировать свою работу: было принято решение во что бы то ни стало убить Томича, который в это время переехал из США в Европу.

Братья Мельгоса прибыли в Мадрид, а отсюда отправились в Швейцарию, где находился Томич. «Интерпол» сработал и здесь: швейцарская полиция выделила охрану чилийскому изгнаннику.

При Франко об операциях мадридского филиала НРУ молчали. Сейчас об этом заговорили открыто. Значит, надо ждать выступлений в журналах. Испанские газетчики работают отменно — после сорока лет вынужденного молчания ребята, что называется, вкалывают в поте лица. Журнал «Камбио» громыхнул материал против агентов ЦРУ в Испании: с фотографиями и именами. Правительство промолчало. Ждали реакции посольства США — те не решились опровергать факты.

Я вспоминаю прошлый, — не говорю уж, — позапрошлый год. Журналисты тогда стоном стонали в «бесцензурной» стране. В 1975 году было закрыто пять журналов, девять раз арестовывали имущество газет, семнадцать раз были возбуждены судебные процессы против редакций; общий размер штрафа, наложенного на прессу, составил два миллиона песет.

Хочу привести данные о схватках режима Франко с прессой только в январе 1975 года: 1) арестовано имущество журнала «Эль папуас»; 2) секвестирован журнал «Нуэво фотографас»; 3) секвестирован номер газеты «Эль Коррео де Андалусия»; 4) сожжен номер газеты «Гранада Семаналь», директор газеты, Хоакин Пехия, выслан из Испании, выпуск издания запрещен отныне и навсегда; 5) два сотрудника «Эль Коррео де Андалусия» привлечены к суду в Севилье; 6) 25000 песет штрафа наложено на журнал «Сабадо графико»; 7) начат судебный процесс против директора «Камбио-16» Мануэля Веласко и редактора Педро Коста Пусте.

Пока что новое правительство особо грубых санкций против прессы не применяло.

«Постепенно в Мадриде канонизируются точки зрения на происходящие в стране процессы. Одни — спокойны: народ «привык» подчиняться кнуту и силе; таких, впрочем, меньшинство, но — «сильное меньшинство». Среди большинства — раскол. Одни убеждены, что надо подталкивать правительство к реформам, торопить его, не давать остановиться, ломать инерцию п р и в ы ч к и бесконтрольно властвовать; другие убеждены, что с правительством нечего иметь дело — оно бессильно; третьи вообще считают, что правительство ничего не хочет предпринимать, ибо все «они неплохо устроились, им не хочется расставаться с миллионными креслами». (В Испании Франко это было типично — человек, ставший министром, немедленно начинал богатеть; «калым» — вполне распространенное явление.)

Властьпридержащие и те, кто рядом с ними, говорят:

— Испания за посление сорок лет прошла сквозь три этапа: сначала была Испания «Крестового похода», потом «юридического утверждения и оформления победы фаланги», а со средины пятидесятых годов вступила в «эпоху развития», когда Франко открыл границы для туризма, и это сразу же принесло громадные прибыли, начался приток американского и английского капитала, строи-

лись автомобильные заводы (выпуск машин растет в Испании из года в год), прокладывались дороги, возводились бесчисленные гостиницы и кэмпинги, развивалась легкая индустрия. Круговерть бизнеса, охраняемая франкистской «гвардия сивиль», захватила известную часть населения. И вы думаете, что испанцы, половина из которых помнит голод послевоенного сорокового года, захочет вновь ввергнуть себя в пучину очередного социального конфликта? А постепенную демократию они получат — только без лишней спешки. Да в общем-то они уже ее получили — каждый говорит все, что хочет, — это ли не демократия?

Социалисты:

— Правительство исповедует испанскую с а м о с т ь. Оно не хочет и не может посмотреть на шведский или западногерманский образец трезво. Оно пытается играть в демократию, но оно плохо скрывает страх перед любым новшеством. Прогресс — это всегда новшество, это как свежий ветер. Однако сквозняк опасен для больных.

Центр:

— Необходимо поскорее провести реформы, которые бы гарантировали устойчивость в стране. Жить так, как живем мы, подобно катанию в переполненной лодке по штормящему морю. Надо сбросить тот балласт, который мешает нам обрести стабильность, войти в НАТО и ЕЭС наравне со всеми западными странами. Они зря медлят. Необходимо легализовать как ультраправых, так и левых — пусть сражаются друг с другом. Арбитром будет закон и правительство. Это ж так удобно — быть арбитром, поднявшись над схваткой полюсов.

Коммунисты:

— Либо правительство проведет немедленные демократические реформы, даст амнистию, пересмотрит свою эко-

номическую политику, либо это придется делать другому правительству.

Фаланга:

— Если правительство и дальше будет попустительствовать левым, если оно и дальше станет проявлять бесхребетность, и осторожность, если оно осмелится и дальше терпеть то, как сепаратисты растаскивают Испанию, мы возьмемся за дело. Вопрос будет решать оружие — не слова.

«Мадрид, Семенов: Литгазета.
Приняла по телефону Рыбалова.

Если считать сегодняшнюю испанскую ситуацию временной, кануном революции, или, наоборот, предтечей ультраправого путча, тогда незачем останавливаться на вопросе о законах. Если же принять во внимание силу и мобильность «молодой волны» испанской буржуазии, интересы которой стремится представлять правительство, если не сбрасывать легкомысленно со счетов сорокалетний период кровавого франкизма, создавшего огромный аппарат насилия и охранения власти, если серьезно относиться к силе тех ультра, которые звереют при одном лишь слове «демократия», а они, эти фашисты, обладают большой силой в Испании, если, наконец, попробовать поверить ведущим министрам, что они хотят вывести Испанию из внешнеполитической изоляции, тогда без анализа конституции Испании не обойтись, ибо правительство не устает повторять, что путь «к реформам лежит в русле закона».

Конституция, «п о д» которой живет ныне Испания, была сконструирована Франко. Глава государства, «хефе дель эстадо», то есть каудильо, обладал неограниченными и неконтролируемыми правами. Он мог все. (Стоит отметить, что Испания — единственная страна в Европе, где нет пря-

мых, свободных, равных и тайных выборов — ни в муниципалитет, ни в провинциальный совет, ни в кортесы.) Нынешний король, Хуан Карлос Первый, во время правления Франко был лишен какой-либо власти. Более того, Франко не подпускал принца к серьезной информации, а политик формируется в том случае, если он ежедневно и ежечасно держит руку на пульсе важнейших мировых и государственных событий: принять решение можно лишь в том случае, если з н а е ш ь. Сейчас, после смерти Франко, выяснилось, что король обладает далеко не всеми правами, которыми обладал каудильо. Король, например, лишен права чрезвычайных полномочий, которыми с лихвой владел Франко. Король не может предпринять серьезной законодательной акции, не согласовав свое намерение с правительством, кортесами, королевским советом и «национальным движением», то есть с главной силой, на которую опирался Франко.

Чтобы читатель точнее уяснил себе иерархию послефранкистских испанских «политических значимостей», следует поначалу объяснить, что они, эти «значимости», представляют собой на самом деле.

а) Правительство. Оно обязано — согласно конституции — «обладать политической инициативой перед лицом всех других органов власти». Правительство отчитывается перед королем, кортесами и советом королевства.

б) Совет королевства. В него входят семнадцать наиболее влиятельных «прокурадоров кортесов» (так здесь именуют членов парламента). О королевском совете в Испании сейчас говорят: «бункер франкизма». Говорят справедливо: четвертая часть совета составлена из «ветеранов», тех, кто воевал против Республики, добровольно шел с Гитлером на Советский Союз в составе «Голубой дивизии», казнил демократов, освящал новые концлагеря и тюрьмы, принимал драконовские законы против народа.

Королевский совет обладает значительными полномочиями: он объединяет в себе функцию главы государства, кортесов, правительства; совет королевства не только «ко-

ронует» главу государства, но и утверждает одобренные кортесами договоры; совет может распустить кортесы; может, признав главу государства неспособным к правлению, сместить его двумя третями голосов.

(В Испании нет секретов: стоит повстречаться с коллегами-журналистами, как тебе тут же расскажут мельчайшие подробности обо всем и обо всех: что, например, когда король утверждал новый кабинет, министры сидели в просмотровом зале министерства информации и смотрели запрещенный цензурой фильм «Эммануэла»; что кардинал Таррагон, ставший в оппозицию к франкизму, получил инфаркт миокарда и был увезен в госпиталь сразу после окончания первого заседания королевского совета, которое длилось шесть часов: разгорелись страсти, ибо «бункер» тащил своих кандидатов на пост председателя; сошлись на «полунейтральном» Торквато Миранде. Говорят, что поначалу председателем королевского совета назывались Ареильса или Антонио Гарригес. «Бункер», однако, поставил на других кандидатов: либо Валькарсель, либо Хирон де Веласко — оба фашисты из «старой гравдии» Франко. Стоит привести ряд высказываний Хирона де Веласко — чтобы стало ясно «кто есть кто». «Более всего Испании сейчас необходима культурная революция. Пока у испанцев народ не будет е д и н о г о понятия о культуре, не будет и единого понятия о в л а с т и. Мы, фаланга, приложим все усилия к тому, чтобы провести широчайшую немедленную культурную революцию. Фаланга хочет радикального изменения всего испанского общества, фаланга хочет демонстрировать капиталистическую систему». Браво! Это говорит один из богатейших людей Испании, женатый на баронессе Кампорендондо, которая является президентом крупнейшей строительной фирмы страны! Что думает Хирон о заявлении министра иностранных дел Ареильсы в Париже по поводу проведения свободных выборов в кортесы? «Ареильса волен высказывать свое личное мнение за границей, но здесь, у нас, в Испании, он обязан придерживаться законов, утвержден-

ных гениальным каудильо испанской нации генералиссимусом Франсиско Франко!»

Думаю, что в свете этого высказывания Хирона читателю будет понятно, почему я приглашаю его к исследованию законодательных и исполнительных функций действующих ныне государственных институтов Испании. Благими намерениями вымощена дорога в ад — даже если поверить намерениям правительственных реформаторов, где гарантия, что они проведут демократические преобразования через королевский совет Хирона?)

в) Кортесы. Это не что иное, как увеличенный во много раз королевский совет. Тот же «бункер», те же фалангисты, те же банкиры — сорок один банкир представлен в кортесах; они контролируют все основные комиссии, мимо них не проходит ни одно решение — будь то внешнеполитическое или касающееся положения в стране. Кортесы обладают правом потребовать отчета у правительства. Кортесы вправе войти в конфликт и с королем, — конституция это позволяет. Исход неизвестен: по франкистскому «основному закону» конфликт может разрешиться двояко — либо роспуск кортесов, либо смещение короля.

Как проходят «выборы» в кортесы? Пятую часть кортесов назначал Франко: указывал пальцем, говорил: «Он будет прокурадором» — вот и все «выборы». Пятую часть прокурадоров поставляло «движение», то есть фаланга. Пятую часть — «синдикаты», франкистские профсоюзы. Пятую часть составляли губернаторы, генералитет, члены правительства. Пятую часть составляли «выдвиженцы «фамилий» страны», то есть наиболее уважаемые семьи нации, аристократы, купцы, военные промышленники, словом, люди, на которых режим полагался. К ним же относятся и руководители «гильдий» — профессура, адвокаты, технократия. Ничего себе, «народное представителььство», а? Из пяти «долек» голосовались лишь представители «фамилий», все остальные проходили, что называется, скопом, без намека на выборность.

г) «Национальное движение» — штурмовая сила франкизма в общенациональном масштабе: в каждом городе есть отделение «движения» и даже в правительстве оно представлено особым министерством. Нынешний генеральный секретарь, «министр движения» в кабинете Наварры — сорокачетырехлетний Адольфо Суарес Гонсалес (я встречался с ним, когда он был генеральным директором телевидения. «Советскому искусству открыт наш экран», — сказал Гонсалес. Это было смелое заявление во времена Франко.). Факт выдвижения Гонсалеса удивил многих: во-первых, секретарь франкистского «движения» — человек относительно молодой, не принимавший участия ни в Гражданской войне, ни в коллаборации с Гитлером. Во-вторых, Гонсалес находится в состоянии вражды со «старой гвардией». Объяснить его «взлет» пока что весьма трудно.

Сейчас, когда профессор права Себастьян Мартин-Реторильо впервые коснулся проблемы административной реформы и поставил вопрос о целесообразности ликвидации ряда министерств, в Испании поняли, что «началась драка под одеялом». Профессор вроде бы касался министерств информации, туризма, планирования, развития, но каждому в Мадриде (как левому, так и правому) стало ясно, что речь идет о «министерстве движения», о необходимости ликвидировать это странное «административное образование», которое функционирует, базируясь на догмате Франко: «Крестовый поход против коммунизма».

Можно допустить две возможности: монархия начинает «роман» с «молодой волной» и опирается на Суареса в проведении реформы за спиной франкистских кортесов.

Если же представить почти невозможное, то есть, если допустить второе вероятие — нынешние кортесы разрешат правительству ликвидировать «министерство движения», тогда в резерве есть «союз испанского народа», правопреемник идеологии Франко, построенный по военному образу и подобию: «национальное руководство» — «национальный совет» — «генеральный секретариат», управляющий иден-

тичными провинциальными единицами по всей Испании. Другое дело, идеи «союза испанского народа» — идеи отжившие, скомпрометировавшие себя, рассчитанные на люмпен, но при чудовищной системе народного образования Испании «союз» может рассчитывать на определенный резерв националистов-фанатиков, не обученных даже алфавиту: «черные сотни» рекрутируются из мелкобуржуазной, слепой и темной среды. Увы, такого рода «среды» в нынешней Испании предостаточно, хотя нельзя не видеть и того, что промышленное развитие выдвигает «противосилу» — организованный рабочий класс.

Именно этот передовой отряд испанского общества настойчивее всех требует проведения реформ. Правительство обвиняет рабочих в саботаже и подстрекательстве. Вздор! Рабочие готовы приветствовать демократические реформы, если они будут проведены эволюционным путем. Ведь действующая ныне конституция (ее можно читать как угодно) позволяет, тем не менее, избрать законный путь: а) правительство выступает с политической инициативой о реформах, б) король изучает программу и, обсудив ее с королевским советом, передает в) «национальному движению», а уж потом проект реформ переходит в г) кортесы, которые — в случае своего согласия — разрешают общенациональный референдум. Разве это не конституционный курс? Однако, если учесть, что бункер не намерен так легко сдать позиции, если учесть, что пребывание в кортесах и королевском совете дает баснословные барыши фашистам, если учесть, что все они против демократии, если учесть, наконец, что по тому же основному закону армия имеет право взять инициативу «политических действий в свои руки в момент хаоса», то — понятное дело — фашистам выгодна нестабильность — тем более, что не народу вменено в право определять, что такое нестабильность, а властьпридержащим — королевскому совету в первую очередь. Выход из «нестабильности» — смена кабинета, который бы отличался от нынешнего либо полной «франкистской традиционностью», либо отчетливой ус-

тремленностью к демократии — не словесной, а действительной.

Такова лишь одна из возможных структур развития, если исходить из нынешней объективной реальности. Время покажет, как будут разворачиваться события, однако следует заметить, что время ныне изменилось за Пиренеями — оно стало стремительным.

Поэтому следует проанализировать вероятия.

Нынешнее правительство зажато между «бункером» и демократической оппозицией, а в довершение ко всему находится под прессом франкистской «конституции». Бункер против каких бы то было реформ. Чтобы провести реформы легальным путем, нужна поддержка самого же бункера — и в королевском совете и в кортесах Франко.

Если же предположить столкновение между правительством и бункером, то возможны следующие препозиции:

а) король, распустив кортесы, становится — формально — единственным «носителем суверенитета». (Поскольку нынешний кабинет суть оплот монархии, то, возможно повторение «столыпинского варианта», то есть разгон депутатов, мешающих правительству.)

— На это вряд ли пойдут, — сказал мой приятель-журналист, цепко оглядев соседние столики, — нет ли топтунов. — Это может «раскачать шлюпку». Западная Европа, а точнее говоря, биржи Лондона и Рима, смогут торпедировать наше вхождение в «общий рынок», начав кампанию: «Мадрид не умеет справиться с ультра законным путем, значит, их режим ненадежен, стоит подождать, когда придет новый».

б) Кортесы становятся центром власти, «испанская жиронда» вводит чрезвычайное положение и обращается к армии, как к «становому хребту нации», списки коммунистов, либеральных священников, социал-демократов заготовлены уже давно — в стране начинается резня: танки, как в Чили, стоят на улицах.

Что же из себя представляет четвертьмиллионная испанская армия? Ее элитой является генеральный штаб. Два года

назад либеральный генерал Диас Аллегрия, начальник генштаба и военный исследователь, был уволен в отставку, когда находился в самолете, следовавшим рейсом из Бухареста в Мадрид; ультра не простили «вольнодумцу» визита в социалистическую страну — несмотря на то, что это был санкционированный визит. Ныне генштабом управляет вполне «благонамеренный генерал», человек бункера.

Исследуя генеральный штаб, известный испанский историк Хулио Бускет вывел ряд любопытных закономерностей. Первое — большинство генштабистов являются уроженцами Мадрида, то есть им сугубо «неприятны» всякого рода баскские, каталонские, галисийские и прочие вольнодумцы, а поскольку генштабисты, как правило, являются потомственными военными — мнение командования не обсуждают, ему подчиняются. Последний опрос показал, что профессия кадрового военного в Испании стоит на пятом месте. Невероятно высокое место! Объяснять это лишь тем, что сие связано с технизацией армии, — не серьезно. Армия всегда была оплотом франкизма, которому была нужна сила, чтобы в л а с т в о в а т ь.

Осенью 1975 года в Испании были арестованы несколько офицеров — участников подпольного «демократического союза офицеров». Кто они? Откуда? Это сохраняется в тайне. Известно лишь, что демократические офицеры выступают как противники «политизации армии» — в том смысле, чтобы не позволить войскам выступить против народа. Но если в Португалии армия заявила себя, как общенациональная сила после многих лет колониальных войн, когда стали явными противоречия между армией и народом, то в Испании такого рода ситуации нет: видимо, учитывая португальский опыт, Франко приказал своим войскам уйти из последней колонии, из богатейшей Испанской Сахары, только бы не ввергнуть страну в конфликт. Еще одно любопытное соображение: третья часть испанских вооруженных сил составлена из летчиков, танкистов и артиллеристов. Люди, связанные с техникой, они прошли американскую

школу. Тенденции «зеленых беретов» — очевидны. (Ведущим, кстати говоря, членом королевского совета от армии является главком авиации Анхел Ларсабал, «герой Голубой дивизии», воевавший против нас под Ленинградом и Волховом. Симптоматично, нет? Был, естественно, бит. Обозлен и, соответственно, обижен.)

...Прошло всего три недели со времени прилета в Мадрид, а как многое изменилось! То, о чем раньше шептались, сейчас начали говорить открыто — для всего мира.

Филипе Гонсалес, генеральный секретарь Социалистической рабочей партии Испании (ПСОЭ) впервые дал интервью. Он отвечал на вопросы резко и точно.

В о п р о с: Министр Фрага надеется, что вскоре социалистические партии будут узаконены. Как бы ваша партия изменила конституцию, став легальной?

Ф. Г о н с а л е с: Нынешняя конституция исключает возможность существования легальных партий. Значит, чтобы легализовать партии, надо изменить конституцию.

В о п р о с: Вы верите в то, что нынешнее правительство сможет провести реформы?

Ф. Г о н с а л е с: Говоря откровенно, — нет.

Хиль Роблес, представитель демохристианской оппозиции (помните его первые выступления в декабре, приведенные выше? Послушайте, как изменилась его позиция за эти недели).

В о п р о с: Существуют ли внутренние расхождения между демохристианами так же, как и между социалистами?

Х и л ь Р о б л е с: Богу хотелось бы, чтобы социалисты были так же едины, как мы.

(Для справки: ныне в Испании уже существуют около двухсот партий, из них только в одной провинции, в Каталонии, более двенадцати социалистических.)

В о п р о с: Как вы относитесь к первому правительству короля?

Х и л ь Р о б л е с: Мы не верим словам, мы верим делам. Мы намерены создать свой первый съезд. Правительство впра-

ве запретить его, доказав тем самым свой демагогический характер. Вправе и разрешить — это будет важно не только для нас, но и для всех других партий: мы, как демократы, считаем, что в процессе демократизации должны участвовать все. Было бы чудовищной ошибкой правительства исключить коммунистов из процесса демократизации.

...«Убыстрению» точности позиции, их поляризации, способствует беседа с фашистом Санчесом Ковиса, руководителем ультраправых «партизан короля Христа».

В о п р о с: Как вы относитесь к амнистии?

К о в и с а: Освободить агитаторов — самый большой вред, который только может быть сделан Испании, нашей нации и истинной свободе.

В о п р о с: Каков смысл деятельности вашей организации «партизаны короля Христа»?

К о в и с а: Никто, в том числе и министр внутренних дел Фрага, не понимает значения нашей организации. Если гражданские власти не защищают церковь и родину, это сделает любой честный человек испанской национальности.

В о п р о с: Как вы относитесь к легализации партии?

К о в и с а: Думаю, что легализация партий — самое эффективное средство для того, чтобы покончить с национальным примирением, единством и миром на земле Испании, который принес нам великий Франко.

В о п р о с: Продолжаете считать, что фашизм — наиболее целесообразен для Испании?

К о в и с а: Да, если под фашизмом понимать тревогу европейцев в связи с новым этапом истории. Да, ибо фашизм — единственный способ противостоять классовой борьбе и борьбе партий. Да, ибо фашизм — единственный режим как для Испании, так и для всех других народов, который способен спасти людей от двух форм материалистического рабства — коммунизма и либерального неоколониализма. Фашизм — это свобода. (Вот мерзавцы, а?!)

О том, какова эта «фашистская свобода», явствует беседа с Сарториусом, одним из руководителей рабочих комиссий Испании, только что освобожденным из тюрьмы.

В о п р о с: Вы сидели в карцере?

С а р т о р и у с: Да. Это комната без окон, полтора на два метра. В карцере можно просидеть от двадцати дней до нескольких месяцев.

В о п р о с: Вы держали голодовку?

С а р т о р и у с: Да. Как только начинаешь голодовку, тебя швыряют в карцер. Тюремное начальство запрещает врачам осматривать тебя. Когда голодовку кончаешь, тебя снова сажают в карцер на тридцать дней.

В о п р о с: Как проходит голодовка?

С а р т о р и у с: Ужасно. Ты чувствуешь абсолютное одиночество. На четвертый день начинается ужасная слабость. Голодовка ломает тебя не столько физически, сколько психологически. Ты вроде бы знаешь, что рядом с тобой товарищи тоже держат голодовку, но все равно нет сил избавиться от страшного чувства одиночества. Это можно сравнить с расстрелом: с тобой и за тобой могут быть тысячи, но это никак не облегчает понимание того, что тебя, именно тебя, расстреляют сейчас...

(Сидевший вместе с Марселино Камачо, потомственным пролетарием, Сарториус — потомственный аристократ. Его прадед был премьер-министром королевы Изабеллы II, один из дедов — министром, отец — губернатором.)

В о п р о с: Что значит любить родину?

С а р т о р и у с: Это значит прирасти к ней корнями.

...Послушаем теперь журналистов. Им был задан вопрос: кого они считают самым серьезным политиком прошлого года?

М. С о л е р — главный редактор журнала «Доблон»:

— Ведущий — Марсело Камачо, потому что он представлял и защищал истинные интересы трудящихся Испании, потому что в любой другой стране он бы считался профсоюзным лидером, с которым правительство установило бы прямой контакт.

Ф и л и п Т а б о л т, редактор «Франс-Пресс»:

— Ведущий — Фрага Ирибарне, потому что он давно планировал свое возвращение и предложил программу правительства, которая охватывает все стороны жизни.

Хосе Рекена, директор газеты «Коррео де Андалусия»:

— Ведущий — Ареильса. Не потому, что он есть, а оттого, что представляет еще неосуществленные возможности.

Курсио Доминик, «Бизнес Уик», Нью-Йорк:

— Ведущий — Энрике Тьерно Гальван, потому что он лидер той оппозиции, которая принесет с собой изменения. Надо помнить, что несколько человек, находящихся ныне у власти, вышли из его оппозиции. (Энрике Гальван — социалист. Недавно Фрага Ирибарне встретился с ним в ресторане, пригласив лидера оппозиции — а до сих пор всякая оппозиция считается нелегальной — на обед. Мои друзья из газет и журналов Мадрида шутили: «Два месяца назад министр правительства мог встретиться с лидером нелегальной оппозиции в камере тюрьмы, а не в фешенебельном ресторане. Одно слово — Испания»...)

Педро Альварес, журнал «Кудернос пара эль диалого»:

— Ведущий — Филипе Гонсалес, потому что он делает все возможное, чтобы приспособить социализм к условиям испанского общества.

Хайме Серрат, журнал «Мундо»:

— Ведущий — испанский народ, потому что он еще раз показал свою зрелость, свою готовность и способность принять демократию.

(Следующий материал продиктую через неделю. Жду вашего звонка.)»

За то время, что живу в Мадриде, объявлены забастовки метрополитена, почт и телефона; бастуют строители, металлурги, работники заводов «Пегаса», «ИТТ», «Крайслер», только что приступили к работе таксисты, выиграв стачку. Записал много бесед с забастовщиками. Однако, когда летал на Канарские острова, тамошняя полиция, не привыкшая к работе с диктофонами, стерла ненароком записи — я неожиданно сломал маршрут вечерней прогулки и вернулся в номер отеля раньше времени, оттого что по всей Плайа инглез выключили свет — забастовали электрики. Бедолаги

из сыска, торопясь уйти из моего номера, нажали не ту кнопку в моем безотказном «японце». Жаль. На этой же кассете была запись разговора с Юрием Тимофеевым — советским содиректором совместной фирмы «Совиспан», первой за Пиренеями. Тимофеев — человек интереснейший, о нем писать и писать.

Вернувшись в Мадрид, пошел на Пласа Майор — главную площадь. Это в старом городе. По стертым плитам ходили Гойя, Лопе де Вега, Сервантес, Унамуно, Хемингуэй. Здесь еще продолжается безумство рождественских и новогодних праздников: полно елок, украшений, дудок — ни одна фиеста Испании не обходится без этих высоких, ноющих, прекрасных памплонских дудок. Смотрел на эту ярмарочную радость и вспоминал последний год Альенде в Чили: я тоже тогда диву давался праздничному безумию в Сантьяго. Испанская кровь — сильная кровь. В Чили тогда было сложно, опасность чувствовалась постоянно, но началось рождество и — словно бы подписано тайное перемирие. Во Вьетнаме это делали явно: американцы переставали бомбить — двадцать четыре часа без ужаса, можно было ходить, не вглядываясь постоянно в небо — когда прилетят? Тогда, в Чили, танцы возникали на улицах точно так, как сейчас на Пласа Майор: стоят два мальчика и две девочки, взявшиеся за руки. Что-то напевают. Подходит еще парочка, — незнакомые, по всему, — разбивают четверку, берутся за руки, начинают петь громче. Испанцы знают все свои песни; через минуту образовался огромный круг, песня гремит на старой площади, новая песня. «Как революция, — подумал я, — закономерна, оттого что все празднуют, и неожиданна, потому что — на глазах». Вот там-то, на Пласа Майор, меня и тронул за руку кто-то. Обернулся, не поверил глазам: товарищ Э. Пять лет назад нас познакомил покойный ныне Доминго Домингин, брат Луис Мигеля. Тогда он сказал мне: «Товарищ Э. — из подполья, за ним охотятся, поэтому он живет у меня. В случае чего Луис Мигель похлопочет за нас перед Франко — дед любит тореро». (Доминго

Домингин застрелился этой осенью в Кито, поэтому я могу писать спокойно — мертвых нельзя подвести.) Зашли в маленький, безлюдный бар: видна дверь, подозрительного заметишь сразу.

— Ерунда, — смеется товарищ, — не те времена, Хулиан. Я теперь «легальный нелегальный» — не трогают.

Поспорили о том, как могут развиваться события.

— Если правительство и дальше будет медлить с реформами, придет новый кабинет, поверь мне.

— Какой?

— Левый.

— А монархия?

— Мы не против монархии. Мы — за эволюционный путь развития. Мы хотим отринуть прошлое, чтобы смело думать о задачах, которые стоят перед Испанией. И это предстоит делать нам — в самое ближайшее время.

— Тогда почему ты говоришь, что нет смысла исследовать ныне действующие законы? Если вы за эволюцию, то, значит, хотите — в какой-то мере — повторить эксперимент Альенде: строить социализм, руководствуясь статьями буржуазно-демократической конституции? Я понимаю, что нельзя сравнивать конституцию Чили с так называемым основным законом Франко, который запрещает не только партии, но и выборы даже. Но, если вы за эволюцию, то значит вам надо знать старые законы.

— Зачем? Все решит улица, Хулиан, революционная эволюционность.

...Я заметил: у многих революционно настроенных интеллигентов — полнейшая путаница в теории.

Мы сидели в маленьком кафе. Приятель спросил:

— Видишь того, очкастого, в углу?

— Вижу.

— Это один из командиров «Голубой дивизии». Хочешь познакомлю?

— Интересный тип?

— С точки зрения зоологии — да. Когда он говорит о русских — у него начинают трястись руки. Ненависть в чистом виде, да еще какая ненависть...

— Чего же знакомиться с ненавистью? Это неинтересно. Тем более, что главную ненависть мы разбили в сорок пятом, это — огрызок...

Я подумал тогда, что наш народ, принявший во время Великой Отечественной страшную муку от гитлеровцев, отринул ненависть, как только отгремели пушки и пал рейхстаг. Правые в своей борьбе и сильные своим духом лишены чувства мести и ненависти. Подумав об этом, я вспомнил дельту Волги, восьмую «огневку», маленький домик бакенщика Дрынина, Николая Георгиевича. Путина в ту весну, что я был там, оказалась особенно удачной, рыбаки, заезжавшие на «огневку», щедро дарили бакенщику «соровую» рыбу, к которой относили щуку, окуня и — от бесшабашной удали — судака; мой приятель, военврач Кирсанов разводил костер, казавшийся на студеном каспийском ветру спиртовым, голубоватым, и мы наваривали котел ухи, щедро сдобренной лавровым листом, перцем и для особого вкуса корицей, смешанной с мелко толченым прошлогодним укропом.

— Хороша уха, — приговаривали мы с доктором Кирсановым, а бакенщик Дрынин смотрел на нас усмешливо, добро и, как всякий человек, живущий схимником, — поучающе.

— Уху нельзя хвалить с вечера, — говаривал он, — ты ее утром оцени: если ложку с ч а в к о м выдерешь из рыбьего стюдню, если она крепостью сильна и аромат держит — тогда хвали смело.

Я часто соотношу затаенно-радостную весеннюю пору, когда открывается тебе счастье и вдохновение, и Млечный Путь режет синь неба таинственной пыльной полосою, и ожидается — с непонятной, упорной уверенностью — завтрашнее солнце, которое разбудит мир, и он, мир этот, окруженный тяжелой желтизной воды, золотом камышей, синью рассвета, будет очень счастливым, тихим, тебе одному принадлежащим, с тем ощущением, которое сложилось во мне

после прочтения романа Юрия Бондарева «Берег».

Тенденция, если она выписана рукою мастера, может родить эмоцию высокой радости, ибо соприкосновение с подлинно талантливым, смелым, сильным добротою всегда вселяет в тебя ощущение уверенности в завтрашнем дне.

Все искреннее — многопланово, как многопланова исповедь. Первое мое впечатление от романа, который я прочитал залпом, отличалось от того, которое возникло наутро: «ложку выдерживаешь с ч а в к о м», и надо еще раз открыть роман и заново прочесть его, когда эмоции читателя могут потесниться, дав место эмоции писательской, профессиональной.

Та доброжелательность, которая заложена в прозе Бондарева, как некий основополагающий ее каркас, подобна шахматам, ибо ход мастера обязывает к такой же каденции духовного настроя. В этом общественная значимость романа Юрия Бондарева, в этом его духовная ценность: ранимая, добрая, беспощадная, неумелая, скрытная, мучающая б о р ь б а за добро, за память человеческую, за честность.

Перечитывая «Толковый словарь» Даля, я часто «спотыкаюсь» на той или иной пословице, на том или ином объяснении слова, и думается мне, что любая пословица — тема для романа. Простота фабулы — самое трудное в литературе. Действительно, что же происходит в романе Юрия Бондарева? Два писателя Никитин и Самсонов летят в Гамбург, участвуют там в дискуссии, причем Никитин встречает фрау Герберт, которая оказывается Эммой, девушкой, вошедшей в его судьбу горем и счастьем (а это то, что определяет истинность чувства) в счастливые майские дни сорок пятого года. Вот, собственно, и все. Но эта встреча привела Никитина к смерти, когда, «прощаясь с самим собой, он медленно плыл на пропитанном запахом сена пароме в теплой полуденной воде, плыл, приближаясь, и никак не мог приблизиться к тому берегу, зеленому, обетованному, солнечному, который обещал ему всю жизнь впереди».

Одно лишь делит литературу на обычную и выдающуюся: авторское насилие, произвол над Словом. В прозе Бондарева, сладостно-традиционной по стилю своему (фраза у него, впрочем, мягкая, округлая, при всей силе в ней заложенной), вопросы берутся отнюдь не традиционные, при том, что носят они, как говорится, характер библейский.

Смерть Никитина, писателя известного, внешне вполне «благополучного», исследуется Юрием Бондаревым по высшей градации смелости, сиречь гражданственности.

Лейтмотив романа — «помните войну — дабы она была последней!» — отличается от иных произведений литературы тем, что, казалось бы, одинаковые ситуации Юрий Бондарев рассматривает, соотнося каждое слово свое с Высшим законом морали. Он не считает возможным з а м а л ч и в а т ь: слишком он верит в нашу правду, справедливость и добро, чтобы стыдливо и «не помняще» обходить острые углы; слишком многих друзей своих он оставил на поле брани, чтобы вольготно и у д о б н о распоряжаться их святой памятью.

«Узел» старшины Меженина, лейтенанта Княжко и комбата Гранатурова делается тем оселком, на котором молодой лейтенант Никитин утвердил свое право стать писателем, то есть хранителем памяти и созидателем новых миров.

Имеет ли право он, молоденький лейтенант, испытавший горячее счастье под Сталинградом и у Курска, в Житомире и Польше, когда видел результат своей р а б о т ы — подожженный гитлеровский танк, труп оккупанта в обгоревшем комбинезоне; взорвавшийся тугим черным пламенем самолет «люфтваффе», имел ли он право отринуть ненависть и чисто полюбить немецкую восемнадцатилетнюю девочку Эмму, когда еще шли бои в лесах и фанатики Гитлера прятались по домам с фаустпатронами? Имел ли право он, двадцатилетний Никитин, вырвать ее из рук Меженина? Имел ли право он, Никитин, вместе с Княжко отпустить на все четыре стороны ее брата, шестнадцатилетнего «вервольфёныша» Курта, товарищи которого через несколько часов убьют или — так точнее — не помешают убить Княжко?

Да, имел — доказывает Бондарев. Да, прав был Никитин, хотя трудно было ему стоять на этой его правоте и сражаться за нее.

Система доказательств бондаревской прозы — абсолютна. Когда он, описывая похороны сына Никитина, пишет, как тот поцеловал на кладбище треугольный ротик сына и ощутил вдруг с т р а ш н о е, будто маленький отвечает ему, когда он описывает стыдливое тело Эммы, когда — при кажущейся неторопливости — стремительно дает великолепное описание боя с гитлеровцами, когда с кинематографической (даже монтажные стыки видны) резкостью пишет эпизод, как Никитин стреляет из ТТ в старшину Меженина, становится очевидно: такого рода доказательства н е в ы у ч е н ы, н о в ы с т р а д а н ы, они — «альтер эго» писателя, его постоянное второе «я».

Понятие «второго я» — сложное понятие. Порой, существующее, всем знакомое «я» пишет одно, являя собой нечто прямо противоположное тому, чем оно, это «я» по праву считается. В том же случае, когда нравственная категория писателя состоит из этих двух «я», слитых неразрывно, тогда возникает трудная правда, но высокая и беспредельно чистая, и как бы ни было больно принять ее — принять необходимо, ибо обращение к прошлому только тогда приносит благие плоды в будущем, ежели в подоплеке столкновения характеров, в каждом слове, в повороте сюжета — заключена истинная, глубокая талантливость.

Юрий Бондарев рассматривает советского писателя гуманиста Никитина в дне сегодняшнем, во время его политической дискуссии в Гамбурге и в дни последнего боя, когда оружием Никитина было не перо, а пистолет. Годы вправе менять часть — недопустимо, когда время меняет целое. Некая «изначальная заложенность» Добра, Чести, Верности обязана быть ценностью непереходящей, постоянной. В понятие «железобетонный» мы вкладываем смысл, несущий в себе градиенту отрицательную, однолинейную. А зря это. Мне лично нравится «железобетонный» человек, ибо в этом, отшелу-

шенном от всего привнесенного значении, сокрыт смысл особый, смысл человеческой надежности. Стоит вспомнить Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей». Железный человек может заплакать, когда обижают невиновного; тот же, кто помягче, отойдет в сторону, ибо за невиновного (за чувство, за правду, против мерзавцев, против врага, против предателя) надо уметь сражаться. Сражаться умеют железные люди — оттого-то именно они оказываются столь быстрыми на внутренний износ: у аэропланов такого рода диагноз ставят хитрые ЭВМ, у железных людей этот диагноз констатирует врач реанимации.

Я не хочу, чтобы меня поняли так, будто Никитин относится к числу «сверх положительных абсолютов». Юрий Бондарев нигде, ни в одной строке своим любимым героем не любуется; наоборот, он судит его, но судит особым судом, где председательствует Честь, а помогает этому председателю Храбрость, Ранимость, Бескомпромиссность и Доброта.

Мне было горько, когда я закрыл последнюю страницу романа. Я потерял Никитина. Однако Никитин пришел в нашу литературу, он пришел к читателю, и он навсегда останется с ним: нельзя забывать любовь и никогда нельзя предавать забвению те берега, от которых отчалил ты и которые скрылись в синей, зыбкой дали — все равно они в тебе, ты не уйдешь от них, не скроешь, не вырвешь из сердца...

Я смотрел на фашиста-очкарика, сидевшего в темном углу кафе, что неподалеку от пересечения авениды Хенералисимо и калье Фернандес Вильяверде, и думал, что ненавидит он оттого, что боится, все время, каждый час и каждую минуту боится, и не столько нас он ненавидит, сколько свой народ, который проклинает фашизм и делает все для того, чтобы с сине-коричневым рабством было покончено — раз и навсегда.

В Мадриде часто повторяют горькую шутку известного общественного деятеля, публициста Хосе Пла. Когда во время гражданской войны Хосе Пла уходил из Испании, пограничник спросил его:

— Каковы ваши политические убеждения?

Хосе Пла ответил:

— Я — авторитарный либерал.

Пограничник был образованным парнем, но и он не понял, как можно совместить две эти несовместимости.

Пла объяснил:

— Я хочу, чтобы правительство обладало достаточным авторитетом, который бы гарантировал свободу выражения моих либеральных взглядов.

Этот камушек в огород нынешнего кабинета. Умные центристы, связанные с биснесом, подгоняют Фрагу: «Давайте же, хватит медлить! О т д а й т е хоть что-нибудь».

Мой стародавний друг, талантливый баск — фамилию его по понятным причинам я не называю — рассказывал, как на второй день после ареста, когда три «бригады пыток», сменявшие друг друга, ушли, обессиленные, отдыхать, а время задержания истекало — как раз тогда Франко ввел видимость закона, по которому задерживать без улик можно было только на семьдесят два часа, — инспектор отдела «по борьбе с коммунистами» слезно молил: «Ну о т д а й мне хоть что-нибудь, дурашка, хоть самую малость отдай, намекни хоть — тогда больше бить не будем».

Я понимал, что о т д а в а т ь нельзя ни малости — этой отдачей я сам, собственной рукой, подписывал ордер на арест, тюрьму, на расстрел, гибель.

Логику моего друга можно понять. Можно, впрочем, понять и логику нынешнего правительства. Это ж так приятно, когда приемная главы режима похожа на уголок Музея Прадо — старинная живопись, лучшие мастера мира, гобелены восемнадцатого века, мебель от Людовиков; ультрасовременные бронированные машины, постоянно ожидающие в подземных гаражах; трескучие мотоциклисты сопровождения; стрекозий рокот военных вертолетов, когда надо посетить коллег в одной из их загородных резиденций; одно слово — власть...

Одни считают, что власть можно укрепить, отдав малость, другие, реальной властью обладающие, хотят обезопасить себя холодной, отстраненной буквой закона, нарушение которого карается тюрьмой. Важно, чтобы закон был новым — тогда и «посадка» тех, кто будет против, окажется «демократической», никак не шокирующей общественное мнение.

«Нижний этаж» власти по-настоящему понимает власть лишь в том случае, если он сам перемещается наверх. Умозрительность в политике — вещь нереальная.

— Правительство готовит реформу, — повторяют собеседники, близкие к кабинету. (Сколько можно?)

...Когда социологи станут исследовать этот отрезок испанской истории, а его обязательно станут исследовать в назидание потомству, беспристрастные ученые воздадут дань испанским журналистам: они много делают для того, чтобы парализовать возможный рецидив правительственной жестокости.

Делается это по-разному. Сейчас, например, в кругах серьезно думающих газетчиков более всего разбирается вопрос о возможности правого путча — при организованной поддержке армии и бункера. (Про «Опус деи» отчего-то все молчат!)

Утверждают, что армия аполитична, что армия сохранит нейтралитет и не примкнет к бункеру. Но ведь заместитель Арьяса Наварры по вопросам обороны, и министр авиации, и руководители генерального штаба — все они воевали вместе с Франко, топили в крови Республику, все они потом шли с войсками Гитлера и сражались против Советского Союза: какая уж здесь аполитичность и «нейтральность»?!

Можно по-всякому толковать слова военного министра Феликса Альвареса Аренас-и-Пачеко, когда он сказал, что «армия — это вооруженный народ, призванный обеспечивать безопасность настоящего и будущего нашей родины». Можно по-всякому толковать осторожные слова об «армей-

ском авторитете» министра военно-морского флота Габриэля Пита де Вейга-и-Санса. Но следует точно знать, что и заместитель премьера по вопросам обороны генерал Фернандо де Сантьяго-и-Диас Мендевиль, и министр авиации, франкистский ас Карлос Франко Ирибарнегерай рождены в одно и то же время, в начале века. Четыре министра, держащие руки на к н о п к а х, прошли вместе с Франко весь путь, они жили его идеей и служили ей верой и правдой. Пока они сидят в своих креслах, о демократических реформах трудно говорить, надеяться на то, что их уберет Ариас Наварра тоже не приходится...

Армия — она и есть армия, — сила. Против ее организованной структуры не попрешь: выставят танки на перекрестке улиц — и все. Значит, с л о в о должно быть обращено не против армии, а к армии. И не впрямую — это режим не потерпит, — а намеком.

Как это делается? Очень интересным способом. В газетах появляется залп информаций (только факты — никакой тенденции) о положении в Чили после захвата власти генеральной хунтой. Вопросы морального плана — изоляция Чили на международной арене, презрение всего мира к генералам-палачам — исключаются: этим армию не прошибешь. Генералов Испании предостерегают по-иному. Приводятся данные, что несмотря на получение от США после фашистского путча займов и кредитов на два миллиарда долларов, экономическая ситуация в стране катастрофическая. Не очень акцентируют внимание на том, что население страны живет в ужасных условиях и реальный доход людей снизился более чем в два раза, не стенают по поводу того, что более половины чилийцев живут в условиях нищеты, а шестьсот тысяч человек выброшены на улицу — это тоже не для генералов.

Упирают на другое. Доказывают, что те слои общества, на которые опирались фашистские заговорщики, то есть мелкие и средние предприниматели, ныне стоном стонут по ушедшим временам Альенде. Их антикоммунизм не окупился Пиночетом — наоборот. Но при Альенде можно было ба-

стовать — сейчас за любой локаут человека ждет тюрьма, пытки, расстрел без суда и следствия.

А крупные предприниматели, работающие на внутренний рынок? Они тоже в сложном положении: производство в стране снизилось на двадцать процентов. Крупнейшее металлургическое предприятие «КАП» закрыло свою самую мощную домну — внутренний рынок не покупает прокат. Крупнейшие текстильные фабрики «Томе-Овеха», «Бельявита» и «Фиад» работают три дня в неделю. Обувная фирма «Батя» открыта четыре дня в неделю — у людей нет денег на обувь. Фирма по производству шин «Инса» работает полгода, остальные месяцы рабочие не заняты на производстве — из-за дороговизны жизни приобретение машин резко сократилось. Продажа бензина упала в три раза. Закрываются сотни авторемонтных мастерских, бюро проката машин, придорожные ресторанчики, маленькие отели, аптеки, булочные, магазинчики.

На смену недовольства с е к т о р а общества пришло всеобщее недовольство. А это чревато в условиях диктатуры. Первая ласточка: начальник генерального штаба Арельяно Старк подал в отставку. Это первая открытая оппозиция Пиночету, и «не какая-нибудь там гражданская, а серьезная, военная». Можно, конечно, устроить Старку авиационную катастрофу с последующими государственными похоронами и выплатой семье пенсии — фашизм умеет делать такие штучки, но выход ли это для страны, где нет людей, компетентных в достаточной мере, чтобы руководить экономикой? Причем если в Испании голод и разруху, длившуюся пятнадцать лет, можно было объяснить «подрывной работой» республиканцев, потом второй мировой войной, то чем объяснишь крушение экономики в Чили? Три года прошло после путча, американские миллиарды льются рекой, а страна обрушивается все в более глубокую трясину кризиса, — как это объяснить? Объяснение одно — «не садись не в свои сани». Поймут ли это испанские генералы, не отличающиеся особой интеллектуальной подготовкой?

Журналисты допускают мысль — не поймут. Надо помочь. Помогают. Опять-таки, очень интересным методом: рассказывают о подпольной работе в Чили. Проводят точный водораздел между тем, как строят свою тактику «миристы» («Мир» — «движение левых революционеров») и коммунисты. Особенно останавливаются на том, что если «миристы» допускают блок только с теми демохристианами, которые вышли из своей партии, если «миристы» главный удар делают на саботаж, то коммунистическая партия ведет иную линию: «накопление сил» и создание единого блока со всеми оппозиционерами, включая демохристианскую партию как целостную единицу. А демохристианская партия имеет в стране свои сильные опорные базы и давние традиции. Цель коммунистов — создание единого блока оппозиции, который изолирует верхушку армии, — это будет конец фашизма.

Такой расклад здешние генералы понимают. Происходит раскол и среди испанского генералитета: постепенно становится ясным, «кто есть кто» — где ястребы, а где голуби.

Профессор Мадридского университета Хосе Видаль Бенейто известен в Испании как историк и социалист.

Это типично по-испански:

— Познакомьтесь, пожалуйста, с руководителем нелегальной социалистической партии.

Причем говорится это на таком рауте, где рядом стоит член фаланги («но, — объяснят вам, — он хорошо думающий фалангист, он — не доносчик»); банкир («это умный банкир, он поддерживает не только социалистов, но и коммунистов, потому что делает ставку на прием Испании в «Общий рынок»); человек, близкий к министерству внутренних дел («ничего страшного, его любит Фрага, он разрешает своему мозговому центру иметь контакты с оппозицией»).

Сейчас в Испании много социалистических партий. Сразу после того как новый режим показал, что он не собирается карать за р а з г о в о р ы, нелегальные социалистиче-

ские группы, вполне легально встречающиеся друг с другом, стали открыто заявлять о себе чуть не каждый день.

Известна «Социалистическая конфедерация», которая включает в себя «Социалистическую народную партию», «Социалистический союз Андалузии», «Социалистические союзы» Галисии, Астурии, «Социалистические автономные союзы» Канарских и Балеарских островов. В то же время существует «Социалистическая иберрийская конфедерация», которая объединяет «Социалистическое и демократическое движение Каталонии», «Социалистический альянс», «Социалистические согласия» Галисии, Валенсии и Каталонии.

Наиболее серьезной силой следует, видно, считать Социалистическую рабочую партию Испании (ПСОЭ), во главе с Филиппе Гонсалесом. Именно эта партия, созданная почти сто лет назад Пабло Иглесиасом, хранит руспубликанские традиции, именно эта партия входила в Народный фронт и сражалась против Франко. Сейчас партия поддерживает постоянные контакты с французскими, западногерманскими и скандинавскими социал-демократами, представительствуя от имени всех испанских социалистических групп. Это, однако, не всем нравится, начинаются расхождения среди социалистов, потому что далеко не все согласны с приверженностью лидеров ПСОЭ к «чистолевой» терминологии. Например, Социалистическая народная партия, возглавляемая профессором Тьерно Гальваном, ориентируется на более радикальный образец; какой именно — покажет время.

(Это очень хорошо, что в стране развивается социалистическое движение, в стране, где ранее за принадлежность к такого рода организациям немедленно сажали в тюрьму, но ведь такое невероятное разделение на группы идет на руку власти, которая всегда стремится править разделяя — уроки британской короны взяты на вооружение и «демократическими» режимами, и авторитарными. И второе: беседуя с товарищами социалистами, я вывел убеждение, что у них пока еще слаба опора в рабочем классе; главная база организаций — это интеллигенция, мелкая буржуазия, инженерно-

технический персонал, часть крестьянства. Для просветительной организации это хорошо, но для партии, для движения, которое претендует на взятие власти, — этого явно недостаточно.)

Хосе Видаль Бенейто, как и Тьерно Гальван, относится к числу ведущих теоретиков социалистической ориентации.

— Разговоры о чрезмерной опасности со стороны «бункера» преувеличены, — считает Бенейто. — Разве Ариас Наварра не является человеком бункера? А ведь Наварра не кто-нибудь, а председатель Совета министров. У него в руках все приводные ремни. Члены правительства, заявляющие о своих намерениях провести реформы, объясняют медленность и постепенность необходимостью «политической адаптации», чтобы переход от минимума к максимуму свободы не вызвал особых потрясений в стране. Но это шаткое объяснение. Расстояние от тирании к свободе — постоянно, оно не может меняться: демократия либо существует, либо ее нет совсем. Разрыв между провозглашеннными Ареильсой «благими намерениями» в Париже и тем, что происходит в стране, может завести Испанию в тупик. А выход из тупика — кровавый выход.

...Мой стародавний знакомый, весьма близкий к нынешним руководителям, довольно резонно заметил:

— Разница между намерениями кабинета и устремлениями лидеров демократической оппозиции заключается в том, что правительство хочет достичь в стране «западногерманской стабильности», где соперничают две силы: социалисты и демохристиане при полулегальной компартии, а противники настаивают на «французском варианте», при котором объединенный блок социалистов и коммунистов ведет парламентскую борьбу против центра и правых групп. Заметь — в Испании сейчас никто не говорит о захвате власти народом; даже самые левые оппозиционеры настаивают на необходимости свободных выборов в кортесы. Я бы на месте правительства не боялся такие выборы разрешить:

если вовремя не выпустить пар из чайника, он начинает свистеть.

— Свистящий чайник — это, конечно, занятное определение. А если звук будет более определенным? Если начнут стрелять?

— Не начнут. Если бы Франко позволил втянуть себя в колониальный конфликт из-за Сахары — все бы кончилось еще осенью: выход из колониальных войн в наш век один — революция. Если бы в стране царил экономический хаос — он царит и сейчас, но не до такой меры, чтобы люди голодали — тогда бы начали стрелять. Но в наш век все определяет армия: что может сделать восставший народ против даже одного танка, который выйдет на улицу? Если представить себе массовое неповиновение солдат, всеобщее неповиновение — тогда возможно восстание. Если же неповиновение окажут два полка или дивизия, они сразу же превратятся в «народ на улицах» — против них выведут послушные танки, и все кончится.

Франко вырезал весь цвет испанской интеллигенции, множество интеллектуалов были вынуждены покинуть страну. Первые годы после победы фашизма в Испании царило духовное безлюдье. Франко поставил на мелких и средних предпринимателей, на зажиточных крестьян. Он был убежден, что «интеллигентским штучкам республиканцев» надо противопоставить «крестьянскую надежность и приверженность привычному, старому, испытанному веками». Он привел на «первый этаж» власти именно таких людей, и они служили ему верой и правдой до той поры, пока в мире не произошла научно-техническая революция. Испания стояла перед дилеммой: либо признать свое экономическое банкротство и принять все условия, которые ей продиктует Европа, — а это были бы антифранкистские условия, либо попытаться пойти в ногу со временем — каким-то особым, хитрым путем. И Франко начал «перекачку» послушной массы своих темных и неинтеллигентных сатрапов, управлявших экономикой, финансами, торговлей, в сферу подавления передовой

мысли, разрешив при этом действовать инженерии. Перед тем как разрешить мысль, экономисты режима предписали предпринимателям повысить зароботок инженерам и высококвалифицированным рабочим. Франко полагал, что люди, связанные с машинной индустрией нового качества, не станут заниматься социальными проблемами. Однако научно-техническая революция — сложная штука. Новое качество знания предполагает широту образования. Послушные роботы не могут управлять сложными станками: рабочий должен з н а т ь, чтобы работать (даже во имя приумножения силы правящей верхушки). Новые заводы и фабрики, — а Испания в рекордный срок вышла на девятое место в мире среди капиталистических держав, — потребовали нового к а ч е с т в а труда. Ныне испанские рабочие — это люди, сопричастные со знанием, это — мыслящие люди, и они думают не только о размере заработной платы, но и обо всем том, что их окружает. Научно-техническая революция доставила почти в каждый испанский дом радио (телевизор невероятно дорог за Пиренеями). Слово, — а в Испании чтут слово, — проникает в самые отдаленные уголки. Слушают не только Мадрид, но и Париж, Москву, Лиссабон.

Нынешний режим старается о ф о р м и т ь новое качество времени в соответствующий этому времени з а к о н. Успеет ли? Страна, кажется, лишилась страха: «хуже быть не может». Куда ни крути, а утверждение, что экономика суть первопричина, определяющая политику, — бесспорно.

Фермент франкистской традиции — «движение». Те, кто сейчас занимается реформой, внимательно исследуют статьи конституции. Мануэль Хименес де Парга, юрист и историк, считает, что «движение» должно быть исключено из общественной жизни Испании, поскольку в «конституции» о нем не говорится, как о постоянном государственном институте. «Движение» было создано на время борьбы против коммунизма на фронтах гражданской войны. Давно кончилась война — «движение» продолжает существовать. Почему? На основании какого законоположения?

Такие п а с с ы оппозиции встречают яростный рев приверженцев Франко. Оппозиция возражает: «Вы же требуете жить по законам Франко? Хорошо, мы согласны. Давайте согласно его же законам распустим «движение», ибо о нем ничего не сказано в законах — ни единого слова».

Тот, кто раньше бывал в Испании, может подивиться изменениям, произошедшим за эти месяцы в правой прессе. Листаешь фалангистскую «Аррибу» или синдикалистскую «Пуэбло», ранее при каждом удобном случае расточавшими елей в адрес правительства Франко, и поражаешься: они сейчас в первых рядах тех, кто нападает на правительство и скорбит о судьбе «бедняжек-рабочих», вынужденных объявлять забастовки. Поворот «Пуэбло» станет особо явным, если проанализировать позицию синдикатов, то есть «содержателей» редакции, во время забастовок, свидетелем которых я был в Испании. Первое: рабочие метрополитена Мадрида хотят объявить стачку. Синдикат — против; рабочие несмотря на это, на работу не выходят — оплеуха синдикату. Второе — рабочие заводов «Металл де Мадрид» решают бастовать. Синдикат металлистов запрещает не только забастовку, но и проведение «ассамблеи» — то есть широкого профсоюзного собрания. Рабочие, несмотря на запрет «радетелей интересов трудящихся», объявляют забастовку и принимают решение не подчиняться ничьим указаниям, кроме как «ассамблеи». Третье: трудящиеся «Эмпресас де металл де Гетафе» намерены выступить с экономическими требованиями. Синдикат — как и следует быть — против. Рабочие объявляют забастовку и выходят на манифестации. Таких примеров — сотни, ибо синдикаты — мертвое тело, всё ныне определяют нелегальные «рабочие комиссии». Тем не менее «Пуэбло» и «Арриба» не устают сострадать «трудящимся», более того — подстрекать к неповиновению властям, которые «бессильны принять решения». Это — одна из форм провокаций «бункера», «раскачка справа». Рабочих подталкивают к мысли, что только «сильная личность» может навести порядок. (Это ведь так заманчиво — упование на силу, которая все решит!)

Один из товарищей, металлург, сказал яростно:

— Как бы нам ни мешали, мы все равно разгоним синдикаты и сможем защищать рабочих. Это будет, — повторил он, — поверь мне.

Об экономическом положении Испании разговор особый: 1) Дефицит за семьдесят пятый год равен 2.5 миллиарда долларов; 2) золотой запас за тот же год сократился на 300 миллионов долларов; 3) цены выросли на 5-20%; 4) в стране, где забастовки запрещены, было проведено 723 стачки и при этом потеряно 9 миллионов человеко-часов.

Чего требуют забастовщики? Сколь справедливы их требования? Разберем бюджет семьи рабочего средней квалификации. Глава дома, к примеру, каменщик, получает в месяц 12000 песет, что равно примерно 120 рублям. Если его семья, состоящая из четырех человек, занимает двухкомнатную квартиру, то за жилплощадь, электричество, газ и телефон рабочий в месяц обязан уплатить по меньшей мере 4000 песет. Поскольку цены на продукты питания выросли и килограмм ветчины стоит от 280 до 800 песет; поскольку цены на одежду и обувь выросли и костюм стоит от 3000 до 8000 песет; поскольку цены на книги всегда были крайне высоки — от 200 до 1000 песет; поскольку лекарства невероятно дороги — упаковка антибиотика от 500 до 700 песет, то можно понять, как приходится «вертеться» хозяйке, чтобы как-то свести концы с концами.

Заместитель премьера и министр финансов Вилъяр Мир, сорокалетний технократ, выступая с «тронной» речью, говорил об устрашающем экономическом кризисе — то есть, кошку он, наконец, назвал кошкой. (Однако лейтмотив его выступления заключался в том, что «рабочие получают слишком много, а работают мало».) Анализируя структуру испанской экономики, Мир отметил, что продуктивность испанского производства крайне низка: из 100 человек лишь 38 заняты в сфере производства (в других странах — 40-47), а из этих 38 — десять работают на полях, причем «известно, что продуктивность испанского сельского хозяйства одна из самых низких в мире». Отставание сельского хозяйства министр объясняет «структур-

ными пороками», то есть изъянами системы: мало сельскохозяйственных машин, нет серьезных капиталовложений.

Говоря о национальном «благосостоянии», Мир признал, что ныне в Испании семья живет в таких же условиях, как итальянская четыре года назад, французская — десять лет, американская — двадцать пять лет назад.

Какой же выход? Во-первых, Мир предлагает увеличить занятость населения: «По крайней мере, 3 миллиона человек составляют резерв рабочей силы». Во-вторых, следует увеличить капиталовложения — как частные, так и государственные. В-третьих, увеличить экспорт и, наконец, народу следует затянуть кушаки и «жить по возможностям».

Журнал «Доблон» реагирует на речь Вилъяра Мира следующим образом: «Сначала надо провести реформы — социальные, политические, юридические, административные. Когда общество — демократическим путем — выберет угодную ему форму правления, тогда можно будет говорить о самопожертвовании. Ныне любая жертва пойдет во благо других».

В чем-то разумный анализ ученого-экономиста Мира оказался перечеркнутым доводом заместителя премьера Мира по поводу «затянутых кушаков», ибо конструировать экономическую модель будущего, игнорируя тяготы и проблемы народа, — невозможно, недальновидно и бесперспективно.

...Испанию сотрясают социальные бури. В тюрьмах по-прежнему томятся люди, арестованные во времена Франко. Рабочий класс и крестьянство все более остро и безнадежно ощущают тяготы экономического кризиса. Прогрессивная интеллигенция определяет свое положение в обществе — словами журнала «Камбио-16» — так: «Быть свободным — не значит говорить, не страшась, что тебе «укротят язык». Быть свободным — значит иметь возможность оказывать влияние на все учреждения страны, которые призваны проводить реформистские решения...»

Совершенно очевидно, что мирное развитие событий в Испании невозможно без немедленной всесторонней де-

мократизации, без амнистии, без гарантий свобод — хотят этого или не хотят ультраправые, засевшие в многочисленных «бункерах» — не в одном. Мирное развитие Испании невозможно без привлечения политических партий к участию в общественной жизни, всех партий, следовательно, и коммунистов-подпольщиков, верных сынов Испании, патриотов своей замечательной родины.

Однако даже дискуссии о признании коммунистов, об амнистии вызывают немедленную реакцию «бункера».

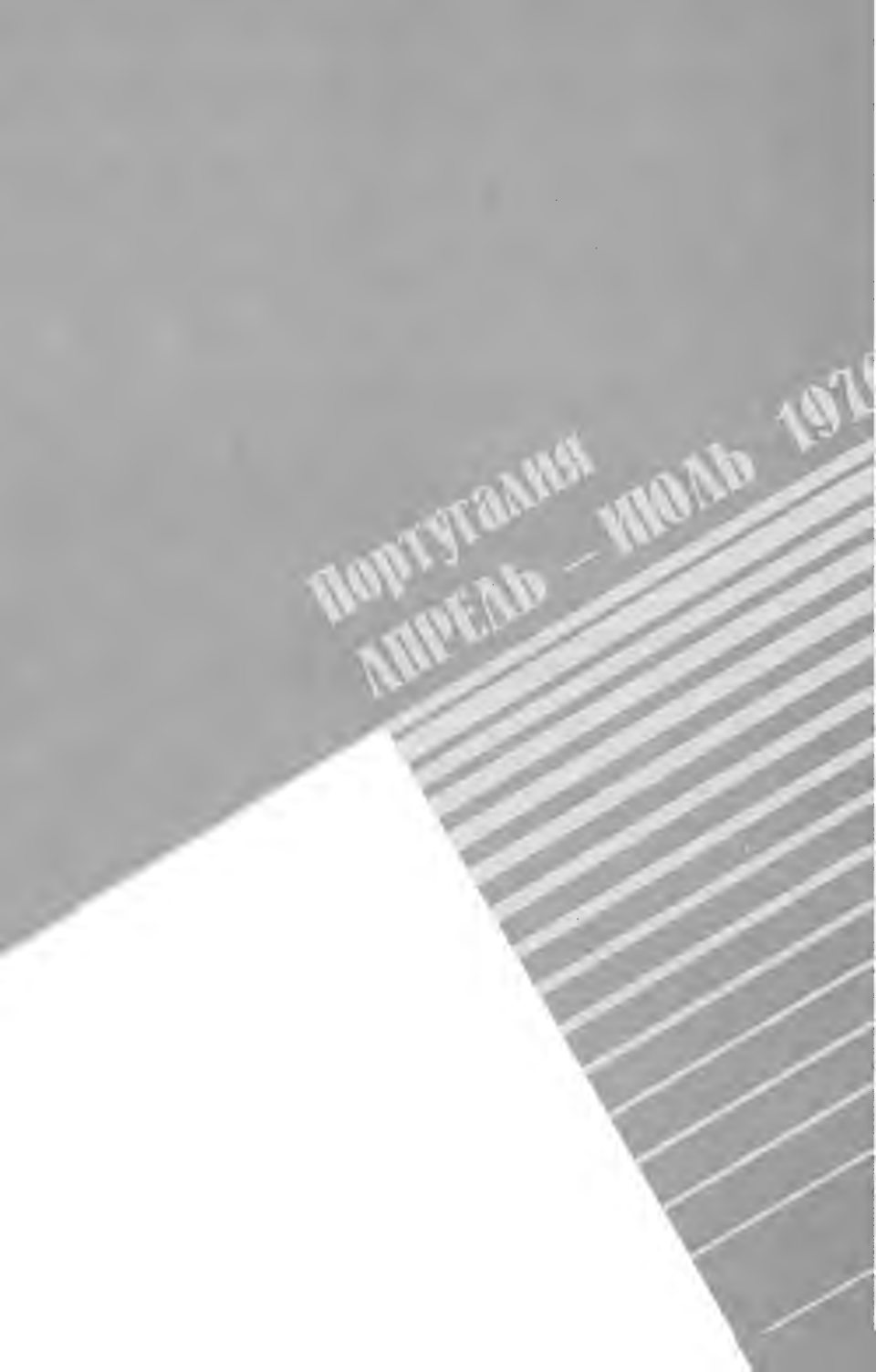
...Накануне моего отъезда из Мадрида в маленьком ресторанчике «Каса Мариано» собрались бывший министр Хирон де Веласко, нынешний лидер фашизма; генерал Кано, близкий к де Сантяго — вице-председателю совета министров по вопросам обороны и министр вооруженных сил Альварес Аренас. Пообедали вкусно. О чем говорили? «Да ни о чем, — ответил генерал Кано. — Просто встретились боевые друзья».

Можно догадаться, о чем говорили «боевые друзья», прошедшие вместе с Франко по земле Испании огнем и мечом. Сорок лет назад они сражались за «будущее нации». Ныне они защищают «прошлое нации».

Вопрос заключается в том: хватит ли политического здравомыслия у всех, кто выступает за реформу, объединиться в рамках процесса демократизации? Если победит жупел страха перед коммунизмом, социализмом, — фашизм найдет силу, чтобы переколотить либералов, демократов, реформаторов поодиночке. Лишь в широком блоке демократических сил будущее Испании — только так и никак иначе.

Лишь в решительном повороте от слов к делам, от разговоров про реформу к реформе может быть найден выход. Время не терпит: если нынешний «кабинет послов» будет бездействовать — его свалят.

Мадрид, июль 1974 — февраль 1976 гг.


Португалия
АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ 197

Если согласиться с тем, что искусство — это второе качество бытия, которое, в свою очередь, оказывает неучтенное еще хитрыми ЭВМ влияние на самое бытие, предлагая новый эталон качества — любви, мотогонки, предательства, танца, болезни, страха, нежности, мужества, — то, конечно же, без исследования меры воздействия на человечество кинематографа — как наиболее массового искусства — не обойтись.

Итак, писатель придумал, режиссер согласился с версией, актер поверил (я беру оптимальный вариант, ибо чаще актер — не верит; бранить актера нет смысла — слишком ему много предлагают макулатуры), оператор снял, композитор написал музыку. Казалось бы, — порядок. Ан — нет! Как в жизни: только-только, думаешь, закончилось, а на самом деле все лишь начинается, — как гонка по горному серпантину: не знаешь, что тебя ждет за крутым поворотом, а гнать надо, ибо в век сверхскоростей рискованно исповедовать постепенность, — можно отстать от заданного ритма.

Ты садишься в просмотровый зал, смотришь материал в той последовательности, как он был тобою записан, режиссером снят, актером — сыгран, и чувствуешь, как медленно холодеют пальцы: концы не сходятся с концами; действие то замирает, а то несется, словно не объезженная лошадь, логика диалога нарушена, словом, — не монтируется.

Когда иные режиссеры угрожающе жмут на исключительную принадлежность монтажа искусству кинематографа, приходится удивляться: а разве живопись — не есть результат монтажа? Литература? Разве архитектура (не коробочная, естественно, а истинная, казаковско-растреллиевская) не есть самое точное выражение монтажа? Стоит вспомнить тысячи эскизов Иванова к его «Явлению Христа» — если бы художник расположил фигуры, лица, глаза, взгляды хоть на гран иначе — получилась бы картина совершенно иного качества. Словом, монтаж — это реальное

выявление гармонии, а гармония — дар божий, этому научиться трудно, это в кончиках пальцев, это — врожденное.

Я подумал о монтаже после того, как закончились выборы в Ассамблею Португалии, и опустел огромный пресс-центр Гюльбекяна, ставший для двух тысяч журналистов родным домом в ту горячую апрельскую неделю, и разлетелись по своим странам мои коллеги, и кончилось время новых предположений, и наступила пора для холодного политического анализа произошедшего. Я вспомнил об этом оттого, что подумал: а приложимо ли само понятие м о н т а ж к политическому анализу? Может быть, лучше — свидетельство очевидца, записанное в дневниковой последовательности? Может быть, политике чуждо чувство? Ведь именно к чувству апеллирует монтаж, стыкуя р а з н о с т и, которые вызывают эмоцию. Но, возразил я себе, политика — не работа с ретортами; политика делается людьми.

В тревожной аполитичности западного читателя повинны те, кто пишет о политике. Считается, что о политике надо писать серьезно (кто с этим спорит?!) и научно. Пишущие претендуют на то, чтобы подменить политиков или — что еще хуже — проиллюстрировать их. И — пропадает волшебная категория интереса. А что есть на свете интереснее политики, то есть науки в о з м о ж н о с т е й?

Итак, начнем м о н т и р о в а т ь, то есть складывать факты в той именно эмоциональной последовательности, которая поможет читателю п о ч у в с т в о в а т ь логику происходившего в Португалии.

...Итак, апрель 74-го. Фашизм сброшен. Новый президент Спинола приводит в кресло премьер-министра профессора Палмо Карлуша, шестидесятилетнего юриста, члена народно-демократической партии, НДП, переименовавшей себя недавно в социал-демократическую.

Немедленно разгорается схватка: Спинола и Карлуш хотят «увести военных в казармы». Этот лозунг поддерживают лидеры двух правых партий: НДП — Са Карнейру и социально-демократический центр, СДЦ — Фрейтуш ду Амарал.

Против этого лозунга выступает компартия во главе с Алваро Куньялом.

Социалисты Марио Соареша занимают среднюю позицию.

Что стоит за требованием «увести военных в казармы»? Ответ очевиден: правые генералы и реакционные юристы хотят забрать власть у тех капитанов, которые стояли у колыбели португальской революции. А после этого направить революционный процесс в русло буржуазной п о с т е п е н н о с т и. Позиция Спинолы в тот период:

а) западная ориентация, искомый образец — консервативное правительство;

б) коммунисты имеют право на легальность, но не более того; ни о каком их участии в правительстве не может быть и речи;

в) никакой независимости африканским владениям — постепенная, осторожная деколонизация, создание «Португальского содружества наций».

Последний пункт был пиком противоречий капитанов и генералов.

В мае, через месяц после революции, произошла открытая схватка: капитаны вынудили уйти с поста премьера Палмо Карлуша. Президент Спинола был вынужден смириться с этим, но он назвал своего кандидата — бывшего министра обороны подполковника Фермина Мигела. Координационная комиссия Движения вооруженных сил (ДВС) предложила кандидатуру Васко Гонсалвиша. Победили капитаны — пришел Гонсалвиш, провозгласивший немедленную независимость африканских колоний.

Спинола начал медленный, упорный, скрытый саботаж работы правительства, в котором были представлены ведущие партии страны. Все лето по столице ползли с л у х и. Увы, беспочвенность слухов — редкая штука в политике; устойчивость положения предполагает отсутствие слухов.

В сентябре 1974 года кризис назрел: Спинола вошел в прямой конфликт с правительством капитанов. Его под-

держали генерал Гальван ди Мелу, Сильва Маркеш и Диего Нетто. Ядро конфликта было сосредоточено в Хунте национального спасения. Против Спинолы выступили генерал Кошта Гомеш и адмирал Пинейру ди Азеведу.

В политике, как, впрочем, и в живописи, довольно рискованно исповедовать только один цвет. До победы революции Гальван ди Мелу, стоящий ныне на ультрачерных позициях, славился в Португалии экстравагантным свободомыслием. Во времена фашистской диктатуры ПИДЕ, тайная полиция, созданная Салазаром по образу и подобию гестапо, засекла в его авиационном полку нелегальную группу оппозиционно настроенных солдат и офицеров. Пидевцы позвонили Гальван ди Мелу и попросили у него данные на подозреваемых. Гальван ди Мелу отказал: Тогда ПИДЕ отправило на двух машинах своих агентов в расположение полка. Гальван ди Мелу запретил пускать сыщиков — «ищейкам нечего делать там, где служат солдаты». ПИДЕ обратилось к министру обороны. Тот позвонил к Гальван ди Мелу: «Немедленно примите офицера службы безопасности!» Гальван ди Мелу назначил час приема. Офицер ПИДЕ вошел в кабинет: Гальван ди Мелу поднялся с кресла:

— По указанию моего министра я принял вас. Я выполнил приказ. А теперь убирайтесь вон!

Его уволили из армии, когда он, посетив авиационный салон в Париже, заявил во всеуслышание:

— Раньше все говорили, что у нас плохая авиация, — какая ложь! У нас самая плохая авиация, какая только может быть в мире!

Почему же этот генерал, участник событий 25 апреля, вдруг стал поддерживать Спинолу? Ответ прост: русский либерал Милюков, знавший, что такое царская тюрьма, ссылка и эмиграция, оказался одним из самых ревностных и ярых противников нашей революции. Даже Керенский был страшен ему. Это хорошо — уметь быть свободомыслящим в условиях фашизма. В условиях победы революции надо уметь быть здравомыслящим, а истинное здра-

вомыслие это — ощущение политической и социальной перспективы, которая невозможна без серьезной научной подготовки, ибо руководить страной в наш век, не являясь с п е ц и а л и с т о м, — безнадежное дело — сомнет и выбросит!

Разногласия между Спинолой и Кошта Гомешем, то есть, между «генеральской» и «капитанской» тенденциями — притом, что капитаны были выходцами из средних слоев народа, точно понимали чаяния и надежды народа — не могла не кончиться драматически. Спинола вынес на общенародное обсуждение конфликт между ним и капитанами, обратившись к «молчаливому большинству нации». Однако было ли «большинство» — большинством? Так называемое «большинство» получило иное название — «ползучая контрреволюция». К кому апеллировал Спинола? Кого он считал большинством? Абберация человеческих представлений чревата горем, когда речь идет о политике: «Какой он милый человек, этот «Х»; какая очаровательная дама, эта «У», сколь начитан и добр господин «Зет». Но при этом «Х» — бывший латифундист, срочно переводящий вклады в швейцарские банки; очаровательная дама «У» — владелица фабрики, а начитанный и добрый «Зет» — полковник ПИДЕ, занимавшийся «работой» против коммунистов — начитанным станешь поневоле! Круг знакомых Спинолы был именно таким. Именно эти «иксы», «игреки» и «зеты» были недовольны случившимся 25 апреля. (Впрочем, и сам генерал Спинола, как это сейчас стало ясно, никогда бы не пошел против фашизма Каэтану, будь фашизм этот чуть поаккуратнее, будь он чуть п о л о в ч е е; не на суть его сетовал Спинола, а на форму. Однако фашизм нуждается в огромном аппарате насилия; постепенно аппарат становится самоцелью, а не рычагом управления, постепенно логика фашизма приводит к тому, что аппарат не в силах подправить самое себя; постепенно он становится самопожирающим существом. А сколько таких «самопожирателей» оказались выброшенными за борт жизни после апре-

ля? Сколько сотен тысяч пидевцев, колонизаторов, чиновников с фашистским прошлым оказались не у дел?! К ним-то и апеллировал Спинола. Их было много — это правда. Их было процентов двадцать. Но кто сказал, что двадцать процентов — большинство?! По Малинину и Буренину — это пятая часть населения, причем паразитарная его часть, привыкшая к повиновению нижестоящих — как норме; жестокости — единственной системе удержания всех и, следовательно, удержанию самого себя в иерархической структуре фашизма; безынициативности — «начальник лучше знает, что надо».)

Руководители Движения вооруженных сил, левая его часть, капитаны, отчетливо понимали, что если Спинола выведет на улицу «молчаливое большинство», то это будет верный путь к контрреволюции, ибо б ы в ш и е умели выполнять приказ: стрелять, сажать в тюрьму, жечь. На улицы могли выйти штурмовые отряды фашизма — после революции прошло пять месяцев, но до сих пор никого из бывших палачей не расстреляли, не бросили в тюрьмы; по-прежнему выходили правые газеты, по-прежнему были открыты частные банки. Фашисты, затаившиеся в первые дни мая, стали поднимать голову. Они ждали приказа.

Это были трудные часы революции. На карту было поставлено будущее страны. История еще скажет слово о тех, кто смог противостоять Спиноле, кто нашел в себе смелость восстать против «героя и отца революции».

Демонстрация «молчаливого большинства» была запрещена. Координационный комитет Движения вооруженных сил лишил Гальвана ди Мелу, Нетто и Маркеша мандатов Хунты национального спасения. Спинола неистовствовал:

— Если вы утвердите это решение — я уйду со своего поста.

Ему позволили обратиться к народу по телевидению.

КОПКОН — оперативное командование войск на континенте, игравшее тогда весьма значительную роль, произвело аресты среди головки «ползучей контрреволюции». Ра-

бочие пикеты окружили Лиссабон; все машины подвергались обыскам: революция искала оружие у фашистов, и сотни автоматов были реквизированы. Демонстрация, назначенная «спасителем нации», не состоялась; Спинола ушел в отставку. Президентом Португалии стал генерал Кошта Гомеш.

Первая массированная попытка свернуть «португальский эксперимент» вправо провалилась. ДВС разрешило схватку между правыми и левыми в пользу левых. Каста генералов ушла, но ДВС осталось единым — пришла новая пора, «эра капитанов».

Примечательно, что лишь осенью 74-го, после того как Спинола ушел, кончилось время фанфар и барабанов — стали говорить о демократизации всерьез, а всякое серьезное отношение к этому процессу в стране, где пятьдесят лет — целое поколение! — души людей кровоточили под прессом беззакония, отсутствия уважения к личности, нищеты, экономической зависимости, предполагает ошибку разного рода мнений на то, к а к двигать этот процесс. Именно тогда впервые в ДВС зазвучал лозунг демократизации страны с перспективой ее с о ц и а л и з а ц и и, то есть на смену посулам предполагалось провести реформы социального плана: национализация крупных банков, фабрик, латифундий. Лозунг был принят г о в о р я щ и м б о л ь ш и н с т в о м — трудящиеся страны приветствовали инициативу такого рода. Дискуссии шли всю зиму. Вырабатывался — в спорах (и это естественно) наиболее приемлемый для Португалии путь к социальным реформам. Слова должны были обрести формулу дела.

Спинола и его группа, потерпевшая поражение на арене политической борьбы, также перешла от слов к делу. Спинола решил сделать ставку на силу, — он начал готовить путч. 11 марта 1975 года Спинола решил с помощью парашютистов ВВС совершить переворот. Парашютистам, расквартированным вне Лиссабона, внушали, что страну «предают красным», что зреет измена, что свобода отдана на по-

ругание чужеземцам. Парашютистов перебросили в Лиссабон, а там началось братание: солдаты поверили солдатам. Спинола бежал из Португалии. В ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта была создана расширенная Ассамблея ДВС, ставшая органом Движения вооруженных сил. На Ассамблее был утвержден Революционный Совет, как высший военно-политический орган и, таким образом, ДВС сделалось узаконенным институтом в системе государственных органов. «Социалистические нюансы» были усилены. Приняты законы о национализации крупных банков, заводов и фабрик, узаконена аграрная реформа, «Интерсиндикал» признан как центральный орган профсоюзов, созданы рабочие комиссии на производстве.

(Как колокол тревоги и надежды будет звучать для любой страны, избравшей социалистический путь развития, пример Чили: заговорам правых следует противопоставлять единство левых; повышение заработной платы рабочим предполагает немедленное и безусловное повышение производительности труда; переход земель к крестьянам должен означать интенсификацию производства на полях — время дискуссий и митингов обязано уступить место работе. Возникает проблема компетентности руководителей предприятий, которые стали к рулю промышленности и сельского хозяйства взамен тех, кто бежал, предав свою родину, — меньше диспутов, больше з н а н и я. Только в том случае, если у в л е ч е н и е революцией будет вовремя сменено р а б о т о й для революции, можно противостоять противникам социализма как внутри, так и вне страны.

Именно эта проблема стала перед Португалией.

Провозгласив социалистический путь, ДВС, определявшее тогда лицо португальской революции, сразу же столкнулось с теми трудностями, о которых я только что упомянул. Начались дискуссии в самом Революционном Совете: что понимать под социализмом в португальских условиях? Ультралевое крыло ДВС во главе с командующим КОПКОН Отелло ди Каравалью настаивало на немедленной диктату-

ре пролетариата, а умеренное крыло во главе с Мелу Антунешем склонялось к модели социал-демократического развития, автором которого был лидер социалистической партии Марио Соареш.

Через месяц после подавления путча Спинолы был подписан пакт между ДВС и политическими партиями Португалии — с включением пункта о роли и месте ДВС в будущей конституции страны. Через две недели прошли выборы в Учредительное собрание, которое было обязано выработать и принять текст новой конституции. Результаты выборов известны: социалисты получили 37,9% голосов; НДП — 26,4, коммунисты — 12,5, СДЦ — 7,6. Эти итоги оказались неожиданными для многих офицеров. Начался «летний» кризис, который продолжался весь май, июнь и июль. А затем Гонсалвиша сменил на посту премьера адмирал Пинейру ди Азеведу.

Позицией Отелло ди Каравалью — человека, видимо, искреннего в своих левацких заблуждениях — сразу же воспользовалась реакция.

«Поворот Португалии вправо, — писал в «Эуропео» Альдо Сантини, — был проделан в основном под руководством США. Американское вмешательство началось в ноябре 1974 года, когда Киссинджер неожиданно сместил посла в Лиссабоне Стюарта Скотта и без всяких объяснений заменил его Френком Карлуччи, кадровым дипломатом, бывшим послом в Заире, а в то время заместителем министра здравоохранения. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что Скотт в своих донесениях приуменьшал «коммунистическую опасность». Перед этим газета «Вашингтон пост» сообщила, что Киссинджер, недовольный послом, направил в Лиссабон заместителя директора ЦРУ генерала Уолтерса и следственную комиссию государственного департамента. Результат расследования был таков: необходима «смена караула».

После приезда Карлуччи усилилось давление США на новую Португалию. Именно американские многонацио-

нальные компании первыми саботировали «португальскую весну». Так, например, «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» по своей инициативе повысила до 10000 эскудо заработную плату, которая раньше составляла 2800 эскудо, хотя незадолго до этого она отказалась повысить ее до 4000 эскудо. Маневр был очевидным: хотели вызвать хаос в португальской экономике, создать кризисную — как в Чили — ситуацию.

...Попытке путча 5 ноября 1975 года предшествовал ряд событий. Сто двадцать три офицера парашютного полка «Танкуш» ушли из казарм: «Мы не можем выполнять свой долг, когда нас окружает неуправляемая анархия, инспирируемая сверху. Мы не можем быть фиктивными командирами и поэтому отдаем себя в распоряжение главкома ВВС». Тогда выступили солдаты — двинулись в столицу.

Неизвестно, кто дал приказ парашютистам «Танкуша». Неизвестно, был ли такой приказ вообще. Если он был, то выгоден он был ультраправым в такой же мере, как и ультралевым. Парашютисты выступили, захватили базы ВВС в Лиссабоне, парализовали столичный гарнизон, полицию; в их руках оказалась радиостанция и ряд правительственных учреждений. Парашютисты потребовали ухода в отставку главкома ВВС генерала Мориаш-и-Силвы, вывода его из Революционного Совета вместе с другими представителями ВВС — а их было 5 из 18.

В отличие от путча Спинолы, ультралевый путч на первых порах удался.

Президент Кошта Гомеш обратился к восставшим с просьбой перейти в его подчинение и прекратить анархию. Восставшие ответили отказом. К ним присоединился полк «Ралиш», расквартированный в столице, а затем и полк вооруженной полиции. Штаб ВВС был захвачен, начальник штаба арестован. В этот критический момент командир полка «командос» Жайме Невеш по приказу оперативного центра был срочно передислоцирован в Лиссабон. Полк Невеша менее чем за сутки справился с путчем. Каравалью и началь-

ник штаба сухопутных сил Фабиан, а также трое их единомышленников, были выведены из Ревсовета, а затем арестованы. КОПКОН был распущен. Началась «чистка» в газетах и на ТВ — много левых было уволено, в том числе и те, которые не имели никакого отношения к Каравалью.

Мэрвин Хоу из «Нью-Йорк таймс» не торопился с выводами. Он ждал. Он терпеливо ждал более двух месяцев, прежде чем дать свой анализ «португальской тенденции».

«Цель правительства премьер-министра Пинейру ди Азеведу состоит в том, — считает он, — чтобы восстановить законность и порядок. Для этого адмирал хочет провести целый ряд мер — начиная с введения новых правил уличного движения и кончая освобождением бывших агентов политической полиции, находящихся под стражей без предъявления обвинений с самого начала революции. Это будет означать также пересмотр провозглашенной революцией спорной программы аграрных реформ и возвращение незаконно захваченных земель.

Министр иностранных дел Мелу Антунеш признает, что страна нуждается в помощи Запада. Недавно он ездил в Брюссель, надеясь получить от «Общего рынка» срочный кредит на 180 миллионов долларов. Одновременно португальско-американская комиссия начала разрабатывать условия соглашения об американской помощи, которая, возможно, достигнет 200 миллионов долларов за полтора года.

Главная забота правительства — это катастрофическое состояние экономики. Объявлена программа экономии, но приняты лишь отдельные меры — временное замораживание заработной платы, новые налоги, импортные пошлины и кое-какое повышение цен. «Никто не может идти на риск, связанный с более непопулярными мерами, по крайней мере до выборов, — иначе народ будет голосовать за возврат фашистов к власти», — сказал один высокопоставленный чиновник. И он не шутил».

Хоу ждал не без причины. В Португалии прошлой зимой была критическая ситуация. Возможность атаки на де-

мократические завоевания находилась в руках тех, кто мог пойти на это, а мог не пойти. Можно было, как предполагал Хоу, затормозить аграрную реформу — она, однако, продолжалась. Можно было попытаться согнать крестьян с реквизированных земель — этого не произошло.

Победила разумная точка зрения. Победил центр, который решил сохранить за народом право сделать выбор через пять месяцев — 25 апреля 1976 года.

Вопрос о том, за кого будут голосовать, и позовет ли народ к власти правых, чтобы они положили конец «непопулярным мерам», должен был решить тот воскресный день 25 апреля, ради которого я и прилетел в Лиссабон.

...Лиссабон. Авенида «5 октября». Над выходом — красное знамя, серп и молот, буквы — ПКП («м-л»). Расшифровка: «Коммунистическая партия Португалии, марксистско-ленинская». Массивная дверь. В дверь врезан тюремный глазок. Меня долго, изучающе разглядывают, потом что-то спрашивают по-португальски.

— Инглез, — говорю я, — абле инглез?

Молчание, сопение, шаги. Рассматривает теперь уже кто-то другой.

— Кто вы? — говорят наконец по-английски.

— Журналист.

— Откуда?

— Из пресс-центра Гульбекяна. Я аккредитован на выборы в Ассамблею республики.

— Какую страну представляете?

(«Господи, помоги! Только б здесь не было финнов!»)

— Я из Хельсинки.

— Коммунист?

— Независимый.

— Как зовут?

(«Полицейский допрос прямо-таки, а не свобода слова!»)

— Хьюлли Симмонен.

Дверь открывается. На пороге — трое громил в джинсовых костюмах. Под потолком — тюремная лампочка. Ша-

гаю из солнечного дня в холодный мрак. Дверь закрывается, щелкает замок.

— Это ваша машина? — спрашивает один из парней.

— Да.

— Странный номер.

(Черт возьми, это ж машина нашей «Межкниги»! Но ведь Ратмир Уфаев, «межкниговец», сказал мне, что номер не дипломатический!).

— Я взял машину у приятеля.

— Кто он такой?

— Если вы не хотите говорить с журналистом — откажите без обиняков, а допрос устраивать ни к чему.

Парни переглядываются.

— Подождите, — говорит один из них и быстро поднимается по лестнице — там и вовсе темень, даже лампочки нет.

(«К окну бы поближе. А окон нет. И дверь не вышибешь. Отлупят ведь, дьяволы, за милую душу отлупят».)

— Покажите ваш паспорт, — говорит второй.

— Я не ношу с собой паспорт.

— В каком отеле живете?

— А вы?

— Что?!

— Где вы живете?

— Где надо, там и живу! Если хотите говорить с нашим вождем, отвечайте на вопросы.

Спустился первый громила, коротко бросил:

— Пошли!

По темной лестнице вверх; на полу множество окурков, паутина на потолке, смрадно, грязно.

— Ждите.

Сажусь на барское кресло, прожженое в нескольких местах: прожигали, видно, не случайно, а намеренно — «боролись» с частной собственностью. А кресло-то позапрошлого века, его б в музей. Можно было бы понять, окажись оно в нищей крестьянской хижине, у неграмотного человека,

а эти ведь по-английски шпарят, студенты ведь, а тут за обучение большие деньги драли, учиться могли дети богатых людей, с ы н к и ведь здесь, в революцию играют!

— Поскольку у вас нет паспорта, — слышу девичий голос за спиной, — вождь не сможет говорить с вами. Мы окружены врагами, мы должны охранять жизнь вождя, нашего португальского кормчего. Вас примет товарищ Жозе, он из руководства, он отвечает за связи с желтой буржуазной прессой.

— Я представляю объективную прессу.

(Обиделся все же — профессионально обиделся. Зря, наверное. А может, не зря — у меня много приятелей из западных газет и журналов).

— У буржуазии нет объективности.

— У буржуазии — да, но у журналиста — вполне может быть, даже если он пишет для буржуазного органа. Вальраф пишет для «Шпигеля».

— Вальраф — наемник бандита Вилли Брандта.

— Но, тем не менее, он здорово ударил Спинолу.

— Спинола — бумажный тигр.

(Хорошо ей жить — повторяй заученное, никаких забот и вопросов — «великий кормчий Португалии» Эдуино Вилар думает за пташечку. А девка — хороша: громадноглазая, стройная. Парня б ей хорошего, тот бы эту дурь враз согнал.)

Жозе — волосат, худ, нервен, джинсóв.

— Как по-фински «здравствуйте»?

(«Не может быть, чтобы он знал финский. А если знает?»)

— Тере омиккут, Жозе. Будем говорить по-фински?

— Сейчас придет переводчик.

Я достаю блокнот и диктофон, бормочу те финские слова, какие мне известны, потом спрашиваю:

— Ваша должность в партии?

— Член ЦК. Меня зовут Жозе д'Перейра.

— Что вы можете сказать о партии?

— Мы выступали и выступаем против разглагольствований о демократии. Мы считаем, что лишь вооруженное вос-

стание необходимо для Португалии, мы — это португальская секция «Интернационала».

(Вот, сволочи, а! Видимо, здорово обучен ЦРУ, те умеют работать с ультралеваками. Прями-таки лакомый кусок для правых: «Коммунисты не преследуют национальных целей, они служат иностранной силе»).

— Ревизионисты из ПКП типа Диаша Лоренсо захватили руководство компартией и ликвидировали ее...

— Когда это было?

— В конце пятидесятых годов.

— Но ведь тогда Лоренсо находился в салазаровских тюрьмах?

(Это я поторопился. В разговорах с т а к и м и нужна выдержка. Это — современный фашизм, а чтобы фашизм уничтожить, нужна солдатская выдержка.)

— Они имели агентуру. — Жозе внимательно оглядывает меня. — Они действовали из-за решетки. Они жили в райских условиях. Им все позволялось для того, чтобы ликвидировать партию.

(О том, каким пыткам Диаша Лоренсо подвергала фашистская охранка, я расскажу в главе, посвященной этому легендарному человеку. А пока надо молчать и записывать то, что мне говорит фашист «нового разлива». Они пугливые, их нельзя пугать; провокатор должен видеть в твоих глазах интерес — только тогда он сможет р а б о т а т ь.)

— Наш съезд, триумфально прошедший в Париже, открыл новую эру для Португалии.

(Мразь ты эдакая! Коммунисты в то времы сидели в салазаровских тюрьмах, а вы в Париже, на чужие деньги, «новую эру», видите ли, открывали!)

— Начиная с 1967 года наша партия была единственной, которая вела последовательную и беспощадную борьбу против Куньяла.

(В 1949 году в лиссабонскую тюрьму, служившую местом заключения для наиболее опасных преступников, были брошены Алваро Куньял, Милитон Бесса Рибейру — оба из

состава Секретариата ЦК Португальской коммунистической партии, и два печатника подпольной типографии, — сообщается в справке, подготовленной в Португалии о злодеяниях ПИДЕ. — К каждой из четырех камер, находившихся на 3-м этаже в крыле «С», в центре тюрьмы, была приставлена специальная группа агентов охранки.

Для четырех коммунистов был установлен строжайший одиночный режим.

Зная, что типограф Жозе Мартинс страдал сильной близорукостью, его лишили очков. Без них он был скорее похож на слепого, потому что не мог даже различать еду. Примерно год спустя в результате столь жестокого обращения у него помутилось сознание, его здоровье было сильно подорвано, и через несколько лет он уже находился на грани смерти.

Алваро Куньял, который был арестован 25 марта 1949 года, пробыл в камере-одиночке под усиленным надзором агентов ПИДЕ до суда, состоявшегося в мае 1950 года. После этого он провел в заключении еще 5 лет без права переписки и общения. Это был самый длительный срок одиночного тюремного заключения. В течение 8 лет, проведенных в одиночке, Алваро Куньял находился под постоянным надзором и даже во время свиданий с семьей в строго установленные дни и часы около него находился агент ПИДЕ, который записывал все, о чем говорилось.

Здоровье Милитона Бесса Рибейры, арестованного вместе с Алваром Куньялом 25 марта 1949 года (это было его четвертое тюремное заключение), было уже значительно подорвано в течение долгих лет пребывания в тюрьме и ссылке в концлагере Таррафал. Он страдал заболеванием печени и кишечника. На все его протесты и требования о медицинской помощи ПИДЕ отвечала отказом, потому что замысел был ясен: уничтожить всех четверых, и в первую очередь Милитона и Алвара Куньяла.

Строгий тюремный режим, плохая еда и отсутствие медицинской помощи способствовали обострению его болезни. Состояние здоровья Милитона ухудшалось с каждым

днем. Однако несмотря на обострение болезни он решил объявить голодовку.

Его перевели в больничную камеру тюрьмы, но положение практически не изменилось: строгий одиночный режим, отказ в переписке и свиданиях с семьей.

До самой смерти его не покидала мысль сообщить своим товарищам по партии о том, что он навсегда оставался ей предан. Поэтому он написал несколько писем, адресованных руководству партии, которые были перехвачены охранкой. Только два письма дошли до места назначения. Одно из них было написано кровью.

«Я вынес то, что мог вынести человек. Не знаю, как у меня хватило сил для этого. Однако даже в минуты самых тяжелых страданий меня никогда не покидала вера в наше правое дело. Я уверен, что победа будет за нами. Я всегда был готов отдать свою жизнь за дело партии и вижу, что этот момент наступил. Несмотря на то, что я уже нахожусь на смертном одре, меня еще продолжают избивать по щекам агенты охранки. Физические боли, бессонница, голод, предсмертные агонии, — я все вынес за эти семь месяцев, почти все время лежа, как парализованный...

Я уверен в том, что сохраняя строгую дисциплину и контроль в своей коллективной работе и постоянно улучшая их, вы сумеете преодолеть трудности и привести народ к победе. К несчастью, я начал так работать, только когда мне исполнилось 50 лет. Счастливы те, кто придут в ряды нашей партии и будут работать уже по-новому...»

Милитон умер от неподвижности 2 февраля 1950 года в камере тюрьмы ПИДЕ.)

— Позвольте несколько вопросов?

Жозе смотрит на часы. Видимо, он любит солировать; на вопросы-то надо уметь отвечать.

— У меня есть пять минут.

— Этого достаточно. Итак, первый вопрос: кто является главным врагом Португалии?

— Советский Союз.

— Почему?

— Потому, что Советский Союз готовит вторжение.

— У вас есть какие-то данные об этом?

— Да. Эти данные известны всему миру. Советский Союз — главный враг трудящихся всего мира.

— А кто является внутренним врагом?

— Куньял.

— Кто еще?

— Он — главный.

— Спинола?

— Бумажный тигр.

— Ультраправые группы?

— Нам неизвестно о существовании таких групп.

— Ваше отношение к правым партиям?

— Что такое «правая партия»?

— Например, социально-демократический центр, СДЦ.

— Социально-демократический центр — тоже бумажный тигр. Они не наберут голосов на выборах.

— Кто же победит на предстоящих выборах?

— Видимо, первое место займут люди Са Карнейру, народно-демократическая партия, на втором будет Соареш, на третьем — мы.

Жозе снова посмотрел на часы и поднялся.

— Подождите в коридоре, — сказал он, — вас проводят вниз.

В коридоре было пусто. Через три минуты пришел верзила.

Выпустили.

...Хороший дом построили на средства «нефтяного миллионера» — четыре этажа, стереофонические залы, библиотеки, помещения для вернисажей. Все это бетонно-стеклянное чудо окружено парком. Центр Лиссабона, перезвон трамваев, рев моторов, сумасшедший треск мотоциклов, а здесь — тишина, и благость, как за городом. Построил этот комплекс и передал в дар португальской столице уроженец Армении Гюльбекян.

Если 18 апреля, когда я аккредитовался, в Гюльбекяне (так все и называют пресс-центр; кто-то, впрочем, переиначил: «Кулебякин») было зарегистрировано всего 700 журналистов, то сегодня, 20-го, нашей братии прибавилось: подкатила тысяча американцев, французов, немцев. Из наших аккредитовались И.Фесуненко из ТВ, В.Поляковский из «За рубежом», представитель ТАСС Э.Ковалев, В.Ермаков из «Правды», пресс-атташе посольства Ю.Бегишев.

Тем не менее в залах и в баре почти не видно людей. Только когда девочки из «сервиса» приносят очередные пресс-релизы или документы, подготовленные министерством информации, становится понятно, как велик Гюльбекяновский дом: вроде бы никого не было вокруг, ан — нет! Только-только что-нибудь свеженькое, как собирается толпа, словно во время войны, когда в ы б р а с ы в а л и соль или мыло.

Асы — французские и американские журналисты — «пасут» пресс-сервис, интригуют с девочками, — значит, ждут новостей. Новости действительно поступили — распечатаны биографии ведущих политических лидеров, членов правительства и Революционного Совета, адреса и телефоны всех партий, представленных на выборах, время пресс-конференций, которые дадут лидеры этих партий здесь, в Гюльбекяне.

Начну с партий.

АОК. «Альянс рабочих и крестьян». Французы считают, что весь «альянс» куплен СДЦ. Крайне правым необходимы свои, карманные ультралевые. Как говорится, цирюльник учится своему искусству на голове сироты. Сиротки довольно паскудные, полны антикоммунизма и антисоветизма — в отличие от своих хозяев, которые за время предвыборной кампании не позволили себе ни одного антисоветского выпада; впрочем, у них еще есть время.

ФСП. «Фронт народных социалистов». Вышли из партии Соареша. Символ — гаечный ключ и колос. Отстаивают чистоту «истинного социализма», который отвергает серп и молот. Ничего себе замена — гайка и зерно! Очень принципиально!

ЛСИ. «Лига коммунистов-интернационалистов». Это троцкисты, дети «IV интернационала». Эмблема — серп и молот, несколько, впрочем, модернизированные.

УДП. Народно-демократический союз. Справедливости ради надо сказать — лихо работает, старается привлечь на свою сторону вдумчивых пропагандистов. Эмблема — соха и звезда. Программа отличается от крикливых левацких лозунгов в сторону некоторой сдержанности.

МЕС. «Движение левых социалистов». Эмблема — звезда. Тоже из бывших социалистов и коммунистов. Кто-то платит, а кто — в Гюльбекяне пока неизвестно.

МРПП. «Движение реорганизованной пролетарской партии». Серп и молот. Красная звезда. Содержит ЦРУ. Пекин холит.

ППМ. «Партия народных монархистов». Это — несерьезно. «Народность монархии» — слишком пронафталинено, не клюнут. Парадоксальные афоризмы хороши в литературе. Неплохо действует на юных интеллектуалок. Для политики не годится.

ПКП («м-л»). «Марксисты», у которых я только что был. Содержанки. Их «пользует» ЦРУ и Пекин.

ПРП. «Революционная партия трудящихся». В руках у раздрызганного работяги — молот без серпа. Стоят за немедленную диктатуру пролетариата. Кто платит — пока не ясно. (В Гюльбекяне говорят, что именно эту партию поддерживал Отелло ди Каравалью).

ПДХ. «Партия христианской демократии». Пожалуй что, самая правая партия из всех, выдвинувших своих кандидатов.

НДП. «Национально-демократическая партия». Лидер — Са Карнейру. Модель: социал-демократия швейцарского или скандинавского образца.

ПС. «Партия социалистов». Лидер Марио Соареш.

СДЦ. «Социально-демократический центр». Лидер Фрейтуш ду Амарал. Символ партии: две черные стрелы на белом фоне, словно молнии, бьют в мишень. (Мне бы не хотелось голословно обвинять СДЦ в том, чего нет пока

что, однако символ СДЦ сугубо близок по внутренней «тематике» символу «патриа и либертад» — ультраправой партии Чили, которая выступила застрельщиком свержения правительства Народного единства. Однако, справедливости ради, следует заметить, что для тех даже демохристиане Фрея казались «паршивыми либералами». Здесь же, в Португалии, СДЦ утверждает за собой право строить будущее по демократическому образцу. Поживем — увидим.)

ПКП. «Коммунистическая партия Португалии». Алваро Куньял. Объяснений не требуется.

Теперь о двух лидерах партий.

Марио Соареш родился в 1924 году, в семье министра первой республики. Юрист и журналист по образованию. В 1924 году в университете примкнул к антифашистскому движению. Создал в 1946 году юношеский социалистический Союз МОД. Был одним из авторов «Программы демократизации Португалии», распространенной в 1961 году. В 1965 году выдвигался кандидатом в депутаты на «выборах» в салазаровский парламент.

Как юрист, принимал участие в политических процессах, выступая защитником коммуниста Октавио Пато, членов МПЛА и участников восстания в Беже.

Как член ассоциации португальских писателей, опубликовал ряд книг: «Политическая литература», «Трудный прогресс — от салазаризма к каэтанизму», «Разрушить систему, построить новую жизнь».

В связи с оппозиционной деятельностью Соареш был задержан и отправлен на остров Сан Томе, где он прожил восемь месяцев, а затем был выслан в Париж.

Министр иностранных дел в правительствах Палмо Карлуша и Васко Гонсалвиша.

Фрейтуш ду Амарал, лидер СДЦ, родился в 1941 году на севере Португалии (это важно здесь — кто, где, в каком районе родился. Я объясню потом, отчего это важно знать и помнить). Юрист, профессор права. Читал лекции в Страсбурге и Сан Пауло. Во время салазаровско-каэтановского режима был кон-

султантом министерства финансов и министерства образования. Спинола, став президентом, назначил Амарала членом государственного совета. Он был лишен этой должности после попытки Спинолы устроить военный путч 11 марта 1975 года.

...Японцы — во всем японцы. Несколько журналистов, аккредитованных в Гюльбекяне, работают «коллективным способом»: один зачитывает биографию президента Гомеша, премьера Азеведу, министров его кабинета, другой записывает голос коллеги на диктофон, а третий тихо манипулирует с маленькой счетно-вычислительной машинкой.

— Что высчитываете, коллеги?

— Количество лет, проведенных членами кабинета и Революционного Совета в колониях, — ответил тот, который нажимал клавиши мини-ЭВМ. — Это — интересно.

Он прав. Действительно, это интересно. Президент Кошта Гомеш несколько лет провел в Мозамбике, министр иностранных дел майор Мелу Антунеш долго служил в Анголе; министру образования майору Виктору Мануэлю Родригесу Альвесу сорок один год — из них одиннадцать лет он отбарабанил в оккупационных войсках, сражавшихся против Анголы и Мозамбика; министр транспорта и связи полковник Жозе Фернандес командовал саперными войсками в Гвинее-Бисау и Анголе; полковник Виктор Крешпо — министр кооперации, также служил в колониях. Эти люди не на словах, а на деле знали, что такое колониальная война, понимали всю ее жестокую безнадежность — потому и вошли в Движение вооруженных сил; естественно, ими двигали разные побудительные мотивы, только цель была одна: прекратить войну. Точнее, чем кто-либо другой на континенте, они понимали всю безнадежность колониализма в семидесятых годах двадцатого века. Отсюда — кажущийся парадокс: увешанные наградами Салазара и Каэтану, эти высшие офицеры Португалии, имевшие в достатке все блага, восстали против тех, кто эти блага им давал, — они видимо, умели думать о судьбе своих детей: это самая надежная панацея для политика, который не потерял еще дара человеческой перспективы.

Снова в Гюльбекяне пусто. Стою возле барьера, на котором разложены материалы пресс-центра, и делаю выписки, а мои коллеги уже сидят у телетайпов и машинок — только стрекот стоит: передают материалы в свои редакции по нескольку раз в день. Вот что значит истинный профессионализм, над которым, порой, подшучивают. Тут законы жесткие: не дал вовремя материал, не успел с корреспонденцией — до свидания, газета. А поди-ка устройся в другое место?! Спасительных профсоюзов, которые станут на твою защиту в суде и еще заставят редактора платить за «вынужденный прогул» бездельника и трепача, здесь нет. (Может, и хорошо, это, а? «Теоретиков» от журналистики, литературы, кинематографа у нас тьма, вот с профессионалами дело обстоит хуже. Как все же это полезно — общаться с идеологическим противником; есть к чему присмотреться).

«1. Девятого февраля 1973 года апостольский нунций передал его превосходительству сеньору министру по делам заморских владений информацию, полученную из достоверных источников об операциях, проведенных 16 декабря 1972 года некоторыми группами командос в деревнях Шавола, Вириаму и Жувау, в районе Гандали, провинция Тете, прося его провести расследование для выяснения всех обстоятельств и выявления виновных.

2. Апостольская нунциатура запросила от мозамбикского епископства более полные и подробные сообщения о произошедшем, которые были подтверждены сведениями о значительном числе жертв (около 500 человек), среди которых были женщины и дети. Известны имена более 40 погибших женщин и 80 детей в возрасте от 1 месяца до 15 лет.

3. Физическое уничтожение такого большого числа беззащитных жертв не может быть оправдано даже самим жестоким характером войны.

Среди многих других обстоятельств сообщение содержит следующие подробности:

а) В деревне Шавола жителей заставили хлопать в ладоши в то время, как командос стреляли по ним. Набросав на груду мертвых тел траву, они открыли огонь по трупам.

(Известно, что староста деревни призывал жителей не убегать в лес во время бомбардировки, предшествовавшей прибытию командос на вертолетах, аргументируя это тем, что «если мы скроемся, они скажут, что вся вина лежит на нас...»)

б) В деревнях Вириаму и Жувау была применена иная система репрессивных мер: мужчины были отделены от женщин, многие из которых держали на руках грудных детей.

Командос подзывали любого человека наугад, ставили в центр и расстреливали. Так умерло несколько детей прямо на руках у матерей. Тем, которые остались в живых после первого выстрела, командос разрешали уйти, и когда несчастные бежали к лесу, по ним начинали стрелять из пулеметов.

в) Некоторые дети умерли от ударов ногами. Среди них находилась и девочка в возрасте 9 месяцев — дочка женщины по имени Вайна, расстрелянной незадолго до этого. Других же (приблизительно 10 детей) кидали на камни или ударяли головой о деревья.

г) Один солдат спросил беременную женщину по имени Зостина, какого пола будет ее будующий ребенок. Она ответила, что не знает; тогда ей вспороли живот мачете, вытащили плод и показали, чтобы она «знала». После этого ее сожгли.

д) У плачущей девочки 5 лет по имени Шинтейя солдат спросил, лаская ее, хочет ли она соску. Затем он вставил ей в рот дуло винтовки, сказав, что это соска, и выстрелил.

е) Закончив операцию, командос передали через мегафоны приглашение вернуться тем, кто скрылся в лесу. Они сказали, что произошла роковая ошибка и они просят извинения за случившееся. «Возвращайтесь, ибо мы не желаем вам зла». 70 человек, которые вернулись, поверив в заверения, были расстреляны.

4. Среди тех, кто рассказал эти подробности, не фигурируют оставшиеся в живых. Эти детали стали известны из рассказов некоторых участников группы командос.

5. Очевидцы утверждают, что среди командос находились агенты ООБ (реорганизованная ПИДЕ) в провинции Тете и среди них больше всего отличился Шику Кашави, отдававший распоряжения убивать всех и вся. Он и двое других агентов (тоже из местного населения — Аделину Меанжика и Гонсалу Нтамбире) увели к себе домой пять молодых девушек. Родители двух из них пытались потребовать их возвращения, но им было отвечено, что «теперь они не принадлежат им». Известны имена четырех девушек: Терезинья, Донария, Эрмерия и Асерия.

6. К сожалению, «общественно-психологический отдел» армии, находящийся в г.Тете, знал об этих злодеяниях, никоим образом не отвечающих его подлинной задаче по психологической работе, которая должна была проводиться с местным населением.

7. Известно также, что Красный Крест провинции Тете заинтересовался этими случаями и послал в Лиссабон свой доклад.

8. Известно также, что гражданский губернатор провинции Тете, которому епископ данного прихода изложил суть дела и объяснил необходимость предать земле трупы, пролежавшие более трех недель, вызвал к себе начальника группы командос, который ответил ему, что «на нас напали, и мы вынуждены были защищаться».

9. Потрясенные подобными злодеяниями, мозамбикские епископы в интересах и для блага своей родины решили выразить свое возмущение и протест в письме, копия которого прилагается.

Лиссабон, 9 апреля 1973 года».

Такие документы не требуют комментариев. Я привел один из сотни — для того чтобы читателю стало понятным,

как велика была волна протеста в Португалии против бесчинств, творимых в колониях.

(Ультралеваки сейчас используют такого рода документы для того, чтобы обвинить демократов в блоке с церковью. Что ж, с такой церковью, которая поднималась против насилия, демократы объединялись. Патриарх Руси был награжден орденом за его патриотическую деятельность во время Великой Отечественной войны.

Истина — конкретна. Этот постулат ультралевые в расчет не принимают. Неудивительно — у них хорошие учителя. Гитлеровцы отрицают конкретику истины; они оперируют словесами. Смешно, — люди, называющие себя «марксистами», преклоняются перед словом, которое «дух», и при этом игнорируют факты, которые всегда м а т е р и а л ь н ы.)

На экранах Лиссабона — полная бесцензурность. Но, увы, вместо серьезной кинопродукции, которая ранее была запрещена к прокату, вместо Чаплина и Эйзенштейна, Пудовкина и Феллини сейчас выхлестнула война порнографических фильмов.

Я обошел почти все кинотеатры центра — ни одной сколько-нибудь серьезной ленты западных или советских режиссеров нет.

Обидно. Нам есть что показать португальским зрителям. Во-первых, классика не стареет, а во-вторых, появляются новые работы — добрые, отмеченные истинной талантливостью. Смешно требовать, чтобы все фильмы были выдающимися. Если в год появится пять выдающихся картин — страну можно поздравить с истинным успехом.

Просматривая рекламу «секс-фильмов», я подумал, что просто бранить эту грязь — неразумно: запретный плод сладок. Мерзости надо уметь противоположить чистоту.

Сразу же вспомнил режиссера Эльдара Рязанова, его последнюю картину, показанную по телевидению в новогоднюю ночь.

Бывает так — вышел фильм, тебе звонят: «Надо бы откликнуться». Откликаешься.

Вышел фильм друга. Он звонит: «Напиши, старик». Пишешь.

Вышел фильм Рязанова. Никто не звонил. Нельзя не откликнуться, ибо фильм этот несет в себе извечную и непреходящую ценность. Он — добрый. А поскольку доброта у г о д н а, поскольку она есть о с о б о е проявление человеческого сердца, потому-то доброе удается лишь талантливым. А талантливость не умеет быть ординарной, она — обычно — многослойна. Талантливость подобна тавру на крупе коня: неважно, что это за конь — араб, англичанин или орловец, тавро сразу говорит, что конь — хороших кровей, законченного экстерьера и за ним — история. Фильм Рязанова о т м е ч е н тавром отнюдь не новогодним, развлекательным; с равным успехом эту ленту можно (и нужно) показывать и в майские дни, и в дни наших революционных праздников, ибо Рязанов о т ч и т а л с я к а ч е с т в о м, то есть он показал л ю д е й, он пристален в рассмотрении характеров, то есть проблем, ибо проблема — будь то производство станин, изобретение ракет, возделывание пашен — останется пустым звуком, нет, хуже, это компрометация проблемы, не будь первоосновой рассмотрения человек, личность, говоря термином философским — демиург, то есть творец.

Ремесло — штука поразительная. Рязанов и Брагинский великолепно знают ремесло драматургии. Что происходит в фильме? Да ничего, в общем-то. Впору обвинять в мелкотемьи. Человек напился (нетипично), забыл про невесту (хорош деятель новой формации), вперся пьяным в чужой дом. Разбил семью (бр-р-р, какая страшная фраза, мертвечиной от нее веет). Влюбился. Уехал. Потом она приехала к нему. Но ведь если я изложу другой сюжет: она влюбилась, покинула мужа и сына, он ее разлюбил, она бросилась под поезд — вы сразу скажете, что это «Анна Каренина», и будете правы и, хотя такого рода параллели вещь опасная, но все

же почему мы так скупы на похвалу и на сравнение с великим, если нам подарили три часа радости, три часа, которые вселили в нас надежду на то, что еще не осень, что не все уже ушло, что надо быть очень добрым и внимательным, и уметь в и д е т ь людей вокруг себя, и тогда тебя, меня, каждого из нас может еще ждать чудо, счастье, мечта.

Воплотить ремесло драматургии в кинематограф немыслимо без создания коалиции единомышленников. Когда актер понимает замысел, верит в чудо, когда он не вещатель и разбиратель, когда он не досужий критик, когда он реплики думает, а не говорит, когда он соответствует внутренним существом своим духу тех героев, которым дает жизнь, — только тогда рождается чудо. Часто, увы, мы сталкиваемся с тем, что наши актеры, пролистав в сценарии реплики, подчеркнутые для них режиссером, работают, не думая, говорят заученно, а в результате на экране прет неправда. У Рязанова — правда. И у актеров — будь то Мягков, Брыльска, Яковлев — правда.

В фильме нет столь угодных нынешней «формальной волне» истерик, изысков, нездоровостей, которые потрясенная критика велеречиво исследует, как «новое слово искусства». Он невероятно прост, этот фильм. Он, как и доброта, доверчив. Он апеллирует к множеству, а множеству нельзя не верить; как правило, не верят одному, двум, десяти. Когда не верят всем, тогда налицо паранойя.

Я очень боюсь, что какой-нибудь убеленный благонажитыми сединами критик или молодой ниспровергатель обругает ленту за то, что она — обычна, за то, что она безыскусна, за то, что она доверчива. Я боюсь и другого — как бы не стали усложнять, как бы не стали додумывать за авторов. Это просто-напросто лента об очень хороших людях. Как, казалось бы, мало, и как же, на самом деле, много в этом — лента об обычных, добрых, непридуманных, живых людях.

Мне бы очень хотелось доставить радость португальским зрителям. Мне бы очень хотелось, чтобы они увидели этот фильм. Если говорить о пропаганде советского, искусство Рязанова — достойная форма пропаганды.

«Это неправда, что НДП не будет иметь международной поддержки, когда она придет к власти как партия, получившая наибольшее число голосов.

Это неправда, что НДП не имела поддержки со стороны европейской социал-демократии. Са Карнейру был принят канцлером ФРГ Шмидтом сразу же после встречи на высшем уровне представителей социал-демократии в Порту.

Это неправда, что НДП выступает против наследства земли. Эта утка была пущена СДЦ с целью ввести в заблуждение народ нашей страны.

Это правда, что НДП является единственной партией, которая защищала социал-демократические принципы, даже когда генерал Кошта Гомеш сказал на демонстрации ОРФ (Объединенный революционный фронт) в Белеме: «Нет социал-демократии!»...

Это правда, что социалистическая партия Соареша проводит двойственную политику, а министр сельского хозяйства Лопеш Кардозу, представитель этой партии, является марксистом, тяготеющим к левым. На юге страны Марио Соареш считается марксистом, а на севере и за границей представляется, как умеренный социал-демократ, особенно после событий 25 ноября.

Это правда, что представители НДП выступали в Учредительной Ассамблее за свободу образования, в то время как социалисты явно выступили против этой меры.

Это правда, что НДП, находясь в правительстве, делала все, чтобы избежать еще больших бед, нежели те, которые имели место за последние два года. Однако 11 представителей НДП в правительстве, состоящем из 82 членов, не могли рассчитывать на господствующее положение.

Это правда, что НДП последовательно защищает интересы беженцев, этих невинных жертв процесса деколонизации.

Это правда, что СДЦ не имеет своей собственной идеологии, а в странах, где партии этого типа стоят у власти, коммунисты представляют довольно влиятельную силу.

Это правда, что в странах, где у власти стоят социал-демократы, трудящиеся не поддерживают коммунистической идеологии.

Друг! Будь осторожен!

Не слушай ложные пропагандистские утверждения против НДП!

Наша партия стремиться изменить Португалию, преодолеть экономический кризис, обеспечить общественный порядок и спасти демократию.

Если хочешь этого — голосуй за НДП!»

Это — первая массированная атака НДП против соперников. Сразу заметно: у НДП нет линии, лозунги сумбурны. Не зря, видно, в Гюльбекяне говорят, что партия переживает серьезный кризис. Нет, видимо, смысла разбирать вздорность ряда утверждений — она очевидна.

«Лиссабон. Семенов: Литгазета.
20.04.76.
Приняла по телефону Карасева.

Эта неделя в Португалии — особая. Пасхальные торжества предшествуют первым выборам в демократическую Ассамблею республики. Пасха соседствует с предвыборной кампанией — сотни «камисан», то есть митингов — проходят по всей стране ежедневно. Лидеры партий живут на колесах: сегодня — выступление на крайнем севере, завтра — в Альгарви, на самой южной точке республики. А в тот день, когда должны быть объявлены результаты выборов, в стране начнутся маневры НАТО. Воистину, жизнь — единство противоположностей!

До 25 апреля — всего пять дней. В двенадцать часов ночи, в пятницу, 23-го предвыборная кампания закончится, будут прекращены все политические передачи по ТВ и радио. Поэтому сейчас день спрессован до максимума — каждая партия старается как можно более подробно разъяснить свою программу.

Левые партии подвергают атакам программу СДЦ, особенно ее экономический раздел. Проводят параллель с Пиночетом, утверждают, что ставка СДЦ на туризм, рабочих-эмигрантов, которые перекачивают валюту из Европы (там работают около трех миллионов португальцев), на экспорт полуфабрикатов, означает консервацию отсталости страны. Считают, что экономическая платформа СДЦ приведет к большей безработице из-за предлагаемой Амаралом новой банковской политики в сфере кредита, которая направлена на ликвидацию предприятий, испытывающих трудности, а трудности в этот переходный период испытывают именно национализированные хозрасчетные предприятия. Считают, что экономическая платформа СДЦ направлена на удушение предприятий, работающих на внутренний рынок, поскольку — и это действительно так — резко упала покупательная способность населения; считают, что Амарал ставит на изгнание крестьян с земель во имя сокращения численности населения, занятого в сельскохозяйственном производстве.

(Все чаще и чаще в Португалии вспоминают Альенде и приводят данные о том, к чему привел страну Пиночет. Сейчас там каждый третий человек — безработный. Зарплаты хватает лишь на хлеб. До сентября 1973 года государству принадлежало 400 предприятий, сейчас — 16. Из 5800 агрохозяйств, национализированных Народным единством, все лучшие уже возвращены прежним владельцам.)

Показательна позиция социалистов.

— Народ понимает, — сказал Марио Соареш, — что за спиной СДЦ и НДП стоят б ы в ш и е, — поэтому народ не станет голосовать за них, ибо он не хочет возврата к фашистской диктатуре. После раскола НДП она почти не отличается от СДЦ. Социалистическая партия не намерена вступать ни в какие союзы с правыми. Так же мы не намерены вступать в союз с компартией. В случае победы на выборах, мы готовы управлять страной в одиночку. Если же на

выборах победят правые, мы уйдем в оппозицию, и мы не считаем это трагедией, ибо согласны с демократическими правилами игры.

...Если бы социалисты относились к ситуации более серьезно, право, они бы думали поболее о блоке левых сил, а не о «правилах игры». Сейчас очевидно для всех, кто изнутри наблюдает португальский эксперимент, что в случае создания общего блока победа левых — коммунистов и социалистов — «обречена» на успех. А так — получается явная непоследовательность: «народ понимает, что за спиной НДП и СДЦ фашизм», а социалисты, тем не менее, согласны лишь соблюдать «правила» — только бы не войти в блок с коммунистами. Пока партия не является правящей (если хотите — государственной), такие «фо-па» допустимы. А что, если социалисты наберут большинство и им надо будет не на словах, а делами противостоять правым, тем бывшим, о которых они так редко говорят сейчас на своих предвыборных собраниях?

Са Карнейру выступил на митинге в Коимбре. Он сказал десяткам тысяч своих единомышленников из НДП:

— Говорят, что в Португалии нет социал-демократических традиций. Это неверно, они есть, и это чисто португальские, а отнюдь не марксистские традиции!

(Смешно — ведь отцом социал-демократии был именно Маркс; в России — Плеханов и Ленин.)

— Мы обещаем покончить с экономическим кризисом, который принимает угрожающие формы. За полтора года после революции мы истратили около пяти миллиардов эскудо валютных запасов, а в этом году мы начали тратить золотой запас! Мы тратим около миллиона эскудо в день — даже в воскресные дни и праздники, и деньги эти идут не на восстановление нашего богатства, а на финансирование потребления!

(Здесь Са Карнеру говорит правду. Однако сейчас в правительстве на ряде ключевых постов — в экономике и индустрии — стоят люди НДП. Почему они с м о г у т потом, ес-

ли не могли ничего сделать д о? В стране до сих пор — пьянящий воздух свободы, люди хотят выговориться — поэтому митинги происходят в рабочее время; друзья рассказывали мне, что летучие собрания стихийно вспыхивают даже в госпиталях, в перерыве между операциями.)

— Мы говорим — «нет дальнейшей национализации земель!» — продолжает Са Карнейру. - Мы выступаем за возвращение средним предпринимателям национализированных предприятий!

Не называя по имени своего главного соперника Соареша, лидер НДП п у с т и л в его адрес:

— Мы не двусмысленная партия, действующая по принципу — «откуда ветер дует»! Мы убеждены в том, что нельзя быть либералом в политике и диктатором в экономике!

При том, что Са Карнейру — правый политик, при том, что он явный враг коммунизма, при всем том он — ловкий политик. А политика, как мы уговорились, это наука возможностей.

Значительно злобней и резче выступают люди МРПП. Их лидер Матуш — типичный фашист. Будь он более грамотен, то, может быть, поостерегся повторять то, что говорил о нашей стране Гитлер. А говорит он — почти слово в слово - то, что проповедовал бесноватый:

— Советский Союз — главная угроза для европейской цивилизации. Все должны объединиться в борьбе против кремлевской угрозы!

Дальше не интересно — мы это слыхали во время войны. Хочу отметить другое: эти словеса произносят не на чахлом митинге МРППистов, а с экранов португальского телевидения. Министерство информации дает возможность представителям всех партий, участвующих в выборах, обратиться к избирателям со своей программой. У МРПП нет программы. У МРПП есть зоологическая ненависть к коммунизму.

В иной стране политическая клоунада, подобная той,

которую выдает Матуш, была бы вполне уместной во время веселого субботнего шоу — «несет себе ахинею рыжий у ковра — ну и ладно, пусть себе». Я не хочу обижать клоунов. Если клоун талантлив — тогда это форма боевой политической публицистики: стоит вспомнить репризы нашего Карандаша во время войны с фашистами. Матуша разумнее сравнить с ученой обезьянкой, которая кричит что-то громкое с руки хозяина, который щедро накормит после очередного выступления... Все бы хорошо, но нельзя сравнивать страну с цирком. В Португалии треть населения до сих пор не умеет читать и писать; из 100 мальчиков и девочек лишь двое заканчивают школу; устная пропаганда здесь — явление совершенно особого порядка. Слово, произнесенное в Португалии, значит подчас куда больше, чем слово написанное.

Еще одно обстоятельство: усатый «хипарь» — «истинный марксист-ленинец» Матуш говорил про Советский Союз и про коммунистов Португалии именно то, что привычно людям: салазаровские фашисты в течение полувека изо дня в день, в газетах и на ТВ употребляли точно такие же термины по отношению к нашей стране, по отношению к коммунистам, Куньялу, героям подполья, солдатам антифашистской партии. Следовательно, ультралевые семена падают на фашистско-подготовленную почву.

Прекрасные памятники Лиссабона, громадные авениды и гулкие, — до того велики, — площади сегодня загажены провокационными лозунгами и призывами — «Смерть предателям», то есть коммунистам и демократам, тем, которые стоят на страже португальской революции. Невероятное количество листовок распространяют ультралевые, невероятными тиражами печатают свои газетенки — все это не может не влиять на неподготовленных людей; они, подобно Гитлеру, делают ставку как на мелкобуржуазного обывателя, падкого до левацкой «урареволюционной» фразы, так и на темный, опустившийся, чурающийся знания и культуры люмпен (помните Геббельса? — «Когда я слышу слово

«культура», мне хочется схватиться за пистолет»).

Но есть и другой Лиссабон — с плакатами коммунистов, с истинным серпом и молотом, есть Лиссабон социалистов — тех учителей, студентов, врачей и рабочих, которые исповедуют поднятый кулак — «но пассаран», «они не пройдут» — со времен Испании.

Если проехать по этому невероятно красивому белому городу — от великолепной площади Праса ду Комерсио по проспекту Ливердади, потом свернуть на улицу Браамкамп и остановиться на авениде Педро Альварес Кабрал, то португальская столица произведет на вас впечатление громадной сцены, где талантливые художники ведут последние работы перед началом огромного празднества.

(Я то и дело вспоминаю Сантяго, Чили, Народное единство, товарищей Корвалана и Альенде, вспоминаю иссушенную январской летней жарой набережную Мопочи, которая была великолепно расписана художниками из легендарных бригад Рамоны Парра — комсомолки, убитой фашистами.)

...Век предсказателей, «время Кассандры» непреложимо к сегодняшней Португалии.

Хотя исторические параллели вещь воистину опасная, стоит, однако, вспомнить начало тридцатых годов, когда нацисты сражались с разъединенными левыми силами Германии, били поодиночке то социал-демократов, то коммунистов, то конституционных либералов — и пришли к власти. Португалия семидесятых годов это, конечно же, не Германия тридцатых. Здесь существует серьезная военно-политическая сила — Революционный Совет республики, который твердо заявил о своей решимости обеспечить свободное демократическое волеизъявление народа во время выборов. Однако когда диктор ТВ ежедневно учит людей, не знавших демократии, к а к надо голосовать, к а к о й документ предъявлять, к а к подходить к урнам, ч т о такое кабина, г д е ставить крестик (тут — из-за неграмотности — приходится идти именно на такой дедовский способ — ста-

вить крестик напротив с и м в о л а партии; даже буквы человек может не прочесть!), то нынешний момент, предвыборный, является неимоверно ответственным, ибо объяснить массам, что есть правда, а что — ложь, объяснить, за чем будущее, — задача архисложнейшая. Главные провокаторы — ультралевые — делают все возможное, чтобы помочь консолидации правых партий и разбить левые силы.

Лиссабон сегодня стал тем лакмусом, на котором ультралевые провокаторы до конца изобличили себя как злейшие враги мира и прогресса; гитлеровцы семидесятых годов — иначе о них не скажешь.

Позвоните домой, скажите, что у меня все в порядке».

Правительство Португалии сделало все, для того чтобы журналистам, приехавшим в Лиссабон со всего мира (номер моей аккредитационной журналистской карточки 606), было удобно работать. С сегодняшнего дня в пресс-центре Гюльбекяна начинаются встречи журналистов с лидерами партий и министрами кабинета.

Во время первого «брифинга» — беседы в баре за рюмкой великолепного сухого «порту» (не хочу обижать наш «портвейн», но он не идет ни в какое сравнение со своим праотцом «порту») министр информации Альмейдо Сантуш стоял у стойки и потягивал вино из своей рюмки. Никто не знал его в лицо; о том, что этот высокий, неторопливый человек — министр, мне шепнул португальский знакомый.

Я подошел к Альмейдо Сантушу — меня интересовало, каким образом учитывается общественное мнение накануне выборов, как организован опрос разных слоев населения.

— У нас пока еще нет таких институтов, — ответил министр, — мы молодая демократия, мы еще только учимся.

Все журналисты узнали, что в пресс-центре — Сантуш, и вдруг, откуда ни возьмись, бар оказался заполненным толпой моих коллег; защелкали блицы камер, мягко зашуршали диктофоны.

— Имеют ли право португальские газетчики давать объ-

ективную информацию или они вынуждены заниматься пропагандой? — Разговор сразу же пошел в «агрессивном» тоне, свойственном некоторым западным газетчикам.

Министр усмехнулся — вопрос был чисто пропагандистский, подтекст очевиден: «в Португалии нет свободы слова».

— В пресс-центре собираются люди разных политических взглядов, — ответил Сантуш, — а вы, беседующие с ними, представляете как частные газеты, так и государственные информационные агенства. Вы информируете своих читателей, но информируете на основании тех пропагандистских материалов, которые вам предлагают наши партии. Что касается португальской прессы, то она представляет как частные, так и партийные газеты.

Видимо, проанализировав тенденцию первого вопроса и спокойствие ответа министра, второй журналист перешел в открытую атаку, без всякой словесной косметики:

— Являются ли ваши выборы фарсом? Ведь все ключевые посты в стране захвачены левыми. Разве может в этих условиях идти речь о демократическом волеизъявлении народа?

(«Сорвется Сантуш? — подумал я. — На его месте другой министр мог бы и гаркнуть».)

— Мы проводим наши выборы на основании демократической конституции, которую никто не вправе отменить, — очень спокойно ответил министр. — Если кто-либо решит помешать народу в его демократическом развитии, то революционные силы армии будут надежным гарантом от терроризма и насилия. По-моему, вы имеете возможность убедиться в том, что в наших газетах и на телевидении ежедневно представлены разные политические партии, которые выступают совершенно с диаметрально противоположными программными заявлениями. Они это делают абсолютно свободно. Свобода слова гарантирована. Или у вас есть факты, опровергающие меня?

Фактов нет. Журналист аккуратно ретируется.

Беседовал с лидером партии монархистов, ППМ, Ри-

бейро Телешем. Он нетороплив в ответах, опасается резких формулировок и даже не очень-то бросается с кулаками на коммунистов.

Телеш т р о г а е т проблемы частного предпринимательства, ценообразования, торговли и просвещения, трогает весьма аккуртно и дозированно.

Телеш не скрывает своего отрицательного отношения к военным. Здесь он не может сдержать себя:

— Армии пора уйти в казармы.

Я проанализировал, кого представляет на выборах эта партия, взяв список кандидатов в Ассамблею, выдвинутых в Лиссабоне. Главенствуют люди из сферы торговли. Их шестеро. Потом идут адвокаты, землевладельцы, инженеры, студенты. И ни одного рабочего, ни одного. Видимо, поэтому даже СДЦ считает «народных монархистов» некоей декорацией португальской демократии.

Ездил по редакциям лиссабонских газет. Из всего, что рассказали коллеги, самым интересным является то, что возможный кандидат в президенты от НДП генерал Гальван ди Мелу разразился серией в ы с к а з ы в а н и й: требует жестких мер против коммунистов, пугает угрозой «диктатуры Куньяла», зовет к сплочению всех правых сил, обращаясь к «национальному разуму». Сопоставляя его выступление с тоном предвыборной кампании, можно предположить, что он ставит подножку и СДЦ и НДП — те все же выбирают формулировки.

Ив Барон из «Монд дипломатик» дает свой анализ ситуации:

— В конце декабря правительство приняло ряд мер, направленных на ликвидацию дефицитов бюджета и платежного баланса: национальный заем — более трех миллиардов франков, дополнительные налоги и экономия топлива. Правительство признает значение иностранных капиталовложений для национального развития, «если они будут со-

ответствовать главному направлению экономической политики государства». Подготавливаются и другие меры: ограничение заработной платы, превышающей определенный максимум; временная отмена положений коллективных договоров, за исключением положений, относящихся к минимальной зарплате; оживление финансового рынка и прекращение контроля, осуществляемого банковскими служащими; компенсирование мелких и средних акционеров, акции которых были национализированы; ограничение права вмешательства органов трудящихся, чтобы восстановить доверие и стимулировать капиталовложения; поощрение эмиграции в дружественные страны... Цель этого проекта нормализации положения в экономике ясна — сократить потребление за счет всех и увеличить производство за счет всех... Не послужит ли португальская социалистическая партия, как давно уже предвидели многие, лишь трамплином для правых?

...Вот что говорит о социалистическом министре иностранных дел Мелу Антунеше и начальнике генштаба Рамальо Эанеше бюллетень Министерства информации (листочек с биографией генерала Пиреша Велозу выхватил из рук шведский журналист — тут за этими материалами идет драка).

Итак, Мелу Антунеш. Родился в 1933 году. Окончил военную академию в 1953-м, по курсу артиллерии. Быстро прошел «шкалу» званий, работая в системе генштаба: младший лейтенант — 1957, лейтенант — 1959, капитан — 1961, майор — 1972. Служил в Португалии, на Азорских островах, в Анголе — с перерывами с 1963 по 1973 год.

Был членом первой Хунты национального спасения. В кабинет Васко Гонсалвиша вошел как министр без портфеля, будучи членом Революционного Совета.

Ромальо Эанеш родился в 1935 году. Окончил военную школу в 1956 году. Звание майора получил в 1973 году. Служил в Индии (Гоа) с 1958 по 1960 годы, в Макао — 1962;

в Мозамбике, Гвинее-Бисау и Анголе. Революцию 25 апреля встретил в Анголе.

Прошел курсы Института высших военных проблем в 1969 году.

Награжден орденами и медалями. Звания генерала и должности начальника генерального штаба сухопутных войск был удостоен 6 декабря 1975 года — через несколько дней после подавления левацкого выступления 25 ноября.

Пресс-служба национального руководства НДП разворачивает предвыборную кампанию вовсю.

Появились новые моменты в платформе Са Карнейру. Полгода назад он обрушивался на Движение вооруженных сил, называя его, как и коммунистов, «меньшинством страны», которое «некомпетентно в вопросах управления государством». Он пугал тем, что на смену нынешней «шаткой» демократии придет военная диктатура, как это было в 1929 году, когда военные взяли власть, погубив «республику 1910 года». Главный просчет Са Карнейру — никакого экономического анализа, все больше демагогических разговоров о «гуманности», «доброте» и прочих абстракциях. Что дозволено художнику, — под его пером такие святые понятия, как «гуманизм» и «добро» обретают конкретные, видимые формы, — то невозможно для политика, претендующего править страной, где большинство населения живет впроголодь, не зная, что принесет им завтрашний день...

...Предвыборное программное заявление лидера НДП отличается от прошлого. Та же демагогия, но теперь нет ни слова против Движения вооруженных сил. Удар обрушен против «марксистов-социалистов», которые хотят немедленно «коллективизировать промышленность и сельское хозяйство, изгнать специалистов и организовать рабочее самоуправление». Если партия социалистов откажется от этой «догматической линии», тогда НДП готова войти с нею в блок, п р и у с л о в и и, что компартия будет раз и навсегда выведена за скобки португальской политической жизни.

Такого рода программу не примет большинство страны. Люди хотят дела — слова и страсти стали надоедать. От революции ждут реального улучшения жизни; посулами и дискуссиями сыт не будешь.

Эту листовку СДЦ, только что полученную мною в их штаб-квартире, надо «приобщить» к дневникам. В ней — обнажено главное из программы самых правых сил страны.

«Правильный голос, полезный голос, умный голос — это голос, отданный социально-демократическому центру!

Протестуйте против попыток уговорить народ не голосовать за его партию — за СДЦ. В Португалии социалистическая конституция именно потому, что на прошлых выборах победили социалисты и НДП. Необходимо, чтобы 25 апреля 1976 года португальцы голосовали за СДЦ для того, чтобы изменить положение.

Голосуйте за СДЦ, так как мы против беспорядка, экономического хаоса, аморальности, социализма и некомпетентности тех, кто нами управляет; мы не социалисты или социал-демократы марксистского типа, мы персоналисты-португальцы, европейцы христианского вдохновения!

Голосовать за СДЦ — это голосовать за поражение левых, которые уже доказали на что они способны...

СДЦ является единственной альтернативой социализму. СДЦ располагает поддержкой половины Европы.

СДЦ победит, так как является крупнейшей партией оппозиции, а только оппозиция способна возродить страну.

СДЦ победит — именно поэтому правящие партии обеспокоены. 25 апреля, голосуя за СДЦ, португальцы выразят свое несогласие с тем, как обращались с Португалией в последние два года».

Фрейтуш ду Амарал играет весьма рискованно — он прет, как танк, позволяя себе нападки даже на НДП, с которой он «расходится» лишь перед выборами и только на словах — в зыбких пропагандистских формулировках.

Говоря о «португализме», обращаясь к «нации португальцев», он явно раскланивается со спинолистами и «реторнадос». Те были носителями португальского величия в колониях — Анголе и Мозамбике, они привыкли там быть хозяевами, палладинами, судьями, а после деколонизации пришлось поселиться в отеле и самим ходить в магазин. Работать они не умеют — живут на пенсию, которую платит правительство. Словом, сегодня «реторнадос» — это штурмовые отряды реакции, резерв ультраправых путчистов.

Еще один броский лозунг Амарала:

— СДЦ намерен превратить каждого пролетария в крепкого собственника! Тогда все сказки о «социалистическом рае» умрут сами по себе!

Что ж, результаты выборов покажут, насколько сильны враги социализма в Португалии. Противника надо знать — нет ничего хуже, когда о нем гадают.

Примечательно, что обращая главный удар против коммунистов и социалистов, СДЦ бранит НДП, как «шаловливое дитя». Однако бранит голосом «железного ментора». Почему? Какие основания? В чем смысл игры? НДП не остается в долгу и — в свою очередь — «лягает» СДЦ. «Милые бранятся — только тешатся»? Или Амарал делает ставку на раскол НДП? Часть членов НДП уже перешла к социалистам. Может быть, он рассчитывает ослабить союзника и, таким образом, продиктовать ему свои условия? Посмотрим — ждать осталось недолго: выборы приближаются, даже часы с л ы ш н о.

Ребята из газеты «Экспрессо» принесли мокрые оттиски полос: в номере идет интервью с Соарешом. Помимо обязательной в латинских странах велеречивости, есть несколько очень конкретных вопросов и ответов. (Журналисты, дорвавшись до свободы слова, ставят вопрос в течение двух-трех минут. Получается не интервью, а диалог.)

— Доктор Соареш, не могли бы вы сказать, какие зарубежные политики пользуются самым большим вашим уважением?

С о а р е ш: Я бы так не ставил вопрос. В политике трудно ответить, кто тебе нравится, а кто нет. Тем не менее два политика наиболее близкие мне по духу это — Миттеран и Брандт.

— А Киссинджер?

С о а р е ш: Киссинджер сверхумный человек, но, тем не менее, лично мне Киссинджер не нравится.

— Что бы вы хотели сказать о военных?

С о а р е ш: Я считаю, что военные есть и будут в составе Революционного Совета Республики. Они будут рядом с президентом Республики. Именно поэтому я считаю, что возврат к прошлому невозможен. Однако нельзя игнорировать тревожные симптомы: в некоторых школах и лицеях появилась молодежь, которая носит кресты со свастикой, как во времена Каэтану. Нельзя забывать, что фашизм в Португалии родился в недрах первой республики.

— Кого бы вы хотели видеть на посту президента демократической Португальской республики?

С о а р е ш: Съезд нашей партии еще не обсуждал вопрос о кандидатуре на пост президента Республики, но я считаю, что им должен быть военный, тот, который пользуется уважением вооруженных сил.

— Что бы вы сказали о нашей печати?

С о а р е ш: Все политические течения Португалии сейчас находят отображение в нашей, лиссабонской прессе. Например, «Диариу де Натисиаш» публикует любые заявления как доктора Алваро Куньяла, так и доктора Са Карнейру и профессора Амарала; есть газеты — как утренние, так и вечерние — которые близки к компартии. Есть газеты, близкие к социалистической партии, к народно-демократической партии и социально-демократической партии и социально-демократическому центру. Все они работают свободно.

Возвращаясь с предвыборной компании на Азорских островах, Фрейтуш ду Амарал — генеральный секретарь

СДЦ и секретарь ультралевой МРПП Матуш летели на одном самолете, в одном и том же классе — туристском. Одна из бортпроводниц обратилась к Амаралу с приглашением занять место в первом классе. Тот отказался — перед выборами надо быть демократом. Тогда стюардесса обратилась к Матушу. Тот, подхватив сумку, поспешил в первый класс — там вино бесплатно дают и кормят сытнее и деликатесней. Деталь, а как много говорит о людях! Писателю надо долго корпеть, чтобы придумать такой штрих, — он сразу сводит на нет всю революционную трескотню Матуша, а здесь сама жизнь подкидывает сюжет: «кормчий» за лучшую похлебку воюет, все его «идеи» — лишь средство на чужой шее в рай въехать.

«Лиссабон. Семенов: Литгазета. Приняла по телефону Карасева.

Родолфу Крешпу, один из руководителей социалистической партии, ближайший сотрудник Соареша, следующим образом охарактеризовал кампанию по выборам и политическую обстановку в стране:

— В последние месяцы Португалия переживала революцию, которая носила скорее характер идеологический, нежели конкретный. Это вполне понятно, если учесть, что в течение сорока восьми лет мы жили с «заткнутым ртом». Произошел взрыв, и все мы стали идеализировать тот тип общества, который собираемся построить, забывая о действительном положении дел. Социалистическая партия начала обращать внимание ответственных военных деятелей и других политических групп на то, что настала пора конкретизировать революцию, которая должна вписаться в общественный контекст Португалии и отвечать экономическим условиям страны. В связи с этим наша избирательная кампания будет делать упор на конкретные проблемы, оставляя в стороне идеологические споры. Речь идет о том, чтобы спасти революцию, а отсюда вытекает необходимость не потерять базу, поддерживающую ее, необходимость избежать того, чтобы демокра-

тическая революция стала неосуществимой по причинам ухудшения экономического и социального положения.

Экономическое положение является в высшей степени искусственным, — продолжал Крешпу, — причем платежный баланс регулируется не с помощью производства, а с помощью денежных переводов эмигрантов и поступлений от туризма. Ранее существовал протекционизм, выражавшийся в гарантированных рынках, то есть колониях, и это привело к тому, что предприятия не модернизировались и оказались не конкурентоспособными. Была повышена заработная плата, что совершенно справедливо, но — как противовес — производство не расширилось и пришлось прибегнуть к валютным запасам, которые истощаются катастрофически.

Крешпу отметил, что «придется смириться с некоторыми ограничениями, вызванными повышением жизненного уровня трудящихся. С помощью повышения заработной платы, не сопровождаемого ростом производительности, страна к социализму не придет, а последствия сыграют на руку правым».

— Мы считаем, что победим на выборах, — сказал мне Крешпу, — получив, возможно, большинство, порядка 40%. Если НДП и СДЦ не соберут необходимого большинства, мы готовы управлять страной в одиночку, создав однородное правительство. Учитывая прошлый опыт, когда коалиционные правительства предлагали различные политические проекты, оказывавшиеся недейственными, мы считаем, что сейчас однородность необходима.

Нас обвиняют в отходе на недемократические позиции. Эти обвинения нам не понятны; речь идет о ситуации, имеющей прецеденты, например, существующее правительство в Швеции. Социал-демократическое правительство получает парламентскую поддержку коммунистов — мы считаем, что для левых это единственная альтернатива (почему только в парламенте, а не в правительстве?!). Если этого не произойдет и правые получат большинство, тогда мы пе-

рейдем в оппозицию, что при демократической ситуации наподобие той, в которой мы живем, имеет такое же значение, как и быть у власти. Мы будем бороться в парламенте, на профсоюзном уровне и всеми другими формами, которые дает демократия — до тех пор, пока не появится новая возможность для выдвижения нашей программы и завоевания права сформировать правительство.

Крешпу также повторил, что блок с коммунистической партией сейчас невозможен. «Наше пребывание у власти будет зависеть от оппозиции, которая, в свою очередь, будет определяться позицией компартии, а также НДП и СДЦ. Ассамблея прошлого созыва подтверждает наш прогноз: иногда в области экономических и социальных прав трудящихся компартия поддерживала нас, в других же, особенно в сфере общественных прав, мы получали поддержку НДП».

— До настоящего момента, — заметил Крешпу, — НДП вела себя как партия демократическая (ой ли?). Наши расхождения проистекают от политических платформ, которые непримиримы. Люди НДП утверждают, что являются социал-демократами, однако мы — при полном согласии европейских социал-демократов — их таковыми не считаем. Для того чтобы стать социал-демократом или социалистом, недостаточно только одних заявлений, необходима соответствующая деятельность. (Тут-то бы и показать себя!)

В заключение Родолфу Крешпу остановился на противоречивых заявлениях лидеров самой социалистической партии, объясняя этот факт естественными расхождениями между личностями. «Партийная демократия допускает возможность того, чтобы эти расхождения стали достоянием общественности. Однако если мы принимаем решение на руководящем уровне, то все солидаризируются с такого рода решением».

— Мы переживаем переходный период, — заключил Крешпу, — поэтому мы принимаем такие структуры, как ДВС и Ревсовет. В нормальных же условиях мы бы оспаривали их правомочность. Мы — в общих чертах — за возмож-

ность изменения конституции, однако сейчас, в переходный период, нам представляется более выгодным сохранить стабильность. Если вместо обсуждения конкретных проблем мы пустимся в дискуссию о деятельности будущих институтов в период предстоящих четырех лет, тем самым мы нанесем вред делу продвижения к демократии».

По пресс-центру распространилось сообщение (оно пришло сразу же вслед за подробностями, связанными с нападениями «реторнадос» в центре авениды Республики на агитколонну автомашин компартии): «Пять членов Революционного Совета встретились несколько дней назад во время обеда в одном из ресторанов города Порту. (Здесь, кстати, говорят не «Порту», а «Опорту».) Собрались: начальник генштаба сухопутных сил Ромальо Эанеш, начальник штаба ВВС генерал Мораш-и-Силва, начальник штаба ВМС адмирал Соуто Круз, командир первого региона ВВС генерал Рино Фрейре и командующий северным округом Пиреш Велоза. Во время неофциального ленча были затронуты проблемы ангольских «реторнадос».

Армия в Португалии постоянно говорит свое с л о в о — пусть даже не прямо, пусть двузначно, но, тем не менее, сдерживающе. Пока что, во всяком случае.

Только что сообщили, что правительство уже истратило на выборы около 60 миллионов эскудо: по всей стране оборудуются помещения для голосования, печатаются списки кандидатов, бюллетени.

Португальское агентство новостей АНОП передало: с 4 по 18 апреля по всей стране состоялось 6122 митинга. Из них 2000 проведено партиями в Лиссабоне и Порту.

Вдруг все журналисты ринулись к пишущим машинкам и телетайпам. Я спросил корреспондента «Фигаро»:

— Что-нибудь горячее?

— Теплое, — усмехнулся он и перешел с французского на английский. — МЕС и ПРТ (ультралевые партии) только что объявили, что выставят кандидатом в президенты Отелло ди Каравалью. МРПП пока еще не объявила о своем кандидате, троцкисты тоже молчат.

Только схлынула волна, связанная с Каравалью, как снова все ринулись к телефонам и телетайпам: газета «Опорту ди нотисиаш» сообщила, что премьер Пинейру ди Азеведа хочет выдвигать свою кандидатуру в президенты при условии, что он не «будет марионеткой в руках военных или политических лидеров». Не спешит ли адмирал? Или газета «пузырит» сенсацию? Когда я встретил Азеведу, он показался мне человеком весьма честолюбивым, старающимся выйти на первый план — везде и во всем. Во время турнира поэтов — сие допустимо, а во время предвыборной кампании?

Государственный секретарь внутренних дел инженер Карлуш Феррос Гомеш сказал нам, что к июню следующего года в Португалию переселится еще полмиллиона «реторнадос» из Мозамбика. Всего, таким образом, в стране будет жить миллион «бывших» — эти господа хорошо знают, как обращаться с крупнокалиберным оружием.

Сегодня в стране прошло 727 митингов и предвыборных собраний. Из них 173 провели социалисты, 148 — коммунисты, 103 — ультралевая УДП. Всего два митинга провела партия демократических христиан. Про СДЦ и НДП сообщений к нам, в пресс-центр, не поступило.

Последняя новость: «Наиболее влиятельные военные согласились с тем, чтобы майор Мелу Антунеш был представителем Революционного Совета в будущей Ассамблее республики».

Это, пожалуй, наиболее важное сообщение сегодняшнего дня. Дело заключается в том, что в Португалии, как и в Испании, очень много значат личные связи, симпатии и антипатии. А всем известно, что Мелу Антунеш, социалист и нынешний министр иностранных дел, дружит с гене-

ралом Эанешем, которого прочат на пост президента, однако никому не известно, какая партия предложит его кандидатуру. Сейчас в Революционном Совете лидируют два направления, представленные Антунешем и Пиреше Велозу. Антунеш считает, что поскольку было зафиксировано волеизъявление народа, проголосовавшего за тех депутатов учредительного собрания год назад, которые выработали и утвердили новую, социалистическую конституцию, задача армии состоит в том, чтобы эту конституцию защищать. Пиреш Велозу — в противоположность политическому лидеру Движения вооруженных сил Антунешу — убежден, что политики должны заниматься политикой, а военные — своими делами; иерархия, железная дисциплина; именно поэтому армия должна поддерживать правительство, а не конституцию. Эанеш, таким образом, выполняет функцию некоего мостика между двумя силами в Ревсовете. Вроде бы невелика разница — кого поддерживать: правительство или конституцию, но если вдуматься, проблема обретает далекую перспективу. Правительство может — чем черт не шутит, когда бог спит — стать правым, составленным НДП и СДЦ. Кому тогда будет служить армия? Кого защищать? СДЦ открыто атакует социалистическую конституцию, НДП — косвенно. Антунеш утверждает: армия должна защищать то, что записано в основном законе, армия должна быть гарантом социалистического пути развития страны. Точка зрения Пиреша Велозу позволяет предполагать поддержку правого политического лидера, открыто антисоциалистического, если он станет премьером. Куда поведет Са Карнейру? Вправо. Амарал — еще правее. Значит, завоевания революции, закрепленные в социалистической конституции, будут отданы на откуп НДП и СДЦ?

В баре пресс-клуба — за стаканом джина с тоником в перерыве между встречами с представителями партий — происходит неторопливый, точно выверенный обмен журналистской информацией. Впрочем, «выверенность» более всего относима к американцам и немцам: эти — доки свое-

го дела; португальские газетчики — сказывается пьяный ветер свободы — сделались сейчас политиками более, чем информаторами. Каждое сообщение они исследуют по-своему, дают толкования, комментируют «в хвост и в гриву» и в конце концов трудно отделить, где кончается информация и начинается самовыражение. Тем не менее я записал некоторые сегодняшние новости, почерпнутые из бесед в баре, — естественно, само место предполагает определенную сноску, «правку на ветер», как говорят капитаны:

1. Соареш якобы сказал недавно: «Если Спинола будет законным путем избран в президенты Республики, я соглашусь быть премьером». (Захочет ли Спинола дать ему возможность сформировать кабинет? Сомневаюсь. Я понимаю полемический запал Соареша. Смысл его заявления — если он его делал — заключается в том, что лишь закон вправе определять поступки политика. Это истина. Однако политик в наш век обязан быть весьма выверен во всех своих публичных выступлениях, если он хочет быть серьезным человеком. Время тейлерановских э с с е кончилось в прошлом веке. Каждое слово политика сейчас исследуется с помощью мозговых центров в других странах — для того, чтобы выстроить возможность в с т р е ч н ы х шагов. Гадать на кофейной гуще — в такого рода исследовании — никак не гоже: политика, не подтвержденная экономическими интересами, в наш век немыслима, капитал вкладывают лишь в надежные банки, особенно если капитал не твой, а принадлежит миллионам избирателей).

2. Ферейра, член руководства социалистической партии, государственный секретарь иностранных дел (заместитель Мелу Антунеша) недавно выступил с заявлением:

— Границы Португалии проходят не по Иберрийскому полуострову, а по Эльбе. (То есть — «мы с НАТО!»).

3. Говорят, что завтра будет опубликована нота министерства внешней торговли Португалии, которое возглавляет социалист Хоакин Кампинос. Нота эта, как говорят ребята из «Диариу ди носиаш», будет направлена против СССР

в связи с закупкой большой партии портвейна — что-то вроде бы мы не так с ним делаем и, будто бы, наносим «ущерб» Лиссабону. Если это действительно так — тогда Кампиноса надо поставить на место. Ни о какой нашей «наживе» речи быть не может. Ни Лондон, ни Париж, ни Бонн португальского вина не покупали — испанское дешевле. Кусать руку, которую тебе протягивают, — неразумно. Впрочем, поживем — увидим. Хотел бы, чтобы эта новость из бара оказалась уткой.

Кто-то из газетчиков Лиссабона подошел к нашей группе:

— В Беже НДП дерутся с ультралевыми. Полицию разогнали, пришлось вызвать армию — те навели порядок.

— Что, в Беже мало полиции?

— С полицией у нас плохо, — пояснил португальский коллега. — Полицейский получает 4500 эскудо — это очень мало. Шофер такси зарабатывает 6500 — без чаевых. Поэтому полицейским приходится «вкалывать» полторы смены, чтобы подогнать свой заработок до уровня рабочего. Полицейский должен сам шить себе форму! А что может быть более унизительного для служителя порядка! И еще: большинство полицейских у нас с севера. А это значит — в них изначальный консерватизм. Поэтому в Беже, на юге, где сильны коммунисты, все время проходят стычки. А на севере полиции не хватает: нужно было найти двести человек, а смогли зарекрутировать только сто. Народу — с нашим-то темпераментом — нужна хорошая, грамотная полиция, уважающая закон, а не бульдоги — всякого рода бульдоги становятся дрожжами бунта, побудителями стычек, кровавых стычек.

(В сравнении с солдатами, одетыми в дешевую, но элегантно сшитую форму, полицейские действительно выглядят убого — ботинки стоптаны, брюки штопанные, френчи выгорели на солнце. Ущербность служителей порядка, ощущение их собственной второсортности — весьма серьезная проблема в стране, где полиция недавно

была главной опорой режима. Увы, после революции чистки в полиции толком проведено не было — только на высшем уровне; остались все старые кадры служителей уличного порядка: что там у них в сердце-то? Может, уповают на возвращение п р и в ы ч н о г о, когда можно было чувствовать неограниченную власть над окружающими? Это ведь как алкоголь — неограниченность власти, к этому тянет.)

Тает толпа журналистов у стойки бара, уходят один за другим. Значит, что-то интересное в городе. Этим не обмениваются, каждый хочет принести в клюве информацию в свою газету: при всей корпоративности газетчики абсолютные индивидуалисты (и это правильно!), когда дело касается первенства в сенсации.

Потом выяснилось: фашист Гомеш душ Сантуш выступает в отеле «Шератон».

Кто такой Гомеш душ Сантуш? Колониалист, спровоцировавший нападение на «радио-клуб» Мозамбика в сентябре прошлого года, кумир ультра, признанный преступником — командование вооруженных сил отдало приказ на его арест, ибо он был лейтенантом армии. Сегодня он в течение двух часов давал интервью, и никто его не арестовал, а брать было за что — в соответствии с действующими в стране законами.

— Деколонизация была преступлением против Португалии. Все те новые африканские страны, которые говорят на нашм языке, являются, несмотря на их «независимость», частью Португалии, и, возвращенные в прежнее лоно, они станут — под нашей эгидой — гарантией безопасности всего западного мира! — кричал он.

(Пьян, что ли?)

— Группка босоногих с сумашедшим во главе пытается лишить стабильности такие прекрасные страны, какими являются Родезия и ЮАР!

(Нет, не пьян. Вот он — фашизм в белой рубашке.)

— Мы встречаем здесь «реторнадос», как братьев, мы отправляем их в провинцию, помогая, чем и как можем, но те, которые уезжают в провинцию, занесены в наши соответствующие карточки — мы не дадим следам «реторнадос» затеряться.

(Это — явная угроза левым.)

Противостоять фашистам общим левым фронтом — значит победить. Нет ничего преступнее, чем распыление сил, особенно, когда противник делает все для того, чтобы консолидироваться.

Поздним вечером пришла интересная новость. Са Карнейру, выступая в Порту, сказал, что генерал Пиреш Велозу может быть выдвинут кандидатам в президенты от НДП. (Раньше считали, что НДП будет выдвигать Гальвана ди Мелу. Если Гальван был возможен еще неделю назад, то сейчас, во время предвыборной кампании, после его высказываний, стало очевидно, что человек столь правых убеждений не только не пройдет, но и нанесет серьезный урон престижу НДП. Не хочет Са Карнейру «отстать от поезда». В этом — урок многим политикам: открыто правая, агрессивная позиция сейчас обречена на крах. Идеи прогресса слишком сильны в мире.)

— Это большая честь для меня, как для политического деятеля, — сказал Са Карнейру, — поскольку я первым сказал о кандидатуре Пиреша Велозу, который является настоящим военным и подлинным демократом, вошедшим в историю своей защитой свобод севера!

Са Карнейру «стреляет» сразу в две мишени: во-первых, он вычленяет север как особую часть Португалии, расстилаясь таким образом перед местными сепаратистами — весьма влиятельными людьми, во-вторых, он разделяет понятия «военный» и «демократ», пытаясь внести раскол в ДВС.

(Испанские журналисты рассказали о том, как у них в стране растет размах борьбы ультраправых.

Пятеро вооруженных людей похитили Хосе Антонио Мартинеса, редактора левого еженедельника «Доблон», избили его и заставили подписать документ о том, что он отказывается от политического курса своего журнала. В редакцию другого либерального журнала «Камбио-16» была отправлена посылка с бомбой. Сотрудники «Доблона» и «Камбио-16» обвиняют в этом правую партизанскую группу «Христово воинство», прославившуюся в Испании нападениями на оппозицию и на критиков правительства. Оппозиция утверждает, что полиция не только терпит правых партизан, но помогает им. Когда я был в Испании зимой, они только начинали — сейчас распоясываются).

Амарал выступил в Анташе. Выдвинул три главные цели СДЦ: реабилитировать историю Португалии (как быть с Салазаром и Спинолой? Они — тоже «персоналии» истории — значит, им дается индульгенция, поскольку они п р а в и л и?), открыть «мир, идущий изнутри», — успокоить взбудораженное сознание народа (то есть отвести от политики), сделать все, чтобы португальская нация обрела социальную справедливость в н о в ь. А разве такая была здесь? Фашизм здесь был. Значит, назад к фашизму?

Ужинал с Фрицем, журналистом из Швейцарии. Зашли в маленький бар неподалеку от пресс-центра, взяли бутылку черного (такое оно красное!) вина, жареных сардин и тонкий батон. Заметили оба, что Португалия и Испания — единственные страны, где к обеду берут бутылку вина, а выпивают от силы половину, остальное так и остается на столе. Причем, это приложимо ко всем слоям общества: от строителей, которые н е у м е ю т обедать без стакана вина — оно стоит здесь дешевле стакана газированной воды, — до банкиров.

Фриц живет в Женеве, хотя родился в немецко-говорящем и немецко-думающем Берне. Поразительна, между прочим, языковая несовместимость Швейцарии. В Женеве немецкого языка практически нет. Стоит отъехать сто пять-

десят километров к востоку, и не увидишь ни одной французской вывески: всюду надменная готика и понимают люди французский с неохотой.

— Знаешь, — говорил он мне, — когда я беседую со здешними социалистами, когда я выслушиваю их восторженные трели по поводу «швейцарского варианта социализма», просто диву не устаю даваться, как все же еще разобщен мир. Они бывали у нас проездом, или жили недолго в горах, или какое-то время отсиживались в эмиграции. Конечно, так трудно понять наши проблемы, а их — невероятное множество.

Фриц достал из кармана несколько листков бумаги:

— Это интервью известного швейцарского профессора Жана Циглера. Он — политик, депутат нашего парламента. Если хочешь, я переведу на английский.

Я записал это интервью. Жаль, что оно не было опубликовано в Португалии. Может быть, оно заставило бы призадуматься чрезмерно яростных поклонников «швейцарского пути».

Вопрос: Ваша книга «Швейцария вне всяких подозрений» звучит обвинительным актом против «мнимого нейтралитета», против «фальшивой демократии» и «коррупции» швейцарских политиков. Вы ненавидите Швейцарию?

Ответ: Напротив, я восхищаюсь ею. Но я ненавижу олигархию, которая порабощает швейцарский народ, препятствует осуществлению его социальной программы, развращает его государство, ненавижу лицемерие правящего класса и преступления, которые он совершает каждый день в своих колониях на трех континентах.

Вопрос: Вам не кажется, что выражение «преступники» — слишком сильное?

Ответ: Нет. 12000 человек, которые ежедневно умирают в мире от голода, умирают в результате конкретной повседневной деятельности некоторых лиц, чья ответственность совершенно бесспорна. Филип де Век, президент и генеральный директор Союза швейцарских банков,

и Фурэер, президент и генеральный директор «Нестле», на первый взгляд являются примерными гражданами, мужьями и христианами. Но ведь в суде первой инстанции в Берне идет сенсационный судебный процесс. 13 студентов, пасторов и профсоюзных деятелей судятся с самым влиятельным пищевым трестом мира «Нестле».

В о п р о с: В Швейцарии насчитывается 4556 банков. Три из них, как вы считаете, фактически управляют страной. Каким образом?

О т в е т: Крупные коммерческие банки — Союз швейцарских банков, «Швейцерише банкгезельшафт», Швейцарский кредитный банк — это империи, власть которых распространяется на пять континентов.

В о п р о с: Но ведь никакое общество, никакая экономика не могут функционировать без банков?

О т в е т: Да, но не такого рода банков. Даже генерал де Голль национализировал коммерческие банки.

В о п р о с: Вы недавно заявили, что швейцарские банки будто бы несут ответственность за свержение Альенде.

О т в е т: С января 1972 года швейцарские банки отказали Чили в кредите. Женевский «Банк пур ле коммерс континенталь», принадлежащий крайне правым чилийцам, а именно семейству Клайнов, которые в то время жили в эмиграции и были тесно связаны с фашистским движением «Патриа и либертад», а по всей вероятности, также и с ЦРУ, финансировал пресловутую забастовку владельцев грузовиков» 1973 года и многие другие кампании.

(Не знаю, насколько документирована атака швейцарского парламентария на концерн продуктов «Нестле», но — поскольку сердцем я сжился с Испанией, полюбил этот замечательный народ — в моем архиве есть довольно интересные материалы про то, как швейцарские монополисты поставляли оружие Франко. Это было совсем недавно, когда Франко подписал приказ на казнь пятерых членов ЭТА. Швейцарские парламентарии протестовали против сделок с Мадридом; Берн, под нажимом общественности, отозвал своего посла из

Испании, однако это не помешало швейцарскому концерну «Эрликон-Бюрле» продать военному министерству Франко партию оружия — на общую сумму 87 миллионов марок.

Этому, однако, предшествовал занятный скандал, эдакая «драка под одеялом», во время которой милые не бранятся, а скорее тешатся. В 1973 году был издан закон, запрещавший продавать оружие без санкции федерального правительства, ибо швейцарские журналисты раскопали данные о том, что «Эрликон» продает оружие нелегально, самым черным силам в мире. Председатель наблюдательного совета концерна Бюрле был — под давлением общественности — привлечен к суду, признан виновным и приговорен к условному восьмимесячному тюремному заключению и безусловному штрафу в двадцать тысяч марок, что составляло пятую долю процента от его ежедневных л и ч н ы х прибылей. В новом законе, принятом на другой день после того, как Брюле вышел из зала суда под вспышки блицев десятков корреспондентов, сел в свой восьмиместный «мерседес» и отправился на заседание совета директоров концерна, говорилось, «что отныне запрещены поставки вооружения в те государства, где наблюдается политическая напряженность». Это не помешало разрешить продажу оружия в Испанию, когда по всей стране шли демонстрации протеста против кровавого режима Франко, и полиция применяла не только дубинки, но и оружие. Армия тоже находилась в состоянии боевой готовности, а нынешние армии «подавления» редко стреляют из автоматов; генералы предпочитают закончить все одним махом — для того и существуют американские танки и швейцарские пушки.)

Встретился с лидером «IV» Интернационала» троцкистом Эрнстом Манделем. Он специально прилетел из Парижа, чтобы поддержать «свою» здешнюю партию ЛСИ («Лига коммунистов-интернационалистов»). Вместе с ним были мальчик и девочка — португальцы: Кабрал Фернандес и Эйтор де Соуза.

— Португалия сегодня, — говорил Мандель, — это детонатор революции в Европе. От того как будут развиваться события, зависит судьба левого процесса в Испании, Франции, Италии. Ситуация в Лиссабоне определит перспективу для всего Средиземноморья. Модель Португалии должна быть образцом; нельзя позволить революционному процессу «утихнуть», нельзя допустить «погрязания» в узко хозяйственной практике; Лиссабон должен быть постоянным катализатором движения левых сил в Европе.

(Сразу вспомнил лекции по истории в институте востоковедения. Там нам ч и т а л и о троцкизме, здесь я разговариваю с «ним».)

Я понимаю, отчего ЛСИ имеет питательную среду здесь, в Португалии, лишь среди небольшой части студенческой молодежи — обеспеченные родителями «экспериментаторы» могут себе позволить теоретизирование по поводу терминов «детонатор революции», «катализатор движения». Рабочий и врач, крестьянин и владелец придорожного ресторанчика, учитель и хозяин мастерской по ремонту обуви не хотят играть роль голодного «детонатора». Они верят, что революции свершаются для того, чтобы жизнь стала справедливее — то есть лучше. Превращать и без того бедную страну в военизированный лагерь, экспортирующий опыт революции?!

Подружился с интереснейшим человеком. Луиш де Стау Монтейро — известный писатель, драматург, журналист. История его — показательна. Сын португальского посла в Лондоне. Человек из состоятельнейшей семьи, он — как истинный, а не декларативный патриот — отринул свое общество и начал борьбу против салазаровской тирании.

— Пьесу «Священная война», — рассказывает Луиш, — я написал десять лет назад: надо было ударить по колониализму, надо было показать роль армии, которая тогда выполняла все указания Салазара. Мой постоянный издатель — человек, которого я очень любил, сказал, что печа-

тать пьесу не станет, что здравый смысл подсказывает ему воздержаться от этого безумного шага. Я тогда ответил, что «здравый смысл — в ситуации подобно нашей, — это палка о двух концах, ибо он, этот проклятый «здравый смысл», оправдывает молчание, которое есть трусость в условиях тирании».

— Может быть, — согласился издатель, — но «Атике» пьесу не издаст, и я советую тебе, как другу, спрятать это сочинение подальше в стол — не те времена.

— Мы, писатели, — усмехается Луиш, — все же иногда мыслим более прагматично, чем книгоиздатели, хотя они, казалось бы, будучи прагматиками, должны чувствовать угрозу их интересам, которую несла безумная война в Африке. Чувствовать-то чувствовали, но страх помешал им использовать мою литературу как оружие для собственной защиты — и такое бывает в жизни. Однако его величество случай свел меня с Жозе Мануэлем Алвисом ду Рио в баре гостинницы «Флорида».

— Ваша пьеса будет безусловно запрещена, но тем не менее я думаю издать ее. Приготовьтесь к обычным — в этих случаях — лишениям. Не думаю, что вас арестуют, но горя хлебнете.

Через три дня после того, как книга появилась в книжных магазинах издательство «Минотауро» решило срочно давать второй тираж — так стремительно расходилась пьеса.

Дома то и дело звонил телефон. Я снимал трубку и покорно выслушивал оскорбления в свой адрес: фашизм приучает людей к трусливому верноподданичеству — это лучший способ урвать свой кусок от пирога. Потом пошли письма. Написанные на одной бумаге, полные угроз, они свидетельствовали о том, что моя л и ч н а я «священная война» уже объявлена. Через несколько дней ПИДЕ устроило налет на типографию, где готовился второй тираж, разбило набор и арестовало нескольких рабочих. Магазин «Дивулгасан», где продавалась книга, был разбит, книга увезена в ПИДЕ и сожжена. Ночью ко мне пришли друзья: «Ты дол-

жен срочно бежать из Португалии».

— С того дня, — улыбается Луиш, — я запрещаю друзьям давать мне советы. Я был убежден тогда и продолжаю быть убежденным сейчас, что писатель несет ответственность за написанное и не имеет права предавать свою книгу, откупаясь собственным благополучием. Но дни шли, а меня не трогали. Друзья решили, что «о н и» не решатся признать в моих персонажах самих себя и удовлетворятся запрещением книги. Однако, когда однажды я пришел в контору, где работал, и сел за письменный стол, позвонила встревоженная телефонистка: «Два господина из ПИДЕ хотели бы побеседовать с вами». Я сразу же связался с домом и попросил сообщить друзьям, что арестован. Через полчаса я уже был на улице Антонио Мария Кардозо и рассматривал лицо следователя Абилио Пиреша, который был хорошо знаком мне по предыдущему заключению.

— За что они посадили тебя в первый раз? — спросил я.

— За то же, — ответил Луиш. — За что же еще? Пиреш на этот раз вопросов мне не задавал, а начал душеспасительную, «дружескую» беседу. Он призывал меня добровольно признаться в том, что я написал «предательскую пьесу о тех патриотах родины, которые ведут войны в колониях для того лишь, чтобы Португалия могла выжить в этом жестоком мире». Я ответил Пиришу, что место действия в моей книге не обозначено, и я не знаю закона, который бы запрещал писать об армии, генералах и солдатах, которые ведут войну. Допрос продолжался много часов, и в конце следователь сказал мне — по-прежнему играя роль доброго знакомца:

— Это политическая ошибка — сажать вас за «Священную войну». Не я подписывал ордер на ваш арест — руководство. Я бы вас за это не сажал. Я бы вас посадил за пьесу «Статуя», она куда как более зловредна.

Словом, месяц меня держали в тюрьме Кашиас, месяц тягали на допросы — днем и ночью, — а потом сообщили, что я арестован «по требованию армии», поскольку я являюсь военнослужащим. Меня удивила эта запоздалая моби-

лизация, ибо я закончил свою бесславную военную карьеру в звании младшего лейтенанта двадцать лет назад и с тех пор ни разу не получал ни одной повестки из военного ведомства.

Пиреш, вздохнув, сказал мне:

— Армия решила свалить это дело на ПИДЕ — они убеждены, что мы все выдержим.

Потом уже, после того как армия реабилитировала себя, поднявшись на революцию 25 апреля, я узнал, что секретарь национальной обороны генерал Десландес потребовал, чтобы я был арестован и судим как «гнусный клеветник», и лишь когда выяснилось, что даже по салазаровским законам гражданский суд не имеет оснований закатать меня на каторгу, была придумана версия «об измене воинской присяге».

Я узнал — по тюремному беспроволочному телеграфу, — что депутат национальной ассамблеи Казал-Рубейро выступил в «парламенте» с требованием проведения надо мной показательного процесса. К тому времени издательство «Минотауро» уже было запрещено, я — в тюрьме, так что все было готово для розыгрыша очередного представления. Я не хочу распространяться о «народном депутате» Казал-Рубейро, ибо он сейчас в тюрьме — неприлично бить ногами упавших... После месяца одиночки, без права прогулок, меня перевели в южный корпус Кашиас — там содержались «военные преступники». Разрешили первую прогулку. Я вышел во двор и увидел за решетками маленьких окошек лица моих друзей по борьбе. Это была не прогулка, а счастье, это была демонстрация братства, это как сегодняшний Первомай — только тогда я был совсем один, но все равно чувствовал рядом с собой локоть друзей.

После этой прогулки у меня малость расходились нервы, но я собрался, я заставил себя стать бойцом, когда военный конвой повез меня на допрос в казармы лиссабонского округа. Мой следователь — я запамятовал его фамилию — был преподавателем академии. До сих пор я дивлюсь его слепой, ангельской наивности. Он был свято убежден, что

армия защищает «если не дом, то боевые знамена, а в перерыве между схватками с варварами совершенствует свой дух».

— Послушайте, — сказал я ему, — не думайте, что я выступаю против армии вообще. Я был дружен со многими честными солдатами и офицерами.

Мой инквизитор почувствовал облегчение и сразу же предложил мне выпить виски. В последующие три месяца он то и дело выдергивал меня на допросы, но договориться мы с ним не могли, ибо я никак не мог втолковать ему разницу между рыцарством и жестокостью, между защитой отечества и беспардонным грабежом.

А между тем на воле друзья ходили по этажам ПИДЕ, стараясь отыскать мои следы. Они ходили изо дня в день, пока наконец «их превосходительства судьи», во главе с Энрике Диаш Фрейре, не ответили, что им обо мне ничего не известно, поскольку я являюсь военным преступником и в ведение гражданского суда поступить не могу. Прошло три месяца, и военный трибунал признал, что я не являюсь военнослужащим и поэтому не могу быть судим за измену присяге.

Прошло еще много дней и ночей, пока меня не вызвал в свой кабинет раскормленный садист — директор тюрьмы Каштиас и, ковыряя спичкой в зубах, сказал:

— Если вы дадите подписку, что не будете разглашать, что с вами произошло, если вы возьмете обязательство не писать впредь о войне в Африке, мы выдадим вам паспорт и позволим уехать из страны.

— Нет, — ответил я, — никаких подписок я вам давать не стану. Я требую, чтобы надо мной был суд. На сделку с фашизмом я никогда не шел и не пойду.

Через полгода я был освобожден — без каких бы то ни было объяснений. Сейчас, когда весь кошмар прошлого кончился, я не считаю нужным писать обо всем том, что со мною делали в тюрьме. Я, кстати говоря, долго сомевался — стоит ли печатать пьесу «Священная война» сейчас, но по-

том я сказал себе, что армия после двадцать пятого апреля стала совершенно иной — она ныне вобрала в себя всех тех, кто боролся против фашизма: коммунистов ли, сидевших вместе со мною в тюрьмах, социалистов, изгнанных в эмиграцию, патриотов ли, вынужденных носить военную форму Каэтану, но в сердце своем копивших гнев против идиотов, которые правили страной. Я не могу скрыть от тебя, что я ждал избавления ото всех, кроме армии, я просто не мог себе представить, что в один день все изменится, и та сила, против которой во времена фашизма я так бескомпромиссно выступал, станет ударным отрядом народа.

Луиш достал из кармана листочек бумаги, протершийся на сгибах:

— Почитай. Это — товарищи. Я чувствовал в себе силу, потому что знал, — меня не бросят в камере на произвол судьбы.

Переписанная от руки передача подпольной радиостанции коммунистов «Свободная Португалия»:

«Брошен в застенки Кашиас писатель Луиш де Стау Монтейро, лауреат «Гран-при» общества писателей, за то, что написал книгу против колониальной войны. Издательство «Минотауро» разгромлено и запрещено. Такова «культурная политика» Салазара. Во имя «торжества» его «культуры» литераторов бросают в тюрьмы, громят журналы и издательства, лишают народ номинальной свободы выражать свои чувства открыто — хороша себе «республика»! Не имеют права молчать все честные люди Португалии, когда в стране царит террор! Если все скажут свое «нет» фашизму, тюрем не хватит, чтобы всех лишить слова! Превратим борьбу за Луиша Монтейро в открытую схватку с Салазаром! Нет — страху, оглядке и осторожности! Покажем тиранам, что мы готовы к борьбе! Покажем палачам, что португальские писатели — это писатели свободы!»

Луиш повез меня в район «Байро Альто». Это лиссабонская «флит-стрит», здесь расположены многие ведущие

португальские газеты, здесь в маленьких кабачках собираются журналисты — своего рода открытый пресс-центр. Зашли в ресторанчик «Нова примавера», к быстрому и веселому Жеронимо. «Пеш кабеш» — рыба в уксусе и «козидо-э-португезо» — мясо с овощами: невероятно вкусно, и уж этого-то не попробуешь ни в одной стране мира — Португалия, так же как Испания знает толк в еде, в интересной еде. Ресторанчик маленький, выложен изразцами с пословицами и поговорками (сразу вспомнил Мадрид, старые улочки «Каса Андалусия»). Надписи здесь, однако не так фривольны, как в Испании, — больше назидания: «Хорошо делает тот, кто делает», «Кто дает в долг беднякам, тот дает богу», «Кто командует в доме? Она. А ею? Я», «Фальшивый друг — самый худший враг«.

Приехала жена Луиша, Роза Нери Нобре ди Мелу, подарила мне книгу: «Женщины португальского сопротивления». (Попрошу Юру Бегишева прочитать — написано это по горячим следам событий, как только революция открыла доступ к архивам ПИДЕ, а узники охранки вышли на свободу).

Мы не успели кончить наш обед: прибежал коллега Луиша:

— Взорвана бомба в кубинском посольстве, двое убитых, раненые...

Луиш аккуратно сложил бумажную салфетку, закурил:

— Если это сигнал — тогда начнется на севере.

Через час я выехал на север.

Чтобы читателю стало понятным, почему Луиш сразу же сказал о севере, как наиболее «опасном» районе страны, приведу запись беседы с Жао, профессором, беспартийным интеллигентом, который тяготеет к левым.

— Если разделить Португалию на ведущие географические округа, то наиболее показательным будет крайний север — от Браги и выше в горы. Там живет около семисот тысяч. Компартия фактически в подполье.

— Об этом известно правительству?

— Да. Я понимаю твой вопрос, но форсировать события сейчас нецелесообразно, ибо там, на крайнем севере, господствует «португальская армия освобождения» — чисто фашистская организация, которая была создана уже после ухода Спинолы. «Армия освобождения» даже Спинолу «бранит» за то, что он слишком левый, а Каэтану обвиняет в мягкотелом либерализме: «только поэтому к власти и пришли левые». Формально эта организация — в подполье, однако фактически господствует на крайнем севере вместе с вполне легальным СДЦ — социально-демократическим центром. Чем это объясняется? Крайней неграмотностью населения. Люди там не умеют ни читать, ни писать, в домах нет ни газет, ни телевизоров, никто не знает, что происходит в стране.

— Каково обязательное образование в Португалии?

— Четыре класса. Не только на севере, а во многих деревнях и маленьких городах центра и юга Португалии люди не то что о Хельсинки или Токио ничего не знают, — даже о том, что такое вторая мировая война не слыхали. Они просто не знают словосочетания «вторая мировая война». Они слыхали о словосочетании «великая война» или «большая война». Но это — другое. Так называют там первую мировую войну, в которой мы принимали участие. Даже португальские солдаты, молодые ребята, которые окончили четыре класса, не знают, что такое вторая мировая война. Кстати, важная закономерность: у нас солдаты служат там же, где были мобилизованы. Офицеры практически сами себе выбирают место службы и стремятся выбрать тот район, где у них родня, знакомства. Отсюда — весьма сильно движение сепаратизма.

Далее — просто север. Это — Порту, промышленный центр. Там социалисты являются, видимо, самой крупной партией. А рядом, в городах Браганце и Шабесе опять-таки совсем иная ситуация — полная темнота.

Объяснение темноты: на севере до сих пор существует

полуфеодальное хозяйство, некая форма общины. Крестьяне живут в горах, держатся за клочок земли и не хотят спускаться в долины. Почему? Потому, что сильна национальная память — еще до нашей эры, по здешним долинам шли войска варваров, легионы римлян, пыльные колонны карфагенян. Местные жители уходили в горы, спасаясь от завоевателей. И хотя со времен Наполеона по здешним долинам никто из завоевателей более уже не проходил, до сих пор крестьяне не хотят вернуться, хотя государство — практически бесплатно — предлагает им землю, причем гораздо лучшую, чем сейчас они имеют. Теперешний крестьянин, конечно же, и не знает, что когда-то, кто-то проходил по долинам, но он убежден, что живет лучше, чем в Лиссабоне или другом городе, где свобода, безверие и проституция растлевают нравы, где есть такие гнусные развлечения, как театр и кино. Там не знают, что такое мясо, — за него не борются, едят картошку; не слыхали, что такое теплый клозет или ванная, — и не мечтают об этом, ибо мечтать можно только о том, что п р е д с т а в л я е ш ь. Люди живут в доме из камней, несколько семей в одной комнате — они не знают, что существуют иные жилища, поэтому лучшего жилища и не требуют: лишь сравнение — стимулятор желания.

Еще одна закономерность: именно с севера большинство людей раньше уходили по приказу короля открывать и завоевыать новые земли. Теперь большинство народа с севера составляют экономическую эмиграцию: едут во Францию или ФРГ на заработки. Но даже там, за границей, северяне живут общиной, по своим законам, в наихудших условиях, прямо-таки в курятниках; берегут каждый пфеннинг, чтобы вернуться на родину с машиной. Это — мечта каждого горца. Хоть на бензин нет денег, — в Португалии самый дорогой бензин в мире, — но все равно машина стоит рядом со средневековым каменным домом-уродцем. Что ж делать такому бедолаге? Работать на хозяина, б е з р о п о т н о работать, ибо хозяин д а с т еду, а там, глядишь, подкинет и на бензин, чтобы прокатиться в гости к родне.

Коммунисты говорят крестьянам: «Перекупщики захватывают основную часть ваших продуктов, спекулируют ими, объединитесь, берите ваши продукты, везите их в города, продавайте за полную стоимость».

Крестьяне до сих пор слепо верят своим т а с с и к а м — так здесь называют местных вождей. Кто такой тассик? Им может быть начальник местного жандармского поста, учитель, фельдшер, а чаще всего — кулак, мелкий помещик — крупных там нет, не рентабельно. Такой человек и руководит крестьянами. Его слово — закон. Темнота, беспросветная темнота! Крестьяне не знают ни про луну, ни про СССР, ни про США. Даже если крестьянин купит приемник, то он не поймет, что говорят по радио. Крестьянин с трудом понимает португальца из города, поскольку в его словарном багаже не более трехсот слов. Поэтому для него радиопередача — ничто. Занятно, что иной раз крестьянин об СССР знает больше, чем о США, потому что ему пятьдесят лет твердили, что русские — это «очень плохо, это безбожники, слуги дьявола, завоеватели и злодеи».

Общее — в экономическом плане — и для юга и для севера одно лишь: полная зависимость всех наших заводов и верфей от иностранных кампаний. Все наши заводы — сборочные. Мы собираем каркасы вагонов, огромные краны, суперсовременные танкеры, но если хотя бы одна западная фирма прекратит поставку какого-нибудь дерьмового винтика — остановится работа во всей стране. Это — говоря серьезно — проблема номер один, причем не только в экономике, но и в политике, ибо политиков легче всего п р и ж а т ь через экономику: будет немедленная реакция по всей стране, от севера до юга. Мы живем под ежеминутной угрозой экономической гильотины. Всякое шараханье поэтому весьма опасно, чревато трагедией для революции. И если начнется — начнется на севере.

По дороге в Порту заехал в стариннейший университетский город Коимбру. Здесь с того дня, как был основан пер-

вый на Пиренеях университет, и все студенты ходили в черных камзолах, традиционной одеждой населения является черная. Так во всяком случае пишут туристские проспекты. Врут? Видимо, да, потому что огромная, цветастая, диковинная карнавальная процессия перегородила все движение. Какие-то феллиниевские маски из «Восьми с половиной» идут, пританцовывая, и гремит музыка, и завороженно провожают глазами эту невидаль люди, остановившиеся на тротуарах.

Мимо моей машины шагает пятнадцатилетний «фашист», загримированный под Гитлера, а в руке он несет портрет Матуша, секретаря МРПП, следом — девочки в бальных белозолотых платьях; то они берут под руку «фашиста», то подбегают к чудищам в ку-клукс-клановских капюшонах. В руках у девочек — предвыборная эмблема НДП Са Карнейру; куклуксклановцы тащат лозунги СДЦ Амарала. Следом за ними — ребята со знаменем ПКП («м-л») в женских париках, вывалянных в грязи, патлы спускаются до пояса (очень похожи на леваков, которые таким образом ф р а п и р у ю т общественность) — волокут на веревке козла; король с бутылкой в одной руке и эмблемой «народных монархистов» в другой заключает шествие.

— Это — демонстрация-спектакль коммунистической молодежи. Наглядная агитация. Прекрасное время революции.

(Очень важно: не было окарикатуренных социалистов. Их не тронули. Думаю — этого не могут не заметить лидеры здешнего горкома соцпартии: Коимбра — студенческий город, социалисты здесь сильны.)

Город невероятно интересен, резко отличается от Лиссабона. Центральная авенида чем-то похожа на главную улицу Барселоны: такие же пальмы, такие же гранитные плиты. Страшным диссонансом красоте высится памятник героям первой мировой войны. Поставлен этот тяжелый, чисто фашистский монумент при Салазаре, когда в искусстве царил

культ «похожести» и «силы» — презрение к живым, спекуляция памятью павших.

По узеньким извилистым дорожкам, вымощенным, верно, в пятнадцатом еще веке — двум коням не разминуться, не то, что машинам, — ввинтился на вершину горы: там расположен первый португальский университет. На огромной, испанского типа, главной площади — Пласа Майор — памятник королю-просветителю дон Жоану. Несмотря на то, что на тучном теле монаршего просветителя очень старательно, в лучших традициях р е а л и з м а, изваян кинжал, это не отталкивает, и не потому, что красиво, уместно или здорово сделано, нет. Просто отсюда открывается такой захватывающий дух вид, и так безбрежны синие дали, и так спокойно и в е ч н о крутит под тобой река, что величие природы все примиряет, успокаивает, вроде доброй, всезнающей бабушки, в которой, как ни в ком другом, сокрыто таинство связи прошлого с будущим. И еще одно: отсюда, когда смотришь на эту громадную синюю, спокойную необозримость, кажется, что даль эта — бесконечна, и забываешь м а л о с т ь страны.

Университет уже закрыт. Походил по коридорам старинного средневекового здания: прекрасная керамика кое-где испортилась, зияют дыры в сине-белом панно; что еще хуже — рядом с этим искусством — надписи на стенах, сделанные ножом. «Нет правительству военных и профессоров!» Лозунг леваков. Клянутся Лениным, а не знают его требования: учиться, учиться и еще раз учиться! У кого ж, как не у профессоров?

Спустился в город. Зашел в муниципальную библиотеку — это мой обязательный социологический «тест» во время поездок по миру. По скрипучей деревянной лестнице поднялся на второй этаж. В маленьком — воистину средневековом зале (стрельчатые окна, монастырский потолок, ветви деревьев, что растут в мавританском дворике, ласково касаются толстых, старого «дутья» стекол) — сидят взрослые и дети, сидят без обязательного «надсмотрщика» за столом: полное доверие к гостям.

Разыскал девушку-библиотекаря, молоденькую, красивую Наталию.

— Есть ли советская литература? — переспросила она. — Сейчас, дайте подумать.

Потом сделала пальцами так, как делают малыши, прощаясь — и у испанцев, и у португальцев это означает — «иди следом». Она поскакала, как козочка, по крутой скрипучей лестнице, и лестница не скрипела — так легка была Наталия, а я шел медленно, осторожно, и ощущал свой возраст, и было мне грустно, но это была добрая грусть, потому что девочка-библиотекарь была словно эстафета, и ее красота перейдет к другим, красота — обязательно молода, это — некая гарантия вечной обновляемости мира.

Папа — старый, типичный библиотекарь в черных нарукавниках, синем ситцевом халате, ответил сразу же:

— У нас есть Достоевский, Толстой и Максим Горький.

Когда папа ушел, я спросил Наталию:

— За кого будете голосовать?

Девушка удивленно посмотрела на меня:

— То есть как это «за кого»?! За коммунистов.

Когда я подходил к двери, Наташа окликнула:

— Эй, камарада! У нас есть еще один русский писатель, я вспомнила!

— Кто же?

— Бертран Рассел.

Выжимая акселератор желтого полугоночного «фордика», я думал, отчего Наташа посчитала Рассела — русским? Потом понял. Поскольку великий английский ученый, лорд, аристократ, последовательно выступал за мир, салазаровская пропаганда причислила его к «лику красных». А кто настоящий красный, который за мир? Русский. Так лорд Рассел сделался в Коимбре «советским писателем».

...В Порту приехал ночью. На центральной площади — она совершенно необъятна, вся запружена народом, крик, дискуссии между представителями разных партий, перехо-

дящие подчас в рукопашные схватки — нашел деревянную палаточку с вывеской ПКП. Здесь продают коммунистические газеты, брошюры, плакаты. Спросил, где находится городской комитет партии. Молодой паренек сел в машину — объяснять трудно, да и вряд ли пойму. Из роскошного, б о г а т о г о центра Порту приехали на окраину. Здесь, рядом с линией «электрико» (так в Португалии называют трамвай), стоит двухэтажный дом. У парадного подъезда — пять мотоциклов, рядом курьеры — пятнадцатилетние ребята в невероятных клешах. Двери то и дело открываются — идут сотни людей: юноши, девушки, рабочие, интеллигенты. У входа в зал пленумов — два старика, ну точно профессиональные рабочие революционеры из фильма «Юность Максима»!

Спросил одного из товарищей:

— В городе все спокойно?

— Да. Пока — все нормально.

— Вы уже слыхали, что в Лиссабоне фашисты взорвали бомбу в кубинском посольстве?

— Было экстренное сообщение. Мы приняли свои меры. Судя по всему, фашисты не посмеют пойти на открытые провокации — наши позиции в Порту сейчас усилились.

Устроиться на ночевку в городе не удалось — родная московская проблема с гостиницами. Впрочем, можно было поселиться в одном из роскошных отлей, но плата за номер здесь такова, что — при наших-то командировочных — сразу вылетишь в трубу.

Спросил товарищей, где можно найти дешевый отель неподалеку от Порту. Посоветовали поехать на побережье, в Вилла ду Конде. Приехал туда около часа ночи. На площади — как и в Порту — все еще много людей: последние дни перед выборами, страсти накалены до предела. Нашел отель, снял номер, обвалился на кровать — шесть часов за рулем, по дороге отнюдь не идеальной, скорость — от 100 до 150. В голове все плывет, а завтра надо забраться в самый центр правых — в Брагу, потом в Порту, повстречать друзей,

а вечером необходимо вернуться в пресс-центр Гюльбекяна, он стал третьим домом в Лиссабоне: первый — у межкниговцев Уфаевых, второй — в нашем посольстве (посол СССР Арнольд Иванович Калинин был двадцать пять лет назад руководителем нашей лекторской группы при МГК ВЛКСМ. Он тогда кончал Институт международных отношений, я — учился на третьем курсе Востоковедения. Великолепно говорящий по-испански и португальски, А.И.Калинин пользуется заслуженным уважением в Лиссабоне; те советы, которые он давал мне, отличались скрупулезным знанием проблемы и полной объективностью. Спасибо ему за это, без добрых рекомендаций посла было бы очень трудно в этой стране, которую нельзя не полюбить).

...Утро, воистину, все ставит на свои места. Если болен — спи себе сколько угодно — все равно усталость не пройдет, и будет ощущение бессилия и отчаяния, и начнешь высчитывать сколько о с т а л о с ь, и как в это отпущенное (а отпущенное всегда к р а т к о — это когда о времени, и м а л о — коли о еде), вместить то, что еще не сделано, но обязательно надо сделать, но сил не будет и останется только одно мучительное ощущение неудовлетворенности и горя: все возвратимо, кроме времени. И, пожалуй, любви.

Я поднялся с жесткой, старинной, резной кровати, и сразу же увидел в прорези черных, мореного дерева, ставень безбрежно-голубое небо, и почувствовал рядом море: солнце всегда ассоциируется у меня с п р е д т е ч е й летнего Черноморского безбрежья.

А рядом было не море — был океан, и волны здесь были совсем другие, их не опишешь, они какие-то горделивые, нет, не горделивые, это слишком маленькое определение, они г о р д ы е, они похожи на Мухаммеда Али, когда он ведет свой красивый, не коммерческий бой: нет в нем никакой угрозы, прыгает себе легко по рингу, а потом — р-р-раз! — какое-то невидимое движение, и противник в нокауте. То же и с Атлантикой — лежит себе ровная, тяжелая

п л и т а, лежит недвижно, и вдруг рождается из ничего огромная волна — нет таких на море — и шандарахает о прибрежные камни, и поднимется в небо огромный фонтан белой, разбитой в хрустальные дребезги, воды, и шершаво опадает в самое себя, и снова затаивается океан, словно бы вслушиваясь в небо и землю — других категорий ему не дано.

Верфи — такие, как пятьсот лет назад: пахнет крепким лесом, потрескивают стропы, визжат пилы, гулко и ровно срезают сочную желтизну дуба топоры, ловко схваченные привычными руками строителей.

— Из России? — удивляется Антон, молодой, загорелый корабел. — Не может быть! Коммунист?

— Стало быть.

— Зачем же вы про нас, социалистов, писали плохо? Почему писали, что наша партия — фашистская?

— Это откуда же у вас такая информация?

— Все так говорили.

— Значит, все повторяли ложь. Мы никогда не писали так о социалистах. Мы писали о том, что вы ошибаетесь — в том-то и том-то, тогда-то и потому-то, но мы никогда не сравнивали вашу партию с фашистской — это ложь и клевета.

— Честное слово?

— Могу поклясться.

— Чем? — Парень отошел от стропил, ногой подвинул к себе сумку, открыл ее, достал маленькую книжечку: «Все о Ленине». — Им?

— Могу.

Парень похлопал меня по плечу — знак дружеского расположения — и предложил выпить стаканчик терпкого, зеленого «вино верде» — нет более вкусного вина на свете, но увы, нет и более крутых поворотов на виражах, чем на португальском севере.

(Примечательно: книга о Ленине, выпущенная коммунистическим издательством «Аванте», стала постоянной принадлежностью социалиста, который читает ее, шевеля

обветренными губами — по слогам, грамоте начал учиться в кружке, полтора года назад.)

Прямо на берегу, рядом с верфями (никакого современного оборудования, здешние рыбаки верят лишь рукам, а не машинам), стоит, вбитая в прибрежную скалу, капелла одиннадцатого века, «Носа сеньора Дагия» — «Мать-спасительница рулевая». От капеллы, выложенной внутри прекрасными изразцами, маленькая дорожка ведет к громадному, поднятому на утес кресту. Вот откуда Христос над Рио ле Жанейро! Это, оказывается, в традиции португальских мореплавателей поднимать символ веры, видимый символ, как можно выше, чтобы рыбак или первопроходчик, расставшись с семьей, наивозможно долго хранил иллюзию сопривязанности с домом.

Места здесь похожи на северную Испанию, на Каталонию — маленькие белые коттеджи вдоль «прайя» (по-испански пляж — «плайя»), вдали — акведук, похожий на тот, что гордо возвышается в Сеговии, и вдруг дорога упирается в горбатый, безликий строй новых домов-коробок: индустрия туризма бездумно уродует не только природу, но и историю. Я не убежден, что природу можно изуродовать — когда видишь такие коробки в Вила ду Конде, лишний раз ощущаешь величие, вечное превосходство природы, и нашу собственную неразумную крошечность — не можем совладать с недоумками, которые стараются побыстрее нагреть руки на вечной красоте океана, и получается некое исторжение: природа вычленяет из себя эту модерновую непропорциональность, выставляет ее на посмешище.

Из Вилла ду Конде — по горной дороге вверх — к Браге. Вокруг — громадные плантации хмеля. Латифундии — ого! За бетонными заборами, поверху пропущена колючая проволока. И кругом плакаты НДП: «Мы с Са Карнейру!» За проволокой, разделяющей не только латифундии, но и мелкие крестьянские наделы, стрекочат маленькие, красиво оформленные американские трактора-лилипутики, карабкающиеся по распаханному склону — каждый метр земли идет «в дело». Разъ-

единенность северян очевидна. На юге — земля плодородней, большие латифундии национализированы, поэтому люди о б р е ч е н ы на общение, взаимоузнавание, обмен новостями. Там — в большинстве своем — царствуют левые тенденции. Северные наделы — район правых традиций.

Проезжал маленькую деревеньку: старики и старухи в черном, как птицы тревоги. А детишки — в белых шелковых халатиках. При фашизме всё и все должны быть одинаковыми. К конформизму приучать начинали с детства. Всякие «отклонения от нормы» — в одежде ли, манере поведения, убранстве дома — бралось на заметку ПИДЕ. Наиболее упорных еретиков отдавали на растерзание толпе, которая жаждала спокойной о д и н а к о в о с т и. Но жизнь сильнее фашизма (я сразу вспомнил дома-уроды на набережной Вилла ду Конде). Отринув конформизм тирании, новая власть сохранила лишь эти обязательные шелковые белые халатики для школьников — они теперь несут в себе качество чистоты, а не номерной обезличенности.

— Дети после революции стали очень шумными,— сказал мне один из португальских друзей, — они теперь какие-то особенно голосистые.

Слава богу!

Брага — совершенно изумительный город, некий сплав испанской Наварры, северной Италии и Нью-Орлеана. Город напомнил Нью-Орлеан потому, что в узеньких улочках дома украшены огромным количеством узорных, легких, замысловатых — точно как на юге Америки — балкончиков. Все это трудно уживается с модерновыми коробками цехов «Грюндига» и «Юнкерса» (теперь эта фирма делает для Португалии швейные машинки. Вспомнил анекдот военных времен. Рабочий с кроватной фабрики потихоньку уносил из цеха детали — думал собрать для эвакуированной дочери хорошую койку. Собрал — получился пулемет. Почему вспомнил этот анекдот? Потому, что с детства, с бомбежек, остался в памяти зловещий образ «юнкерса»). Вообще,

на севере много немецких магазинов, фабрик, и даже отель в центре Браги называется «Франкфурт».

Зашел в штаб-квартиру местного отделения СДЦ. Благопристойные пожилые дяди бесплатно распространяют великолепные плакаты: голодный ребенок, безработный, лежащий под забором, иссохшая женщина с протянутой рукой. Под каждым из этих лихо сделанных рисунков подпись: «Кто в ответе?»

СДЦ — значительно сдержаннее, чем МРПП или ультралевые «марксисты-ленинцы». Мне не пришлось разыгрывать роль финского журналиста. Со мной говорили, зная, кто я, говорили спокойно и вежливо:

— Да, мы рассчитываем на победу в Браге, да, мы знаем о взрыве бомбы в кубинском посольстве, но у нас, на севере, подобные акты невозможны, ибо мы контролируем положение. Кто ответственен за нищету? — повторил, наконец, собеседник мой вопрос. — Да уже не мы, во всяком случае. Мы не были представлены в правительстве, в учредительном собрании, мы были четвертой партией, основополагающие решения принимались вопреки нашей позиции.

— Вы убеждены, что сможете победить нищету, если придете к власти?

— Сначала надо выяснить, кто повинен в нищете.

— Кто же?

— Коммунисты и Соареш.

— Не Салазар? Не пятьдесят лет фашизма?

— Цены при Салазаре были не столь велики.

— А стоимость обучения? Закупочные цены на сельхозпродукты? Зарплата рабочих?

— Мы не собираемся обелять Салазара, при нем было преступное превышение власти и неразумное проявление жестокости, но престиж государства, тем не менее, был весьма высок. Если бы не война — трудно предположить развитие событий.

— Война была необходима для престижа государства?

— Война — в той форме, как она велась, была ошибкой режима. Великобритания дружна со своими бывшими колониями, она входит — как равная с равными — в Британское содружество наций. Каэтану поплатился за свое упорство. Если бы на его месте был молодой, гибкий политик, чувствующий время, война давно была бы кончена миром — как с нашей ангольской, так и с мозамбикской провинциями.

— Каковы будут ваши первые шаги, если вы победите?

— Мы покончим с анархией и заставим людей — для их же блага — работать, много и ответственно работать.

— Разве левые партии не говорят о том, что необходимо повышение качества и у р о в н я труда?

— Мы им не верим и сделаем все, чтобы коммунисты и социалисты остались в меньшинстве.

— Вы будете делать это легальными методами?

— Мы легальная демократическая консервативная партия португальской надежды.

Горком Компартии я нашел в маленькой богадельне — старух только-только перевели в благоустроенный дом. Коммунистам негде разместиться: тот дом, который им принадлежал, взорван. Скелет дома стоит, как грозное напоминание. По разбитым глазницам мертвых окон протянут протянут огромный плакат: «Вот пример тех свобод, которые предлагает фашизм. Если же вы хотите демократии — голосуйте за Португальскую компартию!»

Два молодых паренька, оба Жозе, провели меня в центр: они расписали огромную площадь перед муниципалитетом лозунгами коммунистов. Рядом с муниципалитетом — взорванный дом доктора Суэйро — раньше здесь помещались профсоюзы.

— Рисовать приходится по ночам, — рассказывают ребята, — двое рисуют, а двое охраняют. Правые здесь вооружены, их много. А нам со значком партии ходить рискованно — хулиганы из ультра нападают среди бела дня.

Я спросил одного из руководителей горкома, рассчитывают ли коммунисты на завоевание депутатского мандата.

— Вряд ли, — ответил товарищ. — Надо уметь смотреть правде в глаза — вряд ли, — повторил он. — Наша задача заключается в том, чтобы противостоять блоку правых сил, которые растопчут революцию, приди они к власти. Мы видим свою цель в том, чтобы вести разъяснительную работу. Нам очень трудно, здесь культивируют антикоммунизм, вбитый в головы людей еще во времена фашизма, мы должны не только пропагандировать и контрпропагандировать, мы должны быть просто-напросто учителями: знание — самый сильный инструмент в сражении с темнотой.

— Сейчас, во время предвыборной кампании, открытых вылазок правых не было?

— Удивительно — не было! Мы обсуждали этот вопрос. Видимо, мы должны еще раз воздать должное Движению вооруженных сил. Если бы не их престиж — правые могли бы устроить резню.

Зашел в местное отделение МРПП.

— Под какими лозунгами проходит предвыборная кампания? — спросил я, снова обратившись к спасительной финской журналистике.

— Под лозунгами борьбы против Куньяла и Советского Союза.

— Вам не мешают проводить кампанию?

— Кто?

(Действительно — кто? Лозунги — отборный антикоммунизм и антисоветчина; серьезные правые политики такой разнузданности себе не могут позволить, это — не перспективно. Тем не менее драться против коммунистов надо. Чьими руками? Конечно же, руками ультралеваков. Все разложено, как по нотам.)

— Можно получить ваши предвыборные материалы?

— Какие именно?

— Плакаты — хотя бы.

Мне принесли два плаката, свернули их в трубочку, про-

тянули и сказали:

— С вас доллар.

(Ого!)

— У меня нет долларов. У меня португальские эскудо.

— Платите сорок эскудо.

(Это — полтора доллара.)

Тот, кто беседовал со мной, взял деньги (но не опустил их в партийную «копилку», стоявшую на столике) и сразу же вышел.

Когда я спускался по лестнице, увидел плакат, который вывешивали на двери одной из комнат: «Армия — в казармы!» (Привет Спиноле!)

Тот деятель, что спекульнул «революционной макулатурой», стоял в баре напротив штаба МРПП и жадно пил густое темное вино. Расплачивался, сукин сын, моими деньгами.

В Лиссабон возвращался через Порту. На улицах что-то неописуемое. Носятся машины с флагами компартии, НДП, социалистов; СДЦ пускает длиннющие колонны автомобилей, разукрашенные так, будто молодоженов везут; динамики, установленные на стенах домов, транслируют «Интернационал» — это когда проезжают колонны социалистов и коммунистов. Один ведь гимн, и слова одни. Если товарищи социалисты всерьез думают о будущем своей родины, то без блока с коммунистами не обойтись — иначе не одолеть правых. Если сейчас не захотят — позже все равно придется создать общий фронт. Так стоит ли проявлять амбиции — в нынешней обстановке — не серьезные, ю н о ш е с к и е ?!

НДП выдвинула свой последний лозунг: «Португалия уже выбрала Са Карнейру!»

Гнал по шоссе, торопясь успеть еще засветло в Гюльбекян (вся Португалия так называет наш пресс-центр). В некоторых городках ехал, как по снегу — такое количество листовок валяется на шоссе. (Не скрою — подумал о наших

тиражах, которые не могут удовлетворить спрос читающей — кто у нас не читает?! — публики. Если собрать все листовки и плакаты, выпущенные за эти две недели, можно было бы жахнуть несколько собраний сочинений миллионными тиражами.) В одном из таких городишек увидел ребят из троцкистской ЛСИ. Притормозил, загнал машину на тротуар — шоссе узенькое, как ручеек, а грузовики гоняют с чисто иберрийской скоростью — и пошел к троцкистам.

Посмотрел плакат: «Перед лицом угрозы фашизма необходимо объединение всех левых сил!» Даже глазам не поверил — до чего хорош лозунг. «Проиграл» в уме три возможности. Первая: прямая провокация ура-революционеров против коммунистов — есть основание для МРПП и «марксистов-ленинцев» обрушиться в своей прессе: «Вас поддерживают троцкисты!» Вторая возможность: ультралеваки — через третьи руки, тайными д л и н н ы м и ходами — поворачивают местные троцкистские организации против самих себя, чтобы получить возможность трубить потом: «Троцкизм — оружие коммунистов в борьбе против нас, истинных революционеров, и наших идей». Третья: ЦРУ исподволь создает «независимые» группы, лексика которых революционна, «независима», а действия могут быть в любое время использованы американскими политическими дирижерами в любом направлении.

И это все замкнуто на славных семнадцатилетних пареньках, неграмотных, верящих «агитатору», который умеет читать и писать, а грамотный человек — самый умный человек, а самый умный человек — обязательно самый честный. Какая-то мумия (так в Чили называли старых правых политиков) придумала жестокую, хитрую схему; включены в работу скрипучие механизмы государственных учреждений, задействованы наемные квислинги — а расплачиваться придется этим обманутым мальчишкам. Придумано далеко, а кровь будет литься в маленьком португальском городке. (Законченная тема для романа, только, верно, жестоко такой роман писать, безысходность будет в нем, а я верю, что

мир развивается по оптимистической схеме — иначе жить не стоит.)

— Можно получить ваши плакаты? — спросил я ребят.

— Пожалуйста, сеньор. Какие вам нравятся?

— Те, в которых говорится о единстве левых.

Ребята передали мне плакат, замешкались, смутились, потом старший сказал:

— Простите, сеньор, но мы — бедная партия...

— Сколько? (Я приготовился к «20 эскудо» — половине того, что содрали эмэрпешники.)

— Два эскудо, сеньор, — ответил парень, — каждый плакат стоит два эскудо.

Женщин в Португалии зовут «Донна де Каса», что значит «госпожа дома». Прекрасно, а?!

Смотрю на часы — надо послушать ТВ: последние выступления лидеров партий. Паркуюсь около придорожного кабачка. Телевизор включен, толпятся зрители, отхлебывая вино.

Выступает народный монархист Луиш Филиппо:

— К чему привела политика коммунистов? К тому, что кончилась африканская цивилизация, та гуманная и чистая цивилизация, которая была привита аборигенам именно нашей нацией!

Следом — генеральный секретарь монархистов Телеш. Сегодня он в синей рубашке и синем галстуке — форма испанской фаланги.

— Хорошо голосовать — значит голосовать сознательно. Голосовать сознательно — значит голосовать за народных монархистов. Почему следует отдать нам голоса? Потому, что мы — самая старая партия. Мы были до революции, во время революции и после революции. Жаль, что нас не было в учредительном собрании — мы бы не пропустили аграрную реформу, это совместное детище коммунистов и социалистов. Монархия — единственная гарантия оставшихся свобод, больше вас защитить некому!

В кабачке — смех: так смеются над шалостями «ползунков», кому едва-едва сравнялся годик...

Выступают деятели ЛСИ — троцкисты. Первым говорит Перейра Фернандес, кандидат, выдвинутый в Лиссабоне:

— Солдаты! Будьте вне политики! Не вздумайте отдать свои голоса кому бы то ни было! Ваши командиры проводят своекорыстную, тайную политику — за вашей спиной! Генералы распустили солдатские советы — это самое злейшее нарушение демократии! Солдаты, вашими друзьями являемся только мы, наша партия!

Второй лиссабонский кандидат, Антонио Брандон:

— Товарищи, вчера на севере были арестованы три солдата, которые отказались принять участие в терроре против рабочих! (Ложь! На севере было спокойно — тут уж салазки не загнешь — сам очевидец. Но как они жмут на армию, а?!) Соареш отсиживается в Лиссабоне, он боится ехать на север, потому что там рвутся бомбы! (Снова ложь! Не рвались там бомбы!) Одни мы ведем борьбу за интересы рабочих, невзирая на террор, который на нас обрушивает армия и правые силы! (Вас же не замечают, Брандон, вас попросту нет — чего фанаберится?) Мы выступаем против принятой конституции. (Привет монархистам и социально-демократическому центру Амарала!) Мы будем делать все, чтобы добиться ее отмены, ибо она лишает трудящихся права на забастовки и собрания! (Ложь! Рассчитывать на темноту? Да, увы. Темноты — одна треть. Три миллиона взрослых португальцев н е м о г у т прочесть конституцию — вот в чем трагедия!)

Я вспомнил свои недавние раздумья о трех возможностях. Судя по всему, ультралеваки разыгрывают «вероятие №2» — троцкисты поддерживают союз левых, значит, «ревизионисты» согласны на «поддержку» троцкистов — и айда их поливать за «отступничество»! Если подумать чуток, убеждаешься — грубо сработано. Но с точным расчетом на три миллиона неграмотных и на миллион звериных антикоммунистов, типа «реторнадос».

...Вышел из кабачка, записал название: «Эсталлажен дос нагиодос» — «Приют влюбленных».

(А цикады кричат, словно в Архипо-Осиповке на берегу Черного моря, в августе, после жаркого дня. А здесь холодно, хоть пальто надевай.)

Блистательной была последняя встреча товарища Куньяла с газетчиками. Сотни журналистов в зале пресс-центра — яблоку негде упасть, я такого здесь еще не видел. Поразительна манера Куньяла слушать — он полон внимания, доброжелательного внимания — даже если вопрос ему ставят враги; он старается, видимо, понять логику противника; мне кажется, он и ему не откажет в помощи, если поймет, поверит, что перед ним — человек ищущий, а не слепой, зашоренный, лишенный возможности (или права?) мыслить.

Корреспондент радио и ТВ Испании: Правда ли, что между Соарешом и вами уже давно существует тайный союз?

(Зная испанскую ситуацию, я сразу понял, что не мадридское радио интересует ответ на этот вопрос, а ведомство на «Пуэрта дель соль», тайную полицию, ибо они более всего боятся блока левых в Испании.)

Куньял: После двадцать пятого апреля мы вышли из подполья и работали вместе с социалистами — в той или иной форме, но без всякого тайного соглашения.

Пресс-служба США: Но вы же недавно называли социалистов — фашистами?

(Оп! Паренек на верфях в Вилла ду Конде! Вот откуда эта формулировочка!)

Куньял: У вас есть какие-либо документы? Какими вы оперируете данными, говоря, что мы называли социалистов — фашистами? У вас нет и не может быть таких документов. Мы выступали с критикой социалистов, когда они занимали неверную — с нашей точки зрения — позицию. Мы никогда не предпринимали резких шагов по отноше-

нию к социалистам, понимая, что это вызовет немедленную реакцию справа. Так и получилось после двадцать пятого ноября. Мы и сейчас повторяем: коммунисты готовы к объединению с социалистами — во имя победы левых сил на выборах.

Пресс — служба США: Почему вы отрицаете демократический путь развития?

Кунья л: Это неправда. Коммунисты никогда не отвергали демократический путь развития. Впрочем, есть демократия и демократия. Есть реальная и есть мнимая. Что, разве на выборах в ФРГ существует демократия? Или запрет коммунистам голосовать можно считать демократией? Коммунисты Западной Германии что-то не очень чувствуют демократию у себя на родине. Зато там полная демократия для монополистического капитала, полная и абсолютная.

Пресса ФРГ: Кошта Гомеш будет вашим кандидатом в президенты?

Кунья л: Мы еще не обсуждали нашу кандидатуру на пост президента.

Пресс — служба США: Итальянские коммунисты набрали на выборах тридцать три процента голосов. Исследуете ли вы опыт ваших итальянских коллег?

Кунья л: Каждая компартия исходит из условий своей страны. Мы будем идти своей дорогой — на пути к решению социальных проблем, стоящих перед Португалией.

Пресс — служба Англии: Пойдете ли вы на участие в широком коалиционном правительстве?

Кунья л: Да. Почему нет? Пойдем.

Пресс — служба ФРГ: Как вы относитесь к прошлым выборам?

Кунья л: Прошлые выборы проходили в обстановке минимальной демократии. Тогда еще у нас не было конституции. Сегодня, несмотря на ряд негативных процессов, в стране есть конституция, и мы верим в нашу демократию.

Пресс — служба США: Как вы относитесь к термину «диктатура пролетариата»?

(Ай да асы прилетели из-за океана! Уж они-то не за информацией приехали, уж они-то приехали с чистой пропагандой — работают вовсю!)

К у н ь я л: До двадцать пятого апреля в Португалии существовала диктатура буржуазии. С тех пор как победила революция и к власти пришел народ, свободу которого гарантирует движение вооруженных сил, нам не пришлось прибегать к диктатуре: подавляющее большинство населения выступало за демократию, против угнетателей.

П р е с с — с л у ж б а Ф Р Г: Как вы относитесь к социализму Соареша?

К у н ь я л: Для Швейцарии — очень хорошая модель, для нас — не совсем.

П р е с с — с л у ж б а И с п а н и и: Есть ли в стране фашисты? Представляют ли они угрозу Португалии?

К у н ь я л: Спинола ведет активную работу против нашей демократии, он связан с местным фашистским подпольем. Провоцируется саботаж работы государственных органов, фашисты ставят палки в колеса тем социальным мероприятиям, которые проводит правительство. Все это свидетельствует о существовании серьезного подполья.

П р е с с — с л у ж б а П о р т у г а л и и: Как вы относитесь к событиям двадцать пятого ноября?

К у н ь я л: Это кульминация. Фракционность всегда открывает путь правым силам.

П р е с с — с л у ж б а А н г л и и: Как вы относитесь к другим партиям?

К у н ь я л: Я уполномочен моей партией говорить за нас.

(Вот — ответ истого джентльмена от политики, поучиться бы иным лидерам такту у товарища Алваро!)

П р е с с — с л у ж б а С Ш А: Как вы относитесь к тому, что Португалия — член НАТО? Прокомментируйте, пожалуйста, предстоящие маневры НАТО?

К у н ь я л: Мы не ставим условием возможной коалиции левых сил, выход нашей страны из НАТО. Наше присутствие в НАТО не может рассматриваться изолированно

от проблем общеевропейской безопасности. Что касается маневров, то большой трагедии в них я не вижу. В прошлом году они тоже проходили здесь, приуроченные к серьезным внутриполитическим событиям, и как видите, ничего — мы живы. Мы понимаем, что эти маневры — форма давления, но мы знаем, что Революционный Совет гарантирует нас, португальцев, от открытого шантажа.

Пресс — служба ФРГ: Как вы относитесь к тем условиям, которые гарантируют оказание Федеративной Республикой экономической помощи Португалии?

Куньял: Мы отвергаем экономический шантаж, от кого бы он не исходил. На Западе, и в частности в ФРГ, часто говорили, что коммунисты не имеют права входить в правительство. Мы входили. Это наше дело. Это внутреннее дело Португалии.

Пресс — служба Португалии: Что вы думаете о нашем будущем?

Куньял: Нас, видимо, ждут трудности. Мы, коммунисты, готовы к ним. Нам мешают те силы в стране, которые предпочитают неконституционный путь развития. Трудности будут серьезными — нам не пристало строить иллюзий. Думаю, что и вы, наиболее серьезные журналисты страны, собравшиеся здесь, понимаете эти трудности. Только не следует трудностей страшиться, их надо учиться преодолевать.

(Тот, кто серьезно следит за политической жизнью мира, поймет, как рапирно-точен был Куньял, как он был принципиален — ни разу не пошел на уго ду, хотя бы это и сулило определенную предвыборную выгоду. Он следует линии компартии, он отстаивает эту линию — достойно, отважно и точно.)

Проводили Куньяла аплодисментами. Я заметил: аплодировали, практически, все. Американцы и западные немцы, зажатые между другими журналистами, выглядели бы как белые вороны — не аплодируй они. Аплодировали.

(Долговязый парнишка-англичанин — фоторепортер забрался на сцену и снимал Куньяла все время встречи.

Снимал только с двух точек: снизу, вытянув камеру чуть не к лицу Куньяла, или же с затылка, едва не касаясь объективом высокой, пышной седины коммунистического лидера. Этот же парень фотографировал Са Карнейру в профиль — у того острый профиль, птичий. Маленького роста — Са Карнейру даже сидя старается казаться выше, чем он есть, и поэтому тянет шею — он выгоден для фоторепортера, его можно обыгрывать. Англичанин чуть не упирался своим аппартом в щеку секретаря «народных демократов». Я подумал: профессионален ли этот англичанин — с огромными, чистыми, голубыми, почти недвижными глазами? Ведь он о с у щ е с т в л я е т заранее задуманную им идею — это совершенно очевидно. Пресса-то должна информировать — разве нет? Ловить — это не информация. Подверстывать человека под свою задумку? Слишком Алваро Куньял личностен, чтобы его можно было п о д в е р с т а т ь под идею курчавого, голубоглазого мальчика.)

Встреча с товарищем Куньялом у меня будет на другой день после выборов — сейчас это неудобно по той причине, что предвыборная кампания уже кончена, это будет нарушением н о р м.

Подошел знакомый журналист из Парижа. Спросил:

— Сколько ставите на коммунистов?

— От тринадцати до восемнадцати процентов. А вы?

— Восемь, от силы десять. Они не соберут больше, чем собрали в учредительное собрание. Что хмыкаете? Не согласны?

— Не согласен.

— Пари? Бутылка шампанского, — он усмехнулся. — Настоящего шампанского.

— Принято. Я отвечаю «Советским игристым» — оно не хуже шампанского.

Поняли друг друга, посмеялись, ударили по рукам.

Ночью был на митинге коммунистов.

Митинг состоялся на стадионе «Первого мая». Начался в десять тридцать вечера. (Здесь первомайская демонстрация начинается в три часа пополудни — утро воскресного, праздничного дня принадлежит дому — это традиция.) В полночь выступал Куньял. Десятки тысяч людей устроили ему овацию.

Деталь: У входа на стадион четыре паренька; в руках у них натянутое красное полотнище. Все входящие бросают в эту открытую «копилку» партии монеты. Все, как один, без исключения.

...В субботу, последний день перед выборами, в Сетубале — столице «рабочего пояса» страны — в здании горкома компартии я встретил маленькую, громадноглазую, красивую, с ранней сединой, очень спокойную (это разительно контрастировало с обстановкой, окружавшей нас) Софию Ферейра.

У Софии тихий голос, она знает два русских слова («здравствуй» и «товарич»), ее речь лишена обычной — для большинства португальцев — аффектации.

— В прошлом году мы получили семь депутатских мест, столько же, сколько и социалисты. В этом году думаем выиграть больше. Вот, познакомьтесь, это один из наших товарищей, которого мы выдвинули в Ассамблею.

Громадный, бородатый сварщик верфи Антонио Жузаро — молод, ему нет тридцати.

— Как настроение, Антонио?

— Прекрасное. Когда рядом София Ферейра — прекрасное вдвойне!

Десятки людей то и дело спрашивают:

— Где камарда Ферейра?

— Когда приедет Ферейра?

— Какие указания поступили от Ферейра?

София всем нужна, она всем умеет мягко улыбнуться, спокойно объяснить, успокоить, ободрить.

...Через час, когда я вернулся из Сетубала в Лиссабон, первое, что услышал в коридорах столичного горкома, было:

— Где Ферейра?

— Она в Сетубале, — сказал я товарищу, который искал ее. — Она еще не вернулась.

— У нас три Ферейры, три сестры, — горделиво ответил товарищ. — В Лиссабоне ищут не Софию, а Жоржетту.

Судьбы сестер — Софии, Жоржетты и Мерседес — похожи: это судьбы борцов за революцию.

Молодая писательница Роза Нери Нобре ди Мелу ничего не выдумывала, когда создавала свою книгу: «Женщины португальского сопротивления». Ее книга — сплав документа и рассказа о тех, о ком был составлен «документ» ПИДЕ.

— Мне будет очень радостно, — сказала Роза Нери, — если советские люди узнают правду о том, как сражались наши старшие сестры; их вклад в антифашистскую борьбу — огромен.

(Юрий Бегишев — пресс-атташе нашего посольства — и я сделали перевод одной из глав.)

ПИДЕ. Дело N 11444/49-167/954. Следствие.

«Жоржетта де Оливейра Ферейра.

Семейное положение — незамужняя.

Профессия — ткачиха.

Место рождения — Вилла Франка да Шира.

Дата рождения — 27/4/1924.

Место жительства — Сетубал».

— Это ваша тюремная фотография, Жоржетта?

— Да. Не похожа? Оттого, что слишком молода. Я пришла в компартию совсем юной. Родилась в деревне. Жить нашей большой семье было трудно, и с восьми лет я воспитывалась в семье крестных родителей — Жоакин душ Рейш, крестный, стал моим первым наставником в антифашистской борьбе. На ткацкой фабрике я установила связь с ком-

мунистической молодежью и в сорок втором году вступила в партию. В сорок четвертом принимала участие в забастовке ткачих. Мы добились успеха, но я. как организатор, была уволена. От политической борьбы я не отошла. Как раз в это время стала ощущаться нехватка продовольствия: война уже пятый год полыхала в Европе. Я организовала забастовку рабочих против голода. Фашистское правительство в ответ на это загнало ткачей на арену для быков (у Пиночета был предшественник не только в Испании, но и в Португалии: латинско-говорящий фашизм работает по испытанным и опробованным образцам! Казнить людей солнцем!) Компартия немедленно организовала гигантское движение солидарности с заключенными. Через несколько часов у ворот импровизированной тюрьмы выросла гора одежды, обуви, кульков с хлебом. Мы проводили настойчивую кампанию протеста по всей стране, и наши товарищи были через шесть месяцев освобождены из тюрем, по которым их «рассовали» фашисты. В 1945 году, после того как мы провели по всей стране манифестации в честь победы над гитлеризмом, я перешла на нелегальное положение: надо было укреплять оргработу в партии.

ПИДЕ: «Арестована 17/12/1949 года в г.Пламела. Помещена в отделение заключенных тюрьмы Кашиас. Представлена в уголовный суд Лиссабонского округа 10/4/1950».

— Это было рано утром. Агенты ПИДЕ рвались в нашу конспиративную квартиру. Я даже не успела одеться — жгла документы. Меня увезли без платья, я успела только накинуть пальто. В камере — без света, свиданий, с отвратительной едой (ломоть хлеба и вонючая бурда) — у меня открылась язва, началось кровотечение. Я знала «азбуку тюремного перестукивания». Длинная цепь перестукивания с товарищами по заключению привела меня к доктору Сакраменто Монтейро, который сидел в одиночке, на первом этаже. Он «простучал» мне, что нужна немедленная консультация квалифицированного доктора, а пока что — лед на брюшную полость.

Тюремный врач Руаш приказал принести мне. г р е л к у. Я тогда уже была не в одиночке. Большая камера (там, кстати, находилась и моя младшая сестра Мерседес) подняла шум на всю тюрьму.

ПИДЕ: «Доставлена в госпиталь Сан Хозе 13/8/1950г.(приказ № 228/50)».

— Там мне сделали переливание крови и тут же отправили обратно, в Кашиас. Положение мое стало совсем плохим. Товарищи повели за меня борьбу на воле, и меня, наконец, отправили в госпиталь Сан Антонио душ Капучус. Все, кто там работал, отнеслись ко мне нежно.

ПИДЕ: «Совершила побег из госпиталя 4/10/1950».

— Побег был тщательно продуман. Семья смогла передать мне одежду. Товарищи помогли одежду спрятать. В намеченный день все было подготовлено. Меня повели в лабораторию. Я успела перед этим одеться. Поверх накинула халат. По пути в лабораторию зашла в туалет, изменила прическу, скинула халат, вышла, з а с т а в и в себя стать иной, п р о п л ы л а по коридору неузнанной, села в автомобиль — за рулем был товарищ.

...В 1952 году была переведена в Лиссабон, вошла в руководство партии. Мне тогда исполнилось 28 лет.

ПИДЕ: «Арестована 22/12/1954г. Помещена в отделение для заключенных тюрьмы Кашиас (приказ № 169/955).

— Это случилось так: у меня была назначена встреча с товарищем Жайме Серра (ныне — тоже член политкомиссии ЦК ПКП — *(прим. Ю.С. и Ю.Б.)* на одной из улиц в Байру душ Акторес. Это излюбленное место в Лиссабоне для встреч художников и актеров. Там обычно встречались и мы, коммунисты-нелегалы. Ожидая Жайме, я увидела в соседнем баре несколько подозрительных — полицейского сразу чувствуешь. Я пошла по улице, навстречу Жайме. Увидав его, я побежала. Пидовцы схватили меня и Жайме. Мы начали

кричать, обращаясь к прохожим, — единственный способ сообщить товарищам и семьям, что нас схватили. В тюрьме я — по обыкновению — отказалась назвать свое имя (Мерседес, София и я — все мы были кадровыми партийными работниками, но причина в «утаивании» имени крылась в другом — мы не хотели расстраивать стариков родителей, если нас схватят. Однако жизнь распорядилась жестоко, по своему — первый раз нас арестовали в 1949 году, всех трех сестер одновременно. И сразу родителей вызвали для допроса.) Я открыла свое имя, только когда в тюрьму пришла моя сестра София, освобожденная к тому времени. София не могла не сказать мне о гибели в тюрьме нашего товарища Милитона Рибейро.

— Знаешь, — сказала София, — ты ужасно выглядишь. Требуй врача, а то с тобою случится то же, что с Милитоном.

Я все сразу поняла:

— Убийцы...

Агент ПИДЕ Гоувейта с такой силой ударил меня, что я отлетела в угол и разбила в кровь лицо об угол стола.

После этого допросы следовали один за другим. В них, чередуясь — палачам нужен отдых, — участвовали Гоувейта (он убил нашего товарища Альфредо Инеса), Жозе Гонсалвиш, Чико Фернандес. Каждый из них упражнялся в том, как бы пострашнее избить меня. Я молчала. Меня посадили в изолятор. Там — без света, свиданий, — меня продержали год. Открылся туберкулез. Я начала требовать врача.

ПИДЕ: «Приказом от 20/7/1955г. была наказана 30 днями карцера (наказание N 7, статья 359 тюремного кодекса), поскольку в заявлении на имя начальника тюрьмы позволила оскорбительные выражения по адресу достопочтенного врача тюрьмы».

— Я не верила их врачам: они не признавали за нами право на болезнь. Я — несмотря ни на что — продолжала борьбу. Боролись и товарищи: в тюрьме и на воле.

ПИДЕ: «Помещена в госпиталь Сан Антонио душ Качупус 4/8/1955г. Выписана 22/8/1955г. и возвращена в тюрьму Кашиас».

— В госпитале меня на этот раз держали, как в тюрьме. Рамы окон были забиты гвоздями. У дверей дежурил постоянный полицейский пост. Я протестовала, и меня из-за этого снова бросили в тюрьму. Открылось кровохарканье. Тюремный врач Руаш прописал мне такое лекарство, которое еще более обострило процесс. Меня предупредили санитары тюрьмы — «будь осторожна». Несмотря на то, что они работали в тюрьме, честь их все же не была до конца потеряна. Я отказалась принимать лекарства доктора Руаша.

ПИДЕ: «Распоряжением от 19/12/1955г. была подвергнута наказанию N 7 статьи 359 тюремного кодекса на 30 дней за поддержание секретной переписки с заключенным Жайме Серра о плане мятежа во время суда».

— Мы действительно наладили с Жайме обмен записками — готовились к линии защиты на процессе, который все время откладывался. Мы обсуждали линию защиты — ничего больше.

ПИДЕ: «Распоряжением от 24/3/1956г. была подвергнута наказанию двумя месяцами карцера за то, что вместе с другими заключенными выломала дверь камеры, вызвав шум и скандал».

— Ложь. Меня нельзя обвинить в неуважительности. И вообще по натуре я — человек спокойный. Но, как любой нормальный человек, я терпеть не могу хамства. Кто мог выломать двери в тюрьме Кашиас?! Это сейчас мы можем. А тогда... Я действительно потребовала в категорической форме, чтобы пидевцы предупреждали стуком, когда входили в камеру к женщинам. Это их взбесило: они мечтали об одном лишь — сломать достоинство заключенного; когда не выходило — мстили.

ПИДЕ: «Судима 9/4/1957г. Приговорена к 3 годам и сорока дням тюремного заключения, лишению политических прав на 15 лет. С подсудимой взымается 270 эскудо в пользу государства за предварительное заключение в тюрьме».

— Мягкость приговора — после четырех лет предварительного заключения — объясняется тем, что меня из зала суда повезли в госпиталь — требовалась операция по поводу открытого туберкулеза. Через восемь дней после операции меня снова увезли в тюрьму.

В мире развернулась кампания за мое освобождение. Я вновь попала в госпиталь. Трибунал рассмотрел дело и постановил заключить меня в тюрьму, не соглашаясь на «условное» освобождение. Однако товарищи не дали этому осуществиться. Из госпиталя меня вывезли на заранее подготовленную конспиративную квартиру. С 1959 по 1962 год я лечилась в санаториях за границей. ПИДЕ не оставляла меня без внимания в Париже, где я представляла португальских женщин во всемирной организации женщин, и во всех тех странах западной Европы, где мне приходилось тогда бывать по поручению партии. То, что они не схватили меня все эти годы, — не моя заслуга, это — заслуга моей партии».

По дороге в Сетубал завернул на набережную огромной Тежу и остановился возле белого памятника, как бы устремленного внутренней своей идеей к воде: «Первооткрывателям новых земель». Скромная надпись, а сколько за нею истории: отринутый лиссабонским двором Магеллан, признанный Васко де Гама, Генрих Мореплаватель, стремившийся завоевать Марокко, — даже ценою предательства своего младшего брата. Тихо. По зеленым газонам ходят голуби. Няни выгуливают детишек. В голубом мареве тонко прочерчен огромный мост через Тежу, в прошлом — «имени Салазара», ныне — мост «25 апреля», истинное чудо Европы.

Поехал в Эсторил — аристократический курортный го-

род вблизи Лиссабона, километрах в пятнадцати от центра. Пальмы, дамы с собачками; загорелые, седые красавцы в открытых гоночных «порше». Где-то здесь, на одной из тенистых улочек, доживал свои последние годы гроссмейстер Алехин. Почему в Португалии? Может быть оттого, что м а н е р а разговора русских и португальцев очень похожа? Или его — как любого истинного гения — тянуло в красивую, чуждую ему, тоскливую провинцию? Но ведь одиночество и покой хороши тогда лишь, когда творец знает, что кончив работу, он может снова вырваться в шум, гомон, радость, печаль — в жизнь, словом...

Казино окружено пальмами. Пальмы толстые, огромные — не обхватишь втроем. Но не очень высокие (иначе про пальму не скажешь — слишком уж красива и благородна. Не говорить же о царь-дереве — «длинная»?)

...Смешно: в туалете казино проявляется характер посетителей. Сидит себе буржуй в кафельной кабинке и чертит автомобильным ключом на двери: «Да здравствует СДЦ!», «Слава Спиноле!» Хорошее место для буржуйского самовыражения. Благопристойный господин в бабочке, — а ведет себя как хулиган в окраинном кинотеатре.

Ехал домой через Рештелу — самый фешенебельный район города. Вдоль шоссе, на опушке оливковой рощи стоят проститутки. Буржуи приезжают сюда во время обеденного перерыва. Предпочитают супу и мясу «корыстную» любовь.

Встретился с актерами Студенческого театра. При фашизме страна не знала, что такое театр. Тяга к зрелищу, к проблематичному зрелищу — повсеместна. Трудно с помещениями, со средствами, с преподавателями. Много увлеченности, но совсем нет мастерства. Возмущаются ультралеваками: те выпустили листовку: «Баллада о солдате» — ревизионистский фильм! Восторженно говорят об Урбанском — видели фильм «Коммунист».

Слушая их, вспомнил, как много уже лет назад мы сидели в маленькой, насквозь прокуренной комнате на Житной улице: режиссер Александр Аронов, Евгений Урбанский, два студийца и я. Аронов часто закуривал новые папиросы, забывая гасить старые. Из-за этого пепельница, стоящая на столике, казалась таинственной чашей в храме огнепоклонников.

Шла репетиция пьесы Шварца по мотивам сказок Андерсена. Студийцы сидели в креслах друг против друга. Наташа — это Герда, Андрей — ворон.

— Но, сударь, — Герда нежно, по-детски прижимала руки к груди, — я думаю, с людьми не случилось ничего плохого?

— Нет, нет, — коварно усмехался ворон, — все ерунда. Люди во дворце, там сегодня праздник, там пир на весь мир...

Ворон на секунду замолк, близко и зловеще подвинулся к Герде, пристально посмотрел на нее.

Урбанский еще ниже опустил голову и весь напрягся. Я это чувствовал плечом. Мне непонятно: что это Женя напрягается и опускает голову?

— Но вы, я вижу, — ворон переходит на шепот, — чем-то озабочены?

Герда опустила свои детские руки на острые колени и медленно отвернулась.

— Ну! — еще таинственнее и многозначительнее продолжал выспрашивать ворон, — что же вы молчите?! Отвечайте!

Снова пауза. А потом — на самых высоких тонах:

— Я добрый ворон!

Он подвинулся почти вплотную к Герде и резко воскликнул:

— Я могу помочь вам!

(Герда смотрит на ворона, который весь согнулся, он весь — ожидание ответа, но я вижу, — Герда совсем не верит ему.

И уже не Герда сидит передо мной в кресле, а Наташа

в голубом вельветовом платье и в стоптанных туфлях на толстой резиновой подошве: чуда не получилось, ибо истинный театр — это чудо.)

Урбанский медленно поднял голову:

— Давай все сначала, Наташа...

Обернулся к Аронову:

— Можно?

Тот кивнул и закурил новую папиросу.

— Но, сударь, — начинает Герда, — я думаю, с людьми не случилось ничего плохого...

Урбанский — вовсе не ворон. Так мне кажется поначалу. Он — придворный сплетник: веселый, добродушный, чуточку пьяный.

— Нет, нет, — п р о б р а с ы в а е т он, — все ерунда! Люди во дворце, там сегодня праздник, там пир на весь мир. А вы, я вижу, чем-то встревожены?

Этот вопрос студиец Андрей выделял. Урбанский спрашивал невзначай, именно так, как спросил бы придворный сплетник: сытый, милый, добродушный.

Герда вздыхает.

«Ого! — думает ворон. — Что-то любопытное!»

Ворон заинтересован. Он подвигается к девушке, торопит:

— Ну что же вы молчите? — чуть обиженно спрашивает он. — Отвечайте же! Я добрый ворон (в этом легкое кокетство), я смогу помочь вам! (А здесь уже неуверенность в себе.)

Я смотрю на Урбанского — не вижу его. Я вижу ворона, который разговаривает. А пойди, не поверь ворону, который умеет разговаривать. Конечно, поверишь! Ведь это — чудо!

— Не могли бы вы, — говорит Герда, — найти мне одного мальчика...

— Мальчика? — повторяет ворон ее интонацию. — Говорите, говорите, очень интересно...

И Герда рассказывает историю о том, как пропал мальчик Кай.

Я смотрю на нее и не вижу вельветового платья, ботинок на толстой резине. Я вижу девочку в чепчике и в деревянных остроносых башмаках. А рядом со мной сидит ворон. Шея у него вытянута, а голова чуть склонена вправо. В глазах, полуприкрытых веками — любопытство, нетерпение и, где-то в самой глубине, безразличие...

Герда рассказывает о том, как пропал Кай, и в комнате — как на сцене — мертвая тишина, и только ее голос и только ворон, который сидит рядом со мной и зовет себя добрым. И чем дальше говорит Герда, чем дольше смотрит она в лицо ворона, тем больше она верит ему и сомневается — правильно ли делает, что верит...

Когда Герда, кончив свой рассказ, вздыхает, ворон тоже вздыхает: глубоко, по-человечески. И вот уже не ворон рядом со мной, а Урбанский. И снова тело его делается напряженным и пружинистым.

— Хорошо! — говорит он Наташе. — Это — правда!

Потом он поворачивается к Аронову:

— Извини меня, Саша.

— Что ты, — грустно усмехается тот, — спасибо.

— Спасибо, Евгений Яковлевич, — повторяет Герда.

— Спасибо, старик, — говорю ему я.

А студиец Андрей молчит и обиженно разглядывает ногти.

Тогда Урбанский говорит:

— У тебя все получится, Андрей. Только надо поработать. Забудь о вороне, о позе, о жестах. Ничего нет. Поначалу, когда ты ищешь себя, есть только правда, которую ты должен понять. Тебе надо обязательно почитать мемуары Тейлерана и книгу Цвейга о Жозефе Фуше. Сказка — это всегда политика...

(Я не берусь утверждать, что более важно в искусстве: поиск или результат поиска, но мне все-таки кажется, что поиск интересней, потому что найденное — это отправная точка для новых поисков. Если поиск оставить, тогда правда превратится в «маску правды», а это страшнее, чем неправда.

Путь искусства, вершимый его апостолами на земле, был тягостен и мрачен. Таланту мстил окружавший его уровень чувствований, представлений и знаний: «Дон Кихот» написан в тюрьме, Овидий кончил свою жизнь в ссылке по обвинению в безнравственности, Гете, будучи министром, подписывал смертные приговоры, Ван Гог убил себя, О'Генри скрывался от правосудия.

Индивидуальность была обречена на трагическую судьбу в те жестокие времена, да и поныне ужасна ее участь — в тех странах, где царствует божество чистогана. Настоящий художник обязательно сугубо индивидуален, поэтому современники относились к нему либо как к досужему мечтателю, либо как к отбросу общества, либо как к балаганному шуту.

Только одно примиряет талант с человечеством — в р е м я.)

Интервью министра внутренних дел — последнее перед началом выборов — началось с заявления:

— Я уверен в том, что выборы пройдут в обстановке полной демократии.

П р е с с — с л у ж б а С Ш А: Правда ли, что в Португалии сейчас нелегально живет целый ряд иностранных представителей?

М и н и с т р: Мы уже проверяли такого рода слухи — они не соответствуют действительности.

(В свое время здесь пустили утку про кубинских партизан в горах. Туда бросилась полиция. «Партизаны» не считали даже нужным разбегаться: это были актеры — снимали фильм.)

П р е с с — с л у ж б а Ф р а н ц и и: Что известно о взрыве в кубинском посольстве?

М и н и с т р: Ничего, кроме того, что было объявлено. В посольство пришел человек с чемоданчиком, он оставил этот чемоданчик перед дверью посольства; сторож заметил, что из чемоданчика идет дым, побежал звонить в полицию,

но не успел снять трубку, как произошел взрыв. Поиски преступника продолжаются.

(В пресс-центре убеждены, что убийство кубинских дипломатов — дело рук «реторнадос».)

П р е с с — с л у ж б а Ф Р Г: Можно ли ждать попыток ультраправого переворота?

М и н и с т р: Нет. Правые силы не рискнут на широкое применение силы.

П р е с с — с л у ж б а П о р т у г а л и и: Правда ли, что ваша кандидатура будет выдвинута на пост президента республики?

М и н и с т р: Все имена, которые сейчас называют в качестве возможных кандидатов на пост президента, не базируются на фундаменте фактов.

25 апреля. Выборы. В городе спокойно. Ни солдат, ни нарядов полиции. В избирательных участках, расположенных в «Парке Пекено» — это огромная, мавританского стиля «пласа де торрос», — люди идут к урнам один за другим. Неподалеку церковь «Носа сеньора Фатима». Внешнее оформление ее — ужасно. Сразу виден почерк фашизма — такие же здания строил Муссолини в Риме, уродуя Вечный город. Но внутренний дизайн хорош, отменно хорош: великолепно подсвечена мозаика, сине-красные витражи рождают ощущение надежного, высокого спокойствия.

Проповедь произносил один из прихожан. Он, впрочем, говорил не с в о е, он читал Евангелие. Но Евангелие — один из сильнейших пропагандистских материалов. Очень много значит, ч т о оттуда читать и в каком районе страны — разная аудитория реагирует по-разному. Здешний прихожанин говорил о том, что господь д а е т лишь однажды, и этому, данному им, надо верить.

В рабочем районе эти слова воспримут по-одному, в буржуазном — по-другому.

Деталь: когда в церковь заходит буржуа, он сразу же опускается на колено; когда входит рабочий, он расстила-

ет платочек, и на него опускается — брюки-то одни, парадные, которые он только по воскресеньям надевает. (Можно ли деталь определять, как «классовую»? Видимо — можно.)

Заехал в пресс-центр. Свежие новости: журналисты обратились к представителям ведущих партий с вопросом, как проходят выборы. Ответ коммунистов, социалистов, НДП и СДЦ был одинаковым:

— Выборы проходят в обстановке полной демократии, без каких-либо эксцессов.

Левацкие газетчики злорадно улыбались — получили материал для очередной порции клеветы: «Явный пример сговора с правыми!» Надо ждать в о н и в завтрашних газетах.

Из ночных пресс-релизов: Совет министров определил будущий статус Азорских островов и Мадейры; «реторнадос» захватили помещение ИАРН (институт помощи национальным возвращенцам) в знак протеста против перестройки, проводимой там; семь офицеров, обвиненных в попытке организации спинолистского путча 11 марта, возвращены в свои подразделения для продолжения «профессиональной службы» (довольно двусмысленная формулировка); вчера зарегистрировано 9000 предвыборных собраний и митингов; было 22 инцидента, из них три — со смертельным исходом; во время стычек ранено и покалечено 58 человек — большинство инцидентов произошло в районе Бежи, на юге; 9 военных, среди которых майор Кампос Андраде, Томе-и-Куче Роса, арестованных по делу 25 ноября, будут сегодня освобождены из заключения. (Явная политика «баланса» — освобождают и тех, кто стоял на ультралевых позициях.)

Государственный секретарь по аграрной реформе Витор Лауро привлекает к ответственности за клевету газеты «А Лута», «А Диа», «О Сол», «А Баррикада» и «А руа», а также госпожу Наталию Корейра. Он добавил, что «все нападки против него лично были формой нападок на аграрную реформу».

Государственный секретарь Тито де Мораиш заявил, что число безработных в марте составляло 175238 человек. Однако, по его мнению, это не совсем верные данные: «Мне сдается, что у нас сейчас 400000 безработных».

Представители правительства отвергли слухи о встрече между премьером Азеведу и испанским лидером Ариасом Наварра. Министр Алмейда Кошта сообщил, что 70000 человек будут работать на 13000 выборных участках. Всего, по словам Кошта, 270000 человек будут обслуживать первые демократические выборы в Ассамблею республики.

На стене, возле того места, где «выбрасывают» свежие материалы, появились записочки такого рода: «Продаю модель последнего «Филипса № 521». Звоните по телефону 248.203». «Продам новую «Практику». Поиздержалась репортерская братия, да и соблазнов — из-за дешевого вина — немало. Среди массы журналистов, приехавших из всех стран мира в Лиссабон, увы, далеко не всех отличает серьезность. Есть эдакие «пушкари» от журналистики, «шмелиштучники»: подхватит что-нибудь горяченькое, соберет пресс-релизы, отбарабанит все это в свою редакцию, а остальное время просиживает в баре. Эти — «играют» в журналистику, вернее в тот ее стереотип, который придуман писателями и кинематографистами, плохо знающими всю тяжесть и ответственность нашей работы, которая с развитием средств массовой информации становится все более сложной, кровоточащей, коли хотите. Кстати, столь же распространенное ошибочное представление о работе актера. Иным, насмотревшимся дешевых, сладеньких фильмов, кажется, что это — сплошной праздник. И не знают, как кровав, утомителен, трагичен путь истинного актера. Сколько же, право, неудачников выходит из актерских вузов, журналистских или литературных! Примут восемнадцатилетнего лицедея или пиита в институт, а за душой у того — пусто, нет ничего, кроме искры божьей, но ведь искра делается пламенем лишь на ветру дальних странствий, когда человек по-

знает «мир, открытый настежь». А в тишине и благости — гибнет человек: получается еще один н е у д а ч н и к. А ведь даже и н д и в и д у а л ь н о е качество злобы несостоявшегося накладывает печать на общество, ибо такой журналист-штукарь, или «актер актерович», или «писатель» пытается выражать себя — на страницах ли газеты, на экране — и получается убогость; мыслей нет, глубины и знания ни на грош... Сколько у нас таких пустоцветов в литературе? Мы — щедрые, мы — букву чтим: раз кончил литературный институт — значит надо издавать, поддерживать, холить. Разумна ли эта доброта? Зритель и читатель — умный пошел, он сам выберет для себя то, что ему интересно и нужно. Можно навязать моду или привычку — поди-ка, навяжи читателю книгу, которая п у с т а? Можно нацелить на это всех литературных критиков, подчинить им ведущие газеты, а эффект будет нулевой — книга будет пылиться в библиотеках и на книжных полках магазинов, пока не отправят ее на склад макулатуры.

Передачи ТВ сегодня построены весьма своеобразно: весь день гоняют американские фильмы, шоу и концерты джазов. Вдруг какая-то озорная песенка прерывается, и диктор сообщает последние новости о ходе выборов. С середины дня пошла хроника: кинооператоры сняли голосование Куньяла — он прибыл на избирательный участок в восемь утра; в десять показали Соареша. Довольно долго красовался перед репортерами Амарал. Он даже по просьбе кинооператоров задержал руку с бюллетенем над урной — молодой еще, ему нравится, видно, такое внимание ТВ и прессы.

И снова — старый фильм Бестора Китона. Великолепная комедия, с громадным количеством каскадных трюков, «настоянная» на банальном сюжете. Но пошлость драматурга как-то не очень мешает гениальному актеру: больно лихо он с м е ш и т — сквозь слезы. Изобретательность Бестора Китона воистину разительна — что только он не придумывал в своей борьбе против Чарли Чаплина. Побольше бы таких сраже-

ний в искусстве! Когда сражаются таланты — это на пользу прогресса. Вот когда бездари объединяются против того нового, что предвнес ищущий художник, — это страшно.

В стык (великолепное, великое это дело — монтаж) — кадры, снятые на юге: потные, старые люди давятся в очередях к урнам; основной наплыв избирателей начался после трех часов дня.

Прерывают передачу — показывают как голосовал президент Кошта Гомеш. Рядом с ним жена, вытирает слезы.

Вечером уже, часов в девять, а то и в десять, ТВ передало хроникальный фильм: всю историю «португальского эксперимента», начиная с двадцать пятого апреля, когда дети и женщины вставляли в стволы солдатских автоматов гвоздики, когда армия братalась с народом, когда с балкона президентского дворца выступал Спинола, когда отворились двери каторжных тюрем — через все перипетии сложного процесса, свидетелями которого была не только одна Португалия — весь мир. Хроника сделана уважительно по отношению к истории: получили слово не только друзья революции, но и ее враги — дали выговориться Спиноле, серьезно и объективно и с с л е д о в а л и как Отелло ди Каравалью, так и Васко Гонсалвиша.

Полночь. В пресс-центре — не протолкнешься. Гюльбекян оцеплен вооруженной полицией: ждем президента Гомеша и премьера Азеведу, затем должны приехать лидеры ведущих партий. Экраны телевизоров подрагивают голубым, изнутри напряженным цветом: скоро начнут передавать первые результаты; на избирательных участках уже начался подсчет голосов.

«Лиссабон. Семенов: Литгазета.
26 апреля 1976 г.
Приняла по телефону Рыбалова.

Я передаю этот репортаж из пресс-центра Гюльбекяна; вокруг — яростный стрекот телетайпов, пишущих маши-

нок, разноязыкий говор полутора тысяч журналистов, аккредитованных при министерстве информации Португалии.

Самые первые данные, пришедшие из Макао, из далекой колонии на юге Китая, были ошеломительными: 70% голосов отдано за Са Карнейру, за НДП! Видимо, маоисты недурно там поработали — пусть руками правых, но обязательно нанести поражение коммунистам!

Оживление среди американских и британских журналистов — действительно, это сенсация! Для них — да, для нас — нет.

Ставка в Макао была сделана на торговцев, буржуа, спекулянтов; мнение трудового населения — грузчиков, шоферов, крановщиков — попросту игнорировались; их не очень-то и пускали к урнам.

Журналисты из ФРГ дали свою оценку положения в Макао. Они считают, что «истинным правителем Макао является не губернатор Леандру, а игорный король Стенли Хо и председатель китайской торговой палаты, директор банка «Дафэн» миллионер Хо Ин, владеющий строительными, текстильными и транспортными фирмами, называющий себя при этом «самым левым», членом «компартии Китая».

«Самый левый» Хо Ин живет в роскошной вилле на Руа да Боа Виста, а на его фабриках за тридцать долларов в месяц трудятся 12-летние дети, для которых не существует никаких законов об охране труда. Именно с ним должен вести переговоры португальский губернатор, если нужно добиться одобрения китайцами какого-либо нового закона или проекта. Есть люди, которые утверждают, что несколько китайцев, которые обосновались рядом с резиденцией Хо Ина, и являются истинными представителями Макао.

И хотя Макао находится под контролем «самого левого» Хо Ина, в жизни этой колонии детский труд и проституция — обыденные явления. Коррупция получила столь ши-

рокое распространение, что Хо Ин недавно заказал для крупье в своих игорных домах новые униформы — без карманов.

С 1949 года в Макао не было забастовок. Правда, в 1966 году рабочие Макао подняли было голос против португальских колонизаторов и потребовали их ухода. Но по воле Хо Ина и его пекинских хозяев салазаровцы остались. «Вы были здесь 400 лет, чтобы нас эксплуатировать, — объявили они колонизаторам, — теперь оставайтесь до тех пор, пока нам это будет нужно». Сторонники Хо Ина блокировали и вторую попытку Лиссабона деколонизировать Макао, которая была предпринята после свержения диктатуры Каэтану в апреле 1974 года, ибо кое-кто из «самых левых» больше заинтересован в Макао как в португальской колонии, а не как в части Народной республики. И не только из-за торговли и валюты.

...Когда осторожный рассвет начал вползать в окна, когда в пресс-центре уже выступили президент Кошта Гомеш, премьер-министр ди Азеведу, товарищ Куньял, лидер социалистов Марио Соареш, лидер НДП Са Карнейру, создатель НДЦ Фрейтуш ду Амарал, когда электронно-вычислительные машины принесли более полные результаты из всех районов, без портативной счетной машинки не обойтись. Присоединился к японцам, начали считать вместе. Итак, проанализируем результаты:

АОК (ультралевые, субсидировавшиеся СДЦ) собрали по всей стране 13738 голосов, то есть 0,29%.

ФСП (ультралеваки — «колос и гаечный ключ» — помните символ?) — 37258 голосов, то есть 0,79%.

ЛСИ (троцкисты) — 14333, то есть 0,30%.

МЕС (ультралевые социалисты) — 27225, то есть 0,58%.

МРПП (провокаторы ЦРУ — Пекина) — 30189, то есть 0,64%.

ПКП («м-л») (маоисты-провокаторы) — 13369, то есть 0,28%.

ПРТ (ультралеваки) — 4293, то есть 0,09%.

УДП (леваки) — 77408, то есть 1,65%.

Итак, все вместе они набрали 205776 голосов, или 5,20% избирателей.

Ультраправые.

ППМ (монархисты) — 24674, то есть 0,52%.

ПДХ (партия демохристиан) — 24876, то есть 0,53%.

Этот ультраправый процент не имеет роли в связи с теми данными, которые следуют:

ПС (социалисты) — 1548938, то есть 35,05%.

НДП («народные демократы») — 1130729, то есть 24,03%.

СДЦ («социально-демократический центр») — 798000, то есть 15%.

Компартия — 785620, то есть 14,6%.

Сделаем подсчет: если бы стратеги ЦРУ вкупе со своим «ура-революционным» союзником не откололи людей, отдавших свои голоса за ультралевые партии, прельстившихся их «революционной» фразеологией, коммунисты получили бы на 205 тысяч голосов больше и вышли бы на третье место.

О чем говорят первые результаты? Во-первых, о том, что несмотря на яростную антикоммунистическую работу, партия Алваро Куньяла не только не потеряла голоса, но, наоборот, увеличила. Несмотря на яростные атаки коммунисты улучшили свои результаты по сравнению с выборами в Учредительное собрание: тогда было 12,52 процента голосов, а сейчас 14,61. Тогда у коммунистов было тридцать депутатов, сейчас — сорок.

Это — один аспект исследования. Теперь — второй. Предвыборный анализ, данный коммунистами, относящийся, в частности, к правой угрозе, сбылся: СДЦ Амарала увеличил число голосов, отданных за него, вдвое: на прошлых выборах за СДЦ голосовало лишь 7,67 процента. Это — тревожный симптом, и особенно он тревожен, если остановиться на третьем аспекте, на том, что и социалисты

и НДП потеряли голоса: каждая партия по два процента. Предварительный анализ показывает, что их выборщики переметнулись к СДЦ: непоследовательность обычно вызывает откат, как к ультралевым, так и к ультраправым — чаще, впрочем, к правым, те — организованнее и мощнее.

Поскольку социалисты, тем не менее, набрали наибольшее число голосов и могут претендовать на формирование кабинета, — им-то и думать в первую очередь об этом тревожном симптоме.

За день до выборов я встретился в пресс-центре с руководителем левого крыла Социалистической партии, министром сельского хозяйства и рыболовства Лопешом Кардозо.

— Это же неслыханно, — говорил министр, — чтобы в семидесятых годах двадцатого века три процента населения страны владело девяносто семью процентами всех земель! Но так было в Португалии. Так было два года назад. Мы проводили и будем проводить аграрную реформу, уважительно изучая как опыт создающихся ныне в стране коллективных хозяйств, так и интенсификацию производства в частном секторе, но не у латифундистов, а у безземельных в прошлом крестьян, которые получили ныне свои наделы.

— Аграрная реформа будет продолжена и дальше?

— Обязательно.

— Возможна ли денационализация банков?

— Мы никогда не пойдем на это, — твердо ответил Лопеш Кардозо. — Мы не собираемся сдавать то, что было завоевано подвигом народа.

Что ж — достойная позиция социалиста Кардозо — она не может не вызвать уважения. Естественно, такая концепция не по нутру ряду западных журналистов. Сдается, им вообще многое не по нутру в Португалии. Некоторые репортеры, падкие до скоропалительных, а потому сенсационных умозаключений, ночью, перед выборами, не преминули заметить:

— Голосование здесь будет проходить за штыками.

Свидетельствую: армия не была выведена на улицу, вы-

боры проходили не за штыками. Выборы проходили демократично. Выборы проходили именно так, как мечтал народ Португалии. Штыков не было. Впрочем, были вертолеты. Военные вертолеты. И опять-таки в пресс-центре кое-кто не удержался: «Вместо штыков на земле — контроль с воздуха». Снова неправда: вертолеты ВВС помогали работе центральной избирательной комиссии, передавая новости из округов.

В пятницу, за день перед выборами, лидеры социалистов, народных демократов и социально-демократического центра поделились своими прогнозами о результатах предстоящего голосования.

Марио Соареш, ПС: «Мы получим 40%, за нами пойдет социально-демократический центр, потом — народно-демократическая партия, следом за ней — коммунисты. Не думаю, что правые партии получат более 50%. Не думаю, что португальская компартия получит более 10-12%».

Са Карнейру, НДП:«37% получим мы. Социалисты — не более 27-29%. Социально-демократический центр соберет 15%».

Фрейтуш ду Амарал, СДЦ: «Первыми будем мы. Затем пойдет народно-демократическая партия. Социалисты будут третьими».

Электронно-вычислительные машины всю ночь передавали новости о результатах выборов. Всю ночь мы вели подсчет в своих блокнотах. Прогнозы народных демократов и социально-демократического центра, каждый из которых претендовал на лидерство, не оправдались. Этого, собственно, и надо было ожидать: консерватизм, даже припудренный псевдодемократическими словесами, не популярен в мире, а особенно в той стране, которая в течение страшного полувека воочию знала, что такое фашизм. По тем неполным подсчетам голосов, которыми сейчас я располагаю, народно-демократическая партия и социально-демократический центр собрали — вкупе — 41,31%. Примыкающие к ним монархисты и демохристиане — 1,06%. А коммунис-

ты вместе с социалистами обладают 49,66% голосов. Ультралеваки не получили ни одного голоса. Политика наемных раскольников, финансируемых расчетливыми заокеанскими и пекинскими стратегами, потерпела очевидный и позорный провал.

Ближайшие два-три дня покажут, какую позицию займет руководство социалистической партии. В наш тревожный век риск отнюдь не украшает политика, особенно если он думает о будущем своей страны, а не о личностном престиже. Время настойчиво диктует необходимость категорического решения: «Скажи мне, с кем ты, и я скажу, кто ты». День 25 апреля, весенний солнечный день Португалии, стал днем победы левых сил, стал днем победы демократии, стал днем надежды».

Певый раз я отдиктовался на рассвете. Потом пришли новые данные. Надо было кое-что уточнить. Линию на Москву не давали. Понесся на окраину Лиссабона, в корпункт ТАСС. Спасибо Эдуарду Ковалеву — что значит корпоративное братство! — помог выйти на «Литературку», додиктовать самые последние новости, ибо газета — как поезд: не успел до десяти часов — полоса ушла под пресс, заработали машины в типографии — не остановишь!

Поехал к Уфаевым. Поспал два часа — и снова в пресс-центр: на встречи с Са Карнейру и Амаралом.

Са Карнейру мои коллеги оглушили первым же вопросом:

— Вы говорили, что выиграете по крайней мере десять процентов голосов. Как объяснить, что вы не только не выиграли, но проиграли голоса в сравнении с прошлыми выборами?

— Я не говорил о том, что мы будем первой партией.

(Вот те бабушка и Юрьев день! Сорок восемь часов назад объявил об этом во всеуслышание, а теперь начинает танцевать варианты Берлаги: «Я сказал это не в интересах правды, а в интересах истины». Не серьезно.)

Чтобы перевести разговор в «категорию интереса», ли-

дер НДП стал требовать немедленного опубликования всех материалов, связанных с событиями двадцать пятого ноября: попытку ультралевацкого путча явно хочет связать с коммунистами, но — осторожен Са Карнейру — никакую партию не называет открыто.

Положение у Са Карнейру хуже губернаторского: социалисты — в большинстве, коммунисты укрепили и улучшили свои позиции, СДЦ не намерен делить лавры победы с кем бы то ни было — каково лидеру НДП?

Амарал провел беседу «аккуратно». Не было ни ликования, ни захлебных грубостей — говорил выверенно:

— Нынешний век — век прагматизма в политике. Невключение коммунистов в правительство будет на деле способствовать улучшению отношений Португалии с НАТО и Общим рынком. Нет, я не против аграрной реформы, я лишь против незаконного захвата земель, СДЦ — как фермент порядка в стране — предложит свои рецепты. Нет, я не против генерала Кошта Гомеша — это интеллигентный, сведущий человек, однако мы будем думать о другом кандидате на пост президента.

— Говорят, что члены вашей партии связаны с испанским «Опус деи»? Это правда?

Минутное замешательство — словно бы преграда возникла на пустынном шоссе. Это понятно: «Опус деи» — организация испанских технократов, тесно связанная с иностранным капиталом; отношение к так называемой «религиозной группе» за Пиренеями — весьма сдержанное. С «Опусом», с его банком «Атлантико» связаны громадные аферы в Испании: фирма МАТЕСА «нагрела» страну на сотни миллионов песет.

— Видите ли, — протяжно отвечает Амарал, — я не считаю корректным спрашивать членов моей партии об их религиозных принадлежностях.

(Ловко вышел. Но такой ответ предполагает — с моей точки зрения — связь СДЦ с «Опусом». Иначе, на месте Амарала, стоило бы рубить сплеча. Впрочем, ему виднее:

ставка на «Опус» имеет свои «плюсы» — деньги, много денег.)

Но вообще, размышляя здраво, результат выборов наталкивает на выводы весьма и весьма серьезные. Правых в стране немало — это факт. Но что примечательно: никто из них не рискует ныне открыто назвать себя правым! В той или иной форме варьируются понятия «социал-демократия», «социализм», «демократия». Следовательно, все партии, оппозиционные коммунистической, отдают себе отчет в притягательности идей Маркса и Ленина, никто уже ныне — как в двадцатых и тридцатых годах — не рискует провозглашать открыто и торжественно антисоциализм. Это — главный вывод, и он — оптимистичен.

В пресс-центре распространено одно из последних интервью президента Кошта Гомеша.

В о п р о с: Португальская конституция — это конституция социалистического характера. Смогут ли консервативные партии последовательно управлять в рамках основного закона, который вы приняли?

О т в е т: Конституция была разработана представителями партий, избранными народом. При этом надо иметь в виду, что процент голосовавших был очень высоким. Следовательно, политическая конституция, которая есть у нас сейчас, представляет волю народа. Только одна партия, из входивших в Учредительное собрание, голосовала против конституции — партия социально-демократический центр, но ее руководители уже заявили, что будут соблюдать основной закон. Следует ли удивляться тому, что консервативное правительство будет действовать в рамках, определенных основным законом? Я думаю, что нет, тем более что в Собрании Республики будут представлены те же самые четыре партии большинства, что и в Учредительном собрании. Разумеется, с трудностями будет сталкиваться любое правительство, но эти трудности всегда можно преодолеть благодаря стремлению достигнуть великих национальных целей.

В о п р о с: Что будет, если правительство сформируют консервативные силы? Поскольку конституция неприкосновенна — это гарантирует устойчивость институтов в течение четырехлетнего периода, — не будет ли это сопряжено с риском возникновения нового периода неустойчивости институтов?

О т в е т: Институты созданы для осуществления определенной общей политики. Я сказал бы, что конституция — это основной закон, в то время как правительства — это ее дополнительный механизм. Наша задача, несомненно, заключается в том, чтобы создать механизмы, стабилизирующие демократию. Эта стабильность позволит нам без всяких потрясений идти к режиму, справедливому в социальном, экономическом и политическом отношениях. Введение четырехлетнего периода, в течение которого конституция не может быть изменена, на мой взгляд, имеет исключительную важность для достижения этой цели.

В о п р о с: Некоторые политические руководители утверждают, будто новая конституция носит марксистский характер. Другие говорят, что она является одной из «самых прогрессивных в капиталистическом мире». Каково ваше мнение?

О т в е т: Я считаю ее политически передовой конституцией по сравнению с другими документами того же рода, конституцией, направленной на достижение прогрессивных целей. Я не стану применять к ней строгой классификации или сравнивать ее с другими конституциями «капиталистического мира». Наша революция и ее эволюционный процесс были очень специфическими, и принятая конституция частично отражает ту действительность, в которой мы живем.

В о п р о с: Независимо от полномочий Революционного Совета, являющегося гарантом конституции, какова будет в дальнейшем миссия вооруженных сил и их роль в политической жизни страны?

О т в е т: Задача вооруженных сил определена в самом тексте конституции. Что касается роли военных в политической жизни, то она будет постепенно ослабевать по мере укрепления институтов до тех пор, пока не отпадет необходимость в их участии.

Уже достаточно говорилось о том, что военные не претендуют на власть. Их миссия — помимо задач, общих для всех вооруженных сил, — состоит в том, чтобы гарантировать соблюдение конституции и обеспечивать условия мирного и плюралистического перехода нашего общества к демократии и социализму.

В о п р о с: Могут ли результаты парламентских выборов отразиться на составе Революционного Совета?

О т в е т: В конституции лишь предусмотрено, что в случае кончины или отставки одного из членов, назначенных тремя видами вооруженных сил, или же в случае его постоянной неспособности участвовать в работе совета, вакантное место займет деятель, выдвинутый соответствующим видом вооруженных сил. Следовательно, не предусмотрено никакого изменения его состава, помимо этих случаев.

В о п р о с: Что вы думаете о «необратимости основных завоеваний революции»?

О т в е т: Конституция предусматривает неприкосновенность основных завоеваний нашей революции. Что касается людей, избранных в соответствии с конституцией, то мне кажется, что они лишний раз доказали, что их позиции совпадают с интересами народа, который они представляют в Собрании.

В самом деле, было бы бессмысленно ликвидировать завоевания, которые за последние два года материально воплощали собой путь свободного, демократического, справедливого общества, идущего к прогрессу. Поставить под вопрос эти завоевания — значит предать революцию, предать народ, который содействовал им, связал с ними свои надежды и отдал им свои силы.

Секретарь «народных монархистов» Телеш не прошел

в Ассамблею. До сего дня он был единственным представителем ПНМ — членом кабинета министров.

— Что бы вы сделали, если бы были военным, господин Телеш?

Он вздохнул:

— Ушел бы в казармы.

Ему придется идти несколько дальше — народ отказал в доверии «народной» партии. Как это у Авраама Линкольна? Можно довольно долго обманывать часть народа, можно короткое время обманывать весь народ, но нельзя в течение долгого времени обманывать всю страну (цитирую на память — поэтому без кавычек). Прекрасные слова великого американца!

Конечно же, МРПП оказалась верна себе. Грохнула заявление:

— Немедленно и до конца разоблачим возмутительный избирательный фарс, устроенный ревизионистскими заправилами! (Чувствуете стиль?) Избирательная машина — это машина обмана и лжи. При диктатуре буржуазии по-другому быть не может. (В Португалии?)

Хорошо известна смертельная борьба, которую нам пришлось вести для выдвижения рабочей кандидатуры. Еще до окончания избирательной кампании (Браво! Быстро!) наша партия уже начала разоблачать возможную фальсификацию результатов выборов, так как подсчет результатов был поручен фирме «Норма», контролируемой коммунистами. (Ого! Пропадает дар Жюля Верна, МРПП!) Выборы свидетельствуют о фальсификации. В руки коммунистов попало мощное оружие, с помощью которого они смогли усилить свои позиции и подтасовать результаты, достигнутые нашей партией, прибегнув к сложным манипуляциям на счетно-решающих устройствах фирмы «Норма». (Эк, мерзавцы, запутывают народ жупелом «наука в руках злодеев». Расчет на темноту.) К нам поступило огромное число телефонограмм и телеграмм, в которых выражалось возмущение масс этим маневром коммунистов. (Ну что можно сказать в ответ? И надо ли? Пожалуй, надо.)

Май 1950 года. Лиссабонский суд. При закрытых дверях слушается дело по обвинению гражданина Португалии в «национальной измене», терроризме и предательстве интересов народа.

С у д ь я: Вы знаете в чем вас обвиняют?

О б в и н я е м ы й: Да.

С у д ь я: У вас есть что сказать в свою защиту?

О б в и н я е м ы й: Да. С момента моего заключения, то есть уже более года, меня содержат в «режиме строжайшей изоляции». Я не преувеличу, если скажу, что этот новый «режим» является одной из форм жесточайших пыток. Во время моего первого ареста в 1937 году я узнал, что такое пытка садистов ПИДЕ. Пыткам я был подвергнут сразу после того, как отказался отвечать на вопросы следователей. На меня были надеты наручники, я был брошен в тесный круг агентов ПИДЕ, и они начали бить меня, перебрасывая от одного к другому. Потом они начали бить меня об стену. После этого, поскольку я по-прежнему молчал, они взялись за резиновые дубинки и канаты. Когда и это не помогло, меня повалили и начали бить ногами. Затем меня разули и обрушили страшные удары на ступни. Агенты ПИДЕ долго били меня, до потной усталости, а потом подняли, поставили на вспухшие ноги и заставили идти по камере. Я шел под градом их ударов. Так продолжалось много часов подряд — до тех пор, пока я не потерял сознание. Я не приходил в себя пять суток.

На этот раз меня не били. Однако я могу свидетельствовать, что «режим строжайшей изоляции» так же страшен, как и пытки. Я был счастлив узнать, что мои товарищи по заключению — София Ферейра и Милитон, — подвергнутые таким же, как и я, пыткам, так же не произнесли ни одного слова, которое могло бы причинить вред тому делу, которое мы представляем.

Теперь я перейду к пунктам обвинения. Меня обвиняют в том, что мы — не самостоятельная политическая партия, а некий «глаз Москвы», что мы «проводники решений и при-

казов из-за рубежа». В этом обвиняют не только нас, португальских коммунистов, но и наших французских, испанских и итальянских товарищей. Эта ложь потребовалась для того, чтобы бросить тень на сугубо национальный, патриотический характер борьбы португальских коммунистов. Это сделано — в который раз уже — для того, чтобы оторвать нас от колеблющихся демократов; для того, чтобы оклеветать нас в глазах широких масс. Обвинение построено по спасительному фашистскому принципу, когда вор кричит: «Держи вора!» В то время, когда иностранные монополии превратили нынешних руководителей нашей страны в своих слуг, которые безропотно выполняют все приказы из-за рубежа, было бы антипатриотичным и антинациональным поступком уклоняться от борьбы за честь и национальную независимость Португалии. И мы пошли на борьбу за свободу первыми! Итак, за национальную независимость и свободу последовательнее всего выступают те силы, которые стоят на позициях интернационализма, ибо ничто так не способствует порабощению страны, как торжество духа национализма. Только тот, кто обманут, или те, которые хотят обмануть, решатся отрицать очевидный факт: большинство нашего национального богатства продано крупной португальской буржуазией иностранному империализму. К несчастью для нашей родины, мы можем привести сотни примеров, показывающих, какая пропасть лежит между словом «независимость» и самой независимостью. Правящие страной силы, которые не устают клясться в своем национализме и приверженности независимости, поступают на деле совсем наоборот. Разве могут поступать «борцы за независимость» так, как поступают сейчас те, кто нами правит?! Вино «порту» не могут продать за границу, а виски и коньяк, тем не менее, покупают, нанося этим огромный ущерб экономике. Не могут продать смолы, зато покупают спирт. Не могут продать пробку, зато покупают пластмассы. Кому это выгодно? Португалии?! В отличие от националистов, именно мы требуем, чтобы экономика нашей страны была истинно п о р т у г а л ь с к о й!

Далее. Справедливо утверждение, что тот, «кто обманывает, всегда находит того, кто позволяет себя обмануть». Несмотря на лживые, унизительные сетования некоторых наших проповедников о «постоянной португальской нищете», анализ национальной экономики позволяет утверждать: правильное использование природных ресурсов гарантирует нашему народу зажиточную жизнь — уютный очаг, духовные и культурные ценности. Нынешние фашистские правители не могут ответить на наши вопросы:

— Почему закрываются заводы, почему на улицу выгоняют рабочих, когда лишь увеличение производства дает повышение благосостояния?

— Почему мы видим массовую безработицу среди крестьян, хотя в стране есть два миллиона гектаров необрабатываемой земли?

— Почему разоряют мелких промышленников, фермеров, владельцев магазинов, предпринимателей в сфере обслуживания? Почему потребовалось облагать этих людей ростовщическими налогами?

— Почему люди ютятся в бараках, а государство поощряет строительство дорогостоящих роскошных домов?

— Почему растет смертность — особенно детская?

— Почему поощряется безграмотность? Почему ведутся гонения на ученых, писателей, художников?

Что же, принимать существующее, как должное? В наивыгодном положении часто оказывается проповедник покорности. Однако покорность не есть наша идеология.

Возникает вопрос: могут ли чаяния португальских демократов — независимость, мир, благосостояние народа — быть гарантированы современным режимом? Нет, не могут. Каков выход? Возврат к временам республики 1910 года? Главная слабость республики заключалась в отсутствии единства народно-демократического движения с истинным национально-освободительным движением. Если представить себе возврат к той республике — которая, конечно же, есть освобождение народа от фашизма — то вывод, тем не менее, будет

плачевным: повторение прошлых ошибок, прошлая разъединенность, может сейчас привести к правому перевороту и установлению диктатуры. Я, однако, убежден, что настанет день, когда не будет больших разногласий между нами, коммунистами, и другими д е м о к р а т а м и, включая старых и благородных республиканцев, которые невзирая на четвертьвековой гнет и свой преклонный возраст, продолжают быть преданными своей мужественной идее, включая католиков, сохраняющих верность христианству. Для того, однако, чтобы демократическая республика была жизнеспособной, необходимо главное: народ должен видеть в ней свою собственную республику, а в избранном им правительстве он действительно должен видеть с в о е правительство. До тех пор, пока наш народ живет у себя дома, как на враждебной территории, участие его в политической жизни, его волеизъявление невозможно. Каков же выход? Мы стремимся к мирному решению политических проблем в Португалии. Поэтому уже давно основным нашим требованием является проведение свободных выборов в Учредительное собрание. Более того, несмотря на антидемократичность нынешней конституции, несмотря на то, что наша национальная Ассамблея имеет слабое сходство с парламентом любой страны буржуазной демократии, несмотря на то, что нынешний закон устанавливает ограничения для избирателей, несмотря на все это, мы готовы были принимать участие в «изъявлении народной воли» на выборах в национальную Ассамблею в ноябре 1945 года и на выборах президента в 1949 году, мы требовали одного лишь: чтобы соблюдались хоть эти, действующие законы. Что же получилось? Как на первых, так и на вторых выборах правительство продемонстрировало полное неуважение к законам, сочиненным им же самим. Следовательно, ввиду того, что в стране нельзя провести свободные выборы для изменения режима, следует сменить режим — во имя того, чтобы провести свободные выборы.

Нас обвиняют в терроризме. Какой вздор! Разве наша концепция — есть концепция заговорщиков и террористов?

Мы всегда выступали, выступаем и будем выступать против террора, ибо террор вызывает в массах представление, будто маленькая группка решительных людей может сменить режим, тогда все остальные должны сидеть и ждать, сложив руки, исхода этой борьбы одиночек. Терроризм отталкивает народ от борьбы, мы же, наоборот, зовем народ к политической борьбе.

Я остановился на некоторых основных пунктах обвинения. Я говорю это в застенке, но не как представитель побежденной партии, а как представитель великой партии народа. Я знаю, что мы будем осуждены, несмотря на всю вздорность предъявленных обвинений. Я счастлив, однако, поскольку знаю, что народ требует суда над национальными изменниками и террористами. Народ посадит на скамью подсудимых изменников и террористов — фашистов, правящих Португалией, их фюрера — Салазара!

Одиннадцать лет провел в одиночке тот человек, который так блистательно дал анализ португальской ситуации.

Потом был побег — неслыханный по отваге и дерзости, побег смертельного риска, побег борьбы — во имя свободы народа.

Имя этого человека — Куньял. И против этого-то человека призывают бороться «ура-революционеры» из наемной МРПП!

«Лиссабон. Семенов: Литгазета.
Приняла по телефону Карасева.

На двери табличка: «Товарищ, в целях безопасности проверь, надежно ли ты закрыл дверь!» Это — в ЦО португальской коммунистической партии «Аванте». Вся редакция размещена в пяти комнатах; кабинет главного редактора, члена политкомиссии ЦК ПКП товарища Антониу Диаша Лоренсо — от силы десять метров — троим довольно трудно поворачиваться, особенно когда на столе редактора множество типографских оттисков с портретами коммуни-

стических депутатов, выбранных в Ассамблею республики.

Лоренсо особым, ласкающим, что ли, движением пальцев прикасается к портретам товарищей:

— Это Жозе Марго, он просидел у Салазара больше двадцати лет, это он устроил побег из тюрьмы Пенише на броневике диктатора — нетронутая еще писателями тема... А это Жоржетта Ферейра, мы с ней познакомились в тридцатых годах, я тогда контролировал ее работу — она только-только начинала борьбу, а это Жоакин Гомес, он был стекольщиком, потом пришел к нам, начал работать в типографии: работа в газете была как бы кандидатским стажем для коммуниста — самый опасный участок. Он тоже провел в тюрьмах много лет. А вот с Алваро Куньялом я познакомился — в отличие от многих других депутатов Ассамблеи — не в тюрьме, а в Лиссабоне, в редакции нашего легального еженедельника «Дьявол». Куньял был душой нашей газеты: он выступал как публицист, литературный критик, эссеист, философ. Денег не было, мы работали впятером — вся редакция в одной комнате. А тираж был — по тем временам — огромный: тридцать пять тысяч экземпляров. Если и сейчас в Португалии каждый третий человек неграмотен, то в те годы из десяти человек только один умел читать и писать. Мы восхищались талантом и работоспособностью Куньяла, но никто из нас не знал, что в нем — помимо дара революционера (а это дар, это врожденный дар!), помимо таланта писателя, историка и философа, — сокрыто великолепное умение видеть мир глазами живописца.

Диаш Лоренсо показывает мне фотографию: сквозь узкую деревянную щель — сантиметров десять — видно шесть домиков; вернее даже не домиков, а их части — от цоколя до первого этажа. Это то, что Алваро Куньял мог видеть из своей камеры, где он провел многие годы заключения. Он не мог видеть человеческую фигуру — лишь ноги. Впрочем, он мог видеть мальшей. Им, верно, он и посвящал свою живопись.

(Когда вы открываете альбом рисунков Куньяла, сделанных им в застенках, видите памятку: «Весь гонорар от

издания этих рисунков передан автором в фонд Португальской коммунистической партии».

О себе Лоренсо не говорит. А ведь и его судьба поразительна. Я хочу рассказать лишь об одном эпизоде из его жизни. Это случилось в Лиссабонском суде в феврале 1965 года.

С у д ь я: Правда ли, что вы вновь вступили в коммунистическую партию в 1954 году — после побега из крепости Пенише?

Д и а ш Л о р е н с о: Вопросы, касающиеся конкретной деятельности и затрагивающие безопасность моей партии, я не намерен обсуждать. Что же касается вопросов, обращенных лично ко мне, я готов ответить. Так вот: «вновь вступает» в партию лишь тот, кто выбывал из нее. А я горд тем, что стал на сторону коммунизма шестнадцатилетним юношей, продолжал быть коммунистом в ваших одиночках, был коммунистом, вырвавшись на свободу, и продолжаю быть коммунистом сейчас, здесь, перед вами. Следовательно, ваш вопрос, который по нынешним законам есть форма обвинения, я отвергаю: я никогда не переставал быть членом коммунистической партии Португалии.

С у д ь я: Правда ли, что вы являетесть членом совета Секретариата партии?

Л о р е н с о: Этим вопросом вы хотите усугубить меру моей вины? Могу сказать, что Секретариат ЦК состоит из преданных, честных людей, истинных патриотов Португалии, и возглавляет их замечательный борец за Португалию Алваро Куньял.

С у д ь я: Правда ли, что вы являлись главным редактором центрального органа партии, газеты «Аванте»?

Л о р е н с о: Могу сказать лишь то, что коммунистическая пресса — это единственно свободная пресса Португалии. Мы боремся, несмотря на полицейский произвол и цензуру, несмотря на отсутствие какого бы то ни было подобия свободы слова. Хороша себе свобода слова, если

здесь, в этой судебной камере, португальскую «прессу» представляет агент ПИДЕ!

(Лоренсо указывает на человека, сидящего в ложе прессы. Судья прерывает обвиняемого.)

С у д ь я: Правда ли то, что вы отвечали за кассу партии?

Л о р е н с о: На этот вопрос я отвечать не буду. Могу лишь заметить, что касса коммунистической партии создана не ценою вымогательства, взлома или мошенничества, хотя создана она из тех же источников, которые пополняют сейфы крупных монополистов. Но те грабят рабочий класс, а наша партия существует и действует благодаря добровольным пожертвованиям угнетенных.

С у д ь я: Правда ли, что вы руководили совещанием политической, организационной и редакционной комиссий ЦК?

Л о р е н с о: Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. Не могу только не заметить, что вы напрасно стараетесь превратить меня в единственную политическую опору партии. Для того лишь, чтобы восстановить правду, замечу, что партией руководит коллектив, мы — сторонники коллективного руководства, при котором централизм сочетается с самой широкой демократией.

С у д ь я: Правда ли, что вы руководили и направляли беспорядки в 1961 году в Порту и Лиссабоне?

Л о р е н с о: Это были не «беспорядки». Коммунистическая партия взяла на себя ответственность руководить битвами португальского народа против тирании, нищеты, и бесправия. Это было победоносное выступление миллионов, и я счастлив, что принимал участие в борьбе.

С у д ь я: Вы руководили студенческими беспорядками?

Л о р е н с о: Беспорядками?! Правительство покрыло себя позором в борьбе против культуры и прогресса, в борьбе против студенчества, которое требовало одного лишь — улучшения системы преподавания! За это тысячи студентов были брошены в казармы Пареде, а потом им пришлось пройти страшную школу пыток ПИДЕ.

С у д ь я: Что вы можете сказать в свою защиту по поводу всех этих фактов?

Л о р е н с о: Я скажу не в свою защиту, а в обвинение ПИДЕ. Я дважды проходил через лапы ПИДЕ. Когда меня арестовали в первый раз, агенты четыре часа подряд избивали меня — до тех пор, пока я не потерял сознание. Руководил избиением Фернандо Гоувейта. Он бил меня «по науке» — в основном по груди, в пах и по пальцам ног. Избиение кончилось тем, что меня отправили в госпиталь тюрьмы Алжубе. Там, меня «лечили» в одной из знаменитых одиночек. Потом я прошел сквозь «пытки сном» — первый раз меня лишали сна сто часов, второй — сорок восемь. Во время второго ареста на меня с такой яростью надели наручники, что из вен хлынула кровь. Началось заражение крови — меня лечили в клинике тюрьмы Кашиас — в деле есть документы об этом. Потом я был зверски избит за то, что не встал, когда в камеру вошел инспектор ПИДЕ, а потом брошен в карцер — без воздуха и света; на полу — испражнения, которые выливались из уборной, расположенной тут же. Там меня держали семьдесят восемь дней. Оттуда меня привезли в ПИДЕ и бросили в камеру третьего этажа, куда, как говорит полиция, «закону нет доступа». Эта камера была особого рода: ее оборудовали специальными трубами для того, чтобы догонять температуру до пятидесяти градусов. В потолок была вмонтирована мощная, слепящая лампа. Когда и эти пытки не заставили меня говорить, ПИДЕ вмонтировала специальную аппаратуру, изображающую все системы пыток, применяемых здесь. Вся камера была словно разрисована этими страшными сценами. На третий день, когда и это не помогло, палачи включили звуковую аппаратуру и дали мне послушать чудовищную пленку: будто бы моя жена, арестованная вместе со мной, отвечает на ухаживания одного из агентов ПИДЕ. Потом включили следующую пленку: двое моих детишек, малыши еще, кричали страшным голосом, — а они сидели в камере вместе с матерью, — и обращались ко мне за помощью, потому что их то-

же пытают. Я понял, что меня хотят свести с ума. Потом на меня направили струю пара и газа, а я не мог закрыть лицо, потому что руки были в наручниках, за спиною — все эти трое суток...

С у д ь я: Мы слыхали обо всем этом, мы уже слыхали это от других!

Л о р е н с о: Очень показательное замечание! Любой другой судья не мог бы не заинтересоваться методами тайной полиции. Но я все же договорю! Я не могу не сказать, как пришла группа агентов, а среди них один высший чин, и как они надели на меня смирительную рубашку, и завязали поясом, и начали бить, а высший чин так ударил меня ребром ладони по губам, что у меня до сих пор весь рот в шрамах. А потом некий господин Тиноко, командир бригады ПИДЕ, разбил мне глаз — я до сих пор плохо им вижу, и силой открыл мне рот, и впихнул в рот манифест компартии — тот манифест, в котором сказано, что пидевцы — это наемные убийцы. Мне завязали рот поясом, и так я просидел всю ночь, а потом, на рассвете, они снова стали меня бить, и ввели мне в рот шланг с водой, и заставили проглотить бумажное месиво, а потом избили до потери сознания, а уже после перевели в тюрьму Алжубе. Месяц меня держали в одиночке, потому что все тело было в кровоподтеках и ссадинах, а руки не двигались из-за отеков, вызванных наручниками. И эти-то люди обвиняют меня и мою партию в подрыве устоев Португалии! Эти люди смеют меня обвинять в антипатриотизме! Эти люди смеют обвинять меня в мифической подрывной деятельности! Это они, фашисты, несут ответственность за нищету и бесправие, царящие на нашей родине!

С у д ь я: Это теория! Мы это знаем! Отправьте его в ПИДЕ!

Раньше трагедию писали на многих страницах, ныне можно уместить в абзац. Неужели это новое качество в р е м е н и?

Что это — свойство темперамента или отсутствие принципиальности? Не прошло и недели (воистину, петух не прокричал еще и второй раз!) после того, как Са Карнейру объявил кандидатом на пост президента генерала Пиреша Велозу, как сегодня в опустевшем уже пресс-центре прогрохотало: лидер НДП официально назвал кандидатом генерала Ромальо Эанеша.

(Один ученый рассказывал мне, что американский доктор Уатт определял заболевание человека по тому, как он потребляет соль. Есть три категории людей: первые сразу же тянутся за солонкой, не попробав еще пищи, вторые обязательно подсаливают — попробовав, третьи едят все недосоленное. Те, которые солят, не пробуя, — гипертоники; обязательно подсаливают люди со скачущим давлением; недосоленное едят гипотоники. Наблюдение было канонизировано, как одна из форм безошибочной диагностики. Как определить заболевание партии, которая имеет семь пятниц на одной неделе? Или — точнее говоря — кандидатов на пост президента Республики.)

Адьютант генерала — высоченный, черноусый, похожий более на профессора словесности, чем на майора, — Монис Баррето провел меня в маленькую комнату, предложил кофе — генерал Ромальо Эанеш заканчивает совещание, придется немного подождать.

Присоединился второй адьютант, капитан Кардозо да Кунья. Полное небрежение к одежде, студент старшего курса — да и все тут!

Зовут в приемную. Очаровательные девушки-секретари отвечают на беспрерывные телефонные звонки; толпятся пожилые генералы, увешанные орденами. Странно смотрится среди этих «зубров» человек в спортивной замшевой курточке и «водолазке». Откуда он здесь? Медальное лицо, сильный подбородок, плотно сжатые губы.

— Знакомтесь, генерал Эанеш.

Оглядываясь ищу самого у в е ш а н н о г о военного. Человек в курточке протягивает мне руку, приглашает в каби-

нет. Эанеш подчеркнуто скромен, очень сдержан. На первый вопрос отвечает рублено, четко:

— Отношения с Советским Союзом должны развиваться во всех областях. Мы убеждены, что вмешательства в наши внутренние дела не будет. Советский Союз — слишком великая страна, Москва должна понимать наши проблемы.

— Будут ли участвовать военные в правительстве?

— Не обязательно, ибо народ уже достаточно созрел и умеет пользоваться благами демократии. Однако, как национальная сила, армия будет присутствовать, ибо это записано в конституции.

— Каким генерал видит будущее правительство Республики?

— Таким, которое сумеет приспособить свою партийную программу к объективным условиям страны и судьбам нации.

— Уверен ли генерал, что запад будет оказывать экономическую помощь, учитывая социалистический характер конституции?

— Думаю — да. Мы — открытая страна. Однако если мы почувствуем попытку вмешательства со стороны любой великой державы — мы немедленно предпримем свои контрмеры.

— Были бы иными результаты выборов, не гарантируй армия порядок в стране?

— Нет. Результаты остались бы такими же. Присутствие армии было номинальным — это свидетельствует о том, что нация созрела политически и готова принимать здравые решения.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, не относящихся к текущему политическому моменту...

— Пожалуйста. Хотите «порту»?

— С удовольствием.

«Порту» — горьковатый, густой, невероятно вкусный.

— Какая битва времен второй мировой войны кажется вам, кадровому офицеру, наиболее значительной?

— По возрасту я не мог быть участником войны... Так что, мое суждение должно базироваться на знакомстве с литературой и кинематографом. В прошлом году, к тридцатилетию победы над гитлеризмом, наше ТВ показало английский документальный многосерийный фильм. Однако доктор Алваро Куньял критиковал эту картину, как тенденциозную — я, поэтому, воздержусь от комментариев. Могу сказать только одно: конечно же, Гитлера победил не «генерал Зима». Победила ваша идеология, ваш народ, ставший на патриотическую войну — такую же, как это было во времена битвы с Наполеоном. Свобода и независимость — главный дар, отпущенный нации, и за это надо уметь сражаться.

— Кого из писателей вы больше любите — Толстого или Достоевского?

— Конечно, Достоевского.

— Почему «конечно»?

— Потому, что он показывал человеческие глубины.

— Я думал — вы, как военный ответите — Толстого.

— Достоевский помогает понять нацию через отдельную личность. Это тоже интересно для военного.

— Кто ваш любимый португальский поэт?

— Камоэнс.

— Писатель?

— Нет заслуживающих внимания.

— Художник?

— Камило Бранку. А можно теперь мне спросить вас?

— Пожалуйста.

— Почему вы задаете вопросы такого рода?

— Потому, что это форма теста.

— В таком случае дайте сноску, — генерал улыбнулся (португальская пресса называет его «неулыбающимся генералом»),— что я назвал лишь тех художников, которые произвели на меня самое большое впечатление в детстве и юности. И вообще я хочу зарезервировать за собою право вернуться к этой теме во время нашей следующей встречи.

Родолфу Крешпу, член руководства социалистической партии, отвечающий за международные связи, депутат Ассамблеи от Лиссабона давно работает вместе с Соарешем, со времени вынужденной эмиграции социалистического лидера.

— Это удивительно, — говорит мне Крешпу. — Эанеш — кандидат нашей партии! НДП определенно выдвигало Пиреша Велозу. Что это — попытка скомпрометировать Эанеша?

— Как поступит теперь ваш ЦК?

— Мы сейчас занимаемся именно этим вопросом.

— А формированием правительства?

— Этим — тоже.

— Будет блок с коммунистами?

— Сейчас это невозможно.

— Почему?

— Потому, что это будет шаг к расколу страны. Коммунисты сильны в столице, в промышленном поясе и на юге. Север не поддерживает коммунистов, там более сильны правые партии. Мы не можем пойти на риск раскола Португалии.

— Значит, блок с НДП?

— Это невозможно. Ни с НДП, ни с СДЦ мы не можем пойти на коалицию. Для нас это то же, что отказаться от самих себя. Мы рассчитываем на поддержку коммунистов в парламенте — это единственный путь для противостояния правым.

Хорошо, что Крешпу открыто говорит то, что думает. Однако в этом его суждении есть несправедливость: партия коммунистов, вынесшая на своих плечах главное бремя борьбы против фашистов, понесшая наибольшее количество жертв, почему-то должна остаться в стороне от государственных решений. Нет ли в позиции социалистов гипертрофированного честолюбия? Марио Соареш громко говорит об уважении Миттерана, но ведь французские социалисты пошли на создание левого блока. Почему же возможное во Франции — невозможно в Португалии?

Убежден ли Марио Соареш, что партия, собравшая треть голосов в стране, сможет удержать власть при том, что около половины голосов отданы правым партиям? Социалисты оказались «загнанными» в тот «тоннель власти», который неизвестно куда еще приведет. Их попытка «загнать» коммунистов в «тоннель» обязательной поддержки социалистического правительства (без поддержки компартии они не продержатся) — средство весьма демагогического свойства. Стратегия соцпартии — хотят того или не хотят ее лидеры — отмечена печатью «государственного эгоцентризма». Надежда на ФРГ, как искомую модель социал-демократического государства, штука весьма и весьма относительная. Я не думаю, чтобы Брандт или канцлер Шмидт могли п р и н у д и т ь Круппа вкладывать капиталы в Португалию, они лишь могут б л а г о п р и я т с т в о в а т ь Круппу и иным представителям монополистического капитала; приказывать — никогда.

Социалисты убеждены в поддержке Запада. Но ведь Западу куда как выгоднее иметь дело с португальским крупным капиталом, нежели с шатким правительством, выступающим — во всяком случае на словах — против крупного капитала.

Не возникает ли заколдованный круг противоречий, «расколдовать» который может лишь устойчивая левая коалиция? Понять это следовало бы как можно раньше, ибо мудрость, гласящая, что «лучше поздно, чем никогда», соотносима с людскими взаимоотношениями куда как больше, чем с взаимоотношениями междупартийными.

Видимо, альтернатива блоку с коммунистами — лишь одна: уйти вправо, сблизить свою программу с позицией Са Карнейру. Но тогда — Крешпу прав — надо уже сейчас искать новое название для партии.

«Лиссабон. Семенов:
Литгазета. 30.04.76 г.
Приняла по телефону Рыбалова.

Алваро Куньял: «Левое большинство может быть создано».

Несмотря на то, что час был ранний, в ЦК Компартии Португалии уже работали; впрочем, точнее, быть может, сказать «еще работали». Ситуация после выборов в стране по-прежнему сложная; маневрам НДП, потерявшей часть парламентских кресел в Ассамблее республики (помните, в прошлой корреспонденции, я передавал уверенный, — сейчас можно сказать «самоуверенный», — прогноз Са Карнейру: «Мы будем первой партией и соберем сорок процентов голосов?» А собрали всего 27!), левые силы Португалии, и в первую очередь коммунисты, должны противополагать возможному хаосу н а у ч н о с т ь и единство.

Ночью главный редактор центрального органа коммунистов «Аванте» товарищ Диаш сделал мне бесценный подарок: подборку номеров газеты — с первого ее номера, со времен далекого подполья, и альбом рисунков А.Куньяла — достать этот альбом в магазинах португальской столицы невозможно. Это и понятно — имя художника, его талант, его судьба, его верность ленинским идеалам — сделали этот альбом — без всякой рекламы — истинным бестселлером.

И сейчас, в этот ранний час, встретившись в ЦК с Алваро Куньялом, с этим легендарным революционером, я не мог не подивиться: напряжение последнего месяца, бесконечные поездки по стране, митинги, сложные политические решения, которые требовали немедленной и безошибочной апробации, бессонница, работа по двадцать часов в сутки не наложили внешнего отпечатка на Куньяла — как и всегда, он подобран, мускулист, улыбчив, в голубой спортивной рубашке и рабочем свитере, — словно бы человек, только-только возвратившийся с беззаботной утренней прогулки.

Вся жизнь Куньяла — это легенда. Блистательный писатель, публицист, критик, художник, он чуть снисходительно посмеялся, когда я начал восторженно говорить о его живописи, искренне восхищаясь своеобразием стиля и мо-

щью образов — некий португальский сплав Диего Ривейры, Матисса и «черного» Гойи. Главная тема живописи Куньяла — «человек и надежда», «человек и отчаяние», «человек и братство», «человек и борьба». Вот тема одного из рисунков: мать хоронит ребенка. Тело и лицо женщины полны скорби и слышимого отчаяния. «Мать» — самое короткое слово в португальском языке, но смысл его и величие необъятны — «мать». А что может быть страшнее для матери, чем бессилие помочь своему ребенку?! А вот другой рисунок: танец и песня простолюдинов. Юноша и девушка полны искрометного веселья; кажется, что Куньял писал это во время народной «фейры» — шумного праздника виноградарей Бежи, а не в одиночке.

— Это — отдых. — Куньял передает мне картины, подписанные им. — Я сделал сотни таких рисунков в тюрьме. Днем надо было работать — я готовил тогда выступление в суде, приходилось выучивать наизусть целые страницы — когда находишься в ПИДЕ, нельзя быть уверенным в сохранности рукописного текста; да и света в камере не было: оконце моей одиночки было забрано «намордником». А вот ночью фашисты врубали яркую лампу над койкой — тогда я и отдыхал; рисовал то, чем жил и о чем мечтал. Живопись была моим отдыхом в тюрьме, — повторяет Куньял.

(Для справки: более 300 лет провели в фашистских застенках члены ЦК Компартии Португалии; 100 лет — депутаты Учредительного собрания; из числа избранных 25 апреля этого года депутатов в Ассамблею Республики один лишь Франсиско Мигель провел в карцерах и подвалах салазаровских застенков 21 год! А Куньял?! А главный редактор «Аванте» Диаш Лоренсо? 17 лет его истязали в тюрьме, а потом — побег через узкую щель, по отвесным скалам, ухватившись за тонкую веревку, а после — океан, обжигающе-холодная вода, безбрежье ночных волн... Детскими забавами кажутся злоключения Монте-Кристо в сравнении с тем, как салазаровские фашисты воевали против патриотов Португалии.)

— Сейчас, — продолжает Алваро Куньял, — не время для отдыха, не время для живописи. Сейчас время решений, время работы. Положение сложное. Это понимают и ответственно думающие политики, это понимает и Движение вооруженных сил, которое так много сделало для освобождения страны от фашизма, которое было надежным гарантом демократических выборов.

Алваро Куньял говорит объемно, ясно, четко, словно профессор математики — так же убежденно и талантливо:

— В стране сейчас появилась возможность для создания реального левого большинства. Мы делаем все необходимое, чтобы это арифметическое большинство стало большинством политическим. Мы за блок коммунистов и социалистов. Руководители социалистической партии, вероятно, не могут не считаться с мнением рядовых социалистов, особенно в рабочих районах страны — там товарищи отвергают возможность любого блока с правыми. Игнорировать мнение трудящихся — членов социалистической партии — было бы недальновидным со стороны руководителей. Мы готовы к диалогу с социалистами. Мы не сектанты, мы не замкнутая организация, мы открыты для масс, мы готовы к любым дискуссиям, мы готовы к дискуссиям не только с другими партиями, но и со своими товарищами — в этом залог единства компартии. Мы отдаем себе отчет, что практика прошедших выборов доказала: максимальных успехов левые силы добились там, где был очевиден эффект социальных перемен — не слово, но дело, не велеречивые посулы, а реальные блага. Но это, как говорится, раздумья на будущее, а не славословие по поводу сделанного.

(Сейчас в Лиссабоне на стенах домов появились качественно новые плакаты: сердце, пронзенное стрелой, математический знак «+» и пять букв — ПКП и ПС, коммунисты и социалисты. Я не хочу быть оптимистом сверх нормы. Однако тенденция, царящая в настроениях рабочих, очевидна: единство. Сейчас честно думающих

португальцев не может не волновать вопрос — какой страна придет к президентским выборам? Что ждет — единство или разобщенность?)

Любой политический анализ Куньяла — предмет для тщательного изучения всеми серьезными политическими деятелями Португалии. Еще в 1940 году, совсем молодым человеком, в своей работе «Предупреждение» Куньял писал: «Единство движения — не есть одинаковость всех его составных элементов. Люди, которые решаются выступать вместе, в одном блоке, совершенно не обязательно должны слиться в единый конгломерат».

Это платформа Куньяла. Это сказано не вчера и не сегодня. Но это было сказано на многие годы вперед — для разных обстоятельств, часто — трагических. Он повторил это в своей речи в суде, в страшном пятидесятом году; он подтвердил тогда необходимость единства всех демократов, включая старых «республиканцев 1910 года».

Следовательно, все разговоры о «тактической игре» коммунистов не выдерживают критики. Не отказываясь от своей программы, компартия была готова — и раньше и сейчас — к широкому блоку с социалистами.

Алваро Куньял поясняет:

— Сейчас есть такая тенденция — говорить о нашем влиянии на ДВС, влияние, которое якобы имеет давние традиции. Это — неверно. Движение военных — одно из звеньев борьбы против империализма; борьба была всенародной, а мы, конечно же, играли свою роль в жизни страны. Кое-кто, еще много лет назад, когда мы были в подполье, упрекал нас в чрезмерном «увлечении» ролью армии в жизни страны. А мы отвечали Лениным. Надо всегда помнить Ленина. Он писал, что в высокоцентрализованном и милитаризованном государстве необходимо распропагандировать или нейтрализовать войска. Нам говорили: «Вы путчисты». А мы отвечали: «Мы — реалисты. Нельзя покончить с фашизмом без помощи армии». Мы ясно видели отправные факторы обреченности фашизма — колониальная война,

сопротивление народа, и особенно молодежи, этой войне; массовое дезертирство. Да, действительно, мы вели в этом направлении большую работу — в армию призывали людей, знавших нашу правду: мы много работали среди тех, кого должны были призвать. Однако побудительным толчком к созданию Движения вооруженных сил было решение самого правительства Каэтану, которое разрешило призывникам из университетов доступ в касту кадровой армии. Военных не хватало для колониальной войны — пришлось рекрутировать молодых призывников-интеллигентов из университета. Это не могло не вызвать широкий протест учеников военных училищ. Это было началом антагонизма. Кадровые военные начали собираться — в условиях фашизма это было выступлением против закона. Эти нелегальные собрания военных оказались цепной реакцией: начали с обсуждения локальной проблемы, а кончили констатацией политического тупика, в котором оказалась страна. Тогда уже определились разные позиции: генерал Коуза утверждал, что «Каэтану слишком мягок; смуту надо подавить силой армии». Спинола говорил: «Надо найти политическое решение колониальной войны, защитив интересы португальских колонизаторов». Прогрессивные генералы и офицеры настаивали на широкой демократии и прекращении войны в колониях. Сначала, в 1973 году, в Движение вооруженных сил вошло 500 офицеров. Коуза был смещен, ибо ДВС хотело обрести более «прогрессивное лицо». Но и после 25 апреля были разные мнения: одни выступали за либерализм, как «шлюз» против социализма, другие настаивали на чистом «экономизме» — спасти финансы, которые тратились в Африке, третьи — чем дальше, тем тверже — стояли за демократизацию всей жизни. Вначале часть военных не признавала легализации компартии; не признавала право колоний на свободу и независимость — давила группа Спинолы. Только с устранением Спинолы и тех, кто его поддерживал, ДВС вышло на широкую дорогу демократии — как политическая и государственная сила.

— Следовательно, — заключает Куньял, — говорить о каком-то особом влиянии компартии на ДВС — сугубо неверно. На ДВС влияла жизнь страны.

Я показал Алваро Куньялу номер подпольной газеты «Аванте», выпущенный в 1943 году, в момент кровопролитных боев Советского Союза против гитлеровцев. Куньял долго рассматривал номер: тоненькие листочки бумаги, маленький формат — перекличка с ленинской «Искрой»: — «Прочти и передай товарищу».

— Да, это были трудные годы, — вспоминает Алваро Куньял, — но в эти трудные годы, в 1943, мы провели в Лиссабоне крупные забастовки, это был вклад трудящихся Португалии в борьбу против коричневой тирании. Я горд тем, что работал тогда вместе с секретарем Региональной организации компартии Лиссабона товарищем Альфредо Денишем; он был душой нашей борьбы, истинным руководителем бастующих. Его убили фашисты. Убили, когда он выходил из той квартиры, где была наша явка. («Кто знает, не принял ли товарищ Дениш пулю, предназначенную для Куньяла?»)

— После этой забастовки компартия Португалии, — продолжает Куньял, — стала крупной национальной партией. В условиях глубочайшего подполья мы провели конгресс. Мы взяли на себя инициативу создания «Национального движения антифашистского единства». Членами Движения стали люди, далекие от коммунизма: будущие кандидаты в президенты генерал Нортен Матуш, Руиш Гомеш; патриотически думавшие адмиралы, видные деятели науки и искусства. Мы жили нашими национальными интересами, мы жили интересами португальского народа, задавленного фашизмом. Но было бы неблагодарностью, если бы кто-нибудь стал забывать, как много помогали нашей борьбе советские люди, сражавшиеся против гилеризма. Все годы войны, с первого дня до последнего, мы посвящали четвертую страницу «Аванте» событиям на советско-германском фронте. И в горькие дни 41-го, и в грозном 42-м мы

печатали эту страницу под одним и тем же лозунгом: «СССР победит!» В бараках и домах рабочих были спрятаны карты Советского Союза; каждый день, глубокой ночью рабочие переставляли флажки по линии фронта: это было горьким испытанием в 1941 году; это было высоким счастьем в 1945-м.

(Я вспомнил свою встречу с одним из создателей Французской коммунистической партии Жаком Дюкло — пять лет назад. Я застал его под вечер в новом здании ЦК, построенном по проекту замечательного архитектора Оскара Нимейера, — бетон и стекло. Дюкло сидел у окна; был виден Монмартр, высвеченный осторожными осенними сиреневыми лучами солнца, и храм Секре Кер, воздвигнутый в честь противников Коммуны, который как бы противостоит дому ее доблестных потомков.

— Более ста лет тому назад Анри Рошфор сказал: «Во Франции 36 миллионов душ плюс душок недовольства», — усмехнулся Дюкло. — Сейчас поводов для недовольства у французов прибавилось. Хотя людям свойственна известная пассивность: «Да, верно, — говорят они, — нерешенных проблем много, но что поделаешь...» Люди привыкли вздыхать по тому или иному поводу. Мы, коммунисты, зовем не вздыхать, а бороться. С такой же решимостью, как в дни войны с гитлеризмом.

Дюкло быстро поднялся из-за стола, открыл книжный шкаф и достал большую папку с пожелтевшими маленькими листочками. Это «Юманите», подпольно издававшаяся коммунистами в годы гитлеровской оккупации. «Прочти и передай товарищу» — в конце каждого газетного листка — точно так же, как в «Аванте». Жак Дюкло нашел номер газеты, вышедший в конце ноября 1942 года. Показал заголовки: «Победа под Сталинградом! Красная Армия наступает!» Именно тогда в «Юманите» все чаще и чаще стал появляться лозунг: «Объединиться! Взять оружие! Бороться!»

Статьи Жака Дюкло, который на протяжении всего периода фашистской оккупации жил и боролся в подполье,

в те времена особенно часто появлялись в «Юманите». Мой собеседник показывает фотокопии документов, которыми он тогда пользовался: «Лебек Франсуа, родился в Бресте 5 февраля 1894 года. По профессии — администратор. Выдано 14 августа 1941 года».

На фото — бородатый, усатый мужчина, не узнаешь в нем товарища Дюкло, разве что глаза такие же — искрятся юмором, исполнены силы и спокойствия. В каждом номере «Юманите» после победы на Волге на первой полосе — сообщения с наших фронтов. Огромные шапки — «Освобождены Нальчик, Минеральные воды...»

Жак Дюкло показал мне фотографию молодого человека.

— Это Артур Далидэ, — сказал Дюкло. — Когда его арестовали гестаповцы, ему был известен адрес моей конспиративной квартиры. Но я не стал менять явку, ибо был убежден, что Артур будет молчать. Его замучили. Память о нем вечна.

Как много общего в этих двух выдающихся коммунистах — Дюкло и Куньяле, как много в их героической судьбе объединяющего, гордого, честного...)

Алваро Куньял снова возвращается к положению Португалии сегодня.

— Посмотрите кстати, — советует Алваро Куньял, — последний нелегальный номер «Аванте». Он вышел в апреле 1974 года, за несколько дней до победы народа. В передовой, на первой странице было написано: «Оппозиция колониальной войне и режиму Каэтану проникла не только во все слои общества, но и в армию. Ныне правительство уже не может рассчитывать на вооруженные силы». Мы чувствовали жизнь страны, мы жили ее чаяниями и надеждами. Мы ждали, каждый день ждали. Действительно, в какой другой стране было сто тысяч дезертиров, не желавших воевать в колониях?! Через несколько дней после выхода последнего нелегального номера «Аванте» Движение вооруженных сил сбросило фашизм.

...Таковы были анализы Куньяла, ЦК. Помните сороковой год? Статью «Единство»? Помните четвертую полосу «Аванте», октябрь 41-го: «СССР победит!» Помните «Национальное движение антифашистских сил в 1943 году? Помните прогноз на восстание вооруженных сил за несколько дней до победы 25 апреля 1974 года?

Именно поэтому я хочу привести последний майский анализ обстановки в Португалии, данный ЦК Компартии Португалии: «если коммунисты и социалисты сформируют общий левый блок, они получат в Ассамблее 146 голосов из 263. Это будет надежной гарантией против реакции, это будет путь в демократию».

Спрашиваю товарища Куньяла о левацких партиях.

— Видите ли, — отвечает он, — что касается групп, выступающих против нас, против левого единства, я бы провел определенное разграничение. Например, МРПП, так называемые «марксисты-ленинцы», «АОК — явно фашистские группы, которые финансируются ультраправыми организациями, связанными с ЦРУ.

Что стоит подчеркнуть — политиканы в чисто левацких партиях и группах — отнюдь не обманутые люди. Это вполне убежденные антикоммунисты, стоящие на позициях политического экстремизма. Всякий экстремизм в наши дни — будь то левый или правый — служит авантюристам, безответственным авантюристам. И в этом залог обреченности такого рода провокаторских групп.

Встреча с человеком, подобным Куньялу, наполняет тебя зарядом творчества; его мысли объемны, слова лаконичны, диалог рапирен. Такой он всегда и везде: в первом Учредительном собрании, на встречах с рабочими, в мастерских художников, на заседании ЦК, среди крестьян. Такой он и в эти дни — в первомайских колоннах левого большинства Португалии, — выступивших на этот раз общим фронтом против реакции.

Позвоните домой, скажите, что вернусь через неделю».

...Через два месяца я снова летел в Лиссабон.

— Торопиться некуда, — сказал приятель в Париже. — Президентские выборы — это не выборы в Ассамблею Республики. Как писал ваш Бабель, между этим «две большие разницы». Личность — не партия.

— Ты склонен забывать проблему национальной психологии, — ответил я. — В горячем латинском мире личность имеет значение; там склонны персонифицировать политику.

— Тогда считай, что она персонифицирована на ближайшие четыре года — неужели ты сомневаешься в победе Эанеша? Или коммунистическая дисциплина обязывает тебя уповать на победу Октавио Пато?

Я не стал вдаваться в дискуссию о коммунистической дисциплине — не переубедишь: мой приятель — старый голлист. Интересовало меня другое: поскольку наряду с Эанешем свою кандидатуру выдвинули два «беспартийных» военных — адмирал Пинейру ди Азеведу и майор Отелло Сарайво ди Каравалью, выпущенный из тюрьмы для проведения своей предвыборной кампании, — какая партия из «президентского» блока окажется самой надежной, какая отдаст большее число голосов Эанешу, какая, наоборот, расколется и пойдет либо за Азеведу, либо за Каравалью. Это, видимо, не сможет не наложить отпечаток на будущую работу кабинета. Что же касается выдвижения кандидатуры члена Политкомиссии ЦК ПКП Октавио Пато, которого, кстати говоря, помогал защищать в фашистском суде Марио Соареш, то здесь все понятно.

— Мы знаем, на что идем, — сказал товарищ Алваро Куньял, когда мы встретились накануне выборов. — Мы получаем возможность развернуть предвыборную кампанию, чтобы еще раз объяснить трудящимся свою платформу. Мы — сторонники научного социализма. Это необходимо объяснять постоянно, ибо удары против нас направлены с двух сторон: как со стороны пекинских демагогов, так и со стороны правых антикоммунистов.

...В Лиссабоне — влажная, устойчивая жара. Даже ночь не приносит прохлады. Небо — бесцветно, словно бы пропылено песчаным зноем. Сегодня, однако, люди не отправились после работы на пляжи: все ждут сенсации. Адмирал Пинейру ди Азеведу заявил, что он хочет встретиться на ТВ с другими кандидатами в президенты, чтобы «дезавуировать» Эанеша, который, по его словам, «не имел никакого отношения к революции 25 апреля 1974 года». Когда об этом было объявлено, выступил один из капитанов:

— Видимо, адмирал не совсем здоров в психическом плане. Ему следовало бы делать публичные заявления в минуты просветления, а не в состоянии душевного кризиса, который все более и более угрожающе влияет на здоровье нашего премьера.

«Лиссабон. Семенов: АПН, Москва. Принято по телефону.

Первый раз я прилетел в Лиссабон два месяца назад, в дни выборов в Ассамблею Республики. Город тогда был подобен громадной сцене, где разыгрывалось действо, исполнителями которого были не актеры — весь народ. Накал борьбы тогда был невероятен; миллионы листовок, словно снежные хлопья, укрывали улицы; до поздней ночи грохотали сотни мегафонов, установленных на крышах пропагандистских машин четырех ведущих партий; схватки между левыми и правыми редко кончались миром — вмешивалась армия.

Нынешняя кампания проходит в совершенно иной обстановке: пресс-центр Гюльбекяна, где два месяца было аккредитовано около 2000 журналистов со всего мира, почти совершенно пуст; Лиссабон засыпает к двенадцати часам — как и в обычные дни; предвыборная кампания носит характер скорее аналитический, чем эмоциональный, если, конечно же, не считать предстоящей схватки на ТВ трех военных кандидатов: гражданский, Октавио Пато, стоит в стороне — он обсуждает программу и дискутирует платформу

конкурента, но не личность; джентльменство — прежде всего. Однако позиция Пато — исключение : люди адмирала Пинейру ди Азеведу сейчас «подогревают» обстановку, сообщая, что выступление их кандидата будет сокрушительным: «После тех фактов, которые Азеведу откроет, Эанешу не оправиться». Эанеш заявил о своем намерении ответить нации — не Азеведу. «Я ответственен перед португальцами, — сказал генерал, — я буду говорить с ними, а не с адмиралом». Впрочем, ожидается, что Эанеш будет подвергнут удару не только со стороны Азеведу, но и со стороны тридцатисемилетнего Отелло Сарайво ди Каравалью, который был «в фокусе» внимания, начиная с первых дней революции 25 апреля. Он стал потом руководителем КОПКОНа, одним из трех (наравне с президентом Гомешем и премьером Гонсалвишем) лидеров португальской революции — вплоть до 25 ноября 1975 года, когда он был снят со своих постов, а после того, как отверг предложение уехать послом в любую европейскую страну или военным атташе в Мозамбик, арестован, провел 44 дня в тюрьме, был выпущен без права проживания в Лиссабоне, а сейчас — и то лишь на время кампании — обосновался в своей штаб-квартире на авениде Дефенсорес де Чавес.

Однако Его Величество Случай смешал все карты. Я находился в штаб-квартире Отелло, когда раздался телефонный звонок. Бородатый «капитан», один из тех людей ультралевой УДП, которые составляют костяк «мозгового центра» опального лидера КОПКОНа, выслушал первые слова, закрыл трубку ладонью и шепнул мне:

— Азеведу при смерти!

Случилось, воистину, непредвиденное. Пинейру ди Азеведу проводил в Порту пресс-конференцию. Она была довольно тяжелой: вопросы, которые ставили журналисты, связанные с МРПП, были беспощадными и возмутительными по своей бестактности — можно и нужно отстаивать своего кандидата, но зачем же при этом пользоваться недозволенными приемами по отношению к конкуренту?! Я да-

лек от того, чтобы симпатизировать Азеведу, но с точки зрения журналистской этики в Порту происходило нечто из ряда вон выходящее. Тем не менее адмирал держал себя достойно, спокойно, — внешне во всяком случае, — дал ответы на все вопросы, сел в машину, и здесь у него случился инфаркт. К счастью, жена, не растерявшись, начала делать ему искусственное дыхание. Врачи госпиталя «Сан Жуан» поставили диагноз: паралич сердца и дыхательных путей. Адмирала отправили в камеру реанимации. Журналисты атаковали медиков: «Выживет ли?» Вопрос ставили громко и открыто — рядом стояла жена адмирала и улыбалась: по неписанному этикету Португалии на людях нельзя плакать — как бы плохо тебе ни было. Всем, знающим «выборный закон», было, тем не менее, понятно, отчего журналисты, затолкав врача в угол комнаты, требовали определенного ответа: если один из кандидатов в президенты умирает, тогда в с я предвыборная кампания начинается сначала, и выборы — соответственно — переносятся, по крайней мере на два месяца. Что может произойти за два месяца — одному богу известно, а страна устала: третьи выборы за два года.

— Мы резервируем точку зрения медицины о здоровье адмирала, — ответил профессор, поглядев на жену Азеведу, которая по-прежнему улыбалась: на ее мучнистом лице эта страшная улыбка казалась античной гримасой горя.

До выборов осталось всего трое суток. Штаб адмирала заявил, что кандидатура Азеведу снята не будет: лишь снятие кандидатуры может гарантировать стабильность предвыборной кампании.

Генерал Эанеш немедленно отозвал с ТВ программу, подготовленную им против Азеведу — «в знак воинской солидарности». То же сделал Каравалью.

...Анализируется ход предвыборной борьбы, можно сделать вывод: Октавио Пато — в отличие от Отелло и адмирала — ни разу не подвергал «личностной» критике «фаворита». Речь идет о дискуссии с программой генерала, а не

с ним — персонально; все наблюдатели отмечают достоинство и корректность Пато.

— Всеохватность программы Эанеша, — сказал мне один из ведущих лиссабонских политических аналитиков, — озадачивает избирателей. Учтите еще и то, что после пятидесяти лет фашизма народ ринулся в горнило политической борьбы, но сейчас наступает реакция на тот страшный темп, который мы взяли сначала. К новым скоростям следует привыкнуть.

В это воскресенье фавориту надо собрать более 50 процентов голосов — тогда Эанеш станет президентом Республики. Рискну высказать предположение, что победу одержит именно Эанеш: блок трех партий — социалисты, НДП и СДЦ (о МРПП не говорю — шавки) — надежно подпирает его. Важно и то, что во всех своих выступлениях Эанеш подчеркивает, что свою роль он видит в главном: в неукоснительном соблюдении конституции. А конституция в Португалии социалистическая. Единственная в Западной Европе».

Несмотря на болезнь адмирала Азеведу — состояние его по-прежнему сугубо тревожное — предвыборная кампания набирает темп. Генерал Эанеш сегодня побывал на фабриках лиссабонской промышленной зоны — в КУФе, СТТ, что на Праса ду Комерсио, СРЖЕ; встретился с коллективами министерства финансов, беседовал с крестьянами в Вилла Франка де Ксира, Торрес Вердес и Вилла Верде-е-Куелус.

Октавио Пато находится на Севере: провел небольшие митинги в Чавесе, Вилла Реаль и Ковилья. Сегодня вечером товарищ Пато возвращается в Лиссабон: на стадионе имени Первого мая состоится большой митинг коммунистов. Отелло Каравалью так же на Севере — днем у него митинг в Виана ду Коштелу, ночью — в Браге.

На митинги Отелло приходит множестов людей: он говорит «языком 25 апреля», речи его зовут к немедленному «разворачиванию» революции: «Партии мешают объедине-

нию нации, трудящиеся должны взять в свои руки все рычаги власти!» Каким образом? Здесь, однако, любят зажигательные слова — таков уж характер народа. А Португалии не слова нужны, а план действий, особенно в сфере экономики.

...Только что у нас в пресс-центре стало известно: майор Мелу Антунеш, член Революционного Совета и министр иностранных дел, утвержден Председателем Конституционной комиссии, в обязанности которой входит наблюдение за работой парламента, за тем, сколь будет конституционной работа будущего правительства.

Правый социалист Сальгадо Зенья вернулся из Парижа. Он сказал ребятам из «Диарио де Нотишиас», что «лишь США могут оказать помощь Португалии продуктами питания». Его прочат в новый кабинет Соареша: он, видимо, сохранит портфель министра финансов.

...Только что кончилось заседание Верховного Суда. Обсуждалось ходатайство штаба по избранию на пост президента Азеведу. Его люди потребовали отложить день выборов и начать новую предвыборную кампанию. Верховный суд проявил твердость: выборы состоятся 27 июня.

Получен приказ: вооруженные силы должны быть в состоянии полной боевой готовности.

Активизирует — причем весьма ловко — свою пропагандистскую работу СДЦ. Причем удары идут по двум направлениям: первое — «компетентность руководителей» (в первую голову экономических); учитывая громадный процент неграмотных, постоянные дискуссии — в ущерб работе; недостаток инженерных кадров делают этот вопрос злободневным. Президент СДЦ Фрейтуш ду Амарал делает реверанс: «Нас неправильно понимали, мы никогда не выступали за то, чтобы военные ушли в казармы. Однако, поскольку военные говорят о том, что они — гаранты социалистической конституции, а у нас в стране только одна социалистическая партия, то, очевидно, военные становятся невольными им-

прессарио Соареша. Вооруженным силам надо сделать выбор: либо стать на защиту демократии и смириться с гибелью социализма в Португалии, или же гарантировать однозначный социализм и похоронить всякую демократию в стране. СДЦ, если ее попросят, готова включиться в широкую дискуссию о судьбах демократии в Португалии, которая была завоевана именно военными 25 апреля 1974 года».

Поворот на 180 градусов! Вместо прежних нападок на ДВС — почтительная уважительность. «Вперед к правому консерватизму!» — такой лозунг для СДЦ, естественно, не приемлем — вывезут на тачке. Против социализма они борются т е р м и н о м «демократии». Пойдет ли этот поворот СДЦ во благо единства левых сил? Как прореагируют социалисты? Поймут ли скрытую угрозу Амарала?

(Когда я встречался с Фрейтушем ду Амаралом весной, он совершенно открыто называл тех, кого представляет СДЦ: «Невинные жертвы 25 апреля», то есть крупная буржуазия, латифундисты, «реторнадос», считай, миллион «возвращенцев-колонизаторов», знающих науку кровопролития и угнетения; правые профессора, администраторы, рантье и держатели акций. Такого рода людей в Португалии отнюдь не мало — не следует обольщаться. Питательная среда СДЦ весьма значительна.)

Встречался с руководящими деятелями НДП.

— Решились говорить с фашистами? — спросили меня собеседники не без ехидства. — Мы ведь, по-вашему, фашисты?

(Интересно, они действительно верят в наше к ним — такого рода — отношение или играют?)

— Мы говорим о вас, как об антикоммунистической партии, но вы, по-моему, и сами этого не скрываете. Мы говорим о вас, как об антисоветской партии, но вы — я читаю вашу прессу — не считаете нужным скрывать и это. Однако бывший премьер Великобритании Гарольд Вильсон, консерватор, а отнюдь не лейборист, посещал нашу страну

с официальными визитами и было договорено о ряде серьезных совместных акций. Да и президент США не испытывает нежности к коммунизму, но приходится ладить — иначе нельзя, шарик разлетится.

Мой ответ, видимо, устроил адвокатов (сколько ж их в НДП!). Разговор был весьма откровенным. Мое глубокое убеждение: НДП в недалеком будущем ждут трудные времена. У них, практически, нет программы. Они бранят коммунизм, говорят о том, что обобществление — это хорошо, но частный сектор — тоже прекрасно, а больше всего пугают португальцев тем, как тяжело культуре в социалистических странах. Это — глупо: туризм, я думаю, будет развиваться, и люди, приехавшие из Португалии в социалистическую страну, убедятся в лжи НДП: дай бог любому государству мира иметь такую систему школ, музеев, театров, университетов и библиотек, какую имеем мы. Что же касается перестраховщиков, неких «бюрократов от культпросвета» — то это разговор другой: есть у тебя гражданская позиция, твердая позиция коммуниста, патриота своей родины — победишь любого бюрократа; считать, что в нашем мире нет борьбы противоположностей — глупая и недостойная иллюзия.

Собеседники убеждены в победе Эанеша (в этом я с ними согласен). Считают, что на второе место выйдет Азеведу. Очень смеялись, когда я сказал, что, видимо, Отелло ди Каравалью займет второе место:

— Он же авантюрист!

— Но он повторяет слова португальской весны.

— А как же Октавио Пато.

(Отвечать или нет? Они ведь мои противники, они открыто злорадствуют. Нет, надо отвечать, нельзя оставлять вопрос безответным).

— Октавио Пато был в тюрьме 17 лет, его имя стало по-настоящему известным только сейчас, в ходе предвыборной кампании. Имя Отелло не сходило со страниц газет последние два года. Если бы Октавио Пато был выдвинут на пост

президента после года-двух работы Ассамблеи Республики, когда бы он заявил себя парламентарием, стоящим на страже интересов трудящихся, тогда бы я с уверенностью назвал его вторым. Сейчас — нет. Закрывать глаза на правду — не моя религия. (Я сразу вспомнил «адвокатов» из НДП, когда осенью стали известны результаты муниципальных выборов — коммунисты вновь победили — разъяснительная кампания партии во время президентских выборов принесла свои плоды).

«Лиссабон. Семенов: АПН, Москва.
Принято по телефону

Отчего-то в журналистике принято сравнивать погоду с накалом политических страстей. Поражение претендента сравнивают с «ледяным» отношением избирателей, особенно если выборы происходят осенью, когда вторжение циклона резко меняет климат страны; победу любят «параллелить» с весной.

Однако сегодняшнюю политическую ситуацию Португалии не подверстаешь к барометру, и не только потому, что метеорологи бастуют уже вторую неделю подряд, лишая телезрителей ежедневной сводки погоды, без которой нет жизни цивилизованному человеку. Невероятно сухая, засушливая жара никак не корреспондируется с обстановкой, в которой происходило избрание президента республики — особенно ежели сравнивать с недавними выборами в Ассамблею, когда называли п а р т и и, но не личность.

С утра я проехал по Лиссабону, затем побывал в Сетубале: города были полупустыми; зато роскошные многокилометровые океанские пляжи заполнены сотнями тысяч человек — ни одного свободного метра золотого песка. Избиратели пошли к урнам лишь во второй половине дня. Проголосовало 74 процента населения. Компьютерные установки, передающие в нашем пресс-центре данные избирательных комиссий, «прощелкали» первые данные в 21.00. Эанеш собрал 69 процентов. Каравалью — 12.83, Азеведу — 12.81, Пато — 5.29.

Это голосовал север Португалии. Центр и юг еще не передали данных.

После подсчета голосов в промышленном поясе результаты наверняка претерпят изменения. Особенно после того, как скажет свое слово «Красная Алентежу», район, где были организованы первые сельхозкооперативы на землях латифундистов, пытавшихся ударить в спину португальской революции. В полночь Эанеш имел 60 процентов голосов, потеряв 9 процентов за три часа. Отелло вышел на второе место — 17 процентов; на третьем — Азеведу; Октавио Пато — на четвертом. Интересно отметить следующее: в Сетубале, промышленном районе Португалии, выборы выиграл Каравалью. Он собрал там 41 процент всех голосов, Эанеш -29, Пато — 18, Азеведу — 9. В то же время в Браге генерал Эанеш получил 70 процентов, Азеведу — 22, Отелло — 11, Пато — 5.

Итак, уже в полночь стало ясно, что 14-м президентом Португалии стал член Революционного Совета Ромальо Эанеш, которого первыми приметили социалисты — мне рассказывал об этом член руководства социалистической партии Родолфу Крешпу во время моего первого путешествия в Лиссабон. Совершенно очевидно, что включение в «президентскую коалицию» СДЦ — один из поворотов «демократической игры» с целью разбить ряды социалистов. Когда назавтра после выборов я встретился с вице-президентом СДЦ Амару да Кошта, он разложил передо мной листочки с цифрами:

— Это анализ выборов, сеньор Семенов. Этот анализ очень хорош для нас, СДЦ, и невероятно плох для социалистов, которые отдали Отелло двести тысяч голосов. То есть, двести тысяч членов партии Соареша проголосовало за безответственного авантюриста Отелло. Я думаю, что президент Эанеш не может не отметить этот момент. Я не сомневаюсь, что через три-четыре месяца Португалия забудет Карвалью, как человека, лишенного организации и идеологии. Но все запомнят банкротство социалистов. Мы дали

Эанешу максимальную поддержку. Мы, и в какой-то мере НДП, хотя около половины членов партии Са Карнейру голосовали за адмирала Пинейру ди Азеведу.

— Как вы собираетесь строить стратегию парламентской борьбы в Ассамблее по отношению к новому кабинету? — спросил я.

— Постоянная оппозиция.

— Что бы ни предлагал Соареш?

Амару да Кошта на мгновение споткнулся:

— Если президент нас попросит о поддержке премьера — что ж, мы поддержим. В том случае, естественно, если предложения Соареша не будут входить в противоречие с нашей программой.

— Но вы вошли в противоречие с программами трех партий страны, проголосовав против социалистической конституции, нет?

— Мы воспользовались правом «демократической игры». И потом, мы не выступаем против всей конституции, мы оппонируем лишь некоторым ее пунктам.

Это был новый пассаж одного из лидеров СДЦ — раньше они выступали против самой идеи социализма. Время и настроения масс корректируют позицию даже такой ультраправой партии, включающей в себя большое число технократической молодежи — с одной стороны, и дремучих, привыкших к спокойствию и буржуазной «надежности» рантьеров — с другой.

Когда я встретился с генеральным секретарем НДП Са Карнейру, меня интересовал вопрос об отношении лидера этой партии, называющей себя социал-демократической — к будущему социалистическому правительству.

— Вопрос серьезен, — ответил Са Карнейру. — Мы, социал-демократы, всегда выступали и будем выступать против марксизма, тогда как Соареш не устает подчеркивать свою приверженность этой доктрине.

— Но ведь социал-демократия — детище марксизма, сеньор Са Карнейру?

— Мы отказались от марксизма в начале пятидесятых годов. Нашим духовным отцом является Бернштейн, но никак не Маркс. Словом, если для коммунистов и части социалистов аграрная реформа у ж е проведена, то для нас она е щ е не начиналась.

— То есть?

— Необходимо учесть интересы всех сторон.

— Вы имеете в виду латифундистов?

— Я имею ввиду тех, кто связан с землею, — отыграл Са Карнейру, — и кто сейчас отринут от нее. Мы — за справедливость, гарантированную законом.

— Следовательно, правительственный блок с социалистами для вас невзможен?

— Мы изучаем такого рода возможность, но сказать что-либо с полной определенностью я сейчас не могу.

Марио Соареш, который принял меня в здании ЦК, ответил однозначно:

— Ни о каком блоке с НДП не может быть речи. Мы создадим однородное социалистическое правительство, в которое могут войти независимые, принимающие нашу программу. Мы будем править страною с левых позиций. Если нас не поддержат — мы готовы погибнуть, как правительство социалистов, уйти в оппозицию. Однако мы не дадим — пока мы у власти — похоронить рабочий контроль, аграрную реформу и национализацию, которая была проведена.

— Возможность создания кабинета левого блока — коммунистов и социалистов?

— Это невозможно. В будущем — вероятно.

(«Будущее» — весьма гутаперчивое понятие. Упущенная возможность — невосполнимая категория в политике. Коли правые консолидируются, создадут единый блок — тогда может быть поздно создавать левую коалицию: правые умеют «бить поодиночке».)

— Правда ли, что вы не возражаете против возвращения Спинолы?

— Разве Спинола страшен? — Соареш пожал плечами. — Страшен спинолизм. Экс-президент изжил себя; сейчас значительно более опасны «новые правые». Они молоды, сильны и у них широкие связи с консерваторами от армии.

— И тем не менее — правительство «меньшинства».

— Тем не менее левое правительство социалистического меньшинства, — повторил Соареш.

— Сейчас настал тот момент, — сказал Октавио Пато во время нашей встречи, — когда необходимо сесть за стол коммунистам, социалистам и руководителям Движения вооруженных сил, чтобы выработать общую программу на будущее.

Это, по-моему, разумное, широкое и дальновидное предложение. Ситуация в Португалии сложная. Однородное социалистическое правительство Марио Соареша обладает в Ассамблее Республики минимальным большинством: всего 35% мандатов. В любой кризисной общенациональной ситуации Соареш может быть свален. Разность позиций — от СДЦ, представляющего интересы буржуазии, связанной с иностранными монополиями, до коммунистов, отстаивающих интересы трудящихся, — взрывоопасна. На смену партийной тактике социалистов должна прийти государственная стратегия. В противном случае социалистам будет трудно, скорее всего невозможно сохранить стабильность в стране. А после двух лет, последовавших за революцией, стабильность сугубо необходима. Фашизм сломлен, но не добит. Буржуазная среда не может не мечтать о реванше. Под словом «стабильность», произносимым правыми, видится очертание «диктатуры силы». Лишь единство левых сил может спасти Португалию от трудных и горьких времен.

Позвоните домой, сообщите, что прилечу через два дня».

Однако через два дня я вылетел не в Москву, а в Мадрид. Сенсационное сообщение о правительственном кризисе в Испании не было для меня сюрпризом: то, о чем глухо говорили в Мадриде зимой, когда я был там, свершилось — половинчатость в политике, медлительность, приверженность умеренным постулатам франкизма была чревата включением неожиданных сил.

...Утро премьер-министра Ариаса Наварры было обычным. Он имел длительное совещание с министром информации и туризма, затем принял начальника канцелярии и подписал ряд документов, связанных с деталями предстоящего осенью референдума. В час дня он был вызван королем во дворец «Зарсуэла». Аудиенция состоялась в кабинете покойного Альфонса XIII, монарха, умевшего «ударить кулаком по столу»; торжественная строгость убранства, сумрак и прохлада задали «тон» беседе. На смену той манере, которая отличала Хуана Карлоса ранее — молчаливая сдержанность и подчеркнутое невмешательство в дела, подлежащие компетенции кабинета министров, пришла другая: король Испании сухо заметил Ариасу Наварре, что он совершенно не удовлетворен тем, как проходит «демократическая реформа, долженствующая поставить Испанию в ряды объединенной Европы»; король отметил также, что подготовка к осеннему референдуму, который — в той или иной мере — должен решить судьбу монархии в Испании, никак не устраивает его. «Экономическая ситуация в стране, — заключил Хуан Карлос, — находится в невероятном положении, страна на грани кризиса, ибо стоимость жизни возросла по отношению к январю на пять пунктов, что может привести, если не принять немедленных мер, — к социальному катаклизму».

Аудиенция продолжалась двадцать минут. Говорил король — Ариас Наварра, этот «знаменосец старого режима», приведенный к присяге Франко, молчал. Когда монолог монарха кончился, Наварра попросил отставку, не посчитав нужным посоветоваться с членами кабинета. Из «Зарсуэлы»

Ариас Наварра поехал не в резиденцию, а в ресторан: там его ждал заместитель, генерал Хосе Гарсия Эрнандес, и советник Карлос Пенилья. Обед продолжался два часа и стоил четыре тысячи песет, то есть восемьдесят долларов: громадные — по испанским ценам — деньги. Из ресторана Ариас позвонил в свою канцелярию, попросил созвать Совет министров в восемь часов вечера, а сам поехал к могиле Франко, в «долину павших». Там он провел час в молитве. По Мадриду между тем поползли слухи об отставке кабинета. Министры не верили:

— Наварра пал!

— Слава богу, — говорили одни.

— Какой ужас, — вздыхали другие.

— Что теперь с нами будет, — ужасались третьи.

Наварра по-прежнему не счел нужным поставить об этом в известность своих коллег по правительству.

В восемь часов состоялось заседание кабинета. Оно продолжалось всего сорок минут. Министр внутренних дел Фрага Ирибарне вышел первым — бледный, яростный, но улыбчивый.

— Мы поговорим обо всем на пресс-конференции, — бросил он журналистам, сел в машину и, в сопровождении охраны, уехал, как и остальные министры, в американское посольство — там шел прием по случаю двухсотлетия Соединенных Штатов. На приеме один из членов сваленного кабинета поделился с друзьями своим впечатлением о прощальной речи Наварры:

— Это были слова отчаяния. Он сказал — впервые открыто, — что не в силах больше хранить верность Франко и его «заветам».

Однако назавтра король присвоил Ариасу Наварре титул маркиза и гранда Испании.

Один из моих испанских друзей усмешливо спросил:

— Не кажется ли тебе, как автору политических романов, что в подоплеке отставки Наварры спрятана такая интрига, суть которой известна двум-трем людям — и, конеч-

но же, новому маркизу — еще в ту пору, когда он был премьером?

На следующий день после того, как Ариас Наварра ушел, на бирже произошел резкий скачок — на 1,6 пункта. Значит, за спиной тех, кто задумал и провел смену кабинета, стоят могущественные финансово-промышленные группы, которые умеют слышать общественное настроение страны.

Страна уже третий день жила без правительства.

Мадрид лихорадило — все ждали того часа, когда король объявит преемника.

Журнал «Камбио-16» провел опрос общественного мнения; опрос этот в высшей мере интересен.

950 человек старше 18 лет в семи городах — Корунья, Бильбао, Сарагоса, Барселона, Валенсия, Севилья и Мадрид — должны были ответить:

1. Как Вы оцениваете отставку Ариаса Наварра с его поста? Ответили: очень довольны — 29%, достаточно довольны — 27%, мало довольны — 17%, недовольны — 12%, не ответили — 15%.

2. Какой, по вашему персональному мнению, была деятельность председателя Ариаса в период его полномочий, данных монархией: очень хорошая — 7%, хорошая — 28%, средняя — 34%, плохая — 25%, не ответили — 6%.

3. Считате ли Вы, что с отставкой Ариаса процесс демократизации Испании ускорится, сохранится таким же или замедлится? Ответили: ускорится — 43%, останется таким же — 29%, замедлится — 7%, не ответили — 21%.

4. Кого бы вы предпочли в качестве преемника Ариаса: гражданское лицо или военного? Ответили: гражданское лицо — 71%, военного — 11%, безразлично — 12%, не знаю — 6%.

5. Кого бы Вы предпочли в качестве премьер-министра? Ответили: Фрага Ирибарне — 17%, Ареильса — 23%, Лопес Браво (бывший министр иностранных дел, человек «Опус деи») — 5%, Хирон (фашист) — 1%, Руис-Хименес (лидер демократической оппозиции) — 8%.

Опрос этот в высшей мере примечателен: почти тридцать процентов опрошенных высказались в определенно «правом» стиле, либо сожалея об отставке Наварры, либо воздерживаясь от определенного ответа, а — известно — «общественный балласт» обычно поворачивает вправо, особенно в моменты политических кризисов. Примечательно также и то, что опрошенные назвали в качестве возможного премьера людей из «прежней упряжки»: никто не решился назвать н о в о г о человека, все уповали на известных уже, на тех, кто работал и с Франко и с Наваррой. Значит, «традиции привычного страха» еще очень сильны в Испании, значит, питательная среда для правых все еще существенна, отсюда — возможность путча вполне вероятна.

Кто может возглавить путч?

В один голос называют заместителя Наварры по военным вопросам; много говорят о министре военно-морского флота; считают, что франкистская авиация, летчики, воспитанные за океаном, также готовы к тому, чтобы войти в число заговорщиков. Миллионные состояния фашистов Хирона и Валькарселя будут, бесспорно, надежным финансовым подспорьем «бункера», если он с м о ж е т вывести армию на улицы. Сможет ли? Покорность, страх, а — следовательно — безынициативность, являются столпами тоталитарной диктатуры: Франко умер, но память о нем еще жива; генералы с о с т о я л и с ь под ним, под диктатором, они исповедуют слепое повиновение приказу. Значит, вопрос в том, есть ли такой человек, который сможет п е р е ш а г н у т ь ч е р е з с е б я и отдать такой приказ. Не знаю. Убежден, однако, что ныне в Испании есть люди, которые смогут открыто и бесстрашно против такого человека выступить — что бы их ни ждало за это.

В Мадриде были убеждены, что именно Ареильса возглавит новый кабинет.

Я записал отзывы ряда влиятельных общественных деятелей Испании о бывшем премьере.

Э н р и к е Т ь е р н о Г а л ь в а н, социалист:

— Считаю, что деятельность Ариаса Наварры была негативной из-за его слишком сильной связи с франкизмом.

Хосе Солис Руис, министр труда:

— Председатель устал. Он был уставшим в течение длительного времени, и это очень тяжело. Я верю в нашу систему и ее институты. Сейчас решающее слово имеет Совет королевства.

Антонио Буэро Вальехо, драматург:

— Ариас дискредитировал свою политическую деятельность.

Ньето Антунес, экс-министр флота:

— Сожалею об этой отставке.

Игнасио Камуньяс, «Народная демократическая партия»:

— Ариас несколько запоздал со своей отставкой. Сейчас надо не терять времени и сформировать представительное правительство, которое бы открыло путь демократизации.

Хосе Онето, вице-директор журнала «Камбио-16»:

— Ариас пытался демократизировать франкизм, но самая структура и ультрафранкистские силы сделали невозможной такого рода деятельность. В глубине души он и сам не верил в возможность этого. Со смертью каудильо Ариас из двигателя политической реформы превратился в ее тормоз. Его убеждение в том, что он — политический наследник Франко, его расхождения с королем и одиночество в стране, стремящейся к демократии, сделали отставку неизбежной.

Хоакин Сатрустеги, либеральный монархист:

— Правительство Ариаса полностью изжило себя. Не желая вступать в диалог с демократической оппозицией, оно зашло в тупик.

Мигель Анхель Гарсия Ломас, алькальд Мадрида:

— Сеньор Ариас выполнил очень трудную и патриотическую работу, проявил беззаветную преданность родине

и стремление выполнить долг перед страной и королем в весьма трудной ситуации. Когда-нибудь Испания оценит его заслуги.

Филипе Гонсалес, «Социалистическая рабочая партия Испании»:

— Отставка Ариаса — позитивный фактор, поскольку он символизировал исторический этап, который испанцы хотят преодолеть. Его удаление с политической арены — это устранение большого препятствия на пути политического процесса, в котором нуждается страна.

Рауль Мородо, «Народная социалистическая партия»:

— Первый шаг к демократии. Оппозиция много раз выражала необходимость этой отставки, именно социалисты. Отставка свидетельствует о большой силе общественного мнения в Испании.

Педро Пеналва, «Демократическая реформа»:

— Было большое противоречие в том, что реформистское правительство возглавлял человек, который сам не был реформатором.

Назначение сорокатрехлетнего Суареса Гонсалеса премьер-министром вызвало в Мадриде шоковую реакцию. Никто из самых осведомленных политиков и журналистов не решался назвать Суареса Госалеса, занимавшего в кабинете Ариаса Наварры пост министра — генерального секретаря «движения», председателем правительства. Ни Ареильса, ни Фрага Ирибарне в новый кабинет приглашены не были...

...В Памплону, на открытие фиесты, на прекрасный Сан-Фермин я приехал, чтобы повидать старых знакомцев. Мы встретились на Пласе де Торос, и случилось невозможное ранее: на арену выскочил молоденький паренек, вытащил из-под рубахи красное полотенце и поднял его над головой: «Амнистия!»

Трибуны «солнце» взорвались овацией. Кое-кто аплодировал и на трибунах «тень». Полиция безмолствовала.

Мой приятель усмехнулся:

— Это пункт первый. Роспуск «движения» — второй. Ликвидация франкистских профсоюзов — пункт третий. Роспуск фашистских кортесов и королевского совета — четвертый. Легализация всех партий — пятый. Проведение общенационального референдума — шестой. Выборы — прямые, равные и тайные — в новый парламент — пункт седьмой. И все это надлежит провести никому доныне не известному Адольфо Суаресу...

— Сможет?

— Если хочет о с т а т ь с я — должен. Посмотри на лица «сан-ферминцев», посмотри внимательно: они ненавидят франкизм, они жаждут освобождения. А Сан-Фермин — это Испания, разве нет?

Лиссабон — Мадрид, апрель — июль 1976 г.

(...Я то и дело вспоминал Памплону, прошлогодний Сан-Фермин и разговор с моим приятелем на Пласе де Торос о том, что предстоит сделать кабинету Адольфо Суареса, если правительство действительно намерено прислушиваться к тому, что происходит в стране.

Я вспомнил это, прилетев в Мадрид на выборы в мае нынешнего, 1977 года; я жил здесь до середины июля, наблюдая «демократический эксперимент».

Следует признать — за прошедший год Испания круто полевела. Следует признать — испанский народ своей героической борьбой за свободу вынудил правительство провести целый ряд серьезных реформ.

Объявлена амнистия. Легализованы все политические партии, включая коммунистическую. Распущены франкистские «вертикальные» профсоюзы. И, наконец, проведены — впервые за сорок лет — прямые, тайные и равные выборы в парламент и сенат. Левые силы одержали на этих выборах убедительную победу; фашисты Бласа Пиньяра, ярые последователи Фран-

ко, не получили ни одного места в парламенте — сокрушительное поражение «бункера»!

Впереди — много сложнейших проблем, которые надлежит решить: испанская экономика переживает глубочайший кризис; растет инфляция, капиталисты переводят в зарубежные банки сотни миллиардов песет, торпедируя демократический процесс, желая создать хаос, который чреват неуправляемостью.

Впереди — схватка испанского народа с правыми, схватка острейшая и бескомпромиссная.

Но об этом — в следующей книге).

СОДЕРЖАНИЕ

Франция – Испания – Андорра 7

Испания ИЮЛЬ 1974 – ФЕВРАЛЬ 1976 39

Португалия АПРЕЛЬ – ИЮЛЬ 1976 187

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭГСИ

Уважаемые читатели!
Наше издательство сообщает, что в следующих томах планируется опубликовать:

— **Горение**

и некоторые другие произведения, а также, по многочисленным просьбам читателей, выпустить дополнительными тиражами ряд ранее вышедших томов, начиная с четвертого.

Для оптовых покупателей
телефон/факс: (095)-913-8744, 446-0029

В Москве реализация книг нашего издательства осуществляется в следующих магазинах:

– **ООО «Восход»**
*Ярцевская ул., 4, метро «Молодежная», ☎ **140-2294***

– **ТОО «Тотем»**
*Минская ул., 14, метро «Филевский парк», ☎ **144-5567***

– **ТОО «Аскольд»**
*Физкультурный пр., 11/25, кор. 6, метро «Багратионовская», ☎ **148-9480***

– **ТОО ТД «Библио-Глобус»**
*Мясницкая ул., 6, метро «Лубянка», ☎ **928-8621, 928-3567***

В других городах России реализация наших книг осуществляется:
г. Армавир - ☎ (86137)-5-35-67, 5-32-65, **г. Ижевск** - ☎ (3412)-32-60-11,
г. Казань - ☎ (8432)-55-22-64, 55-00-91, **г. Краснодар** - ☎ (8612)-57-46-96, 54-53-77,
г. Набережные Челны - ☎ (8552)-58-53-53, **г. Нижний Новгород** - ☎ (8312)-33-65-05,
г. Новокузнецк - ☎ (3843)-44-71-18, **г. Новосибирск** - ☎ (3832) -11-19-08,
г. Омск - ☎ (3812)-65-24-09, **г. Оренбург** - ☎ (3532)-44-88-52,
г. Пермь - ☎ (3422)-48-35-55, **г. Тверь** - ☎ (0822)-33-52-11,
г. Тихорецк - ☎ (86196)-2-27-71, **г. Тольятти** - ☎ (8482)-34-94-57,
г. Туапсе - ☎ (86167)-2-31-12, **г. Чебоксары** - ☎ (8352)-21-00-23,
г. Ярославль - ☎ (0852)-22-48-24.

Наше издательство заинтересовано в установлении прямых контактов с книготорговыми организациями в других регионах, покупающими наши книги в Москве у посредников.

Иногородним покупателям книги высылаются наложенным платежом. Читателям, получавшим ранее наши книги по почте от других организаций и желающим получать их в дальнейшем (напрямую от издательства, без посредников), а также читателям, желающим получать книги по почте, но не приславшим нам ранее заказы, необходимо сделать предварительный заказ. Мы также высылаем ранее вышедшие тома из собрания сочинений **Ю.С. Семенова** и другие книги. Желающим получить полный каталог рассылаемых нами книг необходимо выслать в наш адрес конверт с Вашим адресом.

Заказы на книги и каталог просим высылать по адресу:

121353, г. Москва, п/о 353, Издательство "ЭГСИ"

Семенов Ю.
Собрание сочинений: т. 19.
«Отчеты по командировкам» – М.;
ООО «Фирма ЭГСИ», 1997 г. – 352 стр.

Само название этого тома говорит за себя. География его очень обширна. В книгу включены репортажи и дневники, относящиеся к многочисленным поездкам Ю.Семенова в качестве корреспондента в страны Латинской Америки, Индонезию, Китай, Испанию, Португалию.

Автор видит эти страны не как турист, а как публицист-международник, глубоко анализирующий события.

ББК 84.3Р7

Литературно-художественное издание

Юлиан Семенович Семенов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Редактор Д.О. Грошев
Художники М.Н. Шестопал, В.С. Помочилин, В.М. Беляков
Технический редактор Г.В. Жигалова
Корректор Г.Н. Грошева

ЛР № 064288 от 14.11.95 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.03.97. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага типографская № 2, Гарнитура Литературная, Печать офсетная.
Усл. печ. листов 18,48. Усл. кр. отт. 19,11. Уч.-изд. листов 15,97.
Тираж 15000, Заказ № К-1089.
117454, г. Москва, пр-т Вернадского, 62 "а" ООО «Фирма ЭГСИ».

Типография издательства «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

irtschaftsmini

1687/43

dieses Geschäftszeichen und den weiteren Schreiben anzugeben

Eilt!

Geheim!

Reichsminister für Rüstung
riegsproduktion - Rüstungsamt -
von Herrn Kapitän z.S. v. Henrici
- oVIA -

...матографа
помнят роли, сыгранные ими:
"Подруги" Зои Федоровой и
"Двое" Виктории вошли в анна-
лы искусства навсегда — как до-
кументы эпохи.

— Мама была у меня в гостях
несколько раз,— рассказала Вик-
тория. — Однако, когда я пригла-
сила ее в восьмидесятом, вскоре
после того как здесь выпустили
мою книгу "Дочь адмирала" —
отец умер в звании адмирала
флота США, — маме отказывали
в выдаче паспорта. Я обратилась
за помощью к тому сенатору, за
которого голосовала. — Брэдли.
После совещания в его штабе
мне ответили: "Если бы мама
просилась в эмиграцию, сюда, к
вам, для воссоединения семьи,
мы бы могли оказать какую-то
помощь. В ином случае бреж-
невская администрация нам от-
кажет: "Давать или не давать
выездной паспорт для поездки
в гости — наше внутреннее
дело..."

...жизни, двенадцать
...земпляров; ныне тираж
...од жизни - это и мало
...ысячи писем, поступ...
...могают нам вы...
...ы наше...
1. В
...ажни
...едоум
2. Бы
..., дел
...ское С
3. ...
...вы!
4. ...
...упники,
...е место
5. ...
...и сможет ...ть все наши эко...
...истративной Системы!"
6. ...Продолжать борьбу
...ции и взяточничества.
7. Выступать против той с е к
...ну и его банде создать камеры
...нки, Катыни, а его ученикам - п
...
...так, "Совершенно Секретно" - эт...
...а этом мы стояли и будем стоять.

...ривет свтвия от Библейского Общест
...ктеров, художников, режиссеров, ...

...ернуть "журнальный вариант"!

...откуда курсив?

...Ernsprecher: Ortsdienst Nr. 16 43 51
Ferndienst Nr. 16 41 21

...schaftsminister

...7/43

...s Geschäftszeichen und den
...eren Schreiben anzugeben

Eilt!

Geheim!

...ister für Rüstung
... Rüstungsamt -
...S. v. Henrici

...дивенчества:
...в квартиру, накор...
...и пьяница, приходящий
...юги, так и вполне прис-
...ния пропагандистской ше-
... Поэтому следует отве-
...перед самим собою, ...
...б"ективно.
...арант. Оно обязано ...
...амовыявление,- это
...розить рост заработной
...ляции (при том,
...ны на рынке - рыноч-
...ому, сколько труда
...елем в продукт) буд...
...сы,- ... могут
...ктом.
...положения?
...ос трудно ответить,
..., которые облегча...
...нивающей") стра-